

Михаил Прудников
Дальний билет

Михаил Прудников

ДАЛЬНИЙ БИЛЕТ

Михаил Прудников

Михаил Трущиков

**ДАЛЬНИЙ
БИЛЕТ**

ПОВЕСТЬ

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1983

P2
Г85

П 4702010200-052 БЗВ № 1—9—82.
068(02)-83

© Воениздат, 1983

ОТ АВТОРА

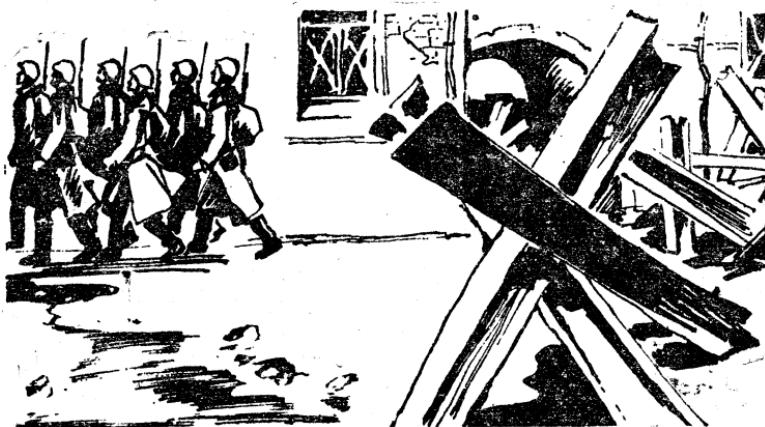
Все мои прежние книги — будь то повести о действиях партизанской бригады «Неуловимые» и ее разведчиках, или рассказы о патриотах-интернационалистах, сражавшихся вместе с нами против фашизма на полях второй мировой войны, или сборник «Совещание собирается экстренно...», посвященный послевоенным схваткам на «невидимом фронте», — все они частицы не только моей творческой жизни, но и моей биографии. Иначе говоря, берясь за перо, я каждый раз обновляю в памяти события, в которых участвовал непосредственно либо с которыми тем или иным способом был связан за время своей полувековой работы в органах государственной безопасности.

Герои новой повести тоже чекисты, выполняющие разведывательно-диверсионные задания на временно оккупированной гитлеровцами советской территории. В работе над повестью меня воодушевляла одна мысль: рассказать о тех, кто сражался во имя жизни и счастья Родины, во имя избавления от фашистского рабства народов Европы и других континентов. Их светлая и безгранична вера в торжество наших революционных идеалов, в победу над фашизмом и силами реакции — бесценное достояние, являющееся живительной силой, негасимым огнем для новых поколений. Непреходящее значение этого великого наследства возрастает в наши дни, когда воинственные силы империализма серьезно угрожают миру, делают ставку на войну в отношениях с социалистическими странами.

Повествование ведется от имени Павла Сергеевича Лактионова. Это обобщающий образ чекиста. Не названы своими именами и другие герои книги. Но все они имеют своих прототипов. Каждый из моих товарищей, оказался

в таких же чрезвычайно сложных ситуациях, действовал бы именно так, как действуют герои повести.

Десятки лет прошло с тех пор, когда совсем еще юный паренек Паша Лактионов получил свое первое предписание для прохождения службы в одной из частей войск ОГПУ. Это предписание и стало для него дальним билетом, своего рода путевкой в большую и трудную жизнь. Этот дальний билет и привел его в годы минувшей войны в один из эпицентров борьбы с гитлеровскими спецслужбами. Павел Сергеевич Лактионов и его товарищи показали образцы героизма и мужества, беззаветного служения социалистической Отчизне.

Глава первая

У СТЕН МОСКВЫ

1. Знакомство с Карлом Фрейндом

Органы государственной безопасности работали с пре-дельной нагрузкой. В НКВД СССР было создано новое специальное управление, поскольку перед чекистами встали новые задачи. Эти задачи, кроме прочего, определялись необходимостью нейтрализовать деятельность разведывательных и контрразведывательных служб врага на временно оккупированной территории Советского Союза.

Была создана чекистская часть, откуда черпались кадры для оперативных групп. К октябрю она получила название Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). Ядро в ней составляли опытные кадровые работники, подразделения комплектовались из добровольцев.

Подразделения бригады готовились к различным активным действиям во вражеском тылу, и поэтому надо было обучать личный состав умению действовать в условиях жесткого оккупационного режима.

Оказавшись, к примеру, в тылу наступающего противника, мы должны были умело организовать дальнейшую борьбу с ним, перейдя на положение подполья или партизанских групп. Учились тактике действий в различных

условиях боевой обстановки, вести огонь из любых видов оружия, в том числе и из оружия, которое имеется на вооружении врага.

Занятия продолжались. Но учеба сочеталась с проведением боевых операций, борьбой со шпионами, провокаторами, дезертирами, а также с изнурительной работой на строительстве московской оборонной зоны.

Положение на фронте осложнялось с каждым днем. Линия обороны проходила в районе Клина, Истры, Серпухова... С ожесточенными боями наши войска продолжали отступать к Москве. Появилась насущнейшая необходимость оперативных действий на оставленных нашими армиями позициях.

Батальоны особого назначения помогали отходящим армейским частям взрывать мосты, разрушать и минировать дороги — затруднять продвижение врага к Москве.

Во второй половине ноября наши войска вынуждены были оставить подмосковный город Клин. Не считаясь с потерями, враг рвался к столице. Его отборные танковые соединения, на которые он возлагал большие надежды, все еще были сильны и мобильны. На клинском направлении создалась исключительно неблагоприятная обстановка.

Приказ о срочном броске в район Солнечногорска я получил в сумерках. Через несколько минут батальон на машинах уже следовал к месту выполнения задания.

Мы с комиссаром Вознесенским занялись последними уточнениями задачи на карте. В заданном квадрате проходила дорога. Слева от нее была лощина. К ней подступал овраг. Дорогу и лощину мы наметили для минирования, расчет простой: немцы, огибая овраг, непременно попадали на заминированные лощину и дорогу. А справа от дороги на окраине населенного пункта стоял большой амбар с кирпичным фундаментом, удобный для прикрытия наших действий с фланга.

О прикрытии мы думали не напрасно — слишком мало шансов было закончить работу без столкновения с противником.

Комиссар Вознесенский вызвался с двумя бойцами занять позицию в подвале амбара.

Я знал о Вознесенском только то, что он — экономист по образованию, в предвоенные годы работал в советском посольстве за рубежом, был там секретарем парторганизации. В наш батальон пришел добровольцем.

В операциях он уже несколько раз проявил себя бес-

страшным и хладнокровным командиром, которому бойцы доверяли безгранично.

Среднего роста, худощавый, он казался моим ровесником, хотя ему было уже за сорок. Я часто ловил себя на интуитивной симпатии к Вознесенскому — есть такие люди, которым хочется верить с первого взгляда.

— Хорошо,— согласился я.— Займите позицию в амбаре.

После отдыха мы немного сбавили скорость, но уже через полчаса были почти у места. Как только вдали показался амбар, я кивнул комиссару. Вознесенский с двумя бойцами сразу же направились к амбараму.

Лощина, к которой мы подошли, имела довольно мягкий наст, что значительно облегчало работу минеров.

К сожалению, все хорошо никогда не бывает. Оказалось, что овраг слева лишь метров сто идет параллельно фронту, а затем резко сворачивает у леса и далее тянется перпендикулярно прежнему направлению. Иначе говоря, на левом фланге можно было ожидать внезапного появления противника, а этот фланг у нас не был прикрыт.

Бойцы работали четко и быстро, и наконец разбитая на квадраты лощина была заминирована. Можно было давать команду к отходу, когда мы услышали выстрелы со стороны амбара. Утренний воздух обманчив, и, может быть, стреляли где-то дальше, например в расположении соседнего батальона, который занимался той же работой, что и мы.

Надо было выяснить обстановку, но тут мы увидели, как слева из-за оврага появляются немецкие бронемашины с пехотой. Они стали разворачиваться вдоль оврага в направлении высоты с амбарам. Они еще не достигли лощины и могли прорваться к амбараму, минуя минное поле.

Был вариант встретить машины врага возле дороги — губительный для нас вариант, так как противник численностью превосходил нас в несколько раз. Пропустить же врага к высоте с амбарам означало пожертвовать группой Вознесенского.

Есть такое понятие — импульс воли. В нем умещается и единственно правильная мысль, и весь твой сконцентрированный в одном мгновении опыт, и вся ответственность за принимаемое решение. Импульс воли толкал меня связать бой прямо с минного поля. Вокруг нас таились установленные нами мины, но ведь мы-то были на «ты» с ними — конечно, при известном хладнокровии и четкости

наших действий. А для врага лощина должна была стать ловушкой. Если бы я усомнился хоть на мгновение, наверное, единственное правильное решение не было бы принято. Но в том-то и смысл импульса воли, что он помогает отмести излишние сомнения, руководствуясь главным.

Не имея времени развернуть бойцов в цепь, я скомандовал:

— По бронемашинам — огонь!

Автоматные очереди не принесли особого вреда противнику, и он, уверенный в своей мощи, тут же развернулся и двинулся на нас. Очереди трассирующих пуль прижали бойцов к земле.

Одна из машин продолжала двигаться к амбару, а остальные устремились к лощине. Отходя, мы продолжали вести огонь, заманивая врага на минное поле.

Лабиринт мин был знаком нам. Однако отступление под трассирующими пулями в предрассветной полуночью — не прогулка. И все же нам удалось не только обйтись без потерь, но и заманить вражеские бронемашины на минное поле. Они взлетали одна за другой. Пламя пожара охватило всю лощину. Враг потерял возможность не только маневрировать, но и не мог вывести уцелевшие машины с минного поля.

Я вспомнил, что одна из машин ушла к амбару, и оттуда сейчас слышался дробный голос автоматных очередей. Судя по стрельбе, бой у амбара шел отчаянный. Надо было, не мешкая, помочь Вознесенскому.

Местность была пересечена, рассвет только что наступил, пожар в лощине наверняка деморализовал врага — все это и помогло нам появиться в тылу у атаковавших амбар неожиданно.

В течение нескольких минут нам удалось уложить около двух десятков гитлеровцев, а одного взять в плен.

Однако тут произошло неожиданное. Как только мы попытались подойти к амбару, оттуда донеслись выстрелы, и двое бойцов были ранены.

Где Вознесенский? Кто ведет огонь из амбара?

Укрывшись за земляной насыпью, я приказал доставить пленного. Тот долго не мог говорить и только закрывал лицо руками. Наконец он объяснил, что в амбар со стороны овина прорвались немецкий обер-лейтенант и два солдата, и теперь с одной стороны амбарного подвала были наши, с другой — немцы.

Мы были в нескольких десятках метров от амбара.

— Вознесенский! — крикнул я, надеясь, что комиссар меня услышит.— Николай Николаевич!

Ответа не было.

— Вознесенский! — громче повторил я.

Неожиданно из амбара донесся ломаный русский голос:

— Я плохо слышал. Как звать Вознесенский?

— Кто говорит? — крикнул я, недоумевая.

— Как звать Вознесенский? — снова спросили из амбара.

Я решил ответить:

— Николай Николаевич.

— Где Николай Николаевич,— тщательно выговаривая слова, спросили из амбара, — арбайтен... работал... до войны?

— Зачем вам это? — Я раздумывал и хотел выиграть время.

— Он работал... Австрия... Вена... Посольство Советский Союз?

Информированность собеседника была совсем уж поразительной.

— Кто вы? — крикнул я.

— Работал? — наставили из амбара.

«Черт с ним! — подумал я.— Никуда он не уйдет с этими сведениями. Забросаем ту половину амбара гранатами и навсегда отшибем у него память».

— Да! — крикнул я.

Несколько секунд была тишина, а после нее раздались две короткие очереди, и снова стихло.

«Нет,— уговаривал я себя,— это он не с Вознесенским расправился. Он до Вознесенского не добрался. Иначе бы им не нужно было атаковать амбар».

— Эй! — крикнул я.— Что там у вас?

— Мне надо помочь! — глухо ответили из подвала.
«Нé ловушка ли это?» — подумал я.

— Надо помочь! — повторили громче.— Николай Николаевич,— снова донеслось из амбара,— очень ранен.

Я высунулся из-за укрытия и увидел, что из того окна, которое было занято Вознесенским, выглядывает молодой красивый человек в форме немецкого обер-лейтенанта.

— Почему стреляли? — спросил я.

— Я таким образом давал знать о себе,— спокойно ответил обер-лейтенант. — Нужно было помочь мне.

Мы побежали к амбару, из подвала которого немец

вытаскивал тяжело раненного Вознесенского. В одной половине подвала лежали погибшие при штурме амбара наши бойцы, в другой — убитые немцы.

Вознесенский открыл глаза, и я склонился над ним.

— Это Карл Фрейнд,— сказал комиссар, потом он с трудом перевел взгляд на обер-лейтенанта, чему-то удивился, тут же поморщился от боли и, теряя сознание, повторил: — Это Карл Фрейнд.

2. Парад на Красной площади

Ожесточенные бои на ближайших подступах к Москве продолжались. На защиту Родины встали и регулярная армия, и народные ополченцы, и чекистские подразделения.

Поэтому меня крайне удивил приказ, по которому наш батальон отзывался с передовых позиций на московские квартиры. Особенно странной казалась та часть приказа, где от нас требовали заняться строевой подготовкой.

— Война не парад...— пожимали плечами бойцы. Хотя приказы начальства не обсуждают, в душе я все же соглашался с бойцами.

Мы даже и подозревать не могли, что в приказе речь шла действительно о параде. Скажи нам кто угодно, что готовимся пройти церемониальным маршем по Красной площади 7 Ноября, не поверили бы! Это представлялось нам абсолютно невозможным в ситуации осени сорок первого года.

Но чей-то великий ум заглядывал вперед дальше нас.

Ноябрь начался морозом и снегом. Белой крупой было в лицо, ветер холодил стволы винтовок. Индевели провозимые по улицам дирижабли ПВО. Дубели асфальт и земля, мороз прихватывал окна. Стали заметнее приклеенные на них полоски бумаги. Сопротивлялась холоду река, но у берегов лед уже сковал ее.

Угроза Москве надвигалась быстрее, чем зимние холода.

А мы маршируем по ночной столице, вбиваем резиновые каблуки в каменную землю. Усиленно занимаемся строевой подготовкой в то время, когда на фронте дорог каждый человек.

И наконец приходит приказ: 7 Ноября, в день 24-й годовщины революции, мы выходим на передовую. Но вы-

ход будет необычным — он начнется на Красной площади парадом!

Небо дышало холодом. Сквозь серую мглу изморози башни Кремля проступали торжественно и гордо. От Мостоврецкого моста до Исторического музея протянулись воинские колонны.

В этот день два раза наступала такая тишина, которую я никогда больше не слышал в своей жизни, а может быть, сама Красная площадь не знала ее ни до этого дня, ни после.

Первый раз она установилась в те минуты, когда из ворот Спасской башни для принятия рапорта командующего парадом генерала П. А. Артемьева выехал на белом коне Семен Михайлович Буденный.

Второй раз она наступила, когда над Красной площадью зазвучали слова исторической речи Иосифа Виссарионовича Сталина.

Мне казалось тогда, что я не только пережил это прекрасное и полное высшего мужества утро, но и оценил его огромное значение для всей нашей армии, для всего нашего народа. Прозвучавшая в речи И. В. Сталина уверенность партии и правительства в том, что враг неизбежно будет разгромлен, слилась с нашей личной уверенностью в победе и удесятерила наши силы.

Колонны парада уходили с Красной площади на фронт, где и наш батальон ждали истекающие кровью бойцы под Клином. Снова были короткие вылазки во вражеский тыл, снова шла невидимая война с маскирующимися фашистскими агентами.

В условиях тяжелейших боев под Москвой само собой получалось, что важнейшей своей деятельностью мы считали боевую. Каждый отзыв наших товарищес с передовых позиций воспринимался с определенной долей досады. Однако приказ есть приказ, и вот руководители батальона приглашены к начальнику управления органов госбезопасности.

3. Задание особой важности

Чтобы не гадать, зачем нас вызывали, я пытался отвлечься анализом обстановки на фронте, принимался рассматривать Петра Захаровича Порадельникова, хотя с закрытыми глазами мог представить себе его невысокую суховатую фигуру, взгляд, манеру улыбаться и говорить.

С таким же успехом я мог смотреть на третьего вызванного вместе с нами — на Игоря Борисовича Безгина, комиссара батальона, который сменил находившегося на излечении в госпитале Вознесенского.

Игорю Борисовичу тридцать лет, он рыжеват, худощав. Впрочем, мы все теперь худощавые. В прошлом Безгин — токарь, потом — политработник. При выходах за линию фронта он идет замыкающим, чтобы поддержать уставшего, не допустить отставания.

Бойцы привыкли к тому, что в словах этого общительного человека чувствуется уверенность и ясность, которые передаются им.

Мимо нас в кабинет начальника управления прошли несколько военных и штатских. Мы поднялись, поприветствовали старших офицеров и снова сели.

Я стал думать о том, что принципиальные, сердечные отношения командира и комиссара в значительной степени определяют боеспособность подразделения. Тактичность и здравый ум Игоря Борисовича помогали нашему единодушию при решении самых различных вопросов.

Порой мне не хватало и Вознесенского. Наверное, потому, что мы крепко сдружились с ним, а военная дружба — это особая, ни с чем не сравнимая.

Я помню, с какой радостью встретился под Москвой с Владимиром Владимировичем Бойко. Мы обнялись и, не имея времени на долгую встречу, произносили какие-то слова, смотрели друг на друга, улыбались, и этого было достаточно, чтобы несколько дней после этой случайной встречи чувствовать себя ободренным, приподнятым.

Наконец нас пригласили в кабинет. Начальник управления, молодой генерал, поднялся нам навстречу, жестом остановил рапорт:

— Знаем, знаем. Всех знаем, потому и вызвали.

Я видел генерала лишь несколько раз, и всегда он напоминал мне томского краскома, который выписал мне когда-то дальний билет, хотя внешне у них не было ничего общего. Но и у того, и у другого мелькала в глазах живая и умная доброта — такая деталь может перевесить все внешнее несходство.

— Садитесь, товарищи, — пригласил генерал и отре-комендовал нам находящихся в кабинете представителей ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ и офицеров генштаба.

Все они были предельно уставшими.

— Расскажите о себе,— неожиданно попросил меня генерал.

Я стал рассказывать о родителях, о комсомольцах Ново-Покровки. Партийные руководители слушали заинтересованно, но все же я постарался быть кратким и вскоре замолчал.

— Товарищ Лактионов,— сказал мне генерал,— вы назначены командиром специального отряда, которому поручено особое задание.

Я поднялся.

— Сидите, сидите,— кивнул генерал.— А то вам долго стоять придется. Разговор у нас длинный. Товарищ подполковник,— обратился он к офицеру генштаба,— изложите капитану Лактионову обстановку.

Седоватый подполковник положил на стол ладони — наверное, это было его привычкой, чуть-чуть откашлялся.

— С первых дней оккупации,— начал он,— местное население в тылу врага оказывает фашистским властям активное сопротивление. В одних районах оно было заранее подготовлено, в других возникло стихийно. Мы придаём чрезвычайно важное значение организованному партизанскому движению. Пока оно налажено не лучшим образом. На оккупированных территориях против народа действуют не только фашистские войска, но и специальные разведывательные органы. Партизаны не имеют опыта противостоять им. Нужна помочь органов государственной безопасности. Для этого в тыл врага направляются отряды чекистов. Вашей задачей будет прежде всего разведывательно-диверсионная работа, получение секретных сведений о противнике.

Генерал посмотрел на представителей ЦК партии. Один из них — немолодой, красивый мужчина с густыми седыми волосами — заговорил глуховато:

— Своим опытом, своими знаниями вы поможете населению включиться не в стихийную, а по-боевому организованную борьбу с оккупантами. Мы уверены, что под руководством местных подпольных райкомов партии вы успешно справитесь с этой задачей.

Инструктаж продолжался еще некоторое время, а потом ударило, как током:

— Товарищи, прошу сдать партбилеты.

Это был установленный порядок, мы знали о нем, и все же сказанное застало меня врасплох. Наверное, вот так в последний момент при прощании человек осознает

разлуку, хотя готовился к ней загодя. Вот так же, входя в отчий дом после многих лет отсутствия, по-особому осознаешь любовь к родному очагу.

Рука потянулась к карману, пальцы уже ощущали твердую обложку партийного документа, как вдруг почувствовал — перехватило дыхание. Захотелось на секунду закрыть глаза — словно наедине остался с партбилетом. Словно с ним, как с живым, надо было помолчать чуть-чуть. Если мгновения умеют останавливаться, то это было то самое мгновение.

И снова услышал я обычную в таких случаях, но всегда волнующую фразу:

— Ваши партийные билеты будут храниться в Центральном Комитете партии.

Представители ЦК и генштаба попрощались и вышли из кабинета начальника управления.

— Так, так,— сказал генерал.— Ну а теперь давайте поговорим подробнее, в чем смысл вашего задания, почему оно особое.— Он сел в жесткое кресло за свой стол, осмотрел нас по очереди, подумал немного и продолжал:— Суть задания вам уже известна. Но кроме основной работы вам придется решать сложные задачи по нейтрализации деятельности абвера и гестапо в вашем районе. Что конкретно я имею в виду? На оккупированной территории идет не только открытое насилиственное порабощение населения. Там ведется и тайная война против него. Дезинформация, внедрение вражеских агентов в подполье, создание лжепартизанских отрядов, терроризирующих населенные пункты и подрывающих доверие людей к народным мстителям. Не говоря уже о подготовке и заброске диверсантов и шпионов в наш тыл. И это далеко не полный перечень акций гестапо и абвера. Надо признать, что их действия зачастую эффективны. Бывает и так, что отдельных пленных отпускают на все четыре стороны. Иди, мол, рассказывай о том, сколь благородны они, гитлеровцы. Здесь и привлечение к себе на службу не только предателей, но и запуганных, одураченных, нестойких. Во всем этом надо разобраться, уметь разоблачать и уничтожать не только вражеских агентов, но и выводить на чистую воду фашистских пропагандистов, раскрывать их коварные приемы. Ваш опыт борьбы с вражескими элементами должен стать достоянием сотен, тысяч людей.— Генерал сел со мной рядом, сбоку стола, и продолжал: — Ваш псевдоним с сегодняшнего дня — Сибиряк. Шиф-

ровки в Центр на имя Андрея, то есть мне, будете шифровать сами. Шифр вам дадут надежный. Для обычных телеграмм пользуйтесь шифром радиста.

— Ясно, товарищ генерал.

— Пароль для связных: «Читали сегодня «Новый путь?» — «Там есть что-нибудь интересное?» — «Прочтите статью на четвертой странице». Запомнили?

— Так точно, товарищ генерал.

— Теперь я для вас Андрей, — поправил меня генерал с улыбкой.

— Понятно, товарищ Андрей!

— И последнее. Численность вашего отряда невелика. Но он должен разрастись в десятки раз. Не забывайте об этом с самого начала. — Он поднялся, подошел к карте, отдернул занавеску. — Идите сюда.

Я подошел и увидел, что генерал держит указку на квадрате возле Половца.

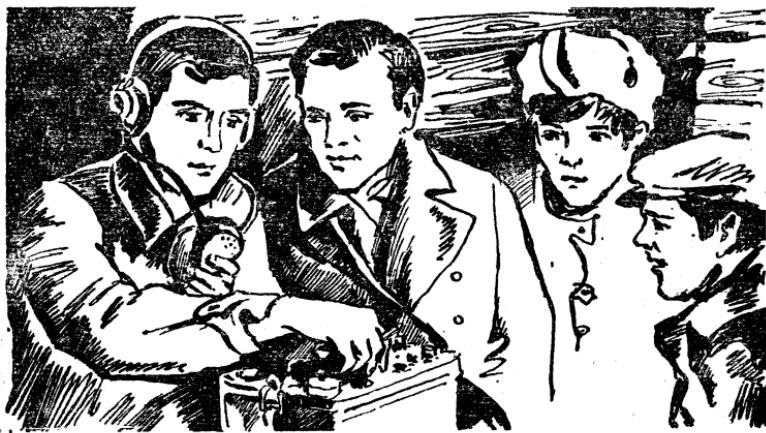
— Вот ваш район. — Он опустил указку ниже. — А вот предполагаемый район перехода через линию фронта. — Указания звучали четко, дополнительные вопросы были не нужны. Я уже собирался произнести уставное: «Разрешите идти», когда генерал неожиданно помрачнел: — Погоди, — сказал он и глубоко вздохнул. — Ты сядь-ка, Павел Сергеевич. — Он усадил меня, придерживая за плечи. — Может быть, не надо бы говорить об этом перед важным заданием. Но ведь мы с тобой бойцы-коммунисты. Правда?

— Так точно, — ответил я, понимая, что услышу сейчас что-то тревожное.

— Ты среди прибывших сибиряков брата своего Ефима Сергеевича искал?

— Погиб? — спросил я, уже зная ответ.

— Да, Паша. Под Ленинградом. — Генерал замолчал, и было в нем что-то родное, ново-покровское, сибирское.

Глава вторая ПОИСКИ ИСТИНЫ

1. Откровенный разговор

Впервые мысль о неустройстве мира пришла в голову пятнадцатилетнего Карла Фрейнда в Мюнхене, куда он в 1926 году приехал с отцом по запутанным наследственным делам.

Отец, занятый тяжбой, предоставил юного Карла самому себе, и тот целыми днями бродил по все еще не оправившемуся после войны городу, разглядывая унылые лица прохожих и полупустые колбасные лавки. Некоторое разнообразие представляли нищие, которых власти преследовали, и потому они шли на разного рода ухищрения.

Один из нищих показался Карлу особенно любопытным. Это был стоявший по стойке «смирно» солдат в форме кайзеровской армии, на груди которого висела картонка с надписью, что он герой минувшей войны и сейчас изображает памятник самому себе, поскольку на бронзовый памятник депьги еще не собраны. К картонке была при-

креплена кружка с прорезью, и желающий мог опустить туда монету, а при щедрости и бумажную купюру. «Если человек, чтобы жить, вынужден становиться памятником самому себе, — подумал Карл, — то что-то в этом мире не так».

Отец, отличавшийся циничным складом ума, прокомментировал рассказ Карла о нищем по-своему:

— Наши люди никогда не будут памятниками. Наши памятники никогда не были людьми.

— Но это же ужасно, папа!

— Друг мой, — ответил отец, удовлетворенный какой-то своей победой в суде, — прекрасны лишь наши надежды.

— Какие надежды? — спросил Карл.

— Любые. — Отец расстегнул воротничок рубашки и открыл бутылку пива. — Может быть, нашему старому миру нужна новая философия.

— Или старой философии — новый мир, — в тон отцу ответил Карл, который перенял привычку родителя к каламбурам.

Однако эта шутка не осталась лишь шуткой, и время от времени Карл возвращался к ней, не умея еще ответить ни на один из своих вопросов, но и не приставая с ними к отцу. Он уже понял, что всеотрицание отца не может быть ответом.

Раздумья Карла неизбежно приводили к проблеме добра и зла. Будучи по природе своей склонным к анализу, Карл задался вопросом — что же есть добро? Много времени прошло, пока он выбрался из бесчисленных попыток дать однозначное определение этому глобальному понятию. Но выбрался не к ответу на вопрос, а к пониманию неоднозначности добра, его многогранности. Такой вывод не порадовал юношу.

Действительно, старый сосед-лавочник дядюшка Otto, добрейший семьянин и собеседник, целыми днями решал задачу, как удачнее и быстрее содрать три шкуры с покупателя. Член городской управы Крейц, слывший неподкупным, был обнаружен в постели у шлюхи. Целомудренная фрау Воннегут, как оказалось, развлекалась истязанием собственной собаки.

Выходило, что в этом мире добро прескокойно уживается со злом, а вовсе не противостоит ему.

Карл растерялся. Получалось, что в мире не за что ухватиться — надежное с виду могло подвести в любое

мгновение. Он почувствовал настоятельную необходимость обнаружить такую нравственную категорию, которая была бы нерушима.

Однажды ему показалось, что он нашел ее. Такой категорией была правда. Ведь говорящий правду отвергает любую ложь. Он не склоняет голову перед сильным и не обманывает слабого. Иначе говоря, он обладает мужеством и благородством. Общество таких людей должно стать прекрасным обществом.

Но кто такое общество составит? Оглянувшись вокруг себя, Карл с растерянностью обнаружил, что людей, исповедующих правду, в его стране очень мало. Он был далек от правильных выводов, но в наблюдательности ему нельзя было отказать.

Если разделить людей на два лагеря, думал Карл, следуя философам,— на имущих и неимущих, то они только и заняты тем, чтобы обмануть друг друга. Обманывать слабого, оказывается, выгодно. А обманывать богатого — необходимо. Согласие рабочего на кабальные условия труда, — конечно, тоже ложь. Ложь хотя бы самому себе, потому что в душе этого согласия нет. Но рабочий соглашается, чтобы не остаться без средств к существованию, — ведь отказ от условий труда означает отказ от труда вообще — никто не станет держать возражавшего рабочего.

Да ведь я сам, честно признавался Карл, живу неправедными благами этого мира и, значит, лгу. Я лгу своим попыткам найти справедливость, когда ем по утрам обязательные два яйца, поскольку какая-то часть от них, несомненно, принадлежит отцовским рабочим. Рабочие вкладывают труд в мои обеды и ужины, а я — лжец перед правдой и добром! — поглощаю их.

Может быть, поиск истины привел бы к семейному бунту, но к этому времени пришла пора поступать в университет, и все другие решения были отодвинуты на будущее.

— Ты знаешь, — сказал отец. — Я бы не советовал тебе получать образование в Берлине... и даже в Бонне...

— Почему?

— Я бы посоветовал тебе, — продолжал отец, не отвечая, — поехать в Швейцарию или в Австрию... Там прекрасные университеты. Прекрасные преподаватели. Я очень жалею, что в свое время предпочел Берлин.

Этот разговор происходил в 1930 году, и Карлу остались неясными мотивы отца, предлагавшего покинуть Германию. Но перспектива уехать из дома устраивала Карла — любящий и воспитанный сын, он не хотел ссоры с родителями в результате своих раздумий над судьбами мира.

Вена и юриспруденция надолго отвлекли Карла от его поисков и сомнений, и лишь изредка в полусерезных разговорах с приятелями, когда они за дорогим коктейлем лениво поругивали неустройство мира, принудившего Германию к аннексиям, он повторил сказанное когда-то в шутку отцом:

— Старому миру нужна новая философия.

Новая философия не заставила себя ждать, впрочем — новая ли?

В студенческих кругах заговорили о Ницше, об избранности человека, о дифференциации рас и разума, о близком мессии. Как-то само собой оказывалось, что вслед за Ницше упоминали Гитлера, заговаривали о тупике культуры, с которой не были по-настоящему знакомы, обсуждали вред образования для простого человека.

Карл незаметно для себя становился той самой надеждой нации, о которой тогда так много говорили в Мюнхене. Его и вправду можно было демонстрировать на выставках — в меру образованный, достаточно воспитанный, хорошо приемлющий «новые идеи», к тому же незаурядно красив и искренне честен в поступках. Свершившись окончательному превращению вчерашнего мыслителя, полного сомнений, в уверенного в чужой правоте благополучного обывателя помешал опять-таки отец.

В один из своих приездов в Австрию он навестил сына, и постепенно расспросы об учебе перешли на разговор об образовании вообще.

— Образование нужно для того, — с обычным цинизмом сказал отец, — чтобы потратить лучшие годы не на собственные мысли, а на чужие.

Более заботясь о легкости разговора, чем о его смысле, Карл добавил:

— Недаром говорят, что лучше не портить простого человека знаниями.

— Для кого лучше? — неожиданно спросил отец.

Карл попробовал пошутить — и не напшелся.

Отец внешне безразлично перевел разговор на бытовые темы. Но Карл, взволнованный словами отца, стал рассеян, говорил невпопад, думал совсем о другом.

— Что с тобой? — Отец улыбался. — Ты не влюблен?

— Отец, кто такой Гитлер? — спросил совсем уже не расположенный к шуткам Карл.

Старший Фрейнд тоже посеръезнел.

— Я думаю, — сказал он не сразу, — мы скоро получим ответ на этот вопрос. Но не советую тебе задавать его вслух.

«Я покрылся плесенью, — упрекал себя Карл. — Я отучился мыслить, а это самое страшное. И не просто мыслить, а осмысливать происходящее. Еще Сократ предпочитал практический опыт досужим размышлениям. А какой опыт у меня? Никакого. Я не осмыслил даже своих медноголовых приятелей, ждущих твердой руки, которая взьмет мир за горло. Я не могу сказать «для кого», когда говорю «лучше». Я не вижу, что происходит в мире. Я...»

И тут у Карла родилась одна очень правильная мысль: правду находить трудно. Никогда и никому она не давалась легко, даже Сократу, который умел подводить к истине каким-нибудь вроде бы ничего не значащим разговором.

Искатель правды должен быть настойчив, думал Карл. И мужествен. Как тот же Сократ, который с улыбкой принял чашу цикуты, поднесенную ему в награду за всю его жизнь. Страшен мир, убивающий правду цикутой.

В Германии к власти пришел Гитлер. Запылали костры из книг Толстого, Манна, Золя.

Карл, пришедший к выводу, что без мировой культуры ничего на земле понять невозможно, и в последний год набросившийся на мировую классику, сразу же сказал себе: нет, эта новая философия старому миру не нужна. Человек, поднявший оружие на мировую культуру, — или скрот, или безумец.

Он прекрасно сознавал, что этими мыслями поделиться не с кем. Легкий намек в письме отцу кончился тем, что стареющий Фрейнд примчался к сыну.

— Ты с ума сошел! — шептал он умоляюще. — Неужели ты не понимаешь, что происходит?

— Но что происходит, отец?

— Ты с ума сошел! — повторил тем же шепотом отец и вдруг заговорил так, как не говорил никогда до этого:

И потом... И потом, он спасает нацию. Он возвращает нам утраченное величие. Он — гений.

— Нас никто не слышит, отец, — попробовал остановить его Карл.

— Я требую от тебя уважения к вождю нации! — Отец говорил серьезно. — Даже дядюшка Отто вступил в партию.

— А ты? — спросил Карл.

— Я еще не думал об этом, — торопливо ответил отец и снова стал уговаривать: — Ты еще молод. Ты многое видишь в искаженном свете. Всю жизнь кто-то принимал одну культуру, кто-то другую. У нас есть Вагнер!

— Знаешь, — сказал Карл, — мне кажется, что в Берлине поняли, что зарвались. Вот и вытащили Вагнера. Но это все равно, что пригласить на тонущий корабль художника для росписи стен натюрмортами.

— Ты с ума сошел! — Отец даже всплеснул руками. — Поклянись мне никогда и нигде не произносить этого!

Карл так и не понял, чем руководствовался отец при той встрече — собственным ли страхом или страхом за сына. Старший Фрейнд вскоре умер от инфаркта, и ответить на этот вопрос стало некому.

Однако совету отца Карл внимал. Свои мысли он оставлял при себе. Внешне же он был по-прежнему идеальной надеждой нации. Даже его желание остаться в Вене после окончания университета было расценено не иначе как желание получить более выгодную службу.

«Почему я не говорю им, как я их ненавижу?» — спрашивал себя Карл. И наконец нашел ответ: потому что все, что он умеет, — это отрицать. Ему ничего было сказать миру утверждающего. Надо было найти, понять правду, и тогда он готов был заявить о ней во всеуслышание.

Правда существует, увлекаясь, думал Карл, так же, как существует сам мир. Но она необходима одним и совершенно невыгодна другим, тем, законы которых — обман и ложь. И эти последние правду прячут. Правда тверда как гранит, но ее кладут на дырявые корабли, и она тонет. Вот в чем дело — нужно создать прочный корабль. И если я создам такой корабль...

Но дальше мысли останавливались, и Карл понял почему — не хватало знаний. Не тех, которые он с блеском обретал в университете, а каких-то других, которые от него скрывают, как саму правду.

Именно тогда Карл — уже двадцатипятилетний юрисконсульт крупной фирмы и, кстати, счастливый глава маленького семейства, состоявшего из прелестных жены и дочурки, — вновь засел за те книги, которые он, казалось бы, освоил в годы учебы. Но новое, более внимательное изучение трудов выдающихся людей планеты открыло ему совершенно неожиданные истины.

Во-первых, он обнаружил, что с незапамятных времен мир всегда и безусловно являл собой две силы — угнетенных и угнетателей, меж которыми шла нескончаемая война. И с этой точки зрения представление немецкого фашизма как третьей силы выглядело неубедительно.

Никакой третьей силы не может существовать, думал Карл. Есть только капитализм и социализм, которые на данном этапе олицетворяют многовековую борьбу угнетенных и угнетателей. Не может фашизм стоять над этой борьбой — так или иначе он примет чью-то сторону. И судя по всему — сторону капитализма.

Тревожная мысль Карла шла дальше: если фашизм не может существовать без капитализма, то... То капитализм в будущем невозможен без фашизма.

Итак, сказал он себе, немецкий фашизм — это будущее всего мирового капитализма. Сожженные книги Золя и Толстого. Невозможность высказывать свои мысли вслух. Безусловное и бездумное повиновение любому начальству.

Он ничего не добавил к этому выводу, потому что многое еще не знал. Но и такой вывод его ужаснул. Особо же его взволновало то, что выбор был один: если не капитализм, то социализм. Третьей силы не существует, думал Карл. Но что такое социализм?

Он засел за книги Карла Маркса. Великий соотечественник безжалостно подтверждал его смутные подозрения относительно варварской сущности капитализма. Механизм обогащения одних и обнищания других был заложен в самой сути капиталистических отношений. И все оправдания его были не чем иным, как самой бессовестной ложью.

В тех странах, где дело еще не дошло до прямого насилия, капитализм позволял себе ходить с чистыми руками, разрешал существование искусства, философии, но... Но ведь все это — до поры до времени. Пробьет час, и те, кто сегодня обвиняет фашизм в варварстве, сами

станут варварами. По одной простой причине — потому что они капиталисты.

Ему мучительно хотелось найти единомышленников. Но, похоже, они были столь же скрытны, как он сам. И, кроме того, вряд ли их было много в той среде, где он проводил свое служебное и внеслужебное время.

На вопрос «Что такое социализм?» он получил лишь частичный ответ у классиков. Памятая слова Сократа о практическом опыте, Карл не без труда, но все же разобрался в хитросплетениях капитализма, поскольку за практическим опытом не надо было ходить далеко. Капитализм был перед ним, вокруг него и даже в нем самом.

Другое дело — социализм. Здесь опыт он мог почерпнуть только в советском посольстве, где изредка бывал по делам и на нечестных приемах.

Ему импонировали отношения между сотрудниками посольства, сами сотрудники, особенно один из них — Николай Николаевич Вознесенский. Но дружеские улыбки — еще не опыт, а на какие-либо контакты Карл не решался, хотя его все больше тянуло к ним.

После того как он начал посещать советское посольство, в жизни Карла произошел неприятный, но любопытный эпизод.

Утром выходного дня, когда Карл ползал по ковру, играя с дочкой, неожиданно зазвонил телефон. У Фрейнда было мало близких знакомств, и по выходным его обычно не беспокоили.

Трубку сняла жена, и через мгновение она позвала Карла.

— Тебя, — сказала Анна, глядя на мужа с удивлением.

Некоторое время Карл держал трубку в руке, но так и не догадавшись, кто его мог разыскивать в это утро, поднес ее к уху.

— Алло?

— Господин Фрейнд? — Мужской голос звучал подчеркнуто мягко.

— Я.

— Мы хотим встретиться с вами на деловой основе, — продолжал голос. — По телефону долго и трудно и представляться, и объясняться. Мы хотим назначить вам свидание.

— Вы можете прийти ко мне в контору, — сказал Карл. — Я принимаю с утра до полудня.

— Это не совсем удобно, — любезно объяснил голос. — Не могли бы вы сегодня прийти к оперному театру? Скажем, в шесть часов?

Первым желанием Карла было отказаться, но в интонациях звонившего человека было что-то необычное — какая-то уверенность в необходимости этого свидания, и Карл неожиданно для себя согласился:

— Хорошо. Я буду в шесть. Как я найду вас?

— Я подойду к вам, — ответил голос. — Спасибо. — В трубке раздались гудки.

— Кто это? — спросила жена.

Карл вдруг понял, что не скажет жене правды, чтобы не волновать ее. «Значит, основания для волнения есть?» — спросил он себя, а жене сказал спокойно:

— Деловое свидание.

Жена что-то говорила ему, но он думал о звонке, о его последствиях, удивлялся своей тревоге, не мог объяснить ее, решил было не ходить на встречу, но привычка держать слово взяла свое.

Прихватив на всякий случай плащ, он вышел на улицу, остановил такси и ровно в шесть был у здания оперы.

Оглядевшись по сторонам, Карл неторопливо пошел по аллее сквера и тут же увидел, как со скамейки, на которой сидела еще няня с ребенком, поднялся улыбающийся человек.

— Здравствуйте. Это я звонил вам. — Человек пошел рядом с Карлом.

— Здравствуйте, — поздоровался Карл. — Простите...

— Меня зовут Генри, — отрекомендовался человек. — Я понимаю, что вы вправе задать мне много разных вопросов, прежде чем мы начнем разговор... Присядем?

Они подошли к дальней пустой скамейке. Чувствуя беспокойство, причины которого он не мог себе объяснить, Карл отметил, однако, что Генри уверен в себе и, судя по всему, в том деле, с которым он пришел на свидание.

— Чем обязан? — спросил Карл, садясь.

— Надеюсь, мое вступление не насторожит вас, — отвечал Генри. — Мне трудно обойтись без него... Вы знаете, какое количество немецких граждан разбросано сейчас по всему миру?

Карл решил было, что вопрос риторический, но собеседник ждал ответа.

— Точными данными не располагаю, — сказал Карл.

— Речь идет не о точных данных, — улыбнулся Генри, — а о том, что это количество измеряется миллионами. Миллионы людей — это большая и реальная сила. И если исходить из того, что их настроение и взгляды на вещи несколько отличаются от тех, какие имеют сейчас место в Германии, то... Мы заинтересованы в контактах со всеми трезво мыслящими немцами.

— Вы не договариваете, — сказал Карл. — Кто вы?

— К сожалению, я не уполномочен сообщать об этом. — Генри вынул сигареты, закурил. — Скажу только, что представляю одно крупное государство, правительство которого обеспокоено положением дел в Германии и во всем мире.

— Почему вы считаете меня своим единомышленником? — спросил Карл.

— Видите ли... — Генри смотрел пристально. — Мы познакомились с вашей библиотечной карточкой. Маркс, Ленин, Толстой... — стал перечислять он.

— Гегель, Фейербах, — возразил Карл.

— У Гегеля вас интересовал логический метод, диалектика как наука о развитии общества... — Генри дружески подмигнул Карлу, словно они вели безобидный спор о пустяках. — То есть то, что взято на вооружение социалистами.

— Вы марксист? — спросил Карл.

— Это сложный вопрос, — посерезнел Генри. — Главное, что мы с вами хотим одного и того же.

— Чего? — Карл никак не мог решить, что за человек этот Генри.

— Правды.

— Цель благородная, — сказал Карл. — Но, согласитесь, методы ее достижения выглядят несколько странно... Свидание в сквере... разговор с глазу на глаз...

— К сожалению! — Генри развел руками. — К сожалению, сейчас о многих вещах говорят шепотом.

— Вы австриец? — спросил Карл.

— Я работаю в одном из посольств, — отвечал Генри. — Но у каждого человека есть не только его должностная... есть еще и долг перед человечеством, перед правдой.

«Он уверен в себе, — думал Карл. — Может быть, это как раз тот человек, которого я ищу. Долгожданный единомышленник. Он говорит о правде. Я много думал о правде. Но что-то в его глазах мне не нравится».

Мысль сбылась, и Карл вернулся к разговору:

— О какой правде вы говорите?

— Я говорю о правде вообще. — Что-то едва заметно мелькнуло во взгляде Генри — какая-то неуверенность, как у школьника, который прекрасно отвечал заученный урок и вдруг сбился на дополнительном вопросе.

— Нет правды вообще, — сказал Карл. — Есть правда для кого-то. Только тогда она имеет практическую ценность.

— Мир стоит на пороге страшной войны, — переменил тему Генри. — И виновником этой войны станет германский фашизм. Мы хотим помочь народам земли, в том числе и вашему.

— Вы враг фашизма? — спросил Карл.

— Если хотите — да, — кивнул Генри.

— Я имею в виду не только вас, но и ваше государство.

— Да. — Генри кивнул менее уверенно. Что-то в нем уже определенно не нравилось Карлу.

— А где же вы были в тридцать третьем году? — спросил Карл. — Когда в Германии громили профсоюзы?

— Вы убеждены, что имеете право обвинять меня в чем-то? — усмехнулся Генри.

— Я хочу выяснить вашу платформу, — нападал Карл. — Я хочу знать, с кем имею дело. Вы зовете меня бороться с фашизмом. Но ради чего? Если вы внимательно изучили мой библиотечный каталог, то должны понимать — я не новичок в вопросах философии и политики. И прекрасно знаю, что фашизм зачастую исповедуют те, кто на словах его отрицают.

— Я рад был убедиться в том, что вы неглупый человек, — сказал вдруг Генри.

— Благодарю за комплимент. Чем заслужил? — спросил Карл.

— Во время нашего разговора вы ни разу не признались ни в своей любви к фашизму, ни в своей ненависти к нему. — Генри внимательно смотрел на Карла.

— Кажется, я поступил правильно, — сказал Карл. — Вы были неискренни, а я осторожен.

— Может быть, при следующих встречах мы будем больше доверять друг другу? — спросил Генри.

— Эти встречи возможны лишь при одном условии, — возразил Карл.

— При каком?

— Вы должны сформулировать мне свое представление о правде. Сейчас же. Иначе — извините, я вынужден буду раскланяться с вами. И — навсегда.

— Видите ли... — Генри опять смотрел дружески, словно рассчитывал на сочувствие. — Я ведь говорю с вами не только от своего имени... но и от имени своих друзей... Кстати, мне нужно сообщить им о результате разговора. И могу признаться, что от этого результата во многом зависит их отношение ко мне.

— Передайте своим друзьям, — сказал Карл, — что есть только один способ найти во мне союзника — это убедить меня в своей правде.

— Со временем... — начал Генри, но Карл перебил его:

— Нет. Не знаю, как у вас, а у меня нет времени на выбор союзников. Лично мне они нужны уже сейчас. Итак? У вас есть что сказать мне на это?

— Мм... — Генри был растерян.

— Тогда — извините. — Карл поднялся. — Я спешу. Он зашагал по аллее, не оборачиваясь.

Через несколько дней Карлу показалось, что неожиданные и неприятные встречи становятся в этой жизни законом.

Нагловатый человек вошел в кабинет Карла и назвался Дитрихом Киршке, уполномоченным берлинской фирмы «Норма». Киршке поставил большой портфель рядом со столом Карла, позволил себе высморкаться и без приглашения сел на стул.

— Вас удивляет мой визит? — спросил Киршке.

— Пока что — нет, — сказал Карл.

— Очень хорошо! — Киршке повеселел, заулыбался. — Итак, господин Фрейнд, пора решать — с кем вы? Интересы великой Германии требуют этого. Или вы с нами — с партией и фюрером. Или... До поры до времени мы ценили ваш нейтралитет, но...

— Я всегда полагал, что на своем посту приношу пользу родине, — сказал Карл.

— Это общие слова, господин Фрейнд. — Киршке продолжал улыбаться.

«Нет уж, — подумал Карл. — Говорить придется тебе. Не зная правил игры, я не сделаю первого хода».

Киршке как будто понял Карла. Заговорил уже без улыбки:

— Великие свершения Германии требуют титанических усилий всего немецкого народа. Попытку уклониться от необходимых действий мы расцениваем как предательство.

— Доселе я ни от чего не уклонялся, — поспешил сказать Карл, решивший не упускать случая для возражения. — Хотя бы потому, что не имел такой возможности.

— Каждый немец должен искать возможность быть полезным фюреру! — высокопарно заявил Киршке.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Карл. — Надеюсь не упустить первой возможности, которая мне предоставится.

— Я могу помочь вам в этом, — заулыбался Киршке. — Наша фирма занимается сложными социологическими исследованиями. В их числе — трансформация идей фюрера в иных общественных формациях. В том числе трансформация экономических идей. Насколько я знаю, вы недавно читали лекцию для работников иностранных посольств. Тема лекции...

Он замолчал, и Карлу пришлось самому назвать тему недавней лекции:

— Юридические аналоги в международных торговых отношениях.

— Совершенно верно, — кивнул Киршке. — Я знаю, что лекция прошла блестяще. С точки зрения идеологии к ней нет никаких претензий. Но вот что нам любопытно — неискажаются ли ваши мысли при восприятии слушателями...

— Вам, очевидно, следует побеседовать об этом с ними, — подсказал Карл.

— Мы учитываем такую возможность, — согласился Киршке. — Но знаете... человек не всегда четко формулирует даже собственные мысли, а уж воспринятые... Мои коллеги обратили внимание на то, что некоторые работники посольства конспектировали вашу лекцию. Вы не могли бы... попросить у них этот конспект?

Киршке замолчал, и Карл решил сделать достаточно острый ход.

— По складу характера я не гожусь для тайной службы.

— Почему вы решили, что речь идет о тайной службе? — быстро спросил Киршке.

— Подобное предложение... — начал Карл и остановился.

— Это не праздный вопрос. — Киршке темнел глазами.

— У вас на лице написано, что вы — разведчик, — без паузы сказал Карл. — Если бы я не понял этого с самого начала, я выгнал бы вас тотчас. — Карл не дал Киршке перебить себя. — Только мое уважение к такой организации остановило меня. Однако, сколь бы я ни уважал тайную службу, сам я не пригоден для нее. Могу вам признаться — я просто трус.

Киршке постучал пальцами по столу, размышляя. Наконец он обдумал слова:

— Вы знаете, господин Фрейнд, человек очень часто заблуждается относительно своих истинных возможностей и способностей. У нас есть способы помочь человеку разобраться в себе.

— Тем не менее... — начал Карл, но теперь Киршке перебил его:

— Однако все это не имеет никакого отношения к нашему разговору и к делам моей фирмы... которой покровительствует сам фюрер. Я уже объяснил вам, зачем нужен этот конспект. И вы можете взять его под благовидным предлогом. Скажем... вы собираетесь опубликовать эту лекцию и вам нужны различные конспекты для сравнения...

— Этим я нанесу себе вред как ученому, — тут же возразил Карл. — Как вы понимаете, я не могу рисковать своим именем. От него зависят мои финансовые дела.

— Мы могли бы возместить любой ваш ущерб, — сказал Киршке.

— Подорванный авторитет ничем не возмещается. — Карл стоял на своем. — Не знаю, может быть, и здесь все определяется моим характером. Но я всегда чего-то боюсь. Нет, нет, не утоваривайте. Принцип моей жизни — осторожность и еще раз осторожность. Мой научный авторитет — это все, что я имею, все, чем я горжусь. Прошу вас понять меня правильно.

— Я представлял вас иным человеком, — сказал Киршке, поднимаясь. — Очень сожалею, что ошибся. Но имейте в виду, скоро настанет время, когда трусость будет караться, как предательство. Советую к этому дню заняться своими нервами. — Уже у порога он повернулся и добавил: — Наш разговор должен бы иметь для вас плохие последствия. Но что-то в вас трогает мое сердце. А я, как все немцы, сентиментален.

«Передо мной сидел враг, — думал Карл после ухода Киршке. — Что же получается: мой соотечественник — и мой враг. А почему враг? Неужели только потому, что он нацелился на Вознесенского? Или я заподозрил в нем большее? Да, — отвечал Карл на свой вопрос. — Я видел в нем фашиста. Любой фашист — мой враг. И все дело лишь в том, что я не опасен фашизму, а он уже опасен мне лично. Вот почему я должен был играть перед Киршке. Он не понял, что я враг ему. У этой медали есть две стороны. С одной стороны, я лгал ему. Хотя всегда считал себя поборником правды. Значит, и ложь может быть правдой, если имеешь дело с фашизмом. С другой стороны, я ведь действительно ему не враг. Что я сделал для того, чтобы стать его врагом? Да ничего! Громили шуцбунд — я узнавал об этом лишь из газет, и мое возмущение не принесло ни малейшего вреда хеймверовцам. Рождался австрофашизм, и я хоть и без внимания, но и без протеста слушал идиотские речи Дольфуса. Конечно же я не враг ему. Может быть, не надо было отказываться от предложения Генри? Может быть, это и был тот путь, на котором я стану врагом Киршке?»

На очередном приеме в турецком посольстве, где горели ароматические палочки, где разноголосица зала тонала в музыке, Карл подошел к Вознесенскому.

— Извините, мы всегда только раскланиваемся издали... Но у меня давно было желание познакомиться с вами поближе.

— Должен признаться, ваше желание совпадает с моим, — улыбнулся Вознесенский своей располагающей улыбкой.

— Нет-нет! — сказал Карл. — Это, конечно, лишь комплимент. Вы вполне обошлись бы без моего общества.

— Почему так? — спросил Вознесенский мягко.

— Здесь много ваших соотечественников — ваших друзей. Вы знаете, что больше всего меня удивляет? — продолжал Карл. — То, что я ничего не опасаюсь в разговоре с вами. Я чувствую, что могу говорить совершенно искренне. А это так редко возможно в наши дни.

— Я думаю, — по-прежнему мягко стал говорить Вознесенский, — что в принципе все зависит от самого человека. И количество его друзей. И возможность говорить друзьям правду.

Они вышли на террасу, драпированную по деревян-

ной решетке искусственными цветами, и Вознесенский предложил:

— Присядем?

— С удовольствием! — обрадовался Карл. — Я хотел бы как можно дольше продлить нашу беседу.

— Вы хотите поговорить о чем-то конкретно? — спросил Вознесенский.

— Конкретно? — переспросил Карл. — И конкретно тоже.

— О чём же?

— Что произошло в Испании? — Карл и сам не ожидал, что задаст этот вопрос.

— Не произошло, а происходит, — мягко поправил Вознесенский и замолчал.

— Разве нет в мире силы, которая могла бы урезонить нас, немцев? — спросил Карл.

— А вы как думаете?

«Нет, этому человеку надо говорить все, — решил Карл. — Только искренность может вызвать ответную искренность».

— Разве Англия, или Франция, или Америка не могут выступить против того, что происходит? — спросил он.

— Во-первых, следовало бы уточнить, что происходит, — сказал Вознесенский, и в голосе его уже не было мягкости. — Во-вторых, во всех этих странах в какой-то мере осуждают испанские события.

— Но не в достаточной, — сказал Карл. — Да? Я понимаю это. Знаете, я уже понял, что у фашизма есть только один враг — марксизм. Но тут для меня не все ясно. Мне бы надо кое-что проверить...

— Марксизм-ленинизм, — вежливо уточнил Вознесенский. — Если вы решили проверять его на мне, то имейте в виду — на мне он давно проверен. Я воспитан на нем.

И тут совершенно неожиданно для себя Карл стал рассказывать Вознесенскому о свидании с Генри, о визите Киршке.

Вознесенский слушал хмуро, затем спросил:

— Зачем вы рассказали мне об этом?

— Ну... — смущился Карл. — Ведь речь шла о русских. Хотя откровенно говоря, я не понимаю, кому и зачем нужны эти конспекты.

— Вы должны думать не об этом, — сказал Вознесенский. — Постарайтесь дать себе отчет в другом. Вас дважды пытались завербовать. Скорее всего эти попытки не

будут последними. Видите ли... в стороне оставаться тру-
дно. А судя по всему, до сих пор вы заботились именно
об этом.

— Нет, — решился возразить Карл. — У меня были и
другие думы. — Он улыбнулся и вдруг спросил: — А по-
чому не просите меня оказать вам какое-то содействие?

Вознесенский внимательно посмотрел на собеседни-
ка, тоже улыбнулся, но едва заметно, и ответил не сразу:

— Пожалуй, я должен сказать, что несколько удив-
лен вопросом и не понимаю вас.

— И больше не скажете ничего? — Карл был огорчен.

— Могу добавить, что идеиные друзья помогают друг
другу по законам справедливости. Я вам верю, и по логи-
ке — мне незачем просить вас о чем-то. Вы сами сделаете
все, что считаете нужным и возможным.

— Вот как...

— Вы завербованы самим собой, — улыбнулся Вознесенский. — Если уж пользоваться такой терминологией.

— Неужели вы правы? — спросил Карл.

К Вознесенскому подошли.

— Извините, — сказал Вознесенский Карлу. — Наде-
юсь, мы продолжим наш разговор в ближайшее время.
Шахматы достойны спокойного обсуждения. А дебют Ре-
ти интересует меня с юности. Я все-таки сомневаюсь, что
конь еб что-либо меняет.

— Думаю доказать вам обратное, — мгновенно сори-
ентировавшись, ответил Карл.

Третья попытка вербовки не повторила ни одну из
первых. На букинистическом базаре, который Карл посе-
щал регулярно, к нему подошел человек и, делая вид, что
занят прилавком, прошептал как будто бы в пространство:

— Я от знакомого вам человека.

Во фразе была одна немаловажная деталь — ее произ-
несли на русском языке, который Карл недостаточно хо-
рошо, но знал. Он не обернулся к человеку, мысленно
оценивая ситуацию. Конкретное решение не приходило,
и Карл оставил заинтересовавшую его книгу, пошел к
парапету набережной.

Человек догнал его.

— Где мы можем поговорить подробнее? — Он продол-
жал обращаться к нему по-русски.

— О чём? — спросил Карл.

— О вашей конкретной помощи Советскому Союзу.
О работе на нас.

— Я плохо говорю по-русски, — сказал Карл. — И ничего не понял из того, что вы сказали так быстро. Будьте добры, перейдите на немецкий.

— Наш человек найдет вас, — все так же по-русски ответил ему собеседник и быстро пошел по набережной.

Случайность же бытия столкнула Карла с Вознесенским несколько раньше, чем он рассчитывал. И это было очень кстати. Если бы не эта случайность, они не увиделись бы вообще, потому что через несколько дней началась вторая мировая война и Вознесенский был отозван из Австрии. А не будь этой встречи...

Карл увидел Вознесенского на речном трамвайчике, перевозящем пассажиров через Дунай. На палубе было пусто, из-за плохой погоды, и сам Карл оказался на катере случайно — повинуясь мгновенному желанию оставаться наедине с собой. Но когда он увидел сидящего у кормы Вознесенского, то обрадовался.

— Я не помешаю вам? — весело спросил Карл.

Вознесенский удивленно повернулся, увидел Карла, заулыбался:

— Ну что вы! Пожалуйста.

— Я очень ждал встречи с вами, — начал Карл. — Конь ез! — Он засмеялся, но тут же посерезнел и рассказал Вознесенскому о разговоре на набережной.

Вознесенский помрачнел.

— Враг идет на любую подлость, — сказал он не сразу. — К сожалению, не каждый находит в себе силы и умение противостоять ему.

— Я старался быть осторожным, — возразил Карл. — И не дал ему никакого повода оценить мои мысли. Но до сих пор я не нашел ни одного убедительного доказательства, что этот человек — провокатор.

— Напрасно! — жестко сказал Вознесенский. — Уже то, что он чисто говорил по-русски и отказался перейти на немецкий, дает серьезную улику. Любой работник нашего посольства по-немецки объясняется свободно. Не говоря уже о том, что он никогда не принял бы участия в такой акции. Скорее всего это какой-нибудь белоэмigrant из Франции. — Вознесенский помолчал. — Не обижайтесь, что я выговариваю вам.

— Я много думал о том, что вы тогда сказали мне, Николай Николаевич, — старательно выговорил имя и отчество Карл. — И я действительно проникся к вам, Николай Николаевич, большим уважением. Да, да! — Карл

засмеялся. — И не возражайте! Если бы не моя симпатия к вам, то, может быть, я пришел бы к тому же, но не так быстро.

— Пришли бы, — сказал Вознесенский. — И не потому, что вы встретились со мной. Вы мыслящий человек, и стремление к истине непременно привело бы вас к этим убеждениям. Но... дорогой мой Карл, вы отсюда видите только отблески фашизма. Размеров пожара вы еще не понимаете, еще не знаете всей правды. Правда Геббельса о перевоспитании отдельных элементов нации — это чудовищная ложь. Идет продолжение убийства! Жестокого убийства. Более страшного, чем завернутый в колючую проволоку труп Розы Люксембург. Потому что это убийство массовое.

— Я подозревал это, — сказал Карл.

— Подозревать мало.

— Я понимаю, — согласился Карл. — Я тоже несу ответственность за это.

— Такая мысль может завести вас далеко, — возразил Вознесенский. — Меня, например, радует, что в Германии вы не одиноки.

— Если бы... — горько усмехнулся Карл.

— Не если бы! — возразил Вознесенский. — А точно! Ишь какой претендент на исключительность!

Продолжить разговор не удалось — надо было сходить с катера.

Новое появление Киршке Карл воспринял без особого волнения.

— Теперь вы поняли, кто я? — нагло спросил Киршке.

— Кто? — Карл играл недоумение.

— Это мой человек говорил с вами на набережной.

— Со мной говорил какой-то русский. Плохо зная язык, я почти ничего не понял.

— Я — русский разведчик, — сказал Киршке.

«Спокойно, — скомандовал себе Карл. — Просто возмущение разыгрывать нельзя. Я представлялся ему трусом. Нельзя разубеждать его в этом. Лучше всего потянуться к телефону».

— Уберите руку! — крикнул Киршке, как только Карл коснулся трубки.

— А-а-а! — закричал Карл что было мочи.

— Вы с ума сошли! — Киршке бросился к нему и попытался зажать рот рукой.

— А-а-а! — вырываясь, кричал Карл, прекрасно зная, что его никто не услышит — рабочий день закончился.

— Молчать!

— А-а-а! — не унимался Карл.

— Перестаньте орать! — взмолился Киршке.

— А-а-а! — У Карла было достаточно сил, чтобы не дать Киршке дотянуться ладонью до рта.

— Вы действительно псих. — Киршке отошел от Карла и, вытирая пот, сел на стул. — Вы что, и вправду поверили, что я русский разведчик?

Карл замолчал, но старательно таращил глаза.

— Болван! — сдерживая голос, сказал Киршке. — Кто это рекомендовал мне вас как умного человека?

— Дайте мне воды, — слабо попросил Карл.

— Обойдется! — грубо отрезал Киршке и повернулся, чтобы уйти.

— Ах, обойдусь?! — Карл вскочил. — Так вот, господин Киршке, сегодня же иду жаловаться по двум адресам. Во-первых, в адрес рейхсфюрера Геббельса! А во-вторых, что тоже считаю необходимым, к канцлеру Дольфусу!

Киршке остановился, и, судя по его виду, неприятные мысли пришли в голову провокатора.

— Вы что, окончательный болван? — без уверенности в голосе спросил Киршке.

— Прощу не оскорблять! — заорал Карл.

Киршке вернулся от двери, сел на стул.

— Жаловаться на меня — безумие, — сказал Киршке.

— Это почему же?

— Благоразумнее всего нам обоим забыть об этом, — предложил Киршке.

— Вы считаете, что мои первы ничего не стоят? — теперь Карл наступал смело.

— Личных денег у меня нет, — сказал Киршке.

— Ах вот как? За свое идиотство вы предпочли бы расплачиваться деньгами рейха?

«Только не зарывайся», — ограничивал себя Карл.

— Чего вы хотите? — спросил Киршке. — Ведь свидетелей нашего разговора нет.

— Если вы так думаете, — сказал Карл, — то идите.

Но Киршке потерял нить игры и стал по-настоящему угодливым.

— Вы не должны мстить мне, — тихо сказал он. — Уверяю вас, еще не однажды смогу быть вам полезным. Я должен уйти отсюда без конфликта.

— Ладно, — сказал Карл. — А то вы и вправду доведете меня до истерики. Пойдемте.

Он вывел его через черный ход, и Киршке на прощание благодарно кивнул ему.

А потом дни понеслись, как камни с горы при лавине. Страшно стало в Вене. Страшно стало во всем мире.

В декабре сорок первого Карла призвали в армию, где ему дали офицерское звание и отправили на восточный фронт. Он старался по возможности игнорировать свои обязанности, особенно когда его посыпали в разведку, используя знание русского языка. При необходимости стрелял в белый свет.

Все чаще и чаще Карл замечал, что изучает способы перейти к русским, повернуть оружие. Но пока что такой возможности не представлялось.

Когда ему приказали обойти с двумя солдатами амбар, чтобы с тылу ударить по засевшим там советским бойцам, он машинально выполнил приказ и очень обрадовался, оказавшись в подвале и убедившись, что между ним и русскими стоит капитальная стена, — его действие было сейчас помощью русским.

Когда же подкрепление русских смяло атакующих немцев, он подумал, что вот сейчас ему придет конец, потому что в бою бессмысленно рассказывать о своих убеждениях.

Мысль о смерти не испугала Карла. Он лишь вспомнил на мгновение Анну и дочурку, но тут же привитая ему отцом грубоватость мысли проявилась в странной форме.

«Вот и хорошо, — подумал он. — Если я хочу помочь русским, я должен радоваться, что в немецкой армии одним офицером станет меньше».

Он тут же устыдился этого и сказал себе, что и сама смерть, и мысль о ней — в наказание за то, что он так и не сумел стать настоящим бойцом на антифашистском фронте.

И тут он вдруг услышал имя человека, которого не переставал помнить.

— Вознесенский! — донеслось из-за насыпи.

Карл что-то спрашивал, ему что-то отвечали, но скорее в этом участвовало подсознание. Мысли были за-

няты другим: как связаться с русскими? В ходе боя два подчиненных ему солдата были убиты. Он остался один. Создалась реальная возможность, чтобы перейти к русским. Он даже испугался того, что по каким-то причинам не сможет это осуществить. Карл быстро пополз в тот отсек амбара, где находились русские. Там он увидел тяжело раненного Вознесенского.

Нагнувшись, чтобы поднять Николая Николаевича, Карл понял, что сам он тоже ранен — что-то теплое забилось в левом боку над бедром.

«В меня попали, когда мы бежали к высоте, — подумал Карл. — Может быть, Николай Николаевич ранил меня».

2. «Вы стали храбрее»

Подробности истории Карла Фрейнда я узнал значительно позже. Тогда, у амбара, он рассказал мне ее лишь вкратце — при молчаливой поддержке Вознесенского, который пришел в себя после стараний военфельдшера Александры Павлюченковой.

Лишь в конце его сбивчивой исповеди комиссар подтвердил:

— Все правильно.

Вместе со мной и Вознесенским Фрейнда слушал Петр Захарович Порадельников. Я привык доверять опыту этого бывшего рабочего с непростой судьбой. За его плечами были трудные годы чекистской службы. В первые же дни войны Порадельников подал рапорт о посыпке его на фронт.

По натуре он был человеком вспыльчивым, но умел держать себя в руках — говорил вежливо, негромко, слушал внимательно. Меня беспокоила лишь неуместная походка педантичность в так называемых протокольных делах — при допросах, расследованиях, разбирательствах. Я с трудом мирился с его осторожностью, которая граничила со страхом перед малейшей процессуальной ошибкой.

И сейчас он подробно записывал показания Карла Фрейнда. Мне не терпелось поделиться с ним возникшей идеей, но приходилось ждать, пока он закончит.

В машине Александра Павлюченкова занималась ранеными, и я заметил, что Карл Фрейнд посматривает в ту сторону, время от времени поднося руку к бедру.

— Вы ранены? — спросил я его.

— Легко, — ответил он.

«Так, — подумал я, — ранен легко, но ведь мог потерять много крови».

— Шура! — позвал я военфельдшера. — Обработай обер-лейтенанту рану. Но не бинтуй.

Порадельников положил карандаш в планшет, снял планшет с колена.

— Петр Захарович, — сказал я, потом повернулся к Вознесенскому. — Николай Николаевич, как вы себя чувствуете?

— Терпимо, — ответил Вознесенский.

— Сможете принять участие в небольшом совещании?

— Постараюсь.

— Петр Захарович... — снова обратился я к Порадельникову. Он понял меня с полуслова.

— Но... Есть ли у нас полная уверенность в нем? — Порадельников помолчал. — Комиссар поручится за него?

— Если Карл согласится, то я ручаюсь за него, — твердо сказал Вознесенский.

— Николай Николаевич, — начал было Порадельников, но тот перебил его, повторив:

— Я ручаюсь за него.

Порадельников стал перечислять, думая вслух:

— Комиссар ручается. Фрейнд сдался добровольно. Он даже помогал раненому Вознесенскому. Мне начинает нравиться твоя идея, командир.

Я послал за Фрейндом. Он подошел, слегка прихрамывая, извиняясь за свое недомогание улыбкой.

— Если вы примете наше предложение, — сказал я ему, — вам придется не скрывать боль, а демонстрировать ее.

Едва заметная настороженность мелькнула во взгляде Карла — он как будто пытался разгадать наши мысли. Но Порадельников истолковал это по-другому.

— С самого начала, — сказал он, — имейте в виду, никто ни на что вас не принуждает. Во всем должна быть ваша добрая воля. Это наш принцип.

Карл молчал, ждал объяснений.

— Вы не понимаете, о чем идет речь? — спросил я. Он не ответил.

— Наибольшую пользу нам и своему народу вы можете принести в мундире офицера немецкой армии.

Я посмотрел в его глаза — они были искренни.

...Утро уже наступило. Бледное солнце залило ноздреватый наст. Вряд ли ледяная корка поддастся ему, значит, скольжение не улучшится и путь назад будет более трудным — с двумя ранеными бойцами и тяжело раненным комиссаром.

Проверив выполненное бойцами задание по минированию дороги, я отдал приказ получасовой готовности к отходу. Опасным было любое промедление, но бойцам нужен был отдых. Переутомление всегда может стать источником опасности. Правда, амбар стоял на высотке, господствующей над местностью, и в свете утра появление противника можно было обнаружить своевременно.

— Хорошая птица в наши руки залетела, товарищ комбат. — От дороги рядом со мной шел боец Дагаев. — С собой поведем?

— Расстреляем на месте, — сказал я.

— Так ведь он... — удивился Дагаев.

— Отставить разговоры!

— Слушаюсь, товарищ комбат! — Подчинившись, Дагаев все же пожал плечами.

Для транспортировки комиссара сделали волокушу и поставили ее на лыжи. Раненые бойцы могли двигаться сами.

Я прошел за насыпь, где оставались Вознесенский, Порадельников и Фрейнд.

— Попрощайтесь, — сказал я комиссару.

Тот попробовал приподняться, но это ему не удалось.

— Желаю удачи, Карл!

Фрейнд наклонился к комиссару, улыбнулся:

— А вам желаю быстрее поправиться, Николай Николаевич.

— Договоримся о пароле для связи, — сказал я Карлу. — К вам подойдут, скажут: «Привет, Валерий, от Сибирияка» — и снимут фуражку. Вы поправите свою и ответите: «Павла с бородой?»

— Как вы найдете меня? — спросил он.

— Мы найдем вас сами. В этом смысле вы не должны предпринимать никаких попыток. Запомните: «Привет, Валерий, от Сибирияка». — «Павла с бородой?»

Карл кивнул понимающее.

Оставив Порадельникова и Фрейнда у амбара, отряд тронулся в путь.

Через некоторое время сзади раздались три короткие очереди, и вскоре Порадельников догнал нас.

По согласованию с начальством Карл Фрейнд получил псевдоним Истинный.

Так случилось, что к населенному пункту с амбаром, возле которого был оставлен Карл Фрейнд, немцы подошли лишь через двое суток. Сорок восемь часов ожидания дались Карлу нелегко. Беспокоила рана, но более беспокоил холод, особенно по ночам.

На вторую ночь он стал впадать в забытье. Те короткие минуты, когда он, мобилизую все силы, заставлял себя вслушиваться в тишину, случались все реже.

Поэтому дошедшие до его сознания слова прозвучали неожиданно, и первое, в чём он попытался разобраться сквозь пелену боли и бреда, был язык, на котором разговаривали спустившиеся в подвал люди.

Карл обрадовался — говорили по-немецки. Случись иначе, смелый план оказался бы нереализованным.

Немецкие солдаты уже сняли одежду с убитых эсэсовцев и принялись за Фрейнда.

— Он, кажется, жив. — Голос доносился словно издалека.

— Обер-лейтенант, — констатировал другой и стал звать: — Господин обер-лейтенант! Господин обер-лейтенант!

Карлу удалось что-то прохрипеть в ответ, но сознание снова покинуло его.

Очнулся Карл на кровати, в маленькой комнате, где больше никого не было, да и ничего не было, кроме стоящего у кровати табурета со стаканом воды. То ли в комнате было холодно, то ли рана давала о себе знать — Карла знобило. Он натянул под подбородок грубое солдатское одеяло и тут же отвлекся от своих ощущений, стал вспоминать, что произошло с ним за последние дни.

«Где я? Это не госпиталь и не тюрьма — на окне нет решеток», — размышлял Карл.

Он представил себе Вознесенского, других русских. Их спокойная уверенность при последней встрече поддержала его сейчас. Он с удовольствием чувствовал, что сделанный им выбор единственно правильный и не имеет моральных изъянов.

Особую радость приносила мысль, которую Карл вообще-то пытался заглушить в себе, понимая ее не пол-

ную, что ли, убедительность. Дело в том, что он ощущал себя героем.

Оценивая поступок Карла со стороны, можно сказать, что, во-первых, Карл, пожалуй, завышал содеянное им, а во-вторых, он и представить себе не мог, сколь трудное испытание ждет его в скором времени.

Однако это несколько хвастливое ощущение было не лишним сейчас — оно придавало силы, заряжало, мобилизовывало.

Молочно посветлело за окном, а Карл по-прежнему оставался в одиночестве, снова вернулся озноб и давала знать о себе рана — легкими, но неприятными подергиваниями. Наконец за дверью послышались шаги.

Вошедших было двое. Один, судя по белому халату, врач, второй — гауптман в потертом, поношенном обмундировании, со следами усталости на лице.

— Как чувствуете себя? — спросил врач.

— Прекрасно, — ответил Карл.

Врач посмотрел на него удивленно.

— Я как будто второй раз родился, — стал объяснять Карл свое состояние. — Там, на снегу, я думал, что пришел мой конец. И вот проснулся на чистой кровати и, кроме слабости, ничего не чувствую. Разве это не прекрасно?

«Не слишком ли я разговорчив? — подумал он. — Ну что же. Может быть, так и буду вести себя в дальнейшем. Разговорчивость не вызывает подозрений. Однако придется вдвое следить за собой».

— Вы можете ответить на мои вопросы? — спросил гауптман.

— Если вы имеете в виду мое состояние, то конечно. Однако...

Но гауптман перебил Карла:

— Я познакомился с вашими документами. Из подразделения майора Кнедля в живых остались только вы.

— Это был страшный бой, — вставил Карл.

Гауптман, никак не отреагировав на его замечание, продолжал:

— Вы были в бронемашине?

— Нет, — посеребренев, ответил Карл. — По приказу майора мы атаковали группу русских, занимавших высоту с амбаром. Бой длился несколько часов. Как я оказался здесь, не знаю.

— Как же вам удалось спастись? — спросил гауптман.

— Я не спасался, — сказал Карл значительно. — Я солдат. Вы офицер боевой и должны понять меня.

— Каковы были силы русских? — спросил гауптман.

— Насколько я мог понять, русские значительно пре-восходили нас. — Карл заметил по легкому движению собеседника, что такой ответ устраивает гауптмана. — Это была хорошо организованная засада с замаскирован-ным минным полем. Я не хочу обвинять разведку, но у майора Кнедля были сведения, что русские отступили и высоту мы возьмем без боя.

— Что вы можете сказать о майоре Кнедле?

— Нелегко давать характеристику своему начальст-ву, — улыбнулся Карл.

— У вас были личные счеты с майором?

— Он чувствовал мою неприязнь. В застолье я часто не скрываю своего отношения к человеку. Он эльзасец, был скареден, раздражался моим легким отношением к деньгам.

— Вы и на фронте находили возможность расходовать деньги?

— Нет, — беспечно возразил Карл. — Это было еще в Австрии. Но и на фронте были случаи — развлекался. Впрочем, это не мешало мне воевать, — добавил он, явно хвастаясь.

— Не станем вдаваться в подробности, — миролюбиво предложил гауптман. — Буду счастлив характеризовать вас как солдата, который выполнил свой долг перед великой Германией и фюрером.

Карл не знал, что пролежал в комнате более суток и на протяжении этих суток его скромной особой были заняты сотрудники в здании, на котором недавно повесили странную для западного городка вывеску: «Отде-ление кельнской таможенной службы». Работники отде-ления носили военную форму, а некоторые предпочитали штатское платье. У них не было определенного распоряд-ка дня, но здание не пустовало даже ночью. Это было од-но из прифронтовых подразделений абвера.

Немецкая армия продолжала наступление на фронтах. И это накладывало свой отпечаток на деятельность работников абвера. Сообщение о найденном обер-лейте-нанте они встретили не с той подозрительностью, которая будет руководить ими в недалеком будущем и которая еще коснется Карла. Сейчас абверовцы были лишь по-немецки пунктуальны при выполнении инструк-

ции, требовавшей тщательного выяснения обстоятельств в подобных случаях. Сведения о героических поступках требовало ведомство Геббельса, которому аввер время от времени поставлял кандидатов на первые полосы армейских газет. Карл Фрейнд с точки зрения сотрудников отделения мог стать одним из них.

Хуже других в этот день был настроен гауптман Розен, для которого перевод в прифронтовое отделение был полуоскорблением. И хотя влиятельные друзья старались затушевать недоразумение, возникшее с ним после очередной сомнительной истории в Праге, но каждый день пребывания в этой, как говорил гауптман, «русской дыре» был для него нестерпим. Могло ли появиться у него желание помочь кому-то стать героем? Возражая сослуживцам, он сам вызвался провести допрос обер-лейтенанта.

Начало разговора с Карлом совсем разозлило его, даже комплимент обер-лейтенанта, который Розен считал заслуженным, хотя и не бывал на фронте, лишь раздражил гауптмана. Но поведение раненого чем-то неопущимым нравилось Розену — казалось, что если не в бою, то в увеселительных заведениях они могли бы найти общий язык.

— Если начальство представит вас к награде, то вы получите право на отпуск, — довольный ролью благодетеля, сказал гауптман Карлу. — Где бы вы хотели провести его?

— Конечно, в Берлине, — сказал Карл. — Тем более что сейчас там моя семья.

Но Карлу не удалось повидать семью. Более того, благополучно начавшаяся история стала странно трансформироваться. В первые дни непродолжительного лечения в госпитале Карла посетили корреспонденты армейской газеты, они были предельно почтительны, сделали массу фотографий, задали кучу вопросов, но материал на газетных полосах не появился. Поздравления соседей по палате сменились недоумением, а потом и сочувствием. После нового визита Розена мечта повидаться с Анной и дочерью стала нереальной. На этот раз гауптман был спокоен, безразличен и сух.

— Вы представлены к ордену, — сообщил он. — Но, к сожалению, ваша поездка в Берлин оказалась невозможной. После выписки вам надлежит явиться в Минск.

— Вы ничего больше не можете сказать мне? — спросил Карл.

Розен неопределенно развел руками и поторопился уйти.

В Минск Карл добирался в санитарном поезде, отвозившем раненых с фронта. Поездной врач любезно предложил обер-лейтенанту разделить с ним купе и, постоянно занятый, на долгие часы оставлял Карла в одиночестве. Было время подумать о многом.

В общем-то, думы Карла были невеселые. Он пытался разобраться в создавшейся ситуации и все более склонялся к тому, что вызов в Минск не сулит ничего хорошего, что где-то покатившийся ком его успеха был остановлен и скорее всего в Минске его ждет тщательная проверка на лояльность.

Подозрения Карла были не напрасны.

Дело в том, что начальником одного из отделов минского гестапо был Дитрих Киршке, тот самый Киршке, который вербовал Карла Фрейнда в Вене.

Минское гестапо, будучи большой и многолюдной организацией, в захваченной столице Белоруссии заняло громадное здание, выставило усиленные караулы у входа и по всему фасаду, зарешетило окна и стало самым страшным местом в городе, кстати, не только для населения, но и для представителей вермахта. Последние словно предчувствовали, что очень скоро гестапо начнет искать виновных в поражениях на востоке и среди них. И в эти дни уже случалось, что офицер в застенках гестапо терял не только погоны, но часто и голову.

Что касается Киршке, то, получив сообщение об очередном кандидате в герои рейха, он не заинтересовался бы им, разве что связывил бы в адрес аввера, который, по мнению гестапо, излишне хвастался своими победами. Так поступил бы любой коллега Киршке, так поступил бы он сам, если бы сразу не понял, что Карл Фрейнд вовсе не однофамилец, а тот самый венский его подопечный.

Дальше рассуждения Киршке были логичны. Орден орденом, думал он, но в Берлине сидят не дураки. Поздравляя Фрейнда, они в то же время займутся тщательной проверкой столь странного спасения офицера. В этом случае можно было не сомневаться, что при проверке венские отношения с Фрейндром станут известны началь-

ству. А Киршке в свое время значительно исказил их в отчетах.

Гестаповец чувствовал себя достаточно сильным, чтобы не допустить этого. Прежде всего он задержал публикации о «подвиге» Фрейнда на страницах армейских газет, затем отправил в Берлин лишь часть документов, изъяв из них предоставление Карлу месячного отпуска, и, наконец, потребовал прибытия Фрейнда в Минск.

До приезда Карла у него было несколько дней, и все эти дни Дитрих Киршке посвятил выработке плана по устраниению Фрейнда как возможной помехи его карьере.

Лучшим финалом, конечно, стала бы смерть Фрейнда. «Возможно, этим и кончится, — размышлял Киршке, — но пока что рано загадывать, как и когда это случится. По крайней мере, надо держать его возле себя».

Гестаповцу часто приходилось злиться за свое прошлое — то одно, то другое выплывало из, казалось бы, небытия и требовало внимания, усилий. За содеянное приходилось расплачиваться. Если бы Киршке дал себе труд задуматься, что же ожидает его в конце жизни, он ужаснулся бы. Но животный инстинкт самосохранения был у него сильнее разума, и гестаповец гнал от себя столь общие соображения.

Место для Фрейнда он нашел легко. Одна из комиссий берлинской канцелярии обратила внимание новых властей на низкое юридическое и стилистическое оформление двуязычных приказов по городу. Менее всего заботившиеся о соблюдении какой-либо законности в действиях, немецкие власти проявили педантичную заботу о присутствии законности на бумаге.

Организацию при комендатуре должности инспектора-редактора или чего-нибудь в этом роде можно было считать решенным делом. В этом смысле план Киршке не требовал даже особой разработки. Но дальше гестаповец почувствовал ненужные подводные течения. Конечно, он мог бы организовать назначение Фрейнда на эту должность, но тогда бы Карл для начальства становился его протеже. А кто знает, что из этого получится в будущем? Значит, рассуждал Киршке, надо поставить дело так, чтобы Карл сам изъявил желание получить эту должность. Достаточно бросить ему такой крючок. В определенных рамках интерес начальника отдела гестапо к офицеру с героической историей закономерен. И зна-

чит, по прибытии Фрейнда в Минск Киршке мог первым побеседовать с ним.

Если же напугать Карла возможным разбирательством в Берлине, намекнуть на существующую должность, и поскольку Карл трус... Здесь мысли Киршке неожиданно останавливались. В чем-то не сходились концы с концами. Трус, говорил себе Киршке. Трус, а вышел из такого пекла.

Одно было ясно гестаповцу — в любом своем качестве Карл Фрейнд не должен был оказаться перед лицом пристрастных берлинских судей.

В комендатуре Карл предъявил свои документы дежурному, и тот сразу посмотрел на Карла с интересом.

— Вас ждут в комнате номер четыре, — сказал дежурный.

«Спокойно», — скомандовал себе Карл.

В указанной комнате за столом сидел очень занятый с виду майор, но на рапорт Карла он оторвался от бумаг, осмотрел посетителя, закивал.

— Да, да. Вам нужно сюда. Но... — Он вытер рукой глаза и помолчал. — Вам придется подождать. — Майор встал и вышел из комнаты.

«Спектакль?» — спросил себя Карл.

Он задавал себе этот вопрос в течение двух с половиной часов, на протяжении которых оставался в комнате один. Наконец дверь отворилась — на пороге стоял Киршке.

— Какая встреча! — Киршке широко улыбался.

— Я ждал ее два с половиной часа. — Карл не разделил восторга.

— Уверяю вас, что не напрасно, — сказал Киршке, полубнимая Карла и идя с ним к столу. — На протяжении этого времени я убеждал начальство передать ваше дело в мои руки.

— Какое дело? — перебил Карл.

Киршке улыбнулся:

— У каждого из нас есть дела, и они не должны оставаться бесконтрольными. Контроль, как вы знаете, возложен на имперскую канцелярию, то есть — на нас. Работа у нас хотя и трудная, но почетная.

— И все-таки, о чём конкретно речь?

— А вы стали храбрее. — Глаза у Киршке насторожились.

— Если вы имеете в виду мои действия на фронте, то я выполнял приказ.

— И нарушения приказа боялись больше, чем смерти, — заметил Киршке.

— Я выполнял приказ! — уверенно повторил Карл.

«Он не верит мне, — думал Карл в это время. — Повод подозревать меня у него нет, но он был бы рад иметь его. Он не может простить своего поражения в Вене».

«Он и прежде был невыдержаным, — отметил про себя Киршке. — Я специально вывел его из себя бесцельным ожиданием. Но раньше после таких вспышек его одолевал страх».

— Разве я утверждаю, что вы не выполнили приказ? — сказал Киршке. — Я только подчеркнул, что вы стали храбрее.

«Вот оно что, — догадался Карл, — похоже, я снова должен показать свою трусость, и тогда все будет, как раньше. Но ведь уже не может быть, как раньше. За плечами у меня восемь месяцев фронта».

— На фронте я не имел возможности оценивать свои поступки, — продолжал Карл. — Если бы я занялся этим, то, скорее всего, вряд ли сидел бы здесь. Вся энергия разума была направлена на одно — победить и выжить. Наверное, я действительно стал храбрее. По крайней мере, за восемь месяцев я ни разу не поворачивался спиной к бою.

— Похвально, — одобрил Киршке. — Я не напрасно потратил два часа на уговоры начальства.

— Я готов ответить на любые вопросы.

— И представите доказательства их истинности? — тут же спросил Киршке.

Карл понял, что теперь времени на раздумья нет.

— Существует честное слово офицера.

— Чем вы докажете свое право на него? — Киршке откровенно атаковал.

— Раньше я оскорбился бы, — отвечал Карл с усмешкой. — Но фронт научил меня сдержанности. Впрочем, вы правы. Мы имели случаи убедиться, что не все офицеры умеют хранить свою честь.

— Итак? — поторопил Киршке.

— Что вас интересует?

— Вы уверены, что мое начальство поверило бы вам?

«Теперь я могу подумать, — сказал себе Карл. — Ответ я знаю, но я подумаю о другом. Если он меня подо-

зревает, то, что бы ни было, он будет подозревать меня и дальше. Похоже, он покупает меня своей защитой. Посмотрим, «продамся» ли я».

— Вы правы, — сказал Карл, — у меня не может быть такой уверенности.

— Ну вот. — Киршке улыбнулся. — Теперь вы, по крайней мере, перестанете сердиться на меня за эти два часа задержки. Но пойдем дальше. Памятую о нашем старом знакомстве, я решил, что лучше всего, если вашим, так сказать, экзаменатором стану я. Но я хочу знать, могу ли я верить вам?

— Это как вам угодно, — отвечал Карл. — Я не давал вам повода не верить мне.

— Вот-вот. — Киршке от удовольствия потер ладони — был уверен, что все идет по задуманному им сценарию. — Моя вера к вам может основываться только на симпатии. Испытывая к вам симпатию, хочу предупредить, что любое разбирательство вашего дела, даже если оно не установит ничего порочащего, не принесет вам добра. Вы торопились в Берлин, не так ли? А вам... лучше уйти со сцены. Вот, собственно, все, что я могу вам посоветовать. И на этом моя симпатия к вам и мои возможности помочь заканчиваются.

«Сейчас начнется торг, — подумал Карл. — Он не хочет разбирательства моего дела в Берлине. Я тоже не хочу этого. Он рекомендует уйти со сцены. Но если его сценарий обдуман до конца, он сам должен подсказать, как это сделать. Молчит. Ждет, чтобы я попросил его оставить меня в Минске».

— Я благодарен вам за советы, — сказал Карл, — но, честное слово, понятия не имею, как их провести в жизнь. Моя судьба зависит не от меня. Как бы я ни хотел попасть на газетные страницы, но я миновал их не по своей воле. И в дальнейшем мной будут распоряжаться без моего участия.

— Я понимаю, что мои советы не конкретны, — снисходительно согласился Киршке. — И не представляю, что бы реально я мог сделать для вас. Впрочем... — Он сделал вид, что задумался. — В здешней комендатуре есть одна должность, на которую никак не могут подобрать претендента... а вы ведь юрист... Только... — Он сделал паузу. — Я никогда не сообщал вам об этом! Имейте в виду! — Киршке поднялся, чтобы уйти из комнаты, но

спохватился. — Однако прежде вы должны ответить на мои вопросы по существу вашего дела.

— Я готов. — Карл позволил себе улыбнуться.

— Вы действительно стали храбрее, — медленно выговорил Киршке.

Глава третья МЫ — ПАРТИЗАНЫ

1. С верой в людей

Не скоро нам предстояло встретиться с Карлом. И все дни до этой встречи были напряженными как для нашего немецкого друга, так и для бойцов отряда особого назначения.

Прошла пора кинжалных проникновений в тыл противника. В Управлении НКВД СССР мы получили задание, рассчитанное на долгий срок, и адрес, по которому мы отправились, лежал далеко за линией фронта.

В один из мартовских дней 1942 года наш небольшой отряд приступил к выполнению задания. Все было тщательно продумано. Точно определено место перехода линии фронта. И вот мы в пути.

Крепко завязаны шнурки солдатских масхалатов — на животе, под подбородком, на затылке. Маршрут тяжелый, местность пересеченная. Главные заботы — не наткнуться на засаду и не сбиться с азимута. От первой опасности оберегает выдвинутая вперед разведка, в профес-

сиональных качествах которой я не сомневаюсь. От второй — опыт, полученный еще в Высшей пограничной школе. Бывало — вывезут из Москвы, дадут азимут к намеченной точке, где в определенное время тебя ждет машина, и — пошагал. Не собьешься, успеешь к сроку — твой выходной. Нет — будешь пешком шагать в Москву до самой ночи.

Конечно, боевую обстановку с учебой не сравнишь, здесь ошибка приводит не к испорченному выходному, а к гибели, но именно там, в Подмосковье, навыки хождения по азимуту стали автоматическими, и я мог положиться на них.

К месту назначения был не один день пути, и перед командованием отряда встал вопрос: как вести людей? По лесным массивам, где постелью на отдыхе будет примерзающий к снегу еловый лапник, где по ночам мороз с треском ломает ветки и нельзя развести костер, чтобы согреться, или — с заходами в деревни, где можно найти ночлег и даже баню для уставших в пути бойцов?

Детальное выяснение обстановки показало, что большинство населения — наши друзья, готовые всегда прийти на помощь. Что касается предателей полицаев, то они жили, как волки, которым рано или поздно не миновать отмщения людского. Часть из них при случае была не прочь замолить свои грехи. Учитывая все это, решили продвигаться с заходом в деревни. Это вовсе не означало, что каждую ночь мы проводили на мягких перинах, но несколько раз за многодневный и многотрудный переход нам удалось предоставить бойцам настоящий отдых.

С середины марта 1942 года в Центр стали поступать наши доклады с разведанными и отчетами о взорванной вражеской технике, нарушенных коммуникациях, уничтоженных складах, сбитых самолетах. Наш отряд вырос до размеров партизанской бригады, многие бойцы получили свои первые награды за мужественные и активные действия в тылу врага.

Всю боевую работу на оккупированной территории мы проводили под руководством подпольных партийных органов, которые имели постоянную связь с Большой землей и направлялись Центральным Комитетом ВКП(б). Абсолютно правы оказались инструктировавшие нас товарищи из ЦК — опора на местное население незамедлительно дала себя знать, количественно мы выросли более чем в сто раз. Многие из окрестных жителей пришли к нам

сразу же, других убедила наша активность, вызывавшая страх у врага.

Во главе отрядов стоят опытные коммунисты — чекисты, прошедшие школу оперативной работы в органах советской государственной безопасности. К тому же мы имеем пополнение из тех, кто эту науку освоил уже здесь, в тылу врага.

2. И сосны слышали окрест...

В партизанском крае, один из участков которого занимала наша бригада, массированного удара гитлеровцев можно было ждать со дня на день.

Мы еще не знали имени видного фашистского специалиста по антипартизанским акциям группенфюрера СС генерал-лейтенанта фон Готберга, но прекрасно сознавали, что где-то он или подобный ему генерал существует и оперативные карты нашего района, наверное, уже лежат у него на столе. Мы еще не знали, что операция получит наименование «Нюрнберг», что в подчинении фон Готберга окажутся крупные силы наземных войск и авиации. Не знали, но должны были узнать! Мы пришли сюда драться на всех возможных участках фронта. Невидимый участок был передовой линией нашей борьбы. Эту линию надо было предельно укрепить.

Огромную помощь оказывало нам местное население — фашистам было трудно проводить какие бы то ни было работы втайне от него, и мы очень часто заранее знали о приготовлениях врага.

И все же остро ощущалась неполнота разведывательных данных. Ведь многие необходимые для нашей борьбы сведения оставались за тщательно охраняемыми дверями абвера и гестапо. Все чаще и чаще мы вспоминали об Истинном — Карле Фрейнде, который, по нашим расчетам, мог находиться на белорусской земле.

Но все попытки разыскать Истинного пока что оказывались неудачными. Не хотелось верить, что произошло непоправимое.

Благодатным летним утром, с которого я начал рассказ о партизанских буднях, ко мне подошел начальник разведки Петр Захарович Порадельников:

— Лагерем любуешься, командир? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Я вот тоже любовался и до горькой мысли дошел.

— Знаю твою мысль, — ответил я. — Думаешь о том, что рано или поздно начнут нас бомбить здесь.

— А ведь начнут! — волнуясь, подтвердил Порадельников. — Простая логика показывает, во-первых, — он стал загибать пальцы, — не так уж трудно нас обнаружить. Во-вторых, они наверняка собирают силы для мощного удара по нам.

— В-третьих, — перебил я, — ничего конкретного разведка не может сказать об этом.

— Куда уж конкретней! — обиделся Петр Захарович. Я не стал успокаивать его:

— Конкретней можно. Конкретней об этом говорят на оперативных совещаниях в немецких штабах.

— Я не всевидящий и не всеслышащий, — усмехнулся начальник разведки. — Да и ты вроде ничего предложить не можешь.

— Петр Захарович, — стал я думать вслух, — до какого уровня спускается штабная информация? До городской управы она может дойти?

— Смотри какая, — усомнился Порадельников. — Однако при крупной операции без городских властей немцам не обойтись. Сосредоточенные войска разместить надо, фуражом и продовольствием обеспечить. За несколько дней никакой городской глава этого не сделает. Так или иначе, им придется предупредить его заранее.

— А не повидаться ли нам с бургомистром? — предложил я.

Порадельников покачал головой.

— Идея заманчивая. Но организовать такое свидание нелегко.

— А чем наш бургомистр кроме своей работы славен?

— Чем? — задумался Порадельников. — Рыбак заядлый. Да только без охраны к воде не ходит. А со стрельбой — это уже не свидание, о таком свидании сразу в Минске известно станет. Вот разве...

— Что? — поторопил я.

— Зазноба у него в Экимани есть. Но уж больно хитер, старый лис. Все знают, что он туда заглядывает. А вот когда, как, с кем — неизвестно.

— Так уж хитрей тебя? — подзадорил я его.

— Выясню, — улыбнулся Петр Захарович.

По выработанному плану мы не должны были компрометировать бургомистра. Немцы, как было решено,

останутся в полном неведении относительно этого свидания, чем бы оно ни кончилось. Поэтому одновременно с подготовкой встречи в Экимани разрабатывалась операция по взрыву склада в значительно удаленном от поселка месте, чтобы в необходимое время направить близ расположившихся гитлеровцев по другому адресу.

Взрыв склада был поручен группе Дементьева — одного из офицеров-окруженцев, приставших к нам еще зимой. Это были, как правило, смелые, решительные и знающие дело люди. Они чувствовали на себе долю вины за первые поражения нашей армии, за то, что оказались в тылу врага, и находили любую возможность подтвердить свою верность Родине.

В группе Дементьева, как и во многих других, практиковались репетиции будущих операций, которые бойцы шутя называли театром, но под требовательным присмотром командира относились к ним по-серезному.

Партизанский лагерь находился на большом острове среди малопроходимых болот. Но было у нас еще два «тайных острова» — на одном, куда вела единственная, невидимая тропа по руслу невысыхающего ручья, были приготовлены убежища на случай спешного отхода. На другом был полигон для учений и репетиций.

Два дня гонял Дементьев свою группу и наконец доложил нам о готовности к операции. Среди других необходимых оценок, таких, как знание задачи, снаряженность и прочее, степень готовности мы определяли еще по одному важному показателю — настроению бойцов.

И на этот раз вроде бы со стороны, но придиличко осматривал комиссар Безгин группу Дементьева и все словно не удовлетворялся ни бравостью бойцов, ни их улыбками, ни шутками. Наконец разговор бойцов резко изменился.

— Ты на угол полаешь, не вправо смотри, а на меня оглядывайся, — сказал пожилой партизан только что шутившему юноше.

— Мне показалось, Борис отстал, — начал оправдываться юноша.

Не дослушав разговора, Безгин вошел ко мне в землянку, сообщил:

— Порядок, о деле думают.

Из донесения Порадельникова мы знали, что бургомистр посещает свою вазнобу по почам с субботы на воскресенье. Едет тайно, охрану берет небольшую. Но в по-

селке, может быть, именно по этой причине держит за высокий штат полицаяев, которые, похоже, никаких других обязанностей, кроме охраны покоя бургомистра во время его интимных свиданий, не несут.

Поскольку мы не хотели, чтобы о встрече с бургомистром знали и полицаи, то родился дерзкий план операции, начало которой было положено несколько дней назад.

Тайная подруга бургомистра Стеша до войны была бойкой, веселой селянкой девушки, невестой кузнеца, вскоре ушедшего на фронт и, как сказали Стеше, погибшего. Бесприводочный телеграф носил тогда по деревням много верных и неверных вестей, но верили всем, особенно плохим.

Слезы по жениху вскоре сменились у Степши слезами по себе — она была занесена в списки первого эшелона, увозившего рабочую силу в Германию. Вот тут-то и появился бургомистр — с вниманием, с сочувствием, с обещанием помочь и поначалу без каких-либо требований.

Радость Стеши была безмерной, но омрачилась сразу — соседи насторожились к ней, получившей помощь из управы. А за бойкостью и веселостью девушки, оказывается, скрывалось и непомерное самолюбие. На настороженность соседей она ответила небрежением к ним. Нелегко было жить замкнувшейся, среди отчуждения когда-то близких людей, едва ли не о петле подумывала Стеша, но тут снова пришло утешение, и снова — от бургомистра.

Видно, где-то подломилась Стешинна тропка — как бы ни оправдывалась она перед собой тем, что ласка даже кошке нужна, но уж слишком конкретна была эта ласка — продуктовые и мануфактурные подарки, и это в то время, когда рядом голодало и страдало село. И все было не по-людски, начиная с того, что бургомистр всячески таил их свидания. А люди знали и про сами свидания, и про то, что таятся они.

Летом поспела в лесу малина. Селянки собирались группами, ходили в лес по ягоды — хоть чем-то это напоминало им довоенное житье. А Стеша ходила в лес одна, и это напоминало ей о том, что она теперь «бургомистрова шлюха».

Вот что удалось нам выяснить о Стеше, и было решено попробовать найти контакт с ней.

В отряде у нас был приятель Стешиного жениха, кузнец Николая, — Виктор. Сначала я хотел отправиться

на встречу со Стешей вместе с ним, но комиссар Безгин отговорил меня.

— Иалишний риск, командир, — убеждал меня Безгин. — А на Виктора можно надеяться. Он в начальной школе учителяствовал, с людьми разговаривать умеет. Я его в комсорги прочу. Пусть это задание будет ему испытанием. Ты ведь сам говоришь, что людям доверять надо, что сами мы всего никогда не переделаем. А, командир?

Я согласился.

Несколько дней назад Виктор отправился к Экимани с целью встретиться со Стешей в малиннике, который другие жители обходили и где она бывала всегда одна.

На случай неожиданной встречи с немцами или полицаями мы вооружили Виктора надежным документом, но, к счастью, — ведь даже самые надежные документы иногда подводили — пользоваться им не пришлось.

Виктор благополучно добрался до малинника, однако ждать Стешу пришлось более суток. Он уже подумывал, что задание сорвется, когда она появилась в лесу в небурочный час, далеко после полудня.

В это время никто по ягоды не ходит, но, видно, не сиделось Стеше дома, гнало ее неспокойное сердце заняться хоть чем-то.

Шла она не спеша — стройная, красивая, однако и в осанке, и в походке была тоска, была усталость человека, которому вдруг любое движение стало тяжело и не в радость. Виктор отметил это.

Стеша принялась собирать ягоды в небольшой туесок, рвала их задумчиво и ни одной не ела — как будто сама не знала, чем занята. Виктор отметил и это.

Он поднялся из своего укрытия, пошел к малиннику во весь рост, не скрываясь.

Стеша заметила подходившего человека, не испугалась, взгляда не отвела, но смотрела с неудовольствием.

— Здравствуйте, Стеша, — сказал Виктор, подойдя.

— Здравствуйте, — ответила она, удивляясь. — Разве мы знакомы?

— Как видите, я вас знаю. Хотя мы лично не знакомы. Да ведь в жизни бывает так.

— В жизни всяко бывает, — согласилась Стеша.

— Вы, наверное, гадаете, кто я да откуда. — Виктор улыбнулся. — Пожалуй, не отгадаете.

— Выбор невелик. Либо оттуда, либо отсюда.

- Не понял вас, — сказал Виктор.
- Да что ж мне объяснять, когда вы лучше меня знаете, и кто вы, и откуда. — Стеша была спокойна.
- Я-то знаю, а ведь и вам любопытно, если уж я подошел к вам здороваться.
- Вежливые люди всегда здороваются, — возразила Стеша.
- Но не всегда за этим в малинник ходят, — возразил и Виктор.
- А что это вы все загадками говорите? — Стеша насторожилась.
- Вот не знаю, как подступиться. — Виктор снова улыбнулся. — Весть я вам принес. Да за весть нынче можно и спасибо услышать, и в комендатуру угодить.
- Я в комендатуре не служу! — со злостью сказала Стеша. И это Виктор отметил.
- Хорошо, что не служите. Весть моя не для комендатуры. Только, извините, я не с нее начну. Вам Николай обо мне не рассказывал? Об учителе Викторе?
- Стеша долго не отвечала, всматривалась в Виктора, и в глазах ее короткий испуг сменился недоверием, потом грустью. Наконец она сказала:
- Говаривал.
- Так вот я Виктор и буду. Грозился он познакомить меня с вами, да не случилось.
- Теперь уж не познакомит! — Голос у нее зазвенел, и Виктор попытался понять, почему она сказала это с вызовом. Понял: любое напоминание о Николае было для нее обвинением, хотела она оправдаться как угодно, даже неправедно, хотела утвердить — мертвый, мол, Николай, и нечего вспоминать о нем.
- Почему так? — все же спросил Виктор.
- И Стеша ответила именно то, что он подумал:
- Нечего о нем. Мертвый он.
- Откуда вы это знаете?
- Она, видно, хотела ответить резкостью, но сдержалась, вздохнула и сказала не сразу:
- Люди говорят.
- Помолчал и Виктор, потеребил погой валежник, покачал головой.
- Люди много говорят, — сказал он, возражая. — Я об этом не слышал. Пока не удостоверюсь, считаю его живым.
- Она приняла это как упрек, закусила губу. И уже

не знала, как вести себя, что говорить, но и молчать не могла.

— Что же за весть принесли вы?

— До вести мы еще не добрались, — сказал Виктор, посмотрел внимательно и вдруг спросил: — Как живете, Стеша?

— Плохо, — ответила она и заплакала — слезы полились по недвижному лицу, окаменевшему в долгих думах, и слез было много.

— Нынче все плохо живут. — Виктор не утешал. — Но и плохо жить можно по-разному.

— Я вот по-своему плохо живу.

— Знаю, — сказал Виктор.

— Что вы знаете? — Она перестала плакать, выпрямилась, смотрела почти с ненавистью — настоящая «бургомистрова шлюха».

— Да уж если вы одна в малинник ходите, а до ма-лины вам и дела-то нет, то, наверное, дальше уж некуда...

— Куда уж дальше, — согласилась она, и слезы показались опять.

— Одна живете?

— А с кем же мне жить? — насторожилась Стеша, но Виктор не дал ей задуматься, заговорил быстро:

— Смотрю я на вас и никак не пойму — то ли вы до предела уже несчастны, то ли еще не до конца и что-то вам в этой вашей жизни все же счастьем представляется. И вы за это счастье вон как цепляетесь — сразу меня ненавидеть начинаете, как только я на него намекну. А вы знаете, на что я намекаю. Да и что тут не знать? Хоть на кофточку свою посмотрите. С чьего-то плеча кофточка.

— Да заберите вы эту кофточку! — разрыдалась Стеша. — Все заберите! На что мне оно! Господи! Хоть бы понял кто!

— А что понимать, Стеша? Если вы сама понимать не хотите.

— Как что?! Как что?! — Казалось, ей необходимо было найти хоть какую-то свою правоту, и она спорила ожесточенно. — Да что же мне делать-то?! У меня ведь только два пути — либо как сейчас, либо прямо в петлю. Я уж сколько раз веревку к гвоздю прилаживала!

— А если я вам третий путь укажу? — сказал Виктор.

Стеша молчала долго, обдумывала. Видно, что-то было у нее решенным намертво, потому что сказала она:

— Благодетеля своего убивать не буду. И не решусь

я на это, да и благодарна я ему за многое, и человек он ко мне приветливый, любящий. Один среди всех нашелся.

— Найтись ему было нетрудно, — возразил Виктор. — Он ведь, как на рынок, приехал выбирать. Вот и выбрал вас. Подошли вы ему — и красавица, и согласная.

— На что я согласная? — перебила она, но теперь это был уже скорее не вызов, а просьба не унижать.

— Однако не об этом разговор, — продолжал Виктор. — Никто убивать вашего благодетеля вас не заставляет. Пусть поживет до суда народного. А там уж взыщут ему по заслугам.

— И мне, что ли, вместе с ним? — горько спросила она.

— И вам, — подтвердил Виктор.

— Так вы пугать меня приехали?

— Нет, — отвечал Виктор. — Я же сказал вам, что с вестью приехал. А весть у меня вот какая. Повидаться мы хотим с вашим благодетелем. И сделать это негде, как только у вас. В городе он нас, пожалуй, с автоматами встретит. А мы хотим с ним спокойно поговорить. Вот как сейчас с вами.

Стеша усмехнулась:

— Вот уж не думаю, что он согласится с вами разговаривать. У него ведь моего камня на сердце нет. Да и автоматы тут тоже найдутся.

— Что же он, автоматчиков прямо у постели держит? — грубо спросил Виктор.

Стеша не полезла за словом в карман:

— Если он их не держит, то как там вы окажетесь?

Виктор не стал состязаться в остроловии, спросил прямо:

— У вас в задних, холодных, сенях дверь есть. Будь она ночью открытой, мы бы зайти на пяток минут могли. А? Стеша?

— Вон оно что! — протянула Стеша. — Вон как вы решили. Положение мое безвыходное, так я, мол, на что угодно пойду.

— И если вы при этом ничего не скажете благодетелю, — как бы не слыша, продолжал Виктор, — то мы гарантируем, что не тронем его. Побеседуем с ним и разойдемся. А? Стеша?

— Вон оно что! — повторила Стеша, и было ясно, что что-то борется в ней, что какие-то воспоминания столк-

нулись с памятью о благодетеле, и надо было помочь этим воспоминаниям.

— Николай говорил мне, что храброй вас девушки нет в Белоруссии, — напомнил Виктор. — Рассказывал, как вы с ним пьяных хулиганов из клуба выгнали.

— Если и жив Коля, так что теперь с того, — тихо сказала она.

— Со всех сторон страшна война, — отвечал Виктор. — И жизнь у людей отнимает, и каких только бед не приносит. А уж эта война — стократ. Мир не знал солдата страшней фашиста. Ни один дом он бедой не обошел. Там, где смерть миновала, он страшнее смерти напасть придумал.

— Зачем вы меня оправдываете, — плача, сказала она. — Я ведь все понимаю.

— Если понимаете, что ж помочь не хотите?

— Запуталась я. Если Коля жив, так мне только хуже.

— А вы попробуйте не только о себе подумать, Стеша. Она бросила на него быстрый взгляд, словно он сказал ей что-то неожиданное, не приходившее ей самой в голову. Видно, тут же поняла, что ничего неожиданного в этом нет и знала она это всегда. Но поняла и другое — знать-то знала, да не всегда помнила. Сказала грустно:

— Всю вы мне душу перевернули.

— Так что, Стеша, поможете?

— Коля жив? — спросила она.

— Не знаю. Вести к нам, сами понимаете, трудно доходят. Но и о смерти его ничего мы не слышали.

— А вы, значит, партизаните?

— Партизаню, — сказал Виктор.

Стеша подумала о чем-то, заговорила после паузы:

— Хоть вы и говорите, что о себе думать не надо, а все же знать хотела бы — как мне дальше-то жить. Это что же, случай в моей жизни будет, а потом опять все по-прежнему?

— А это уж как захотите.

— Дак ведь как бы ни захотела, — возразила она. — После этого, если я с бургомистром дружбу продолжу, то дважды буду... — Она не договорила. — А если к вам уйду, так отпустите ли мне грехи-то мои? Только не подумайте, что торгууюсь. Это я вслух думаю.

— Думайте, Стеша. Вам о многом подумать надо. Одно скажу — преступлений против народа на вашей сове-

сти нет, а заслуга может появиться. Что же до людских ваших грехов, то тут вы прежде всего сама себе судья.

— Ладно, — сказала она погодя. — Дверь оставлю открытой. Идите не огородами, там в карауле всегда четверо сидят. И на улице четверо. Через соседский двор идите. За ихним сараем лаз в заборе есть. Только вот что смущает меня. Благодетель мой все хвастается, что ни один партизан до него у меня не доберется. Какой-то секрет у них есть. Может, подождете? Попробую узнать — какой.

— Это решать не мне, — сказал Виктор. — Так что в эту субботу дверь откройте. А если не придет, постарайтесь узнать о секрете. Я вас как-нибудь здесь в малинике навещу. Приходите каждый субботний день в это время.

— Молодец, — похвалил я, выслушав Виктора.

— Молодец-то молодец, — согласился Порадельников с обычной своей осторожностью. — Но насколько я понял, бабенка она с настроениями. Как бы не переменилась до субботы.

Виктор посмотрел на меня, спрашивая разрешения заговорить, я кивнул ему.

— Не думаю. Душа у нее исстрадалась, но сейчас чистый ключ в ней забил. Я ей верю. И пойду на задание, ни в чем не сомневаясь.

— Ты не думаешь, — усмехнулся Порадельников. — А я вот думаю. Если бы я о вас не думал, вы бы, наверное, к самому Гитлеру на свидание пошли.

— Подожди, Петр Захарович. — Я понимал настроение начальника разведки, но мне казалось, что Виктор убедил меня, и надо было только до конца разобраться — так ли это. — Судя по тому, что рассказал Виктор, решение Степши было, так сказать, добровольным. Он ничего от нее не требовал, ничего не обещал. Он разбудил в ней то, что жило, но дремало. Какие у тебя основания не верить этому чистому ключу в ее душе?

— А какие основания верить?

— Это не разговор, — сказал я. — Ты, конечно, прав — осторожность в таком деле обязательна. Но избыток ее столь же плох, как и недостаток.

— Чего-то мне не хватает! — в сердцах сказал Порадельников.

— Чего? — спросил я.

— Черт его знает! Знаю, о чем ты сейчас думаешь. — Порадельников усмехнулся. — Уж, конечно, не веры в людей мне не хватает. Но, понимаешь, она три месяца спит с ним, с этим самым бургомистром.

— Ну что ж, — стал убеждать я, — это черная сторона ее души, но мы-то рассчитываем на светлую, которую она наверняка ищет. Должна искать.

— Меня больше волнует секрет, о котором говорила Стеша, — вмешался Безгин.

— Не такой уж это секрет, — усмехнулся Порадельников. — Ребята выяснили. У него там сигнальное заграждение организовано. Как только является он к своей заznобе, вокруг огорода натягивается проволока — на высоте колена. Из поселка полиции никого не выпускают. А в поселок только по дороге через посты можно попасть. А через огород не попадешь — сигнализация сообщит. Так что все дело в том, чтобы не наткнуться на проволоку, перешагнуть ее. Тут, думаю, Виктора учить не надо.

— Вернемся к твоим сомнениям, — сказал я. — Ты все же не отказываешься от них?

— Черт его знает! — повторил Порадельников. — Рассказ Виктора — это все-таки литература. А весомых фактов у нас маловато.

— Разве прошлая ее жизнь не факт? — не выдержал и без разрешения старших возразил Виктор. — Разве ее страдание не факт?

— Гапон тоже страдальцем представлялся, — сказал Порадельников. — И прошлая жизнь у него праведная была.

— Ну хорошо, — стал предлагать я. — А если прийти к Стешке в пятницу? Можно будет понять, что у нее на уме. Предупредить бургомистра до этого она не успеет. За пей хорошо присматривают? — спросил я Порадельникова.

— Как следует, — ответил он.

→ Так вот, — продолжал я, — при уверенности в ней предложить Стеше оставить Виктора в избе до субботы. Бургомистр ведь не обыскивает дом при каждом своем наезде?

— Не обыскивает, — подтвердил Порадельников.

— Как, товарищи? — спросил я.

— Кажется, это разговор, — согласился начальник разведки.

— По-моему, тоже, — присоединился Безгин.

— Пока можешь быть свободным, — сказал я Виктору.

Порадельников крикнул ему вслед:

— Но и уходя из поселка, о бургомистровском секрете не забудь!

С пятницы укрытый хозяйкой на чердаке Виктор ждал свидания.

В субботу утром группа Дементьева вышла к намеченной цели — к топливным складам железнодорожной станции на линии Невель — Витебск.

Бойцы ушли затылок в затылок по тропе, ведущей между болотными топями, которые до сих пор надежно охраняли нас от карателей.

Действия группы Дементьева надо было привязать к началу разговора Виктора с бургомистром, чтобы исключить даже случайный визит немцев в Экимань — ведь они не были столь послушны бургомистру, как полиция, и могли войти в избу когда угодно.

Сколько реальной была наша надежда на удачу? С организационной стороны мы, кажется, обеспечили все необходимое. После беседы Виктора со Стешей мы были уверены, что он сумеет правильно повести себя с бургомистром и получит сведения, которыми тот располагает. Но вот располагал ли бургомистр необходимыми нам сведениями?

Последнее рассуждение мы сочли неверным. Безрезультатной встреча с бургомистром все равно не будет — ту или иную информацию он даст. А вот промедление могло обернуться катастрофой.

Конечно, мы не рассчитывали на стопроцентный успех, но боевая часть операции сама по себе была большим плюсом в нашей деятельности, поскольку выбранный участок железной дороги давно уже считался немцами надежным и нужно было заставить их потерять покой.

Группа Дементьева вышла к цели в конце дня. Бойцы залегли в мелколесье, в трех километрах от станции. Им предстояла не практиковавшаяся ранее операция по взрыву топливных баков с помощью дрезины. Действия бойцов разделялись на две части — во-первых, захват дрэзины на разъезде, охранявшемся лишь одним часовым и имевшем небольшой штат обслуживающего персонала; во-вторых, переключение стрелки в положение, когда ра-

зогнавшаяся под уклон дрезина направится на запасные пути с баками. У стрелки тоже был пост, и если на разъезде обеспечить бесшумность операции было нетрудно, то у стрелки все могло осложниться. Именно здесь нужно было снять часового четко и в строго определенный час. Счет времени должен был идти на секунды.

С наступлением темноты Дементьев отдал последние приказания, и пятеро бойцов отправились на разъезд. С этого момента командир отсчитывал каждую минуту. После проведенных на «тайном острове» репетиций он мог с закрытыми глазами представить весь путь и все действия группы.

Партизаны приблизились к разъезду. Рослый и ловкий боец Привалов бросился к часовому, и тот захрипел под зажавшей рот ладонью. Ворвавшись в здание разъезда, партизаны заставили всех служащих повернуться лицом к стене. Из связки ключей дежурного они выбрали ключ от дрезины, и через несколько мгновений устанавливали на ней ударную мину и взрывной заряд.

Дементьев махнул рукой, и пятеро бойцов отправились к стрелке. Сам командир с двумя бойцами пополз сзади — прикрывать. Теперь он видел, что дрезину поставили на рельсы, и знал, что до взрыва оставалось двадцать минут. За минуту до этого должен быть снят часовой у стрелки. Дементьев пополз медленнее.

За пять минут до взрыва он и сопровождающий его боец остановились. Дементьев еще раз вспомнил — за минуту между снятием часового и взрывом бойцы удалятся от склада на двести метров. Первый взрыв далеко осветит лощину, и немцы могут обнаружить партизан. Следующие взрывы скорее всего повергнут их в панику, но не исключено, что враг успеет организовать преследование. Тогда Дементьев и сопровождающий его боец откроют встречный огонь из ручного пулемета. Дальше было несколько вариантов, но у Дементьева уже не было времени вспоминать их. Он знал, что сейчас те двое бойцов подползают к путям. Один из них легонько ударит по рельсам, и часовой повернется на звук — это движение будет стоить ему жизни. Бойцы переведут стрелку.

«Где дрезина?» — подумал Дементьев и тут же услышал ее характерный звук. Оставшаяся минута тянулась бесконечно. Когда взрыв потряс тишину, Дементьев успел увидеть в мелькнувшем пламени фигуры бойцов и подумать: правильно отбегают в сторону, чтобы не мешать

бить по преследователям. В следующий миг пламя сметалось от волны второго взрыва, и командир уже не видел поглощенных темнотой бойцов.

Взрывы раздавались один за другим. Казалось, от них горело небо. Немцам было не до преследования.

Получасом раньше легковая машина остановилась у дома Степи. Из нее сначала вышли два полицая, провели посты на улице и в огороде, дали знак сидевшему рядом с шофером человеку.

Массивный краснолицый бургомистр неловко вылез из кабинки и вместе с приехавшими полицаями пошел в дом. Однако сопровождавшие, как только навстречу бургомистру отворилась дверь, остановились на пороге, заглядывая через его плечо в помещение, а потом вернулись к машине, вновь сели в нее и отъехали к зданию полицейского участка.

Бургомистр вошел в комнату по-хозяйски, поставил на лавку корзину с подарками, обнял Стешу за плечи.

— Скучала?

— Ясное дело, скучала! — неестественно возбужденно ответила Стеша, и что-то в ее тоне смущило бургомистра.

— Что это с тобой? — спросил он, отстраняясь.

— Со мной? — она засмеялась, и тоже неестественно. — Ничего со мной.

— Тихо! — раздалось сзади, бургомистр обернулся и увидел на пороге спальню человека с пистолетом в руке.

— Тихо! — повторил Виктор, входя в комнату. — Одно движение, и я стреляю. Хозяйка! Отстегни у него ремень! К кобуре не прикасайся! Так. Брось ремень мне под ноги.

Виктор, не сводя с бургомистра взгляда, нагнулся к ремню, достал из кобуры валтер, положил его к себе в карман.

— Теперь можете сесть! — приказал он. — Хозяйка, задерни окно получше. А вы, — кивнул он бургомистру, — садитесь к столу.

Бургомистр подчинился.

— Вот и хорошо, — сказал Виктор, выдвигая на середину комнаты стул и тоже садясь. — Теперь побеседуем. Разрешите представиться — представитель здешней партизанской бригады. Себя можете не называть, знаю. Разгово-

вор у нас пойдет по душам, но погромкий. Попято? Попято, я спрашиваю?! — прикрикнул он.

Бургомистр кивнул.

— Нас интересуют сроки и планы ближайших карательных акций.

— На что вы рассчитываете? — бургомистр попробовал возразить. — В поселке мои люди. Вы не уйдете отсюда живым.

— Вы ошибаетесь, полагая, что я здесь один, — сказал Виктор с улыбкой. — При всех осложнениях и вы, и ваши люди отправятся к праотцам, если те примут вас. При вашем благородстве все будет тихо, и мы гарантируем вам, что ни ваши люди, ни немцы не узнают о нашей беседе. Больше к этой теме возвращаться не будем. У меня мало времени. Итак, я задал вам вопрос.

— Черт знает что... — сказал все же бургомистр.

— Поторопитесь! — приказал Виктор.

— Собственно, немцы всегда готовятся к карательным акциям.

— Это мы знаем! — Виктор усмехнулся. — Конкретно?

— Собственно... — Красное лицо бургомистра болезненно поморщилось. — Позвольте выпить воды?

— Хозяйка, в комнате вода есть? — спросил Виктор.

— Есть, — сказала Стеша и вдруг улыбнулась. — Да не выдам я вас ради этого старого борова. — Она поднялась, чтобы налить бургомистру воды.

Виктор рассердился было на нее за эти слова — приказывал ведь ей вести себя испуганно, но увидел, как поразили они бургомистра, как тут же обмяк он, словно получил не только неожиданный, но и жесточайший удар. Подождал, пока бургомистр неловко напьется, напомнил:

— Конкретно!

— Значит, так, — бургомистр почему-то стал обстоятельный, — ничего особого за последнее время не было. Но слухи ходят, что они решили взяться за вас по-настоящему. Однако я по чему сужу? По командам, которые мне даются. За последнее время особых команд не было. Пришла вот обычная бумага об усилении бдительности, о... ну, словом, как всегда. Да вот она, у меня в кармане. — Он двинул было рукой, но тут же замер, испуганно глядя на пистолет Виктора.

— Вынимайте, вынимайте, — разрешил Виктор и добавил: — Стеша, возьми у него инструкцию, дай мне.

Бургомистр смотрел на Стешу с ужасом.

Виктор, не читая, спрятал бумажку.

— Даешь?

— Что же еще? — Бургомистр вновь стал обстоятельным. — Приказано восстановить связь с посланным к вам человеком. Последнее время она прервалась.

— Кто этот человек?

— Не знаю. Мои люди брали донесения от него на заброшенной пасеке, на тридцатом километре. Там раньше лесной кордон был. Кто он — не знаю. Велено только Захарьевский хутор спалить, это ему сигналом будет, и он сам придет к полицаю Охрименко.

— Еще! — торопил Виктор. — У вас ведь целая свора осведомителей. Кто они?

— Ей-богу, нет! — Бургомистр хотел перекреститься, но снова замер, глядя на пистолет Виктора. — Было начертано этого приказание, но ничего у меня не вышло. И этим занялась комендатура. Ей-богу, об этом ничего не знаю, ни сном, ни духом.

— Ну а по слухам, когда ожидают карательную операцию? — спросил Виктор.

— Что вам сказать? — отвечал бургомистр. — Слухи самые разные. Но если своим умом разобраться, то получается так. С одной стороны, им урожая дождаться надо. Иначе ведь такую ораву ничем не прокормишь. С другой стороны, до зимы им нет резона откладывать. Зимой они воевать не любят. Так что вот выходит — где-то к осени ждите.

— Ну и как? — усмехнулся Виктор. — Договоримся, чтобы вы сообщили нам об этом?

— Известное дело, договоримся! — стал уверять бургомистр, бросая взгляды на пистолет. — Как только что-нибудь узнаю, непременно сообщу. Скажите — как, и сообщу!

— А вот на той же пасеке письмо нам оставите, — сказал Виктор.

— Считайте, что договорились! — заверил бургомистр.

— Что ж, больше вам нечем нас порадовать? — спросил Виктор.

Бургомистр задумался.

— Вот разве, — начал он, — велено ряженый партизанский отряд создать — пустить по селам, перед урожаем остатки у людей выбрать. Для этого из Витебской области полицаи прибыли. По северным деревням пойдут.

— Так, — сказал Виктор. — Что же ты, папаша, сукин

сын, такими делами занимаешься?! Раскулачила тебя, подлеца, Советская власть, а оказывается, расстрелять надо было!

— Так ведь у каждого своя судьба,— залебезил бургомистр.

— Ну да ладно,— усмехнулся Виктор.— Говорить с тобой — только время тратить. Ты давай не тяни, все, что знаешь, выкладывай. Я с малым не уйду. Ну?!

— Господи! — взмолился бургомистр.— Да ведь и рад бы, да ничего больше нету!

— Тыфу! — плонула Стеша.— Таким героем рисовался.

— Да какой я герой! — запричитал бургомистр.— Из одного только страху и служить пошел. Да сами ведь знаете, у меня на руках крови нету. Даже они, немцы то есть, мной недовольны.

— Врешь! — прервал его Виктор.— И кровь есть, и немцы тобой довольны. Ну так я жду!

— Да господи!.. Да Христом-богом!.. У меня сейчас одна забота — для работ людей поставлять. Ведь они из-за вас весь город перерывают, заграждения ставят. Этим только и занимаюсь.

— А грабежи? — напомнил Виктор.

— Так ведь приказывают! Каждый день им какую-нибудь мэду давай. Где же взять-то?

— Слушай,— сказал Виктор.— Дом заминирован. Если ты раньше чем через час выйдешь отсюда или начнешь звать кого-нибудь, мои друзья взорвут все тут к чертовой матери вместе с тобой! Понял?

— Все понял,— подтвердил бургомистр.— Все как есть. А вы, значит, о нашей встрече — никому?

— Никому,— пообещал Виктор и спросил Стешу: — Вы, наверное, со мной? Вам здесь оставаться нельзя.

— Да,— радуясь, согласилась Стеша.

Они вышли через холодные сени, прошли двором к лазу в заборе, и вскоре уже входили в лес, где оба ускорили шаг. Виктор перебирал в голове встречу с бургомистром, стараясь задержать в памяти все детали, что-то бормотал на ходу, но вдруг остановился как вкопанный. Остановилась и Стеша.

«В чем дело?» — спросил себя Виктор и тут же вспомнил наказ Порадельникова: «Но и уходя из поселка, о бургомистровском секрете не забудь».

Ругая себя за то, что едва не совершил оплошности, и

стараясь, чтоб Стеша не заметила этого, он пошел вперед осторожно, стал всматриваться в темноту перед собой.

— Что вы ищете? — спросила Стеша.

— Проволоку, — отвечал он. — Секрет вашего бургомистра. Не напороться бы.

— Всю жизнь он будет мой? — обиделась Стеша.

— Извините, — сказал Виктор. — Это я на себя сердился. Чуть не забыл о проволоке.

Наконец что-то мелькнуло перед ним в редком, рассеянном светом луны. Приглядевшись, он понял — проволока.

— Вот она, — почти прошептал он. — Осторожней. Надо перешагнуть.

Лишь на заре следующего дня они возвращались к лагерю, и только сосны слышали их осторожные шаги.

Несколькими часами раньше те же сосны слушали шаги группы Дементьева — бойцы возвращались, возбужденные победой, и чувство выполненного долга гнало усталость, наполняло силой грудь, делало походку легкой.

Уже у самого лагеря Виктор решил закурить, нашупал в уголке кисета комок махорки, пошарил по карманам — не нашел бумаги, только бургомистровская инструкция попалась под руку. Подумав, решил не трогать ее, хотя пальцы уже тянулись оторвать полоску, а глубокая затяжка казалась самым желанным лакомством.

На этот раз, слушая Виктора, мы решили, что он справился с заданием не лучшим образом. Подводя итог обсуждению, я сказал:

— Основными ошибками Виктора были две. Во-первых, поддавшись уверенности в трусости бургомистра, он отошел от намеченного плана беседы, увлекся запугиванием, стал давить и потерял инициативу. В результате предатель дал следующую информацию. В ближайшее время карательные действия гитлеровцев не должны значительно активизироваться — раз. В северных деревнях нашего района надо ждать «ряженых партизан» — два. В бригаде действует вражеский агент — три. Судя по всему, эти сведения достоверны, поскольку их подтверждает Стеша — бургомистр и раньше говорил ей об этом. Кстати, по этой причине он и выложил их Виктору. А воспользовавшись ошибкой разведчика, не сказал больше ничего. Во-вторых, Виктор привел в отряд Стешу, на что

он не имел специального разрешения. Я сейчас не стану говорить о мотивах его действий и о том, как бы он должен был поступить. Это мы обсудим отдельно. Сейчас обращаю внимание начальника разведки на допущенные промахи затем, чтобы учесть их при оценке создавшейся обстановки.

Виктор ушел с обсуждения удрученный. Но он не мог обижаться на нас. В условиях партизанской войны самая малая ошибка могла оказаться роковой, и никакой геройизм, никакая смелость не оправдывали промаха бойца. Это стало законом в бригаде.

В общем же мы дали проведенной операции удовлетворительную оценку.

Соотнося полученные сведения с данными разведок других отрядов, я все более убеждался, что решительного наступления немцев на наши позиции следует ждать осенью. Конечно, имевшаяся отсрочка давала нам возможность подготовить резервные базы, но успокоения этот факт не приносил. Прежде всего резервные базы нужно было сохранить в строгом секрете, а мы прекрасно понимали, что разведка врага не дремлет, что и подтверждало сообщение бургомистра о внедрении гитлеровского агента в бригаду.

О том и шел наш разговор с Порадельниковым, во время которого я вертел в руках принесенную Виктором инструкцию для бургомистров городов и сел с подробным описанием требований и запрещений, мер активизации действий против населения и мер устрашения, с многократным упоминанием фюрера и великой Германии. Отвлекшись, я подумал, что нужно обладать определенными способностями, чтобы столь много одинаковых слов не наталкивалось друг на друга и производило впечатление гладкого текста.

Переведя взгляд на низ листка, где мелкими немецкими буквами были напечатаны выходные типографские данные издания, я даже не сразу понял, отчего вдруг у меня остановилось дыхание. Мозг уже принял сигнал, но от неожиданности не давал ответного. Правда, через мгновение я четко видел среди выходных данных слова: «Ответственный за выпуск о-л-т. К. Фрейнд».

- Что улыбаешься? — спросил меня Порадельников.
- Нашелся, — сказал я.
- Кто?
- Истинный.

Глава четвертая СХВАТКА С АБВЕРОМ

1. Ожидание

Будильник звонил напрасно — Карл так и не уснул перед предстоящим вечерним банкетом и сейчас слушал его треск безразлично, ленясь нажать на кнопку.

Столь же безразлично он думал о том, как пойдет бриться, потом сменит рубашку, облачится в форму, выйдет из комнаты, которую снимал он у предъявлявшей права на баронское звание старухи — переселечки из Бессарабии. Как пойдет по улице, отвечая на приветствия солдат и офицеров, как войдет в кафе с названием «Браво!», как будет приветствовать именинника — полковника комендатуры Гюнтера.

Карл считал, что его пребывание в Минске неэффективно. «Я солдат армии свободы,— говорил он себе, чтобы не поддаваться сомнениям.— Ко мне придут и скажут: «Привет, Валерий, от Сибиряка». — Но одолеть сомнения было не так-то просто. — Хорошо, — говорил он тут же.— Они придут. Но чем я буду полезен? Я, занимающий странную должность, не имеющий никакого допуска

к секретам армии. Не специально ли Киршке подсунул мне эту должность? Я только именуюсь офицером комендатуры, а на самом деле — просто марктвеновский редактор сельскохозяйственной газеты. Я — юрист! — занимаюсь перепиской с сельскими бургомистрами! Слажку за тем, чтобы не было юридических казусов в отправляемых им инструкциях! О какой юриспруденции может идти речь, когда на каждом шагу попирается все человеческое? Если даже русские найдут меня, что это даст их борьбе? Если бы я служил в абвере... Но об этом не приходится даже заикаться — Киршке следит за каждым моим шагом, и попытка проникнуть во что-нибудь более важное, чем моя лжеюридическая должность, кончится плохо».

Конечно, он понимал, что перебарщивает со своими самообвинениями. Одна информация, которую он приобретал в кафе от подвыпивших «победителей», стоила много-го. Но и эту информацию передать было некому. С приветом от Сибириака никто не являлся.

Вечерние посещения кафе стали особенно продуктивными после того, как в Минск был переведен гауптман Розен. Карл уже несколько раз видел его в компаниях, но счел за лучшее не навязываться. Розен сам возобновил знакомство.

— Это вы, обер-лейтенант?

— Господин гауптман?

— Узнали? — Розен был доволен. — Вы, кажется, обещали отблагодарить меня при случае? Право, не помню за что.

— К вашим услугам, — сказал Карл, поднимаясь.

Они оставили компании, пошли к стойке.

— Давайте начнем с мадеры, — улыбнулся Розен, по-видимому, решивший растянуть угощение. — Я познакомлю вас с прекрасным способом пить по восходящей. Мадера, херес, портвейн, коктейль из портвейна с шампанским и, наконец, коньяк. Не против?

— С удовольствием, — сказал Карл и отдал распоряжение бармену.

Портвейн с шампанским навел Розена на мысль о брудершафте. С этого времени они стали друг для друга — Карл и Отто.

— А ты все-таки получил этот крест! — Отто кивнул на орден Карла. — Признаться, я думал, у тебя начнутся осложнения. В гестапо кто-то не обошел тебя вниманием. А эти люди не любят не заканчивать своих дел.

— Я так и не понял, что произошло тогда,— сказал Карл.— Жалко, что лишился отпуска.

— Хорошо, что не лишился чего-нибудь другого!

— А ты надолго сюда? — спросил Карл.

— Хотел бы не надолго, но думаю, что надолго,— погрустнел Розен.— У нас все так — одни выигрывают на больших грехах, другие проигрывают на маленьких. Только и мечтал я о том, чтобы стать мясником и готовить скот на убой.

Розен не расшифровал свою мысль и не продолжил ее. Но несколькими днями позже, вернувшись откуда-то, как всегда, уставший, не очень опрятный, он заговорил о том, что Карл тут же увязал с предыдущим разговором.

— Человек по своей сущности дрянь,— философствовал Розен.— Только организованная толпа может быть полезна государству. А человек в отдельности — дрянь, грязь, скот. И правильно — на убой его. Я сегодня имел дело с пленными. Для меня отобрали лучших. Мой бог! Что это за лучшие! До их сознания можно достучаться только кулаками. В их мозг не вобьешь ничего даже молотком. На что они, спрашиваю, годятся? На убой! Скот!

— Охота тебе возиться с ними,— безразлично заметил Карл.

— Эх ты! — с каким-то сожалением сказал Розен.— Невинная душа! Ты думаешь, война делается только на фронте? Да еще на твоей юридической должности? — К работе Карла он относился с нескрываемым презрением.— Половина войны, милый Карл, делается за кулисами.— Он снова не стал объяснять, перевел разговор.— Не надоело тебе следить за законностью на бумаге?

— Признаться, снова на фронт я не тороплюсь,— сказал Карл.

— Думаю, что тут тебе беспокоиться не о чем,— усмехнулся Розен.— На фронт с таких должностей отправляют за грехи. А ты лишен возможности совершать их. Чего не могу сказать о себе,— добавил он уже с иной усмешкой.

— По-моему, служа в такой организации, как абвер, ты можешь всегда быть хозяином положения,— возразил Карл.

— Распространяй это мнение! — зло шутя, отвечал Розен.— Пусть все невинные души думают именно так!

А как выглядит все это на самом деле, я никогда не расскажу тебе, мой дорогой Карл! Не имею права.

Частые встречи Карла с Розеном стали известны Киршке, который посещал кафе чрезвычайно редко, но вдруг, словно нарочно выбрав день, когда Отто был в отъезде, он сел за столик к Карлу, приветливо поздоровался.

Одетый в гражданское платье, Киршке стал весь — угодливость и почтение.

— Мы давно не виделись, — сказал он. — Уверен, что вы не вспоминали обо мне.

— Почему? — отвечал Карл. — Вспоминал. Но не помню, по какому поводу.

— Вы частый гость здесь? — спросил Киршке.

— Да, — сказал Карл. — Это мое единственное развлечение. Помогает не тосковать о семье.

— Почему бы вам не вызвать жену в Минск?

— Не хочу создавать ей неудобства, — сказал Карл. — Она привыкла к комфорту.

— Жертвуете собой. — Киршке покивал. — Впрочем, вы не так уж одиноки здесь. Завели себе друзей. Отто Розен талантливый работник. Если бы не его кое-какие грешки, он далеко бы пошел. Вы согласны со мной?

— Я не привык обсуждать приятелей в их отсутствие, — парировал Карл.

— А я не запрещаю себе желать доброго кому бы то ни было. — Киршке улыбнулся. — Тем более Отто Розену, который пользуется определенным моим уважением. Его нет здесь сегодня? Он чем-то занят?

— Не знаю.

«Что тебе нужно? — думал Карл. — Сведения о Розене? Или о наших с ним отношениях?»

— Отто Розен... — начал Киршке, но Карл перебил его:

— Давайте сменим тему.

Киршке поднялся.

— Знаете, Фрейнд, — сказал он уже без угодливости, — порой вы удивляете меня, а я не люблю загадок.

В тот же вечер Розен без приглашения нанес свой первый визит на квартиру Карла. Он явился небритый, заговорил сначала смущенно:

— Прости, милый Карл. Я не нашел тебя в кафе. Решил — почему бы не зайти?! Ты не против? Два дня

подряд я не произнес ни одного человеческого слова. Мне элементарно надо пообщаться. Прости меня.

— Перестань, Отто! — Карл старался быть гостеприимным. — Я всегда рад тебе. Располагайся. Сейчас я достану рюмки. Мы выпьем, закусим и потолкуем, о чем ты захочешь.

— Не-ет! — возразил Розен. — К большому сожалению, мы не будем говорить, о чем я хочу. Потому что я элементарно не имею права. Я бы хотел поговорить с тобой о многом. Я бы рассказал тебе, что человек — всегда дрянь, всегда скот! Но я не имею права.

— Сегодня о тебе меня расспрашивал Киршке, — оборвал излияния Розена Карл.

Отто посмотрел на Карла удивленно.

— Ты удивляешься? — спросил Карл.

— Не тому, о чем ты думаешь, — возразил Розен. — Киршке должен интересоваться всеми нами. Такая уж у него собачья работа. Можешь передать ему, что я назвал его работу собачьей! Он знает, что ты расскажешь мне об этом. Зачем ему нужно, чтобы я узнал об его интересе к моей персоне? А? Карл? Я знаю — зачем! Затем, что я сейчас занят одним делом с гестапо. И они не хотят, чтобы я проболтался. Они затыкают мне рот! Они напоминают мне, чтобы я держал язык за зубами. А то ведь я могу нечаянно рассказать какую-нибудь малость хотя бы тебе. А? Карл? А если это дело просочится к русским, то с гестапо с первого снимут штаны. Потому что это их акция. Мы занимаемся только обеспечением ее. Ты понял меня, Карл?

— Ничего я не понял, — сказал Карл. — И думаю, что нам не следует говорить об этом.

— Правильно, мой мальчик! — снова усмехнулся Розен. — Будь подальше от наших секретов, если не хочешь оказаться снова на фронте. Или еще дальше. По правде сказать, и от меня тебе следует держаться подальше. Но, честное слово, мне не хочется этого. Потому что... потому что у тебя добрые глаза!

— Не хочешь умыться, Отто? — спросил Карл.

— Я ничего не хочу. — Розен рассмеялся. — Я пойду от тебя к одной dame и там умоюсь весь. Что это за дама, я не скажу. Потому что я умею хранить секреты. Это у меня в крови. Так и передай своему Киршке. Ты не работаешь на него?

— Отто! — обиделся Карл.

— Прости, мой друг. Это я так. Хотя сейчас ни в чем нельзя быть уверенным. Человек вообще — дрянь. Не прими на свой счет. Но человек вообще — дрянь! И гестапо — дрянь! Хотя мы обеспечим им эту акцию. Я выберу им из хлама и дряни то, что они хотят. И обучу этот скот. Легче петуху найти жемчужину в навозной куче. Пожалуй, пора мне.

Розен действительно тут же ушел, оставив Карла в уверенности, что за стенами абвера и гестапо происходит что-то чрезвычайно важное.

Карл понимал, что все эти обрывки разговоров, эти полуупризнания абверовца надо как можно скорее сообщить русским. И уже задумывался — не имеет ли смысла нарушить строжайший запрет русского командира и сделать самостоятельную попытку найти контакт с подпольем. Но привычка к военной дисциплине останавливалась его.

Нетерпение Карла нарастало. Страшной, непоправимой ошибкой казался ему каждый день промедления. После дальнейших встреч с Розеном он стал догадываться, что речь идет о крупнейшей операции, но не на фронте, а в тылу. Он ничего не знал ни о характере операции, ни о ее сроках, но интуитивно увязал ее с появлением в Минске группенфюрера СС генерал-лейтенанта фон Готберга.

Карл не знал также, что умение ждать — одно из основных качеств разведчика. Ему и в голову не могло прийти, что прожитые весенние и летние дни прошли не напрасно, они сослужили свою неоценимую службу — этап вживания можно было считать успешно законченным.

Кафе «Браво!» занимало довольно большое помещение — два зала сходились под углом к стойке. За одним из залов была бильярдная, за другим — комната со специальными привезенными ломберными столами для игр.

Полковник Гюнтер снял один из залов, второй же был полон компаниями, среди которых поздравивший именинника Карл, к своему удивлению, не обнаружил Розена.

Вскоре внимание Карла привлек столик на четверых, занятый тремя армейскими офицерами и штатским щеголем неопределенного возраста. Беседу за тем столом вели щеголь, и офицеры то и дело заходились от хохота.

— Что это за конферанс? — спросил Карл соседа по столу.

— Антиквар из Кельна, — отвечал майор. — Блестящий бильярдист. Вчера высадил самого Киршке на четыреста марок. Киршке отказался от реванша. На что Антиквар острожно заметил, что отбил у Киршке интерес к собственной персоне.

Через час сидения Карл поднялся и отправился в бильярдную. Антиквар играл пирамиду с одним из своих собутыльников.

— Пятнадцатый от борта в угол! — звонко объявил Антиквар с заметным берлинским акцентом. Забив шар, он добавил, уже небрежно: — Пошел, как к маме в гости.

Болельщики одобрительно засмеялись.

— Восьмой в середину! — заказал Антиквар, но на сей раз удар был неудачен. — Шельмен! — улыбаясь ровными зубами, прокомментировал Антиквар. — Видно, рано ему жениться.

Соперник Антикова первничал, играл плохо. Антиквар продолжал шутить при каждом ударе, и шутки его становились все более сальными.

Карл заскучал. Не желая возвращаться к столу, он стал думать об Анне, о дочери и с трудом понял, что вопрос Антикова обращен к нему.

— А вы?

— Что? — спросил Карл.

— Не желаете? Пирамиду? Или американку? Вас я, кажется, еще не успел напугать своим везением.

— Благодарю, — отказался Карл. — Никогда не увлекался бильярдом.

— Сожалею. — Антиквар улыбался. — Но вы сами ввели меня в заблуждение. Вы были столь внимательны во время партии, что я признал в вас игрока. Еще раз сожалею. — Он тут же отошел от Карла и занялся своими собутыльниками.

Карл ждал одиннадцати часов, когда удобно будет покинуть именины. Но что-то все время возвращало его мысли к Антикову. Поэтому, идя по ночному уже городу к дому, он совсем не удивился, когда рядом с ним притормозил «опель» и высунувшийся из машины Антиквар предложил:

— Не считите за назойливость. Если хотите, подвезу.

Первым желанием было отказаться, но что-то заставило Карла принять предложение. Он сел рядом с Анти-

кваром, который улыбался приветливо и, казалось, искренне. Машина мягко двинулась, и Антиквар сразу заговорил:

— Ваше недоумение естественно, но я сейчас все объясню. Моя, как вы, может быть, уже знаете, контора — не частное предприятие.

— К сожалению, я почти ничего не знаю о вас, — перебил Карл.

— Вот как? — удивился Антиквар. — Мои подхалимы уверяют меня, что за четыре дня я стал самой известной фигурой в городе. Но вам должно быть известно другое. Рейх проявляет значительный интерес к сокровищам мирового искусства самых разных жанров, за исключением, разумеется, поделок марксистского толка. Лично Герман Геринг занимается акцией спасения реликвий. Контора, которую я возглавляю, — одна из комиссий такого порядка. Герман Геринг требует от нас категорического исполнения всех необходимых юридических формальностей. Теперь вы понимаете, почему я обратился к вам. Мне рекомендовали вас достаточно высокие чины.

— Позвольте поинтересоваться, кто? — спросил Карл.

— С удовольствием посплетничал бы, — улыбнулся Антиквар. — Потому что в принципе я болтлив, как попугай. Но мне строго запретили делать это. У вас, в армии, всегда секреты. Как мне объяснили, ваша должность не слишком обременяет вас. И может быть, вы согласитесь время от времени давать нам некоторые консультации?

— Мне неясен характер консультаций. Предметы искусства не были моей специальностью, — сказал Карл.

— Речь идет о правильном оформлении торговых сделок, — пояснил Антиквар. — Скажем так: лицо, которое приобрело ту или иную вещь, должно иметь документы, удостоверяющие его право на эту вещь. Вы поняли меня? Документы должны быть составлены в соответствии с законами европейского рынка.

— Довоенного? — спросил Карл.

Антиквар коротко, но очень внимательно посмотрел на него, ответил не сразу:

— Судя по всему, мне не зря рекомендовали вас. Вы настоящий юрист. Документы должны отвечать законам такой страны, как Швейцария. Вы будете получать достаточно высокие комиссионные за чисто консультативную работу.

— Соблазнительно,— сказал Карл.— Но я должен получить разрешение своего начальства.

— Об этом можете не беспокоиться. Можете даже не утруждать ваше начальство такими пустяками. Это не значит, что оно не будет поставлено в известность. Но есть вещи, которые лучше решать неофициально.— Антиквар остановил машину у дома Карла.

— Вы знаете мой адрес? — Карл улыбнулся.— Простите, еще один вопрос. Вы дали мне несколько обещаний и советов, сделали предложение. Вы не объясните, почему я должен верить нашему позднему разговору?

— Вы умнее, чем мне хотелось бы.— Антиквар стал держаться так, как держался в бильярдной,— задиристо, с бравадой.— Но, очевидно, не столь умы, как хотелось бы вам самому.

— Могу считать ваше оскорблении платой за проезд? — спросил Карл.

Антиквар рассмеялся:

— Напрасно! Если вдуматься, то я сказал вам комплимент. Только недовольный своим интеллектом человек по-настоящему умен. Покорнейше прошу считать, что недоразумение исчерпано. Что касается ваших сомнений, то их может разрешить Дитрих Киршке. Вы заставили меня назвать эту фамилию, хотя я не хотел этого делать. Очень боюсь, что меня начнут подозревать в тесных отношениях с ним. На самом деле все просто — работа моей конторы должна быть на виду у гестапо. Могу я ждать вас завтра в полдень?

— Хорошо,— пообещал Карл,— я приду.

Он долго не мог заснуть, обдумывая ночную встречу. Он усмехался, признавшись себе в том, что едва ли не ожидал узнать в Антикваре человека с паролем, после того как тот вдруг заговорил с ним в бильярдной. Потом он пытался уяснить, что настораживает его в этом уверенном в себе щеголе. И не мог дать определенного ответа. Карл понимал, что Антиквар — человек гестапо, но истинный вес его в этой организации был ему неясен. Поэтому он не мог оценить своего согласия на контакт с Антикваром — с одной стороны, он мог оказаться полезным, с другой — чрезвычайно и ненужно опасным.

И все-таки в эту ночь он вдруг пришел в отличное расположение духа. Вновь появилось ощущение борьбы.

На другой день он без труда разыскал контору Антиквара и застал его в маленьком, неряшливом, никак

не вязавшемся с щегольской внешностью хозяина кабинета.

«Этот кабинет не нужен ему,— подумал Карл.— И может быть, ему не нужна вся эта деятельность». В последней мысли он убедился еще более, обнаружив, что Антиквар не опытен в подобных делах, похоже, он был полным дилетантом в них, и решение любых вопросов мгновенно перепоручал своим помощникам.

Однако за Карлом, просматривающим документы, Антиквар следил с острым вниманием, с еще большим вниманием он стал слушать Карла.

— Если я правильно вас понял,— сказал Карл,— то эти документы при необходимости может оспорить любой истец и любой суд, по крайней мере, примет дело к рассмотрению.

По-прежнему остро заинтересованный Антиквар никак не отозвался на эти слова. У Карла появилось желание подразнить его — бросить пробный камень, показать, что он понимает Антикова более, чем тот думает.

— Скажем,— продолжал Карл тоном заправского буквоеда,— с такими документами достаточно ценную вещь не примет на хранение ни один, в том числе и швейцарский, банк.

Он увидел, как напрягся Антиквар и как он не хотел выдать своего напряжения.

— Итак, если я правильно понял вас,— говорил Карл,— все эти документы должны быть составлены по иной, принятой в международной юриспруденции форме.

— Вы могли бы сделать это? — быстро спросил Антиквар.

Карла с самого начала их общения удивляло одно небольшое обстоятельство — Антиквар до сих пор не представился ему. Карл решил, что сейчас самое время свести разговор на это.

— Мы до сих пор знакомы лишь односторонне,— с улыбкой сказал Карл.

Он увидел, что эта мелочь на мгновение сбила Антикова с толку, но тот сразу нашелся, заулыбался в ответ:

— Простите, я считал, что нас представили в кафе. Я чертовски рассеян. Генрих Клюгге. — Он поклонился.— Очень рад. Но... Так вы смогли бы выполнить эту работу?

— Такая работа выходит за рамки консультаций,— сказал Карл.

— Она будет оплачена отдельно,— пообещал Антиквар.

— Это требует времени...

— Работать вам придется здесь,— быстро сказал Антиквар.— Как вы понимаете, это — не военные секреты, но все же существа дел не должно быть известно никому. Хочу предупредить вас, что вместе с высоким гонораром вы берете на себя определенные обязательства о неразглашении. Но это лишь повышает гонорар,— заверил он.— С вашим начальством мы обо всем договоримся, не беспокойтесь.— Антиквар помолчал, чему-то улыбнулся и продолжил: — Мне все более кажется, что с вами лучше всего говорить начистоту. И сейчас я хочу упредить два ваших вопроса, тем более что ответ на них общий. С одной стороны, вы удивлены моими полномочиями, с другой стороны, вам непонятно, почему ими обначен человек, мягко говоря, мало знакомый с делом. Ведь так вы подумали обо мне? Все очень просто. Я осуществляю лишь общее руководство. И являюсь, так сказать, доверенным лицом рейха. Вы удовлетворены?

— Спасибо,— сказал Карл.— Признаться, вы успокоили меня.

В один из неожиданных визитов Розена Карл, к удивлению гауптмана, отставил бутылку в сторону и попросил отложить выпивку до окончания разговора, который он хотел завести.

— Конечно,— нехотя согласился Розен.— Только коньяк никогда не мешал мне трезво мыслить.

— Это очень серьезный разговор, Отто,— возразил Карл.— Скорее всего я не имею права его вести. Я даже давал некоторые обязательства на этот счет. Но слишком уж меня беспокоит происходящее. И... кроме тебя, мне не с кем посоветоваться.

— Считай, что все в порядке,— сказал Розен.— Разговор останется между нами.

Смузьясь и останавливаясь, Карл изложил Розену всю историю своих взаимоотношений с Антикваром. Розен слушал с откровенной усмешкой и наконец сказал:

— Ты наивный мальчик, Карл. Контора — вне всяких сомнений, ширма. Такие люди, как Клюгге, занимаются

несколькоими делами сразу. И не думай, что он посвятил тебя в главное из них. Я не стану обсуждать это, но не потому, что не доверяю тебе, а потому, что скажу сейчас гораздо более важные вещи. Однако я предпочтел бы сначала немножко выпить.— Он подождал, пока Карл наполнит рюмку, выпил и продолжил: — Контора — ширма, но не липовая. И вот это-то очень плохо, Карл. Не торопись, сейчас я скажу почему. Ты даже представить себе не можешь почему. Но сначала я еще выпью. Только идиот может говорить в трезвом виде то, что я хочу тебе сейчас сказать.— Он выпил.— Зачем победителям соблюдать законность? А? Карл? Молчишь? А я скажу тебе, что о законности всегда орут побежденные! Ты не понял меня? Они страхуются на случай поражения, Карл! Запомни, я сказал тебе это первый! Запомни, об этом ты через год-другой будешь слышать от многих! Но я первый сказал тебе это! Мы проиграем войну, Карл! И мы станем — дрянь, мразь, скот! Скоту нужны юридические права. Вот чем занимается твой Клюгге в свободное от основных обязанностей время.

— Признаться,— подумав, отвечал Карл,— я обеспокоен сейчас совсем другим. Я хочу знать, насколько лично мне опасно сотрудничество с Клюгге. Я всегда боялся неясных дел.

— Ты хороший парень, Карл,— усмехнулся Розен.— Но ты не даешь себе труда раскинуть мозгами дальше своей собственной головы. Может быть, ты прав. Ты спрашиваешь, сколь опасен тебе контакт с Клюгге... Давай рассудим. Одно могу сказать тебе сразу. Ты должен мгновенно забывать все исходящие номера. Исходящие номера — главная забота наших органов безопасности. На любой непредвиденный случай они должны уничтожаться первыми. Так везде — начиная с концлагерей, кончая предметами, как ты говоришь, искусства. Я бы назвал их мешками для удачного помещения капитала. Если Клюгге будет уверен, что эти номера не задержались у тебя в голове, то... То, думаю, других претензий к тебе у него не может быть.

— Да на кой черт мне эти номера! — сказал Карл.— И потом, кто станет запоминать семизначные цифры?

— Ну, хотя бы тот, кто в будущем рассчитывает на круглую сумму... скажем, методом шантажа... Так что я скорее должен был советовать тебе запоминать эти цифры.— Розен рассмеялся.— Шучу.

— Ты слишком много сегодня шутишь, Отто,— сказал Карл.

— Да? — Розен внимательно посмотрел на Карла.— Ну, решим, что ты и здесь прав.

Цифры стали преследовать Карла. Он понял, что эта информация не устареет и нужно непременно сохранить ее. Утром он тратил два часа на специальную тренировку, раздобыв для этого телефонную книгу. Открывая книгу наугад, Карл заставлял себя зазубривать все расположенные на странице номера. Вскоре он делал это достаточно легко.

Для запоминания цифр, мелькавших перед ним в конторе Клюгге, он использовал свои старые способности играть в шахматы вслепую — располагал их на воображаемом поле белых и черных клеток и потом без труда восстанавливал дома. Он завел оригинальный тайник для хранения своих записей — расчетную тетрадь хозяйки, которую та фетишизовала и наверняка спасла бы при любом пожаре. Ему значительно помогали слабые способности хозяйки к арифметике, из-за которых каждая оборотная страница была посвящена умножениям и делениям, и среди этих действий он спокойно мог располагать свои цифры. Особо Карл радовался тому, что даже при условии, что эта книга заинтересует гестапо и они обнаружат там цифры Карла, наверняка досужие следователи сочтут их за какой-то шифр и сломают свои головы над разгадкой его.

Лишь одно по-прежнему было плохо. Человек с паролем не появлялся.

Клюгге загружал Фрейнда время от времени, но тогда начальство отпускало Карла без каких-либо расспросов и он сам назначал день своего возвращения в комендатуру. Обычно с молчаливого поощрения Клюгге Карл, закончив работу по оформлению документов, делал вид, что занят ей, а на самом деле проводил досуг в кафе, или с Розеном, или на прогулках, которые он посвящал раздумьям.

Надо сказать, что Карла весьма поразили откровения Розена по поводу возможного поражения Германии.

«А сам-то я уверен в этом поражении?» — неожиданно спросил себя Карл.

И оказалось, что этот вопрос он раньше не обдумывал. Предстояло разобраться — почему. То ли он был без-

оговорочно уверен в крахе фашизма, то ли, несмотря на любой исход, вставал на борьбу с ним. Ответить на такой вопрос было немаловажно. Уверенность в скором поражении фашизма диктовала одну тактику, готовность погибнуть в неравной борьбе с ним — совершенно другую.

Карл многое бы отдал сейчас за возможность побеседовать с Вознесенским. Этим размышлениям он и посвящал свои прогулки.

Оккупированный город жил как за опущенными шторами. Ничего не выносилось на улицу — местное население выходило из дома лишь при крайней необходимости либо по команде. Но Карл знал, что за стенами происходит многое, что не дает покоя Киршке. Уличная тишина была обманчивой и тем неожиданней разрывалась вдруг ночными выстрелами, причем среди погибших все чаще оказывались офицеры вермахта.

Взгляд человека, с которым встретился Карл на улице, поразил его. Мужчина в достаточно хорошем костюме смотрел прямо, спокойно, уверенно.

«Так должны смотреть те, кто стреляет во врага по ночам», — подумал Карл, проходя мимо человека.

— Привет, Валерий, от Сибиряка, — услышал он негромкий голос.

Карл приостановился, скосив взгляд на прохожего. Тот снял головной убор — как было условлено при инструктаже возле амбара. Карл потянулся к фуражке, поправил ее.

— От Павла с бородой?

Незнакомец кивнул и едва заметно улыбнулся.

2. Операция «Гауптман»

Мы вышли на связь с Карлом в очень напряженные дни. В ожидании массированных выступлений врага проводилась большая работа по координации целенаправленных действий штаба партизанского движения в Центре, партийных органов и командования бригад и отрядов на местах.

Простой расчет показывал, что враг не мог ударить по всем направлениям партизанского фронта. Успех наших встречных боевых операций зависел от того, будем ли мы знать, где гитлеровцы планируют нанести главный удар.

В этих условиях все большее и большее значение приобретала разведка. Без ее ежедневных героических усилий не представлялось возможным получить необходимую информацию.

В то же время решались и локальные задачи.

В северных деревнях района были встречены «ряженые партизаны». Мы угостили предателей так, что на долго отбили у них охоту к участию в подобных спектаклях.

Определенных усилий требовало выявление внедренного в бригаду агента противника. Нам уже приходилось сталкиваться с такого рода фактами и до этого. Поэтому информация о его существовании не застала нас врасплох.

Скажу больше — мы знали о нем раньше, чем сообщил бургомистр. Знали и принимали меры. В результате этих мер никто не мог покинуть расположение бригады без ведома командования. А если бы агент и сбежал, то что дало бы это врагу? В лучшем для него случае оказалась бы раскрыта дислокация одного из отрядов. Исчезновение предателя мы обнаружили бы сразу, и к моменту прихода врага на месте расположения партизанского лагеря оставались бы только давно потушенные костры.

И все же надо было как можно быстрее выявить агента.

Поверить бургомистру, что подожженный Захарьевский хутор станет для предателя сигналом, мы, естественно, не могли. Лишь Виктор, возбужденный своей труднейшей операцией, принял слова бургомистра за чистую монету.

Скажу заранее несколько слов об агенте. Это был человек тридцати с небольшим лет. В недалеком прошлом он подвизался на поприще спорта, где рекордов не установил, но оказался способным организатором. Определенных антисоветских убеждений не имел. Компанейский, живой характер и довольно острый ум помогали ему скрывать внутреннюю беспринципность. К деньгам был неравнодушен, но не жаден — тратил их с той же легкостью, с какой добывал.

Он готов был идти на любые махинации, чтобы удовлетворить свои желания. Оказавшись в лагере для военнопленных, согласился на предательство без особых колебаний, как только угроза его благополучию — даже не жизни! — стала реальной. Окончив школу шпионов-ди-

версантов, он под маской солдата-окруженца оказался в нашей бригаде.

Надо сказать, что агенту не просто было внедриться в отряд. Строгая проверка, как правило, в зародыше пресекала подобные попытки противника, ложь разоблачалась. И все же предателю удалось проникнуть к нам.

Неизбежный конец ожидал его несколько позже.

Решались и другие локальные задачи, но главным была подготовка к ожидаемым крупным боям с карательями.

Появление фон Готберга в Минске, полупризнания Розена укрепили нас в прежних предположениях о готовящейся акции гитлеровцев. Надо было срочно получить информацию о сути планов врага.

При создавшихся обстоятельствах мы считали маловероятным проникновение Карла непосредственно в штаб фон Готберга. Поэтому в основном отрабатывались две версии. Первая получила название «Гауптман». По ней надо было сделать максимально полезным для нашего дела Отто Розена — использовать его пораженческие настроения, болтливость, его причастность к закулисным действиям гитлеровских специальных служб. Мы подробно обсудили также вариант вербовки Розена и сошлись на том, что посылок к ней явно недостаточно. Лишь резко изменившиеся обстоятельства и совершенно определенные изменения в настроениях Розена могли сделать вербовку возможной. Все это было тщательно оговорено в подготовленной для Истинного инструкции. Вторая версия — «Антиквар». После долгих обсуждений мы утвердились в высказанной Розеном догадке относительно основной деятельности Генриха Клюгге. Практика показывала, что фашистские разведчики нередко параллельно с главным заданием выполняли и щекотливые поручения высокопоставленных боссов, и, очевидно, Клюгге не стал исключением, тем более что подобная контора, несомненно, приносila ему немалый доход.

Вторая версия имела более дальний прицел, чем первая, и мы не связывали ее только с предстоящими боями. Она могла иметь далеко идущие последствия. В инструкциях, направленных Истинному, подчеркивалось, что излишне форсировать события по второй версии не следует.

Была причина и для беспокойства — это Киршке. Истинный явно недооценивал опасности, грозившей ему отсюда. То, что гестаповец оставлял Карла в Минске, боясь его откровенных признаний об их прежних встре-

чах, было понятно. Но вместе с тем было понятно и другое — Киршке мог лишь отложить попытки скомпрометировать Карла, но он не оставил их. И всегда он будет искать возможность привязать эту компрометацию к неясностям возвращения Карла после боя. Ему лишь надо соблюсти меру — организовать такое подозрение против Карла, чтобы его было достаточно для ареста и расследования дела на месте, но чтобы ни в коем случае оно не потребовало бы чрезвычайных акций, связанных с отправкой обвиняемого в Берлин.

Мы думали об устраниении Киршке. Но по зрелому размышлению отвергли этот план. В архивах гестаповца могли остаться материалы против Карла, которые привлекли бы внимание сменщика Киршке.

Нам не хотелось нагружать Истинного еще и игрой с гестаповцем, но определенные инструкции были направлены ему и по этому поводу.

Итак, если пользоваться шахматной терминологией, партия началась.

* * *

Принято считать, что первый ход дает шахматисту преимущество. Любовь к черным фигурам называют парадоксальной, однако известно, что парадоксы нередко приводят к успеху — конечно, если они не становятся системой.

До сих пор в отношениях с Розеном Карл был на положении человека, играющего черными. Налицо были все результаты этого — Розен всегда задавал тон, всегда чувствовал свое преимущество, всегда выходил победителем из микроконфликтов. И естественно, что, несмотря на атмосферу подозрительности, имевшую место в гитлеровской армии и усугублявшуюся принадлежностью человека к специальной службе, Розен в конце концов привык к Карлу и не ждал с его стороны какой-либо опасности. Оставаясь с ним наедине, он порой становился не просто разговорчивым, но и сообщал сведения, которые представляли большой секрет.

Необходимость ускорить события подсказывала Карлу парадоксальный ход — с неожиданной для Розена потерей привычных ему преимуществ.

— Ты ведь не считаешь меня дураком, Отто? — спросил однажды Карл, когда они сидели вдвоем в его комнатах.

— Не считаю,— отвечал несколько удивленный Розен.

— И надеюсь, ты не скажешь, что то, что услышишь сейчас, вызвано моей наивностью. Что за такие слова... и так далее. Надеюсь, ты поймешь, что я говорю это, потому что верю тебе. Ведь так, Отто?

— Ну, ну? — Розен по-прежнему был удивлен.

— Мне надоела война, Отто.

— Всего-то? — Розен усмехнулся.— Она надоела не только тебе. И хотя об этом действительно не говорят вслух, но это признание не стоит твоих вступлений. Я думал, ты сообщишь мне что-нибудь поострее.

— Значит, ты не понял меня,— сказал Карл.— Мне не просто надоела война. Я хочу, как говорят в Америке, выйти из дела.

— Каким образом? — Розен снова удивился.

— У меня есть деньги, Отто. Большие деньги. Конечно, в случае моей смерти они достанутся дочери. Но... На белом свете можно найти место, где с такими деньгами меня примут на ковровую дорожку прямо с трапа.

— Это называется изменой,— сказал Розен.— И в лучшем случае тебя ожидает расстрел.

— Изменой — кому? — быстро спросил Карл.

— Естественно, рейху!

— А если... — Карл не договорил.

— Что — если? — обеспокоился Розен.

— Если мне плевать на это? Если я хочу сначала промотать собственные деньги, а уж потом, может быть, служить кому-то?

— Не выйдет! — неожиданно зло сказал Розен.— Для того чтобы промотать деньги в кабаке, до кабака надо добраться. За деньги тебе этого не сделать.

— А как это можно сделать, Отто?

— Ну ты и фрукт! — сказал Розен, вытирая лоб.— Никак уж не ожидал от тебя. Я вот думаю, не расстаться ли нам полюбовно. Забудем этот разговор и в будущем ограничимся приветствиями на улицах.

— Ты считаешь меня подлецом, Отто?

— Все дело в том, что я не знаю, кем тебя считать. Только сейчас я вспомнил, что ты хорошо знаком с Киршке. Что именно тебя выбрал Клюгге. Так что извини меня, Карл. Я ни в чем не уверен и не побегу донести на тебя. Я предлагаю тебе расстаться полюбовно.

— Как хочешь,— сказал Карл.— Я искал компаньона. Вторую часть операции оплачивал бы я. Первую, как

ты сам говоришь, на деньги не организуешь... Я подумал, что мог бы найти валюту для первой части.

— Ты не сошел с ума? — неожиданно успокоившись, спросил Розен.

— Нет,— отвечал Карл после паузы,— я здоров. Я всем телом, каждой клеткой мозга чувствую, что я здоров. Поэтому я и хочу оставаться здоровым. Для этого я изучал Аристотеля и Гегеля! Для этого я могу отличить «Клико» от «Шабли» и знаю, каких цыплят должны подавать на вертеле. Для этого я каждую ночь вспоминаю свою жену. А по утрам — дочь. Я уже насидался в окопах. А мне даже отпуска не дали, чтобы я забыл эту грязь. Клюгге! Киршке! Пошли они к черту! Я думал, ты веришь мне, Отто. Ты сам говорил мне, что все вокруг — дрянь! Я хочу уйти от этой дряни. Я поставлю вокруг своего дома высокий забор и не буду видеть даже рожи молочника. Потому что все — дрянь! Все, кроме денег, которые позволяют человеку жить в чистоте.

Розен вдруг улыбнулся:

— А ведь это я виноват во всем. Кажется, я сделал с тобой то, чего не могли сделать ни Гегель, ни Аристотель. Я сделал тебя своим последователем, Карл. Но ты пошел дальше меня.

— Настоящий ученик всегда идет дальше учителя.— Карл как будто еще не успокоился, но уже говорил подружески.

— Ну что ж, Карл,— расчувствовался Розен,— доколе это разговоры, я могу поддакивать, сколько угодно. Но — доколе разговоры. А на деле... Смею тебя заверить, Карл, что на деле это просто невозможно.

— Что невозможно, Отто?

— То, о чем мы говорим.

— Хорошо,— сказал Карл.— Пусть для тебя это будут разговоры. Может быть, для меня они тоже останутся разговорами. Но я хочу знать, как бы я мог добраться до того самого кабака, где можно заказать хороший ужин. Мне почему-то кажется, что такие кабаки могут быть в Южной Америке.

— Адресом ты не ошибся.— Розен улыбался.— Но туда ведет только один путь. Я бы должен сказать — два, тем более что первый идет через границы наших союзников. Но именно он и невозможен. Потому что полиция союзников мгновенно выполнит распоряжение, отданное... скажем, мной... или, скажем, Киршке... И тебя схватят

на следующий день после перехода границы, если ты доберешься до нее. Второй путь... он через фронт, Карл... Ну хорошо, для разговора обсудим и его. На нем две колеи — одна ведет в Россию...

— А там в Сибирь? — подсказал Карл.

— Карл! — усмехнулся Розен.— Если уж мы говорим откровенно, то не станем повторять выдумки Геббельса. Нет, Карл, там тебя с той валютой, которую я имел в виду, примут неплохо. Но не так, как ты хочешь, Карл. И дорога оттуда до Южной Америки не станет короче. Значит, остается вторая колея — назовем ее английской. Потому что любое другое направление значительно сложнее, можешь поверить мне. С чем тебе надо явиться в Лондон, чтобы там тебя не приняли за нашего шпиона и не интернировали в лучшем случае до конца войны? Со сведениями, представляющими интерес для английской разведки. Вот она — валюта! Где взять такие сведения? Скажем, я не могу тебе дать их. Я работаю на восточном направлении. Но если бы и мог... как бы все это выглядело, Карл?

— Не хочу об этом думать! — резко сказал Карл.

Розен усмехнулся, покачал головой:

— Я не об этической стороне, милый Карл. Я о том, что твоя жена и твоя дочь отдали бы то, что ты задолжал нашей контрразведке.

— Я уже нашел возможность отправить их в Швецию,— возразил Карл.

— Вон как! — снова удивился Розен.— Должен окончательно признаться, что я совершенно не знал тебя, Карл. Значит, наш союз тем более не может состояться.— Розен поднялся.

— Еще два слова, Отто,— удержал его Карл.— Прости меня, но я хочу быть честным до конца. Я долго обдумывал то, о чем мы сейчас говорили. И... еще раз прости... но я обдумал и тот вариант, что ты поставишь в известность о нашем разговоре определенных людей.

— Что же ты решил на этот случай? — спросил Розен.

— При возможном расследовании я буду утверждать, что мы вдвоем обдумывали этот план и выполнение начала операции ты брал на себя.

— Чем ты докажешь это?

— Тем, что тщательно обдумал «валюту». Ты собирался передать противнику сведения об операции, кото-

ную готовит фон Готберг против русских партизан и обеспечением которой ты сейчас занят. Сведения о подборе кадров для нее в концлагерях.

— Так! — Розен смотрел хмуро. — Прекрасные способности обобщать! Ты не терял даром времени, Карл. А ведь у меня была интуиция, и я мог бы угробить тебя еще тогда, на фронте. Прошлого, как говорят, не вернешь. Ты только одного не учел, Карл. Того, что я могу организовать твое исчезновение иным способом — таким, по которому от человека остается лишь тело — здоровое тело! А самого человека уже нет! Что ты выберешь — колеса грузовика или случайную пулю?

— Об этом я тоже подумал, Отто, — спокойно сказал Карл.

— Неужели? — Розен растерялся, но старался держать себя в руках. — И что же ты решил на этот случай?

— Прежде всего не сообщать, что я решил, — отвечал Карл. — Но заверяю тебя, что и это продумано неплохо.

— Чем закончим? — резко спросил Розен.

— Тем, что союз не состоялся.

— И тем, что я не советую тебе искать другого союзника. Вдвоем с ним мы сумеем оправдаться. А уж я теперь не спущу с тебя глаз. Я прав, Карл, человек всегда — дрянь и скот!

Он ушел, не попрощавшись и оставив Карла в смятном состоянии.

«Я проиграл, — говорил себе Карл. — Парадоксальный ход не принес успеха. Если это — мат, то надо бежать по указанному в инструкции пути. Но если есть хоть один процент надежды на то, что это не мат, то... А есть ли этот процент? Мне кажется, что Розен не пойдет с доносом. Но ведь это только кажется. А есть у меня уверенность, что пойдет? Нет. Вот, значит, какой-то процент надежды есть, и нельзя не воспользоваться им. Если Розен не пойдет с доносом, можно считать, что все началось не так уж плохо, и теперь нужно только развить достигнутый успех. Но для этого, как ни мало времени, надо ждать. Если процент надежды верен, то Розен непременно продолжит разговор сам».

Розен пришел в тот же вечер. Войдя в комнату, он сел на диван, долго молчал, наконец спросил:

— Сколько у тебя денег, Карл?

— Много. Но не будем больше говорить на эту тему. Потому что ты, кажется, нетрезв. Подождем до утра. Если хочешь, можешь остаться у меня.

— Хорошо,— согласился Розен,— я останусь. Я все время думаю об этом, и ты должен быть рядом. Ты — дрянь и черт знает что. Тебя надо сторожить.

Утром он долго лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок. Карл не мешал ему молчать и раздумывать, хотя ничего специального не предпринимал для этого — сам встал, умылся, оделся.

Розен заговорил лишь тогда, когда Карл сделал вид, что уходит.

— Я еще останусь, Карл?

— Как знаешь, Отто. Мне пора.

— Ты мне вчера что-то предлагал, Карл?

— Ты все прекрасно помнишь, Отто,— жестко ответил Карл.

— Берешь инициативу в свои руки? — Розен усмехнулся, не взглянув на Карла.— Ты помнишь, я говорил тебе, что Германия проиграет войну?

— Помню, Отто.

— Так вот. Она проиграет ее еще и потому, что в армии есть такие офицеры, как мы с тобой. Я удивляюсь, что до сих пор еще не было совершено покушение на фюрера.

— Причем здесь покушение на фюрера? — спросил Карл.

— Кругом будет дрянь и измена! — сказал Розен.

Карл решил возмутиться:

— Я никому не собираюсь изменять!

— А что же ты собираешься делать?

— Я собираюсь уйти оттуда, куда меня насиливо втолкнули. Я никогда и ни с кем не хотел воевать. Вот и все!

— А я хотел,— сказал Розен.— Но потом расхотел. Но это тоже измена, Карл. Мы с тобой оба изменники. Скажи, если бы для твоей свободы надо было уокошить фюрера, ты пошел бы на это?

— Не знаю,— сказал Карл.

— Вот видишь! Значит, ты не исключаешь вероятности того, что уокошил бы.

— Я говорю о своей цели, — возразил Карл. — С этой точки зрения любой человек, стоящий на моем пути...

— Не прячься за философию, Карл! — перебил Розен. — Факты надежней. Фюрер всегда стоял у нас на пути. Тебе он мешал тратить деньги. А мне соблазнять жен приятелей и получать за это повышения по службе.

— Ты хочешь приравнять свои грехи против морали к моему желанию свободы?

На это Розен просто расхохотался:

— Мораль возле смерти? Белый воротничок на шее налача! Я не могу позволить себе свежей рубашки, потому что хорошо знаю, чем я занят. Ты способный ученик, запомни и это.

«Вот оно что,— понял Карл.— Ему показалось, что он потерял первую роль в нашем дуэте. Пожалуйста, Отто! Уж что-что, а твое самолюбие я готов потешить».

— В своей логике,— помолчав, сказал Карл,— ты, как всегда, неотразим. Я не умею возражать тебе.

— Вчера у тебя получалось это,— напомнил Розен, впервые за утро посмотрев на Карла внимательно.

— Ко вчерашнему разговору я долго готовился,— стал оправдываться Карл.— И решил ни за что не отступать от принятой линии. Я очень боялся, что ты вновь подавишь меня своим превосходством. И я горд, что сумел высказать все, о чем так много думал.

Розен словно почувствовал облегчение, легко сел на диване, покровительственно, как это делал раньше, улыбнулся Карлу:

— Ну и кашу ты заварил! Так сколько же у тебя денег, Карл? Ты уверен, что их хватит нам на двоих?

— Хватит и останется,— сказал Карл.

— Я предпочитаю цифры. — Розен посерезнел.

«Цифру-то я обмозговал,— подумал Карл,— но тебе придется подождать с этой информацией».

— Цифру определишь сам.

— Ну, ну, упрямец! — Розен повеселел.— А если я запрошу лишку?

— Не спорь со мной, Отто,— настаивал Карл.— Это я тоже обдумал.

— Триста тысяч,— быстро сказал Розен, не отрывая от Карла цепкого взгляда.

— Там, на месте,— так же быстро ответил Карл.

— Двадцать процентов здесь.

«Торгуешься? — подумал Карл.— Вот и прекрасно. А что, если он играет со мной? Нет, нет, это надо исключ-

чить. На это нельзя тратить силы — поворачивать все равно некуда. Но перерыв надо взять».

— Я обдумаю, Отто,— сказал Карл.— Я считал, что наш разговор предварительный, и мы не сразу начнем конкретные обсуждения. Кроме того, мне еще нужно по-беспокоиться о жене.

— Нет,— возразил Розен,— мы должны уже сегодня связать друг друга накрепко.

«Как хорошо, что ты предложил это сам,— подумал Карл.— Ей-богу, я еще не знал, как к этому подступиться».

— Может быть, ты прав.— Карл помолчал.— Тем более что меня беспокоит одна тонкость. Двадцать процентов — сумма немалая. А твоя «валюта» всегда будет при тебе. Если уж мы связываем друг друга, то я должен получить от тебя какие-то гарантии. Кстати, ты говорил, что тебе нечего предложить англичанам, поскольку ты работаешь на русском направлении.

— Я достану то, что им нужно,— твердо сказал Розен.

— Это хорошо,— продолжал Карл.— А то, что им не нужно, ты дашь мне. Как мне кажется, это свяжет тебя надежно. Скажем, ты сообщишь мне подробности операции фон Готберга.

— Ты хорошо торгуешься.— Розен смотрел с подозрением.

— Я юрист,— сказал Карл.

— Юрист-то юрист.— Розен о чем-то думал.— Но в нашей истории появляются все новые грани.

— Я же сказал тебе, что все обдумал,— напомнил Карл.

— Два вопроса.— Подозрение не оставляло Розена.— Когда я получу деньги — до передачи информации или после?

— До.

— А если я подсуну тебе лицу?

— У меня есть возможность проконтролировать тебя.— Карл старался выглядеть спокойным.

Розен усмехнулся:

— А вот теперь тебе придется сказать, что это за возможность.

«Ошибка,— подумал Карл.— Я переигрываю и перестаю следить за словами. Я могу не отвечать сразу. Но я не могу молчать бесконечно. Надо найти выход».

— Так что это за возможность контролировать работника авбвера? — напомнил Розен.

— Сообщу какую-нибудь деталь Киршке и посмотрю на его реакцию.

— Остроумно. Но как ты это оформишь?

— Скажу, что подслушал беседу Клюгге с неизвестным мне человеком.

— Хм... — Розен смотрел едва ли не с восхищением. — Но откуда ты знаешь, что Антиквар не по зубам гестаповцам и Киршке не начнет расследования?

— Ты сам убедил меня в этом, — наивно сказал Карл.

— Черт возьми! Ты то мудр, как змея, то прост, как лопата. — Розен встал и, не спрашивая разрешения, взял из серванта бутылку и фужер, выпил солидную дозу коньяка.

Карл не мешал — он был рад опьянению Розена и не предлагал коньяка сам только потому, что не хотел усиливать подозрения гауптмана.

Сpirтное сказалось, Розен стал покладистее.

— Тебе надо застраховаться. — Очевидно, он снова почувствовал себя учителем. — Клюгге должен обратить внимание на то, что ты случайно — но только случайно! — понимаешь?.. подслушал нечто. Потом из сообщенного мной ты должен выбрать что-то, увязывающееся с этим нечто. И вот этот компот ты преподнесешь Киршке. Видишь, я здесь даю тебе советы. Я щедр, Карл, и я хочу, чтобы в нашем предприятии все было по-честному. Мне не хватает малости — поверить тебе до конца. Что мешает этому, Карл?

— Не знаю, что мешает верить мне, — обиделся Карл.

— То, что все на свете — дрянь, — ответил Розен.

— Мне давно пора на службу, Отто, — напомнил Карл.

— Да, да, — спохватился Розен. — И ты прав, для первого заседания мы обсудили достаточно. Когда назначаем второе?

— Мы оба должны быть готовы к нему, — неопределенно ответил Карл.

— Я готов всегда, — заверил Розен.

В этот день Карл плохо исполнял свою нетрудную службу. Охватившее его возбуждение искало совсем иного, нежели канцелярская работа, применения. Рядом с

возбуждением было и беспокойство, и он старался разобраться в поведении гауптмана, правильно считая, что, лишь найдя объяснение решению Розена в целом и каждой его детали в отдельности, он сможет увериться в необходимом течении дела.

Что толкало Розена на практически невероятный для титлеровского офицера шаг? Карл привык считать решающим в человеке убеждения. Однако никаких твердых убеждений у гауптмана не было. Все его отношение к миру свелось к тому, что мир — дрянь и ничего хорошего ждать от него не приходится. Пирог, на деле которого после войны рассчитывали офицеры вермахта, отодвигался от Розена все дальше. Его внеслужебные промахи вселили над ним дамокловым мечом и, как он не однажды мог убедиться, не забывались начальством. По службе он уже давно не продвигался, несмотря на незаурядные профессиональные способности, и был глубоко оскорблен, что люди, поправшие мораль, обвинили его именно в аморализме. Видя, как случай поставил его в последние ряды ожидавших награды и почестей, Розен в порыве мстительности решился приложить руку к поражению тех, кто был безжалостен к его малым грехам, творя большие.

Вторым стимулом для гауптмана были деньги. За последнее время он влез в огромные долги, и перспектива рассчитаться с ними представлялась Розену кошмарной. Несомненно не только то, что он готов был получить круглую сумму любой ценой, но и то, что из любых цен он выберет наименьшую. С этой точки зрения, как понимал Карл, Розен был готов на предательство, но при возможности мог и не дойти до него.

Острый ум Розена странным образом уживался в нем с расчетом на авось, на то, что кривая вывезет, и он не обдумывал свои будущие поступки до деталей. Поэтому надо было поставить его в такие обстоятельства, когда он вынужден будет идти до конца. В то же время его надо было оставлять в уверенности, что хозяин положения, несомненно, он.

Надо было как-то использовать и согласие Розена на эксперимент с Клюгге и Киршке. Очевидно, он решил, что это ничем не грозит ему. Но почему? По зрелому размышлению Карл понял, что такой эксперимент был бы чрезвычайно рискованным. А ошибка Карла становилась бы и ошибкой Розена. Неужели опытный разведчик

пренебрег этим? Или он видел способ при любых осложнениях остаться в стороне? Карл чувствовал, что должен найти ответ на эти вопросы.

Особое беспокойство вызывало то, что сегодня Карл должен был выйти на связь с курьером Центра. Понятно, что Карл не исключал возможности розеновской слежки, поэтому стал тщательно обдумывать, каким образом избавиться от вероятного хвоста.

Покончив со служебными обязанностями, он покинул комендатуру, не испрашивая на это разрешения начальства, которое уже привыкло к его неожиданным и долгим отлучкам.

В городе стоял неистребимый запах гаря. Казалось бы, давно потушены пожары, пылавшие здесь в дни вторжения фашистов в Минск, но словно не могли зажить раны города, не хотели затягиваться — то там, то здесь чернели обгоревшие столбы, бревна деревянных домов, заброшенные постройки, от них-то и шел этот тяжелый и горький запах.

Карл шел по указанному адресу, сознательно петляя по улицам. Но все не мог освободиться от чувства, что кто-то следит за ним.

Наконец он решил использовать проходной двор, тут же сменил спокойный шаг на скорый, быстро свернул в арку и остановился в темной неглубокой нише. Оностоял там достаточно долго — преследования не было. Удобство двора заключалось в том, что он имел даже не два, а три выхода, и все три через длинные арки с пишами. Покидая этот свой контрольный пункт, Карл повторил маневр и в следующей арке — опять благополучно. Только после этого он отправился в пошивочную мастерскую.

В просторной комнате с деревянными диванами его встретил пожилой одногодий приемщик, посмотрел с вниманием.

— Что угодно господину офицеру?

— У моего кителя жмет левый рукав под мышкой, — отвечал Карл. — Не могли бы у вас исправить этот недостаток в моем присутствии?

— Вам придется пройти в мастерскую, — сказал старик и откинулся преграждающую путь доску. — Прошу вас.

Он повел Карла по внутреннему коридору и наконец толкнул одну из дверей. В комнате из-за стола навстречу Карлу поднялся Вознесенский.

— Николай Николаевич! — Едва сдерживая крик, Карл бросился к Вознесенскому, они обнялись, сели за стол, и Вознесенский ответил с улыбкой:

— Вы ошиблись. Меня зовут Алексеем.

— Простите.— Карл обернулся на дверь, но та уже была закрыта, и старика не было в комнате.

— Ничего,— успокоил Вознесенский.— Стариk меня знает под обоими именами. Но для вас я отныне Алексей.

— Понятно,— кивнул Карл.

— Какие у вас новости? — спросил Вознесенский.

Карл подробно рассказал о долгой беседе с Розеном.

— Вы очень рисковали.— Вознесенский стал оценивать ситуацию.— Я понимаю вас, вы считали такой путь к Розену наиболее коротким и знали, что деньги, как козырь, должны непременно сыграть свою роль. Но вот видите — сколько у вас осталось нерешенных вопросов. И конечно, главный из них — разговор с Клюгге. Ваши сомнения не напрасны. Подумайте, когда станет возможным эксперимент с Клюгге? После того как Розен даст вам какую-то информацию. Так вот — может быть, он не собирается давать вам никакой информации? Тогда эксперимент с Клюгге просто-напросто не осуществится, и все. Ведь вы пообещали Розену деньги до информации. Он намерен получить деньги, а уж потом решать, как вести себя в дальнейшем. С вами он обсуждал этот никому не нужный трюк в расчете на вашу наивность, чтобы убедить вас в своем согласии на операцию и получить деньги. Сходится?

— Похоже,— согласился Карл.— Вы думаете, он водит меня за нос?

— Пусть так думает он,— улыбнулся Вознесенский.— Пусть он будет спокоен. Вы знаете, как спокоен лещ в неводе? Его уже на берег вытащили, а он все еще думает, что вот-вот дальше поплынет. А через минуту начинает прыгать и биться, но поздно: пошелся, брат! И Розен, может быть, так же. Вы еще не вытащили его на берег, но в сеть вы его уже поймали. Пусть думает, что хочет. А мы думаем свое. И вы ведь не всерьез собираетесь вручать ему шестьдесят тысяч долларов. Думаю, мы с вами и части таких денег не наберем. Я привез вам дальнейшие инструкции от командира бригады. Мы там рассматривали разные варианты, в том числе и похожий на тот, который создался. Так что сумеем выиграть этот

бой. Я буду в городе, и мы станем поддерживать постоянную связь. Кстати, вы не должны забывать и о Клюгге. По этому поводу я тоже привез инструкции, дополнительные к прежним.

От Вознесенского Карл уходил бодрым, уверенным, готовым к действиям. «Теперь никаких парадоксов,— почти весело говорил он себе.— В середине партии к парадоксам прибегает тот, у кого хуже позиция. Вознесенский прав: мы должны уметь переносить наше преимущество в теории на практику. И я сумею сделать это».

Карлу не терпелось встретиться с Розеном, но первым, кого он увидел на следующий день, был Клюгге. Антиквар заехал за ним на машине, что случалось и раньше, когда Клюгге нужно было срочно подогнать дела после очередной своей отлучки.

— Господин Фрейнд,— говорил Антиквар, открывая дверцу «опеля» навстречу вышедшему из подъезда Карлу,— честное слово, это не отнимет у вас много времени. Надеюсь, что я не испортит вам утро. Здравствуйте.

— Здравствуйте,— ответил Карл, который до этого молча и без восторга сел в кабину рядом с Антикваром.

— Я бы не стал беспокоить вас,— сказал Клюгге.— Мои помощники хорошо усвоили ваши уроки. Но мое начальство пеняет на то, что мы повторяемся в приемах. Оно подсказало нам возможность оформлять дарственные документы, используя для этого... хм...— он помолчал, улыбаясь чему-то,—...как называл русский писатель Гоголь, мертвые души. Мне передали список доблестных, но погибших генералов, которые и будут выступать в качестве дарителей.— Антиквар вел машину не спеша, продляя возможность поговорить с Карлом без свидетелей.

— Наши операции становятся все более незаконными,— хмуро возразил Карл.

— Но ведь гонорар увеличивается,— напомнил Клюгге.

— Господин Клюгге,— сказал Карл,— я юрист и хорошо понимаю, что если когда-нибудь в этом деле потребуются виновные, то ими можем стать мы с вами. Разыскать нас сумеют.

— Мы должны исключать этот вариант,— твердо ответил Клюгге.— После войны мы станем хозяевами в Европе, и никто ни в чем не посмеет обвинить нас.

— Мне кажется,— осторожно начал Карл,— что в таком случае наши ухищрения в соблюдении законности

излишни. Подобные манипуляции делаются в распете на возможное изменение ситуации.

Антивар сбросил скорость до минимальной, долго молчал. Наконец, скорбно вздохнув, ответил:

— Мы ведь на фронте, господин обер-лейтенант, и должны выполнять приказы.

— Меня связывают с конторой личные мотивы,— перебил Карл.

— Должны,— повторил Клюгге, не реагируя на замечание Карла.— Исполнитель никогда и никакой ответственности не несет. За все отвечает командование.

— Я плохо понимаю ваш намек,— снова перебил Карл.— Но скажу честно, все это мне не нравится. Признаюсь вам, что я хочу обратиться с рапортом отправить меня на фронт. Там мне все привычней и понятней. В том числе и приказы.

— Постараюсь помешать вам,— улыбнулся Клюгге.— Не поймите в прямом смысле. Я постараюсь разубедить вас в реальной опасности ваших действий в моей конторе. Официально вы прикомандированы ко мне ведомством Киршке. Надеюсь, этот сюрприз вам приятен. Я не считал обязательным извещать вас об этом, но если уж пошел такой разговор...

— Как офицер,— рассердился Карл,— я всегда считал себя вправе заранее знать свою судьбу, а не постфактум.

— Не надо сердиться,— продолжал улыбаться Антивар,— и уж по крайней мере, на меня. С самого начала вашей деятельности здесь вы проходите по ведомству Киршке. А ваше сотрудничество со мной входит в круг ваших обязанностей. Вот и все. Но я коммерсант и люблю, чтоб сотрудничающие со мной люди не оставались без вознаграждения — естественно, не за мой счет.

— Если все это так,— сказал Карл,— то вы могли бы и сегодня не спрашивать моего согласия. Но, господин Клюгге... офицеру положено выслушивать это не в кабине машины, а в кабинете начальства.

— Это всегда можно организовать, Карл,— с неожиданной фамильярностью отвечал Антивар.— Но пока что, очень прошу вас, давайте займемся делом.

Эта встреча внесла коррективы в предстоящий разговор с Розеном, которые Вознесенский одобрил.

Впрочем, Вознесенский был недоволен внеочередным

свиданием, хотя оно казалось Карлу обязательным и Карл использовал для него чрезвычайную связь.

Вознесенский, казалось, искал слова, чтобы объяснить Карлу его неосторожность,— говорил он впервые с пятыми, не сразу формулируя мысль:

— Карл... понимаете... я думаю, вам ясно, что в будущем не следует пренебрегать никакой малостью в конс辛辣。 Но... мне кажется, вы... вы вообще не отдаете себе отчета... в масштабах опасности... которая подстерегает вас на каждом шагу. Отсюда... вы плохо чувствуете степень риска. А это может свести на нет всю нашу с вами работу. Храбрость не должна переходить в безрассудство. Я вот что хочу объяснить вам... Вы, очевидно, не понимаете, что сейчас рука об руку с вами ходит смерть. До сих пор вы почти все делали правильно... но кроме того, вам еще и везло. Понимаете? Как шахматист, вы должны понимать это. Я не призываю вас шарахаться от опасности, Карл. Но надо чувствовать ее. Будьте предельно осторожны, хотя риск при нашей работе неизбежен. Мы знаем, что вы готовы и жизнь отдать за наше общее дело. Но этого мало. Надо и задание выполнить и остаться живым.

Карл признался себе, что он действительно не задумывался или, точнее сказать, никогда не ставил так вопроса. Ступив на новый путь, столь пленивший его дух и мышление, столь высоко вознесший его человеческое достоинство, Карл принял и опасность, и возможность собственной смерти как абсолютную реальность. Может быть, инстинкт самосохранения помогал ему, и он просто гнал осмысливание этих категорий, но, так или иначе, при своих действиях он не брал их во внимание. Вознесенский не только не одобрил такого отношения к опасности и смерти, но и назвал их ошибочными, поскольку они были чреваты и личной гибелью, и гибелью дела. Сиюминутная осторожность, которой Карл конечно же следовал в разговорах, скажем, с тем же Клюгге, должна была стать тактикой и стратегией, иначе говоря, объективной осторожностью.

Розен пришел выбритый, в свежей рубашке и отглаженном кителе. Карл осмотрел его и сказал с горькой улыбкой:

— Все это напрасно, Отто.

— Почему? — сразу насторожился Розен.

— Ждал тебя и еле сдерживался, чтобы не напиться, как последняя дрянь! — зло отвечал Карл.— Сделка может не состояться.

— Ты лжешь мне, Карл.— Розен побелел.— Ты лгал мне с самого начала.

— Чем заслужил? — Желваки заходили на щеках Карла.

— Ты нашел другого. Кого? Клюгге? Я требую объяснений! Или ты думаешь, что я оставлю все это просто так?

— Успокойся! — Карл был груб.— Я отвечу на все твои вопросы.

— Кто? Клюгге?

— Ты назвал меня вралем, Отто. А ты дурак. Ты думаешь, что деньги всегда лежали у меня в заднем кармане? Ты думаешь, что сведения об операции фон Готберга нужны мне для мемуаров? Мои... вернее, наши с тобой деньги... там! — Карл показал на восток.— Понял? Они в нескольких сотнях километров отсюда.

— То есть? — Розен взял себя в руки, но был по-прежнему насторожен.

— Хочешь подробности? — усмехнулся Карл.— Но ведь ты их недостоин, Отто. Ты ведь с самого начала собирался отлить мне мыльный пузырь. Но твой идиотский совет подслушать Клюгге я использовал и, представь, получил результат. Так что прежде всего давай договоримся, что отныне ты не считаешь меня мальчиком. После этого я выложу тебе некоторые подробности как компаньону. Я опытный юрист, Отто. И всегда вел дела с пользой для себя. Я сразу понял, с какими суммами имеет дело Клюгге. И понял, каким образом можно отломить хороший кусок от его пирога. Но, отломив, пришлось бы сматываться. Вот зачем мне понадобился ты. Через меня идут документы. И некоторые из них мне удалось отложить. Таким образом на некоторое время я стал единственным хранителем очень больших денег, Отто. Эти деньги не в бумагах. Они в камнях. В прекрасных камнях русских музеиных сокровищ. Пока что только я знаю, где их можно взять. Но в ту сторону смотрит твой фон Готберг. И Клюгге заторопился. Если экспедиция фон Готберга состоится в ближайшие дни, я не смогу далее прятать документы. Клюгге сам выедет в те края и обнаружит расхождения в номерах документов.

— Экспедиция не состоится в ближайшие дни,— сказал Розен.

— Когда она состоится? — быстро спросил Карл

— Осенью,— спокойно ответил Розен.— Подожди,— он не дал Карлу возможности задать следующий вопрос.— Начистоту так начистоту. Я действительно собирался отлить тебе мыльный пузырь. Но, Карл! Согласись, ведь ты не мальчик. Твои требования звучали более чем странно. Только крайняя степень их странности удержала меня от определенного шага...

— И еще запах денег,— добавил Карл.

— Не без этого,— опять-таки спокойно согласился Розен.— Теперь ситуация меняется. Но, согласись, странность все же остается. Ну, хорошо. Ты напал на эти камни. Откуда ты знаешь их настоящую цену?

— Свои деньги ты получишь, Отто. И они поместятся у тебя в нагрудном кармане.

— Хорошо,— после паузы кивнул Розен.— Что за манипуляции с номерами документов, которую Клюгге может открыть только там?

— Я не скажу тебе всех деталей. Думаю, не нужно объяснять — почему. Но, отправившись по адресу с описью, Клюгге наткнется на ошибочный номер и хватится оригинала документа. Тут уж я не смогу рисковать.

— Хорошо,— снова кивнул Розен.— Почему Клюгге просто не знает, где находятся эти драгоценности? Почему вообще никто, кроме тебя, не знает о них?

— И тут я не скажу тебе всего,— отвечал Карл.— Скажу лишь, что я не один знаю о камнях. Есть еще человек, посвященный в это дело. У него-то сейчас и находятся камни.

— Он знает о твоем интересе?

— Нет. Он вообще не знает меня.

— Где гарантия, что он отдаст камни? Где гарантия, что он не спрятал их надежно? Где гарантия, что он вообще не исчез?

— Такие гарантии есть, Отто. Этот человек русский, но он служит рейху. Он никуда не денется из своего кабинета, а там его охраняют. Наткнувшись на драгоценности, он действительно спрятал их, не подозревая, что они уже зарегистрированы у Клюгге.

— Как ты узнал об этом? — не отставал Розен.— Не из документов же? На этот вопрос ты должен ответить.

— Если позволишь,— помолчав, сказал Карл,— я сделаю это чуть позже. Сначала я скажу тебе, что операция фон Готберга чревата не только поездкой в этот район Клюгге. Она вообще может многое перевернуть в районе. Необходимый нам человек может погибнуть, скажем, при участии в ней... да мало ли что может случиться. Нам надо искать выход.

— Ты думаешь, у нас с тобой хватит сил провалить операцию? — Розен по-прежнему был крайне насторожен.

— Перестань, Отто! Сейчас ты заподозришь меня в связях с партизанами!

— Пока что я не исключаю и этого,— жестко сказал Розен.— Я жду ответа на свой вопрос. Может быть, он разрешит мои сомнения.

— Вот как! — Карл улыбнулся.— А я не исключаю, что моя связь с партизанами не смущила бы тебя.

— Ответь на мой вопрос, Карл.

— Получив ответ,— продолжал улыбаться Карл,— ты можешь пойти по следу и обогнать меня.

— Как же нам договориться? — спросил Розен.

— Ты даешь мне план операции фон Готберга. С картами, с датами, со всеми мероприятиями. И получаешь мой ответ.

— Зачем тебе этот план?! — Нервы у Розена не выдерживали.

— Я должен быть внутри событий, Отто. Чтобы следить за ними.

— Тебя не подпустят к ним на пушечный выстрел.

— Я подойду к ним по картам и по твоей информации.

— А дальше? — Розен все меньше верил Карлу.

— А дальше я добьюсь у Киршке поездки в тот район.

— Каким образом?

— Это мое дело.

— Нет,— Розен от волнения закашлялся,— это наше дело.

— Хорошо,— согласился Карл.— Я же говорил тебе, что внял твоему совету и кое-что получил от Антиквара. Например, то, что мое сотрудничество с ним оговорено с гестапо. Я выражу возмущение Киршке и добьюсь от него отправки на фронт.

— И попадешь именно в нужный район? — Розен почти издавался.

— Мне нужны лишь проездные документы,— спокойно объяснил Карл.— Там я сам выберу путь. А по направлению, надеюсь, я не явлюсь вообще.

— Складно,— сказал Розен.— А я?

— А ты в это же время должен выехать из Минска и встретиться со мной там, где мы условимся. После этого я выполняю свое дело, забираю камви, и наступает твоя очередь.

— Но для этого тебе не нужен план операции,— все еще возражал Розен.

— Брось, Отто! Во-первых, он не помешает мне. Во-вторых, я действительно хочу быть уверенным, что не явлюсь по адресу после тебя.

Розен долго молчал, наконец предложил:

— Давай договоримся так. Сейчас я изложу тебе план в общих чертах. Потом ты скажешь мне, каким образом ты узнал об этом кладе. Если твой ответ удовлетворит меня, ты получишь план в ближайшие дни.

— Завтра! — тут же сказал Карл.

— Почему такая спешка?

— Ты сам сказал, что операция назначена на осень. А сейчас конец августа.

— Хорошо.— Розен подобрался.— Карательная экспедиция генерала по своим размерам значительно превосходит все имевшие место до этого. В операции будет задействовано столько сил и техники, что она должна нанести партизанам такой удар, после которого их реальная опасность сведется к нулю. Хотя по плану она должна быть локализована и основной удар будет нанесен лишь в одном районе. Однако после успеха в этом районе она станет распространяться вширь и наконец положит конец партизанской войне в Белоруссии. Операция имеет два важных козыря. Первый — внезапность, поэтому она подготавливается совершенно секретно. Второй — на острие ее будет акция, подготовленная абвером и гестапо. На территории района создан ложный лагерь военнопленных, в котором помещены подготовленные, в частности мной, агенты. Началом операции станет инсценированное восстание лагеря, после которого наши агенты естественным образом внедрятся в партизанские соединения и обеспечат поддержку операции изнутри. В числе других акций абвера могу назвать также сфабрикованные документы, компрометирующие определенных партизанских коман-

диров. Эти документы через нашего специального агента попадут к партизанам. Я сказал, Карл. Твоя очередь.

— Отто, тебе не приходило в голову, что любовь — тоже дрянь?

— Обойдемся без лирики, Карл.

— Это не лирика. Должностное лицо, о котором я тебе говорил, тот самый человек — хранитель драгоценностей, даже не подозревает, что банкротом его сделала именно любовь. Он был своеобразным понятым, когда люди Клюгге составляли свои описи. Своеобразным по многим причинам, в частности по той, что его прежняя профессия — ювелир. Приобрел он ее, будучи сосланным после раскулачивания. Его учителем был один из виднейших ювелиров русской церкви. Так что он достаточно понимает в истинности ювелирных ценностей. Тебе, например, ничего не скажут такие названия, как Иерусалимское колье, или Черниговский бриллиант, или... Но зачем перечислять? Людям Клюгге они тоже ничего не сказали. Да и мне бы они ничего не сказали. Я не называю тебе упоминаемое должностное лицо по имени, чтобы затруднить твои поиски, если ты начнешь их без меня. Конечно, и те данные, которые ты услышал, навели бы тебя на след, но нехватка времени здесь в мою пользу. Поэтому я легко сообщаю тебе еще несколько данных. Бывший ювелир, пригретый нашими властями, имел любовницу. Сельскую женщину с трудным русским именем. Ей-то он и похвастался своими сокровищами, после того как скрыл их ценность от людей Клюгге, а потом изъял из общего хранилища. Он наделал массу ошибок. Прежде всего не учел, что номера указанных ценностей попали в контору и рано или поздно за ними пришли бы от Клюгге, и ювелиру пришлось бы на коленях возвращать их. Затем он был уверен, что любовница ничего толком не поймет и уж наверняка не станет болтать о драгоценностях где попало — ведь у нее была надежда стать совладелицей их. Ювелир иногда позволял ей надевать на себя колье. Вторая ошибка стала для ювелира роковой. Любовница, кстати, давно уже снабженная добрыми документами, неожиданно отправилась к заболевшей сестре в Минск. У нее, оказывается, были свои надежды на драгоценности. Еще у нее была хорошая память, и она помнила их названия, которые неосторожно произносил ювелир. Но настоящей цене им она не знала. Тебе известно, что моя хозяйка претендует на титул ба-

ронессы. С этой целью она с разрешения властей развещивала по городу объявления, в которых предлагалось обучать желающих светским манерам, умению одеваться и, в частности, носить драгоценности. Такое объявление и попалось на глаза любовнице ювелира. К моему счастью, она пришла в отсутствие «баронессы». Я хандрил, в кафе идти не хотелось, и визит соблазнительной девушки показался мне развлечением. Я стал расспрашивать ее и, во-первых, зная, что «баронесса» вернется нескоро, во-вторых, желая задержать гостью, назвался сыном «баронессы». Причастность к конторе Клюгге отложилась в моем мозгу, и в своем вранье я совершенно непроизвольно сообщил, что помогаю «матушке» консультировать клиентов по части приобретения и ношения драгоценностей. Видно, сам бог направлял меня в эту минуту. Тут-то я и получил от девушки столь странную информацию. Опять-таки лишь принадлежность моя к антиквариату заставила меня поначалу расспрашивать гостью все более пристрастно и наконец перейти к настоящему допросу. Она выложила мне все, что знала.

— Где она сейчас? — перебил Розен.

— Тут произошла случайность.— Карл стал смотреть в окно.— Я выпустил ее, когда в городе шла облава. И... случайная пуля...

— Ты не похож на живодера, Карл.

— Я же говорю — случайность! — почти крикнул Карл.

— Хорошо, об этом после,— сказал Розен.— Но всего, что ты рассказал, мало.

— Понимаю,— продолжал Карл.— Надо еще связать рассказанное девушкой с документами в конторе Клюгге. Не каждому по плечу решить эту задачку, Отто. Но я решил ее. Я знал район. Знал характер драгоценностей. Знал примерное время их регистрации — этого, кстати, можно было не знать. Люди Клюгге лишь раз были там. Но — дальше. Я знал характер документов, которыми сопровождаются подобные вещи. И уж совсем просто — ценные негромоздкие вещи люди Клюгге забирают сразу. А здесь, обманутые ювелиром, они не захватили их. Сопоставив все это, я без труда обнаружил необходимые мне документы и изъял их. К сожалению, в сводной черновой описи Клюгге они остаются, и в случае его командировки в район мне придется положить документы на место. Ты можешь задать еще один вопрос: почему я ре-

шил, что драгоценности столь цепны? В конторе Клюгге мне давно, как я уже говорил, приходила мысль, что от этого пирога может достаться кусок и мне. Надо было выбрать кусок пожирнее. Каталоги, которыми пренебрегает Клюгге и в которых действительно трудно разбираться, ответили мне на этот вопрос. А работать с документами любого рода я умею.

- Все складно,— сказал Розен.— Кроме одного.
- Чего?
- Исчезновения девушки.
- Ты дотошен, Отто.
- Я не верю, что ты убил ее.
- Ну, а если она жива? — Карл улыбался.
- Во-первых, это мешает нашему делу. Во-вторых, я хочу знать, где она находится.
- Узнав, ты убьешь ее, Отто. Я против этого.
- Вон оно что! Я считал тебя добрым семьянином.
- Не станем вдаваться в подробности.
- Хорошо.— Розен поднялся.— Ты получишь карты после того, как я поговорю с девушкой.

Карл молчал.

- Ну? — поторопил Розен.
- Я не продумал этого варианта,— сказал наконец Карл.— Но если ты настаиваешь, то... То вот так. Я приду с ней в кафе. Сегодня вечером. После разговора я провожу ее. И в наш договор мы вносим такой пункт: безопасность девушки ты гарантируешь.

3. Операция «Гауптман» продолжается

Операция подходила к концу, и оставшееся время оказалось предельно насыщенным. Прежде всего надо было нанести визит Киршке. Гестаповец принял Карла с удивлением и, как казалось, с неудовольствием.

- Чем обязан?
- Я прошу отправить меня на фронт,— холодно сказал Карл.

Киршке поднял брови:

- Такие рапорты подают по начальству.
- В последнее время я имел случаи убедиться, что моим начальством является вы,— не повышая голоса, ответил Карл.
- Вот как? Кто сообщил вам об этом?
- Генрих Клюгге

Киршке явно недовольно поморщился, но тут же постарался улыбнуться как можно любезнее.

«Попшел ты к черту! — думал Карл.— Поскорее откажи мне и отпусти меня отсюда. Мне еще нужно повидаться с Клюгге, мне еще нужно...»

— Не стану утверждать,— говорил меж тем Киршке,— что господин Клюгге ввел вас в заблуждение. Но, по-моему, он несколько преувеличил. Так или иначе, скажите, пожалуйста, почему у вас возникло желание отправиться на фронт?

— Я хочу знать, кому я подчиняюсь,— по-прежнему ровно отвечал Карл.— Знать, чьи приказы выполняю. На фронте у меня будет такая возможность. Я пришел к вам, чтобы узнать, на чье имя я должен подавать рапорт, чтобы не пришлось писать его дважды.

Киршке поднялся, обошел вокруг стола, подошел к Карлу.

«Он нажал на кнопку? — думал Карл.— Кого он вызывает? Что это — непредвиденное?»

Ведущая куда-то внутрь дверь открылась. На пороге стоял Клюгге.

— Добрый день, Карл! — Он, кажется, уже усвоил фамильярный тон.— Как видите, мы ждали этого визита. И решили, что втроем мы скорее выясним все недоразумения. В чем они заключаются?

— В том, о чём мы говорили с вами в последний раз.

— Надеюсь, вы не зашли слишком далеко и не рассказали Дитриху наших с вами секретов.— Антиквар улыбался.

— Я сказал только о желании подать рапорт с просьбой отправить меня на фронт.

— Прекрасно! — Клюгге даже похлопал Карла по плечу.— Дитриху необязательны наши подробности. Что касается рапорта...— Он посмотрел на Киршке.

«Прекрасно то, что ты здесь,— подумал Карл.— Это дает мне какое-то время».

— Я думаю, наш друг горячится,— сказал Киршке.

— Вполне разделяю твое мнение, Дитрих,— согласился Антиквар.— Но, я думаю, мы тоже не совсем правы с ним. Карл вполне заслуживает большего доверия.

«Что ему не нравится? — думал Карл о Киршке, видя, как у того насторожились глаза.— Он боится моего альянса с Клюгге. Боится и не может помешать».

— Дело в том, Карл,— продолжал Ангиквар,— что наше сотрудничество с вами только начинается. Мы на пороге значительных дел. И мне ни в коем случае не хотелось бы, чтобы вас сменил кто-то другой. Вы отлично справляетесь с обязанностями, приобрели опыт. И главное — много знаете о нашей работе. Мы не можем посвящать в нее кого попало и тем более расширять круг информированных лиц. Более того, может случиться, что вам придется заменить меня на этой должности. Неофициально скажу, что командование собирается отзывать меня. Перед вами открываются блестящие перспективы, Карл.

— Конечно, это меняет дело.— Карл польщенно улыбнулся.— Я смогу оставить прежние свои обязанности?

— Ты обещаешь ему это, Дитрих? — спросил Ангиквар.

— Если он настаивает.

Карл видел, что Киршке бесится.

«Неужели Клюгге не замечает этого? Неужели он не хочет знать — что бесит гестаповца? А почему бы не подтолкнуть их к объяснению?»

— Мне кажется, господину Киршке все это не по нутру,— сказал Карл.

— Вы ошибаетесь,— тут же ответил Клюгге.— Просто Дитрих сегодня с утра в плохом расположении духа.

«Они сказали мне: не суйся не в свое дело», — подумал Карл.

— Я могу быть свободным? — спросил он, обращаясь к Клюгге.

Тот отрицательно покачал головой, улыбнулся:

— Обращайтесь к Дитриху.

Карл не стал повторять вопроса, лишь посмотрел на гестаповца.

— Вы свободны,— выдавил Киршке.

Вы́йдя из гестапо, Карл тут же отправился в комендатуру и позвонил Розену.

— Господин гауптман,— сказал он в трубку,— к сожалению, я должен отменить наше свидание.

— Где вы находитесь? — помолчав, спросил Розен.

— У себя на службе.

— Я хотел бы срочно встретиться с вами,— сказал Розен.— Я отниму у вас не более минуты. Выйдите, пожалуйста, через десять минут к проходной. Я подъеду.

Розен подъехал к проходной, вышел из машины, и они с Карлом прогулочным шагом направились по улице.

— Что случилось? — спросил Розен.

— Ты заставил меня принять необдуманное решение, — сказал Карл. — Как только ты познакомишься с девушкой, у тебя появится возможность узнать адрес и обойтись без меня.

— Но ведь ты получил от меня... — начал Розен.

— Слова, — перебил его Карл. — Я получил от тебя слова. Мне нужны карты и другие документы. Тогда я буду спокоен. Я познакомлю тебя с девушкой после того, как получу все это.

— Ты не боишься... — начал Розен.

— Как хочешь, Отто, — снова перебил Карл. — Я не изменю решения.

— Но и дав тебе карты, я могу обогнать тебя.

— Нет, — возразил Карл, — тогда ты не рискнешь.

Тогда будет такая погоня, от которой уйти нельзя.

— Я подсуну тебе прошлогодние карты.

— Разве я не доказал тебе, что я не дурак, Отто?

— А разве ты не знаешь, что мы специально фабрикуем ложные карты?

— Перестань! — раздраженно сказал Карл. — Я ведь рассчитаюсь с тобой только тогда, когда буду убежден, что ты ни в чем не обманул меня. Я только что от Киришке, где беседовал с ним и с Клюгге одновременно.

— О чём? — быстро спросил Розен.

— О моей отправке на фронт. Думаю, что я получу полномочия по известному тебе хранилищу. Вот чем кончился разговор. Мне не придется бежать, Отто. И вторая часть нашего плана отменяется. Пока что мы с деньгами останемся здесь. И может быть, они помогут нам найти теплое место в самой Германии. Заметь, я говорю — нам. Но не думай, что из благородства. Ты понадобишься мне для устройства наших дел здесь. Хотя, конечно, мы заново обсудим твой пай.

— Ты думаешь, карты не стоят этих денег? — нескользко растерянно спросил Розен.

— Настоящие, может быть, стоят. Но после того, как я буду убежден, что они настоящие.

— Как ты убедишься в этом?

— Таким дотошным пристало быть юристу, — сказал Карл. — Но таким болваном не пристало быть никому. Это станет известно мне после того, как экспедиция за-

вершится. Только после этого ты получишь свою долю. И мы займемся продолжением наших дел. Ты бы лучше радовался тому, что нам не придется изменять рейху и совесть наша будет чиста.

— Ты чудовище, Карл,— стал говорить Розен.— Ты устроил мне страшную мясорубку. Хотя я теперь понимаю, что ты прекрасно знал, чем все это кончится. Ты и так загнал меня в угол. Не понимаю, зачем тебе еще и карты. Ну хорошо, хорошо,— успокоил он, видя, что Карл собирается возразить.— Ты получишь настоящие карты. Но,— спохватился он,— с девушкой ты меня познакомишь. Сразу же.

* * *

В эти тяжелые дни своими решительными выступлениями в тылу врага партизаны заставили вермахт взять мольбам гауляйтеров и оттянуть с фронта в тыл несколько боеспособных частей.

Фашистам удалось достичь некоторого успеха, в частности там, где с осени 42-го года усилиями партизанских бригад фактически существовала Советская власть. Речь идет о северных районах Белоруссии, прилегавших к местам действий нашей бригады. Первый успех генерального комиссара Белоруссии фон Готберга, сменившего на этом посту казненного партизанами гауляйтера Кубе, фашистская пропаганда раздувала, как говорится, до небес.

В штабе нашей бригады знали, что в на три четверти вымышленных сообщениях о результатах действий карательных экспедиций наши отряды не были оставлены без внимания. Более того, в них говорилось о полном уничтожении бригады.

Конечно, смешно читать о собственной смерти в наспех состряпанных листовках, но мы не могли оставить без последствий этот трюк. Решение было принято сразу — ответить на подлую ложь боевыми действиями, политической агитацией и культурно-массовой работой.

Последнее может звучать неожиданно, тем более что ранее я не говорил об этой стороне нашей деятельности. Кое-кто, может быть, до сих пор считает неоправданной роскошью концерты, которые бойцы бригады давали на оккупированной территории. Однако и я, и мои ближайшие помощники придавали им большое значение.

Да и подпольный райком партии безоговорочно и полностью одобрял эту сторону нашей деятельности.

Конечно, бывало и так, что нужно было прервать песню на полуслове, свернуть мехи у гармони и взяться за автомат, если во время концерта деревня подвергалась налету фашистов или их прислужников. Но даже такие, прерванные выступления наших самодеятельных артистов приносили неоценимую пользу общему делу борьбы с врагом. Они давали заряд психологической уверенности, столь необходимой истрадавшимся сердцам жителей. Так что иной раз залихватски прозвучавший под носом у оккупанта «Марш танкистов» можно приравнять к сотне удачных выстрелов.

В сложившейся в те дни обстановке проведение в жизнь нашего решения было нелегким. Увеличивший охрану железных дорог враг затруднил рельсовую войну, а его усиленные гарнизоны значительно повысили риск организации митингов и концертов — ведь они были особенно важны не там, куда гитлеровцы по-прежнему не могли сунуть носа, а как раз там, где они вновь почувствовали себя хозяевами.

Но к силе нашего духа, к силе нашей веры в победу уже прибавился опыт.

Как можно взорвать эшелон, если дорога не просто охраняется, а постоянно подвергается тщательной проверке минеров?

Такой вопрос встал перед бойцом бригады Кузнецовым, когда он с товарищами пробрался к одному из участков железной дороги. Две ночи партизаны просидели в засаде впустую. Стало ясно, что обеспечить взрыв возможно лишь одним способом — заложить заряд непосредственно перед подходом состава.

— Оставалось обсудить детали, — рассказывал потом Кузнецов, словно речь шла о прогулке к реке. «Деталями» были немецкие патрули, обходчики и открытое пространство между рельсами и лесом, которое враг не выпускал из виду при каждом приближении поезда. Это была негативная сторона дела. Внимательно изучив местность, Кузнецов нашел и позитивную — под откосом железнодорожной насыпи лежали разбитые вагоны, след прошлых диверсий.

— Ну, до вагонов-то я добрался, — рассказывал Кузнецов. — Спрятался в одном из них. Жду утра. Рассветало

медленно. Патрули этак через каждые пятнадцать — двадцать минут в двух шагах проходили. Слушаю, беседуют спокойно. Хорошо, думаю. Но тут обходчик, черт его принес, прямо напротив вагона остановился — стучит молотком по рельсе. Чуть, сукин сын, не заметил. Пропал бы заряд. А вдали уже стук паровоза слышен. Прикидываю — когда он появится, и за обходчиком слежу. Повезло — ушел обходчик. Поезд ближе, ближе. Я уже на край вагона вылез — вижу его. Как только он под уклон пошел, я — к рельсам, мину поставил, а сам в лес.

Дальше Кузнецов не видел происходящего, и его рассказ дополняли товарищи.

— Патруль заметил Кузнецова, когда он метров сто пробежал. Открыли огонь, но — поздно. Кузнецов уже в кусты нырнул. Обходчик в это время машинисту сигналы дает — закрыт, мол, путь. Но тоже — поздно. Не успел машинист затормозить. Взлетел паровоз, а за ним полезли друг на друга вагоны, стали рваться снаряды.

— Готово, — сказал Кузнецов. — Отъездился.

Это был один из докладов, которые я выслушал в те дни. В других также сообщалось о взорванной технике, об уничтоженных гитлеровцах, о нарушенных коммуникациях.

Но похороненные фашистами партизаны, как я уже говорил, возвращались в это время не только с боевых заданий. Пришел со своей группой неунывающий Панченко и уже в отряде еще раз «на бис» повторил столь полюбившуюся нам «Землянку». А у двоих плясунов ноги продолжали отбивать такт, несмотря на длинный переход после концерта.

Группа доложила о горячем приеме, оказанном им жителями. Панченко всерьез уверял, что таких аплодисментов даже Утесов не слышал.

Еще одна группа провела ряд митингов, на которых рассказала народу правду о положении на фронтах и задачах партизанского движения.

Это были, так сказать, добрые вести. Но в нашей партизанской жизни тех дней были вести и другого рода. Как раз после доклада концертной группы ко мне в блиндаж пришел Порадельников и рассказал о непонятном, на его взгляд, случае, произошедшем накануне. Три партизана одного из отдаленных наших отрядов были заняты на сельскохозяйственных работах в помощь населению. Район, в котором они работали, оказался под контролем

гитлеровцев, а это означало, что все дороги, ведущие из района, были наглухо перекрыты. Посовещавшись, эти партизаны решили поодиночке вернуться в отряд. И все беспрепятственно достигли цели.

— Что тебя удивляет? — спросил я.

— Понимаешь... — Порадельников потер переносицу. — Я давно присматриваюсь к этому отряду. Неточные, недоказанные... но есть у меня сведения, что именно оттуда утекает информация.

— Так. А что конкретно? — спросил я.

— Если бы конкретно, — усмехнулся Порадельников. — Понимаешь... в этом районе немцы дотла выжгли несколько деревень. Ловили на дороге кого попало и тут же расстреливали. И в этих условиях все трое избежали встречи с карательями.

— Бойцы приобрели опыт, — предположил я.

— Так-то оно так, — полусогласился Порадельников. — Но, судя по их докладам, никакого опыта не требовалось. Прошли, как нож по маслу.

— А послужной список у них? — спросил я.

— Ничего особенного, — вздохнул Порадельников. — Все трое окружены. Уже год в отряде. Особых подвигов не совершили, но от боев не уклонялись. Довольно культурные ребята.

— Ты не спугнул их?

— Ну что ты! — воскликнул Порадельников. — Даже не намекнул на свои сомнения. Обычная процедура в таких случаях — доложите, как и что. Поговорил и отпустил.

— Что собираешься предпринять?

— Да я вот все думаю — неужели нет способа отличить советского человека от несоветского? А? С первого взгляда? Не знаешь такого способа? — Порадельников шутил невесело.

— Знаю, — пошутил и я. — Создай ему условия, когда он должен будет свое нутро показать. Сразу поймешь.

— Ну что ж, — сказал Порадельников. — Наверное, именно этим я и займусь.

— А кроме этого, — напомнил я, — мы должны сделать все для того, чтобы враг не узнал о нашей тропинке к его секретам. Штаб партизанского движения необычайно дорожит нашей информацией. Нельзя свести ее на нет.

— Понятно. — Порадельников поднялся. — С этой точки зрения я и буду разбираться с ними.

Жил своей жизнью фронт. Но своей жизнью жили и наши враги.

4. Эсэсовец изумлен

В Минске, в доме профсоюзов — одном из лучших зданий города, располагался генеральный комиссариат Белоруссии. Это место выбрал для своей резиденции еще Кубе, назначенный на должность верховного правителя захваченных территорий Советской республики 6 мая 1941 года. Это — не опечатка. Да, да — за два месяца до начала необъявленной войны Гитлер раздавал своим приближенным должности. Это красноречиво подтверждает, что основные оккупационные планы рейх уже имел задолго до нападения на СССР.

Сколь нелепыми выглядят рядом с документом о назначении Кубе на должность гауляйтера Белоруссии (в мае еще не занятой врагом!) попытки ревизоров от фашизма обелить планы рейха. Нет, не в оловянных солдатиков играл Гитлер, придумывая посты для своих приближенных. Нет, не сумасшедшего видели в нем генералы вермахта, они видели в нем гения своих дел и планов.

Однако этой осенью в кабинете, защищенном сигнализацией и живой охраной, сидел уже не Кубе — друг Гитлера и Гиммлера. Оплаканный хозяевами и служами, Кубе поконился в земле — сеявший смерть, он был приговорен партизанами к смерти и получил ее.

В большом, богато обставленном кабинете сидел фон Готберг. Группенфюрер СС не был дураком и думал сейчас не о превратностях судьбы, а о возможностях подчинить ее своей силе и воле.

В так называемой области армейского тыла, которая и составляла большую часть подчиненной фон Готбергу территории, царили самые зверские порядки гитлеровской военщины. Весь район, несмотря на удаленность от линии фронта, считался зоной военных действий — на местах власть была отдана полевым комендатурам, которые любой разговор с населением вели на языке оружия.

В распоряжении полевых и городских комендатур находились многочисленные карательные органы, прежде всего полевая полиция.

Но основным инструментом политической власти фашизма были, конечно, вооруженные силы — воинские гар-

низоны, карательные корпуса СС, части СД. Количество этих войск по мере развертывания и усиления партизанских действий все время увеличивалось. Их паутина густой сетью охватывала всю Белоруссию.

Когда фон Готберг мысленно перебирал подчиненные ему силы — кроме названных еще: полиция безопасности, служба безопасности, жандармерия, тайная полиция, разведка и контрразведка арбера, полиция, служба охраны порядка и т. д. и т. д., — он, казалось бы, мог быть совершенно спокойным. Разве против такой силы может найтись сила на уже оккупированной земле?

Он мог бы успокаивать себя и дальше. Заблаговременная подготовка к войне не могла не дать своих результатов. Еще в 30-х годах в Берлине, Варшаве, Вене, других городах была организована широкая сеть специальных школ по подготовке шпионов, диверсантов, будущих бургомистров и полицейских, надзирателей и охранников тюрьм и концлагерей. Это были опытные кадры — они прошли стажировку в немецких лагерях смерти.

Были и предатели белорусского народа, помогавшие фашистам выявлять и уничтожать оставшийся на оккупированной территории советский и партийный актив. Иначе говоря, можно было считать, что сопротивление белорусского народа подорвано изнутри и любая попытка к борьбе станет известной в генеральном комиссариате задолго до ее осуществления.

В не меньшей степени, казалось бы, должна была успокаивать фон Готберга деятельность специальных органов Германии. Они, как следовало из донесений, сделали все возможное для проведения в жизнь лозунга «Очистить дороги от русских». Войска старательно содержали дороги свободными от постороннего движения — даже от женщин, стариков и подростков. Постоянное и бдительное патрулирование, строжайший контроль за выдачей специальных удостоверений,очные окружения деревень, агентурная работа, действия самолетов по обнаружению привалов и разведке непроходимых районов — разве делалось не все, что, в принципе, возможно?

Нет, не был фон Готберг спокоен. На все сказанное выше в его педантичном мозгу находились возражения.

Можно ли считать удовлетворительными действия вооруженных сил на оккупированной территории? За год оккупации было уничтожено свыше полумиллиона жите-

лей, а в результате сопротивление «новому порядку» лишь возросло.

Можно ли удовлетвориться пропагандистской работой спецорганов? Ведь их пособники, как только дошло до реальных дел, не смогли выполнить ни одного обещания по созданию своих вооруженных подразделений, способных оказать хоть какое-то сопротивление партизанам. А попытки организации лжепартизанских отрядов в конце концов стали не просто малоэффективными, но и позорно провалились. Были усилены репрессии к населению, саботировавшему сдачу продуктов в фонд германской армии. Но саботаж продолжался.

Да куда уж дальше — собственные приказы комиссариата стали служить ему плохую службу. Усилили надзор за выдачей удостоверений и тем самым увеличили доверие к ним полиции. Теперь партизан с аусвайсом не вызывает подозрения и спокойно разгуливает по дорогам армейского тыла.

А уж если быть совсем честным, то надо признаться, что лишь двадцать процентов оккупированной территории находится под немецким контролем. Громадного количества войск едва хватает, чтобы удерживать «новый порядок» на железных дорогах и в городах. На остальной части Белоруссии, как это ни печально для фон Готберга, усилиями партизан не просто была восстановлена Советская власть, но и все ее аппараты, вплоть до колхозов и совхозов.

«Все это — наследство доблестного Кубе», — думал фон Готберг.

Думал он и о другом — о том, что его прислали сюда не отчаиваться и он сделает все возможное и необходимое, чтобы оправдать доверие Гитлера. Думал он о том, как нелегко это сделать. После поражения в Сталинграде Гитлер издал особый приказ, который обязывал укрепить оборону в Белоруссии, превратить ее в неприступную крепость.

Гауляйтер был далек от мысли, что это — начало конца. Он утешал себя тем, что гений фюрера трезво оценивает обстановку, что немецкие войска способны не только наступать, но и при необходимости отходить на надежно укрепленные рубежи. Таким рубежом он должен сделать Белоруссию. Для этого прежде всего надо подавить партизанское движение.

По приезде фон Готберг погорячился — отдал приказ в течение пяти дней уничтожить партизан северной белорусской зоны. Теперь он ясно понимал, что приказ не выполнен и вряд ли его можно было выполнить. Некоторого успеха карательные войска добились, но, во-первых, гауляйтер ждал большего результата, во-вторых, он подозревал, что в донесениях его подчиненных даже достигнутый результат преувеличен. Иначе откуда же сообщения о новых диверсиях на железных дорогах?

Готберг понимал, что к операции по уничтожению партизан придется подготовиться более тщательно. Он уже принял ряд мер к этому. Значительно усилился контроль за дорогами. Было произведено массовое удаление лиц, не проживающих в данном месте, — их адресом стала либо могила, либо каторжные работы в Германии. Ожесточились репрессии к местному населению за нарушение порядков, установленных оккупантами. Производились масовые обыски в городах и деревнях. Запрещалось проведение каких-либо коллективных мероприятий без разрешения оккупационных властей.

Одновременно спецорганы увеличили объем своей работы, в частности пропагандистской — в обязанности командиров частей и подразделений была вменена информация об успехах немецких войск на фронтах. Запугивание сочеталось с завоеванием доверия.

Все это представлялось фон Готбергу совершенно необходимым для успешной операции по уничтожению партизан, создавших по реке Сурже настоящую линию обороны протяженностью двадцать километров. Эта операция получила звучное название «Нюрнберг». Столь же непременными условиями для осуществления ее были: тщательно засекреченная концентрация войск в выбранном районе, детальная штабная разработка операции, своевременное получение донесений от агентуры, внезапность нападения и акция по созданию ложного концлагеря, «узники» которого в определенный момент должны были ударить по партизанам с фланга.

В свой кабинет фон Готберг пришел за два часа до назначенного им совещания, чтобы еще раз обдумать все основные детали рожденного им плана. На совещание он вызвал командиров армейских частей и представителей гестапо и абвера, занимающихся подготовкой специальных акций.

Вспомнив о гестапо, а точнее, вспомнив независимое лицо Генриха Клюгге, фон Готберг поморщился. Он не любил людей, присланных к нему со специальным заданием. Такие люди выходили из-под контроля, вели закулисную игру, на которую трудно было реагировать, тем более если они пользовались могущественным покровительством.

Особые полномочия Клюгге стали раздражать фон Готберга после того, как он незаметно для себя послушался совета этого ловкого интригана и добился смешения ответственного за часть операции «Нюрнберг» гестаповца, заменив его по совету того же Генриха неприятным и вечно чего-то боявшимся Киршке.

Отдавая отчет, что в данном случае он руководствуется не чем иным, как самолюбием, фон Готберг нашел-таки возможность поставить Клюгге на место. Ведь антикварная деятельность Клюгге — всего лишь ширма, однако она — официальная ширма, и Генриху придется отвечать на вопросы. Правда, фон Готберг предусмотрел возможный бунт Клюгге и решил вызвать его для ответа вместе с привлеченным к работе Генриха офицером комендатуры — как доложили гауляйтеру, сведущим в вопросах юриспруденции. Но все это — потом, потом... Сегодня прежде всего — совещание, хотя на нем и будет присутствовать раздражавший Готберга Клюгге.

Совещание началось. Гауляйтер подождал, пока приглашенные усядутся, и тогда поднялся сам. Офицеры вновь вскочили, и тогда фон Готберг перенятым у Гитлера тоном сказал:

— Господа офицеры! — замолчал, жестом разрешил присутствующим опуститься на стулья, сел сам.

«Спектакль начался», — подумал Розен, занимая место у середины стола, на достаточном удалении от гауляйтера.

Розен не любил Готберга. Не любил за то, что тот отказал ему в покровительстве сразу, как появился в Минске. А ведь Розен мог рассчитывать на симпатию гауляйтера — однажды он уже выполнил его поручение, и выполнил надежно. Фон Готберг вспомнил о способностях Розена только затем, чтобы и здесь дать ему ответственную работу, но тут же намекнул, что наградой гауптману будет чувство исполненного долга.

Гауляйтер говорил теперь сидя. Тщательно отфильтровав все то, что он обдумал перед совещанием, за ис-

ключением, естественно, личных соображений о Клюгге, фон Готберг сухо и четко формулировал общее положение дел, задачи и цели. Он не вдавался в подробности — в его словах нельзя было отличить мирное население от партизан или бой от массового убийства, но каждый пришедший на заседание прекрасно понимал генерала.

Хорошо зная то, что хотел сказать, фон Готберг одновременно с выступлением позволял себе мысленно останавливаться на ком-нибудь из присутствующих, словно еще раз проверял их готовность к порученному делу.

Он видел сухое лицо Хойзера, который после себя всегда оставляет трупы, и думал, что место этого безжалостного человека в тылу — в инспекциях концлагерей и гетто, что в открытом бою вряд ли он будет надежен — исключительная безжалостность всегда сопряжена с личной трусостью.

Он видел пухлые губы Вильке и знал, что этот благородный на вид ариец не станет трусом — помешает уникальная глупость и бездумная готовность выполнить любой приказ.

Он видел Шлегеля и отдавал должное гибкому уму этого сотрудника полиции безопасности. Характеристики, которые Шлегель давал своим сослуживцам, нередко помогали гауляйтеру.

Он видел Кушеля — майора СС — и знал, что это — лакей, но преданный взгляд лакея доставлял фон Готбергу удовольствие. Он напоминал ему, что воинское формирование из местных отщепенцев наконец создано...

По возможности равнодушно он посмотрел на гауптмана Розена, хотя отметил, что этот скомпрометировавший себя в быту человек должен справиться со своим заданием хорошо. Фон Готберг тут же перевел взгляд на Киршке, который осуществлял связь гестапо с абвером в порученной Розену операции, и тут впервые за время своего доклада почувствовал некоторое раздражение. Неудовольствие вельможного эсэсовца определялось не тем, что Киршке был ему вообще неприятен, и не тем, что он поддался уговорам Клюгге и назначил его на нынешнюю должность. Как большинство нацистских начальников, фон Готберг не любил тех подчиненных, которые приносили ему плохие известия.

В последних донесениях Киршке проскользнули сообщения об активных действиях партизан в Половецком районе, и это раздражало фон Готберга по двум причинам.

Во-первых, предшественник Киршке сообщал, что бандиты, называвшие себя «Непокоренными», уничтожены. Иначе говоря, либо предшественник Киршке преувеличивал свой успех, либо Киршке преуменьшает заслуги предшественника. Так или иначе, это связано со второй причиной, по какой гауляйтер был раздражен. Дело в том, что операция «Нюрнберг» предусматривала выступление «узников» лжеконцлагеря как раз на половецком направлении.

Фон Готберг решил оставить Розена и Киршке для отдельного разговора.

Лишь в одну сторону гауляйтер старался не смотреть вообще — в сторону приоткрытой двери в маленькую комнату для отдыха, там сидел Генрих Клюгге, который официально не мог присутствовать на подобном совещании.

Честно говоря, генерал не имел ни малейшего представления о миссии Клюгге. Он подозревал, что она связана с «Нюрнбергом», но все более понимал, что «Нюрнберг» для Клюгге — не цель, а средство. Не прекращая доклада, фон Готберг стал думать — не будет ли ошибкой требовать от Клюгге отчета по работе антикварной копторы, да еще в присутствии младшего офицера. Он не нашел ответа на этот вопрос.

Закончив доклад, гауляйтер довольно долго сидел молча. Потом он стал слушать сообщения подчиненных о подготовке к операции. Говорили заранее назначенные люди — называлась численность войск на отдельных участках, уточнялись направления группировок и подлежащие предварительному уничтожению населенные пункты, характеризовалось обеспечение и коммуникации. Фон Готберг изредка задавал вопросы, уточнял детали, чаще всего кивал согласно — подготовка велась по задуманному плану, инструкции и приказы исполнялись неукоснительно.

По регламенту совещание можно было заканчивать, чтобы для особо секретного разговора оставить Розена и Киршке, но гауляйтеру пришло в голову задать Киршке несколько вопросов в присутствии общевойсковых офицеров — пожалуй, такие свидетели должны были заставить Киршке говорить правду.

— Господин штурмбаннфюрер, — фон Готберг старался смотреть на Киршке неопределенно, — вы донесли о взрывах на железнодорожных станциях в районе Половца.

У меня есть более ранние донесения о полном уничтожении бандитов в этом районе. Что соответствует действительности?

Киршке стоял навытяжку.

— У меня есть совсем свежие сведения, — сказал он. — Банда партизан провела ряд военных операций в районе Половца, а кроме того — ряд митингов и концертов в селах.

— Что-что? — Гауляйтер даже растерялся. — Вы говорите: концертов?

— Так точно, господин группенфюрер.

— Они, что же, артисты?

— Никак нет, господин группенфюрер. Но поют и пляшут.

Фон Готберг смотрел на Киршке так, словно тот либо сошел с ума, либо только что смертельно оскорбил гауляйтера. Киршке не выдержал взгляда генерала — заморгал, и фон Готберг отвел глаза.

— Все свободны, — сказал он. — За исключением заранее предупрежденных.

В кабинете остались Розен и Киршке.

— Докладывайте, — приказал гауляйтер Розену.

Розен посмотрел на часы. Он имел привычку быть точным в докладах и знал, что ему отпущено не более пяти минут.

Но пожалуй, в первый раз Розен последовал своей привычке лишь машинально, глянул и не запомнил точного времени, весь он сейчас был занят дневным разговором с Фрейндом и последующими двумя часами, когда, запервшись в своем кабинете, снимал копии с оперативных карт. Это было непросто сделать даже ему, имевшему допуск к картам. В том, что он взял их, ничего удивительного не было — ведь он готовился к докладу у гауляйтера. Но держать их столь продолжительное время было незачем.

Поэтому, приняв решение выполнить требование Карла, Розен искал способ сделать это так, чтобы никакое подозрение его не коснулось. Первым планом было: приказать помощнику взять карты для уточнений, которые должен был сделать помощник, и как только тот появится с картами в кабинете, отослать его по срочному поручению. У помощника не будет времени сдать карты, и он оставит их в своем сейфе. Открыть этот сейф Розен мог. И все же он отверг такой план. Подозрение, которое

могло пасть на помощника, если бы кто-то обратил внимание на долгое отсутствие карт, бросило бы тень и на Розена. Маленькую, но тень. Он не хотел никакой тени.

Он знал законы конспирации, знал, что бдительность ближайших сотрудников уже становится откровенным недоверием к любому и каждому, он стал искать другой план.

Лихорадочно работавший мозг наконец подсказал то, что не сулило никаких неприятностей. А именно — действовать в открытую. Взять карты для того, чтобы снять с них коцию, необходимую для доклада у гауляйтера. Фон Готберг всегда любил документы.

Розен поставил в известность о необходимости снять копии с карт сотрудника отдела, заказал надежно охранимый автомобиль для переезда с картами в резиденцию гауляйтера и... за необходимые для такой работы два часа снял не одну, а две копии.

С таким напряжением он еще никогда не работал. Даже сейчас, когда он разворачивал карты перед генералом, у него подрагивали руки. С цинизмом он подумал о том, что фон Готберг никогда не узнает истинной причины этого подрагивания, решит — от пьянства.

Розен указал месторасположение строящегося концлагеря, быстро, но подробно охарактеризовал близлежащий район. Наметил возможные направления передвижений «восставших узников». Доложил, что строительные работы подходят к концу, что подземные склады оружия для «заключенных» уже готовы.

Фон Готберг слушал неожиданно рассеянно.

«Старый дурак! — подумал Розен. — Если бы ты знал, что лежит у меня во внутреннем кармане».

И тут он в очередной раз походял при мысли о том, что Фрейнд ведет вовсе не ту игру, какую представляет, что эти карты будут использованы по прямому назначению, что... Но он заставил себя подавить эту мысль — она мешала докладу.

Когда он закончил, гауляйтер согласно кивнул, спросил, обращаясь к Киршке:

— Каковы гарантии стопроцентной секретности этой акции?

— Не считая вас, господин группенфюрер, — стал отвечать Киршке, — с планом знакомы четыре сотрудника нашего ведомства и четыре сотрудника абвера.

Фон Готберг покосился в сторону приоткрытой двери в

комнату отдыха. Словно поняв его взгляд, Киршке продолжил:

— Десятым человеком, знакомым с планом в общих чертах, является Генрих Клюгге. Что касается обслуживающего персонала, то все лица, занятые на строительстве и не принадлежащие к немецкой нации, уничтожаются тут же по исполнении небольшого объема работ. Немецкие солдаты также после небольшого объема работ отправляются на фронт. Подвоз рабочих осуществляется ночью, как и отвоз. Никто из них не знает адреса места работы.

— Вы не ответили на мой вопрос прямо, — поморщился гауляйтер.

— Я считаю, — Киршке старался быть убедительным и все же оставлял в своих словах какую-то лазейку, — можно быть уверенным, что секретность стопроцентная.

— А контингент лагеря? — Гауляйтер повернулся к Розену.

— Эта часть работы была поручена мне непосредственно, — отвечал Розен, избегая называть фон Готберга по званию. — Отобрано двести пятьдесят человек. В процессе работы я отказался от военнопленных и ограничился лицами, пришедшими в разведшколы добровольно.

— Кто совершил операцию на платформе Баниславского? — спросил вдруг фон Готберг. — Это дело рук партизан из района Половца. Ведь мы доложили в Берлин об их уничтожении. А они не только воюют, но и выступают с концертами. Я этих русских не пойму. У них петля на шее, а они пляшут и поют.

Розен и Киршке сочли возможным промолчать.

— Вы свободны, — сказал гауляйтер и стал смотреть, как Розен собирает карты.

Розен ощутил этот взгляд и едва напел силы не дрогнуть всем телом, не рассыпать карты. У него пересохло во рту, и он проговорил с хрипотцой:

— Если позволите, господин группенфюрер... если я правильно вас понял... меня привез и отвезет специальный автомобиль с усиленной охраной.

— Вы правы, — кивнул гауляйтер, — я думал именно об этом.

Когда Розен и Киршке вышли, он не стал поворачиваться к двери в комнату отдыха, ждал, что Клюгге выйдет сам.

Клюгге вышел, подошел к столу гауляйтера, остановился, с почтением, но и с достоинством сказал негромко:

— Благодарю вас, господин группенфюрер, за предоставленную мне возможность присутствовать на совещании таким образом. — Он сделал лишь небольшую паузу и тут же заговорил о другом, не дав фон Готбергу ответить. — У меня создалось впечатление, что вы имеете какие-то претензии ко мне. Я бы хотел разрешить этот вопрос, тем более что уверен в совершеннейшем моем почтении к вам. И тем более что мне понадобится ваше благосклонное участие.

Это было уже нахальством — требовать благосклонности, но что-то в тоне Клюгге помешало фон Готбергу возмутиться. Он спросил суховато:

— Чем могу быть полезен?

— Прежде о претензиях, — настоял Клюгге.

— У меня нет претензий к вам.

— Они должны быть. — Клюгге, кажется, переходил границы. — Вам приходится идти мне навстречу, не будучи осведомленным в существе дела. Могу вас уверить, что лишь нерасторопность чиновников заставляла меня быть... как бы это сказать... неразговорчивым с вами. В Берлине вам полностью доверяют, и недавно я получил разрешение быть с вами полностью откровенным. Как вы понимаете, я солдат и без такого разрешения не мог проявлять собственной инициативы.

— Благодарю вас, — совсем уже сухо сказал фон Готберг, хотя последние слова Клюгге, так или иначе, успокоили его.

— Вы любезно спросили, — продолжал Клюгге, — чем вы можете быть полезны. Вы должны отдать приказ о моем аресте, из которого следовало бы, что в своей антикварной деятельности я совершил тяжчайшие финансовые преступления против рейха и должен быть в кратчайший срок найден для предания суду. Ваша подпись должна быть истинной. Вместе с тем вы должны отдать приказ об аресте Карла Фрейнда, моего юрисконсультта, а там — на усмотрение гестапо: либо он признается в совершенных нами вместе злодеяниях, либо... словом, это — забота Киршке.

— Я бы предпочел, — в раздумье начал фон Готберг, — получать приказы из первых рук. Вам должно быть ясно, что вы шокируете меня, передавая подобные

распоряжения. В вермахте, насколько я знаю, субординация еще существует.

— Прошу прощения, господин группенфюрер. Существует еще и конспирация.

— В этом мире появилось слишком много оговорок,— решил пофилософствовать фон Готберг. — В этом мире вообще стало много непонятного. Представляете?! Эти бандиты, эти русские! Им, извините, нечего жрать. Их заставляют работать, как скот. Их убивают! А они ходят на концерты! Они поют и пляшут! Вас это не удивляет?

— Я разучился удивляться, господин группенфюрер.

— А я еще нет! — зло сказал фон Готберг. — И плохо, если нация следует вашему примеру, а не моему. Может оказаться, что мы до сих пор не знаем, с кем воюем. Мне уже говорили, что белорусы поголовно заражены сифилисом, а в одном нашем полку сифилиса больше, чем на всей оккупированной территории. — Он замолчал и спросил о другом: — Когда я должен исполнить переданный вами приказ?

— Недели через две, — ответил Клюгге. — Примерно тогда, когда начнется операция «Нюрнберг». Я сообщу дополнительно.

После ухода Клюгге вельможный эсэсовец удивился уже по другому поводу — нахальный порученец Геринга так и не сказал ничего о существе своей акции.

«Очевидно, у этой птицы большие крылья», — подумал гауляйтер.

5. Операция «Гауптман» закончена, но...

Розен не спал всю ночь. Он хотел разобраться в последних событиях, столь круто изменивших его жизнь.

Прежде всего, спрашивал он себя, кто он такой — этот Карл Фрейнд? Его подобрали раненным. Потом контрразведка нашла сарай с трупами русских и немцев, а рядом минное поле, где бесславно погибла моторизованная группа майора Кнедля. Все в рассказе Фрейнда совпадало. И все же гестапо в Минске не поверilo обер-лейтенанту. Впрочем, это мало что значит — Киршке не верит сам себе.

В городе Фрейнд не давал никаких поводов для подозрений. Он не искал лишних знакомств, никуда не отлучался, ежедневно сидел в кафе. У него не замечено никаких подозрительных связей.

Неужели он — советский разведчик? В пользу этого не говорит ничего.

А в пользу того, что он — удачный бизнесмен, говорит многое. Он с удовольствием взялся за работу, предложенную Клюгге. Зачем советскому разведчику такая работа? В конторе Клюгге военных секретов не найдешь. А те секреты, на которые Карлу предложил обращать внимание сам Розен, пригодятся разве что после войны. Какая разведка станет так непроизводительно расходовать свои силы? А вот бизнесмен с удовольствием отдаст всего себя такой деятельности.

Погоди, прерывал самого себя Розен, но ведь Карл понял, что Клюгге не просто Антиквар. С другой стороны, он понял это совсем недавно.

Розен чувствовал, что запутывается в своих рассуждениях. Нет, сказал он сам себе, тут надо начинать не с начала. Тут надо выделить главное. Что во всем этом самое главное?

И он ответил на этот вопрос. С озлобленной откровенностью он признался себе, что главное во всем этом — деньги.

«Да, да! — дразнил он самого себя. — Деньги! Деньги! Деньги! И я такой же скот, такое же дермо, как все остальные».

Он предпочел бы не рассуждать дальше — наиться, продолжая твердить оскорблений в свой адрес, забыться, уснуть, но ничего не получалось. Он еще раз, терзаясь, признавался, что главное — деньги. Не его положение, не его личные отношения с Карлом, в которых он старался быть лидером, не то, наконец, кто такой Карл, а только деньги.

И тогда он задал себе последний вопрос: ну так что же теперь? Ответ дался неожиданно легко: ничего. Ничего, и все! Деньги, и все.

«Триста тысяч, — тут же стал мечтать он. — Это не просто шикарные рестораны и вилла в горах, это еще и собственное дело, которое не даст оскудеть банковскому счету. Например, коммерческое предприятие — скажем, в той же антикварной области. Можно стать компаньоном Карла. Я мог бы регулировать отношения с конкурентами, — думал Розен, — о, это я мог бы!» И мечты расслабляли его, сладко щекотали только что волновавшееся сердце.

И вдруг — стоп! Обожгла мысль: когда еще будут

деньги? Это — раз. Карл сказал, что пай Розена надо обсудить заново. Это — два. Неужели он даст провести себя как мальчика? Нет, холодно решил Розен, он не даст провести себя.

Он стал обдумывать свое поведение при встрече с Карлом и девушки.

Карл Фрейнд тоже не спал в эту ночь. Сначала было лишь возбуждение, потом ему удалось успокоить себя, привести мысли в порядок. Он еще раз детально перебрал все встречи с Розеном, затем инструктажи Вознесенского и особенно подробно остановился на последнем.

Свидание с Николаем Николаевичем на этот раз было необычным. По решению командования отряда Карл не должен был с определенного времени появляться в местах, которые могли бы малейшим образом насторожить Киршке или Розена.

Поэтому, когда в антикварную контору вошел человек, одетый с неброской, но доступной лишь очень богатым людям роскошью, когда он заговорил на хорошем немецком языке, Карл едва сдержал возглас изумления, узнав в посетителе Вознесенского.

— Здравствуйте, — сказал Вознесенский. — Я из Берлина. Вот мои документы, хотя их уже проверяла комендатура. — Он протянул паспорт в кожаном переплете. — До фронта далеко, а порядки у вас фронтовые. Наверное, так и надо. Я, собственно, по приватному делу. Не удивляюсь, что вы не знаете моей фамилии. Сейчас все помнят только фамилии генералов. Мне уже объяснили, что дела конторы ведете вы....

— Я ничего не решаю без шефа, — прервал, скрывая улыбку, Карл.

— Вряд ли мое дело заинтересует вашего шефа, — возразил Вознесенский. — Речь идет не о сотрудничестве с вашей конторой, а о моей личной просьбе. Кроме дел фирмы у меня есть личные дела, — пояснил он. — В моей коллекции есть два полотна из триптиха украинского художника Дорошенко. Я ищу третье. На Украине его не оказалось. Есть предположение, что оно в Белоруссии. Если удастся обнаружить его, я буду вести переговоры с начальством вашего шефа. А сейчас я хотел бы получить кое-какую информацию. Не беспокойтесь, она никак не касается дел конторы.

Подобные визиты хоть и не были часты, но в практике случались. И именно Карл вел в таких случаях раз-

говоры с клиентами. Причем Клюгге настойчиво попросил его быть с ними предельно вежливым, по всегда отвечать отказом и при любых условиях не препровождать их к нему.

Так что Карла не беспокоило ни присутствие в конторе служащих, ни возможное появление самого Генриха Клюгге. Его беспокоило другое. Сейчас он пригласит Вознесенского в свой кабинет, и они начнут там совсем другой разговор. Так вот — нет ли в кабинете подслушивающего устройства? Неужели Вознесенский не учел такой возможности?

— Пропуши вас ко мне в кабинет, — сказал Карл.

Он пропустил Вознесенского впереди себя, плотно закрыл дверь и поднял глаза к потолку.

— Нет, — улыбнулся Вознесенский. — Это мы провели.

В который уже раз Карл убеждался, что он не одинок на своем невидимом фронте. Где-то рядом бок о бок с ним сражаются другие бойцы, может быть, среди служащих конторы, к которым он не раз приглядывался с вниманием, есть его союзник, его незримый помощник. Кто он? Законы конспирации запрещали задавать такие вопросы, и все-таки, когда желание задать этот вопрос появлялось, когда Карл заглушал его в себе, на душе становилась спокойней, чище, радостней.

— Мы с командиром подробно изучили ваше сообщение, — говорил Вознесенский, — и у нас появились некоторые уточнения. Розен сейчас в состоянии крайнего возбуждения, но в какой-то момент он может взять себя в руки. Тогда он станет рассуждать трезво. Что удержит Розена от оформившегося подозрения в вашей связи с нами? Такое подозрение у него наверняка есть. Что не даст ему перейти в полную уверенность? Страх оказаться замешанным в этой истории? Но страх не помешает ему просто убрать вас. Значит, его держит одно — деньги. Логично?

Карл кивнул, соглашаясь.

— Значит, — продолжал Вознесенский, — только деньги. Мы собирались оставлять их дальней приманкой для Розена. Похоже, это было ошибкой, которую надо исправлять. Всей суммы мы, конечно, не наберем, но все же раскошелиться придется. — Вознесенский улыбнулся. — Одна из золотых штучек бургомистра может оказаться на руке его пассии. Кстати, девушка уже в Мин-

ске. Вы будете называть ее Лина. Мы снабдили ее колечком, достаточно дорогим. Оно — и доказательство существования драгоценностей, и возможная взятка Розену. Это мы обсудим чуть позже. Сейчас еще об одном. Мы хорошо знаем характер ваших отношений с Розеном. Знаем и обстановку. Но... она — лишь часть общей обстановки за дверями гестапо и абвера. Простое доказательство этому то, что операция «Антиквар» у нас с вами не проходит. Мы имеем основания считать, что вас могут ожидать непредвиденные осложнения. На этот случай вам должен быть обеспечен уход. В этой сигарете, — он протянул Карлу портсигар, — адрес и пароль. Вы сами должны определить необходимость и сроки, когда ими воспользоваться. Учтите, Карл, лучше это сделать раньше, чем позже. Но еще лучше сделать это на самом рубеже «раньше» и «позже».

По времени они говорили недолго, но Вознесенский успел сказать все, что было нужно. Детали обсудили несколько раз.

Прощаясь в холле конторы, Вознесенский сказал:

— К сожалению, вы были не слишком любезны со мной.

— Я сделал все, что мог, господин Горн, — Карл назвал фамилию, стоявшую в паспорте.

И еще один человек не спал в эту ночь — Стеша. Та самая Стеша, которая помогла в откровенном разговоре с бургомистром и которую разведчик Виктор привел в отряд, получив за это нагоняй от командиров.

К счастью, Стеша не только не доставила хлопот в отряде, но и с самого начала постаралась быть максимально полезной партизанам. Она помогала по хозяйству, берясь за любые дела, выполняла указания военфельдшера Павлюченковой по уходу за ранеными, а вскоре приняла участие в операции на немецком продовольственном складе, где хладнокровно обманула жандарма, расстававшего при виде красивой девушки и через несколько часов с рвением выполнившего все требования партизан.

Мы присмотрелись к Стеше и убедились не только в ее желании искупить свой грех, о котором конечно же никто не напоминал ей, но и в недюжинных ее способностях.

стях — в актерском таланте, в остром уме и в необходимом для разведчика хладнокровии.

Поэтому, когда встал вопрос о том, кто под именем Лины поедет в Минск на помощь Карлу, и Порадельников, и Безгин, и я раздумывали недолго — Стеша.

И вот в последнюю ночь перед завершением операции «Гауптман» Стеша не могла уснуть в обычной минской квартире, куда она была поселена как племянница хозяина, двоюродная сестра его дочери. Кстати, в версии Карла эта сестра должна была болеть, и теперь девушка старательно вылеживала в постели.

Стеша не спала, но в отличие от Розена и Карла она думала не о завтрашнем дне и не о вчерашнем. Память настойчиво возвращала ее в предвоенные годы, и там, сквозь туман воспоминаний, рисовалось ей сильное и веселое лицо ее жениха — кузнеца Николая. Жалко ей было отогнать это одновременно сладкое и горькое видение, да и привыкла она к нему — перед каждым заданием это видение больше помогало ей, нежели повторение про себя будущих действий.

Жизнь и война научили ее быть хладнокровной в любые минуты — в любые, кроме одной, вот этой, когда видела она своего Николая и думала, что же скажет ему, если он действительно жив и вернется.

Это ведь для других парней она, может быть, героем станет. А вот для Николая?

Три разные судьбы должны были сойтись утром. Первыми встретились Карл и Стеша, чтобы вместе повторить легенду.

— Я по-прежнему верю, что вы сын баронессы? — спросила Стеша.

Карлу понравилось, что она дотошна к деталям, он еще не знал, что разведчик, вопреки Козьме Пруткову, должен уметь объять необъятное, еще не знал, что как раз он упустил одну из деталей и это доставит ему несколько крайне неприятных мгновений.

Сейчас он отвечал Стеше:

— Пожалуй, вы уже не верите в это. Хотя я вам не признался еще в своем обмане. Не признался, несмотря на то, что наши отношения достигли близости. При необходимости можете сыграть на этом.

— Понятно, — сказала Стеша. — Значит, с этой минуты я Лина?

Вот тут-то и вспомнить бы Карлу о проклятой детали, которая подведет его вскоре, но он не вспомнил, только согласно кивнул девушки.

По утреннему, еще прохладному городу они прошли к кафе, где в этот час было пусто — лишь две или три такие же парочки сидели по углам зала да кто-то лениво гонял шары в бильярдной.

Карл намеренно опоздал на несколько минут, и Розен уже ждал их. Он поднялся навстречу с улыбкой, в которой было беспокойство и волнение, но которая одновременно должна была означать радущие и радость встречи.

— Жду вас. Я заказал два аперитива. Думал, что вы сначала придете один. — Розен говорил по-немецки.

— Вы уверены, что это именно та девушка? — съязвил Карл тоже по-немецки и, не давая Розену растеряться, добавил по-русски: — Прошу познакомиться. Гауптман Розен. Фрейлейн Лина.

Глаза Розена остановились на мгновение, словно он пытался что-то вспомнить, но тут же он улыбнулся, наклонился подцеловать Лине руку.

— Мне очень приятно, — сказал он по-русски.

Они сели и сделали заказ подошедшему официанту.

Дальнейшая беседа запечатлелась у Карла стенографически. Впоследствии он воспроизвел ее.

КАРЛ (по-немецки). Вы принесли мои бумаги?

РОЗЕН (отводя взгляд, по-немецки). Я никак не пойму — то ли вы дали мне козырь, приведя девушку сразу, то ли это очередной непонятный ваш шаг. (По-русски, Лине и Карлу). Приятно провести свободное утро в такой милой компании. (Лине). Вы давно знакомы с моим другом? Он скрывал вас от меня.

ЛИНА (беззаботно). Он не любит общество, но нам с ним не скучно вдвоем.

РОЗЕН (Лине). Со временем можно заскучать. Вы еще не так давно знакомы?

КАРЛ (по-немецки, Розену). Это — допрос, Отто. Вы хотите испортить наши отношения?

ЛИНА (Карлу). Что ты сказал господину Розену, Карл?

РОЗЕН (по-русски, Лине). Он очень ревнив, ваш Карл. (По-немецки, Карлу). Слишком высока ставка,

Карл. (Неожиданно быстро, по-немецки, Лине). Как вас зовут?

ЛИНА (недоуменно посмотрев на Карла). Что?

КАРЛ (по-русски, Лине). Он сделал тебе комплимент, говорит, что ты необычайно хороша.

РОЗЕН (по-русски). Даже для барона.

ЛИНА (Розену). Скажите, он правда барон?

РОЗЕН (по-русски, Лине). Вы уже не верите моему другу? Конечно, барон!

КАРЛ (по-немецки, Розену). Благодарю вас, Отто. Вы не заметили, что от волнения мы перешли на «вы»? В чем дело, Отто? Ты решил, что Лина — арийка? И проверяешь нас?

РОЗЕН (по-немецки, с усмешкой, Карлу). Нет. Я вспомнил, что у твоей девушки должно быть очень трудное русское имя. Разве так трудно произносить — Лина?

КАРЛ (внутренне растерявшись, но найдя силы смотреть на Розена с досадой, в то время как искал выход, по-немецки). Ах, Отто!

ЛИНА (перебивая Карла, Розену). Вы что-то сказали обо мне? Скажите мне, что вы сказали?

РОЗЕН (по-русски, Лине). Я сделал вам еще один комплимент.

ЛИНА (быстро). Переведите, пожалуйста.

РОЗЕН (по-русски, Лине). Я сказал, что у вас прекрасные волосы. (По-немецки, Карлу). У вас было достаточно времени найти ответ на мой вопрос.

КАРЛ (с усмешкой, по-немецки, Розену). Я предположил бы вообще не отвечать на него. Чтобы дать тебе возможность поработать мозгами. Но у нас мало времени, а я перестаю верить в твои способности. В паспорте Лина записана Апраксалиной.

РОЗЕН (по-русски, Лине). Как ваше полное имя?

ЛИНА (одновременно смущенно и рассерженно). Зачем вам? У нас есть такие дурацкие имена.

РОЗЕН (по-русски, настойчиво, Лине). И все же?!

ЛИНА (Карлу). Зачем он обижает меня? (Повернув кольцо, которое до этого было камушком к ладошке). Я хочу, чтобы меня звали Линой.

КАРЛ (Розену, по-немецки). Или ты сейчас же отдаешь мне бумаги, или мы встаем и уходим.

РОЗЕН (не отводя глаз от кольца). Это не нужно ни

мне, ни тебе, Карл. Надеюсь, у нее не вздорный характер и она не убежит сама?

КАРЛ (по-немецки). Ты отдаешь мне бумаги?

РОЗЕН (по-немецки). Еще один вопрос, Карл. Твоей даме. Это мое последнее условие.

КАРЛ (не сразу). Хорошо.

РОЗЕН (по-русски, Лине). Кто вам подарил этот перстень?

ЛИНА (сильно смутившись). Один человек.

РОЗЕН (по-русски, Лине). Кто он? Бургомистр? Какого района?

КАРЛ (по-немецки). Стоп! (По-русски, Лине). Молчи, Лина. Дай мне кольцо. Господин Розен хочет посмотреть на него более внимательно.

ЛИНА (передавая кольцо Карлу, умоляюще). Я ни в чем не виновата. Ты же знаешь, Карл. Объясни ему. Почему он такой сердитый?

КАРЛ (по-немецки, передавая кольцо Розену). Этот перстень из бывшей патриаршей ризницы. Ты смотришь так, словно начал понимать в камнях. (По-русски, Лине). Успокойся, милая. Отто очень нервный. Это у него следствие контузии.

РОЗЕН (по-немецки, весело). Можешь назвать меня паралитиком или параноиком. Кем хочешь. По-моему, этот перстень годится для задатка, Тебе не кажется, Карл?

КАРЛ (по-немецки). Бумаги!

РОЗЕН (по-немецки, весело). Не волнуйся, Карл. С твоими бумажками все в порядке. Они у меня в кармане. Если бы не перстень, я бы еще помучал тебя. Но ведь этот перстень уже мой?

КАРЛ (по-немецки). Бумаги!

ЛИНА. О чём вы говорите? Что он хочет, Карл? Возьми у него мой перстень.

РОЗЕН (поспешно вынув толстый пакет и отдавая его Карлу). Вот они. Скажи ей что хочешь, лишь бы она не подняла шума.

КАРЛ (спрятав пакет, по-русски, Лине). Отто хочет заказать подобный перстень для своей невесты. Он просит его на несколько дней. Ты ведь не откажешь ему, Лина?

РОЗЕН (по-русски, Лине). Честное слово, это будет прекрасный подарок моей невесте.

ЛИНА. А вы вернете мне его? Когда вы мне его вернете?

РОЗЕН (пряча перстень, по-русски). На днях, на днях! (Поднимаясь). Мне, к сожалению, пора. (По-немецки, Карлу). Нам надо увидеться в ближайшее время. Поговорить с глазу на глаз. Избавляйся от нее и звони мне.

КАРЛ (по-немецки). Если меня не пошлют в известное тебе место.

РОЗЕН (уже стоя, по-немецки). Мы должны увидеться до твоего отъезда, Карл. (С беспокойством). Ты не подведешь меня?

КАРЛ (по-немецки). Постараюсь.

Они вышли из кафе вскоре после Розена, и почти тут же Карл заметил слежку — ее трудно было не заметить, она велась в открытую. Малоприметный человек в штатском оттолкнулся плечом от столба, на который он опирался, пошел за Карлом и Стешей метрах в десяти.

Такой вариант учигывался. У него было два подварианта. Первый: либо Розен вел с Карлом игру до разоблачения, либо слежка была организована не Розеном. Второй: Розен оставался в сговоре с Карлом, но не доверял ему и организовал собственную слежку.

Вряд ли можно было признать реальным первый подвариант: немногочисленность и откровенность слежки, пожалуй, исключали его. Второй подвариант был более вероятен: Розен поручил своему сотруднику проводить девушку по адресу, ничего не объясняя ему или придумав какую-нибудь салонную версию.

Однако при разработке операции «Гауптман» прикрытие создавалось таким образом, чтобы оно оказалось эффективным при любом подварианте.

Карл не мог определить, кто в толпе готов пройти ему на помощь, но он знал, что такие люди есть. Пока, правда, их вмешательства не требовалось, и они последовали первому разработанному способу отхода.

Прогулочным шагом Карл и Стеша дошли до антикварной конторы, не торопясь вошли в нее, и Карл успел заметить через окно, что преследователь остановился напротив входной двери.

Затем Карл и Стеша внутренним коридором добрались до обычно запертой двери черного хода. Карл тронул дверь, она поддалась сразу, и они оказались на параллельной улице.

Здесь их встретил человек, который подал Стеше шляпку и плащ, взял ее под руку и повел от Карла.

В это же время второй человек принял у Карла пакет.

Карл обошел квартал и снова вышел к парадному входу в контору.

У преследователя полезли на лоб глаза, когда он увидел поднимавшегося к двери и скрывающегося за ней Карла. Но ему пришлось удивляться и дальше, поскольку Карл, дойдя до черного хода и заперев его на ключ, вернулся из холла конторы, предварительно открыв дверь, стал звонить Розену. Преследователь мог слышать его голос с улицы.

— Отто, — резко сказал Карл в трубку, — ты дурак, Отто!

— Нас могут слушать, — тихо ответил Розен после небольшой паузы.

— Меня это не пугает, — сказал Карл. — Ты однажды уже горел на том, что пытался увести у товарища девушку. Можешь погореть второй раз. К тому же, почему ты считаешь, что можешь для личных дел использовать подчиненных?

— Я прошу тебя, Карл, — взмолился Розен.

— Ладно, — сказал Карл примирительно. — Твой болван стоит напротив конторы. Я могу отпустить его?

Розен повесил трубку.

6. Боя тайные и явные

Тишина в партизанском лесу особая. Она — не только безветрие и безмолвие великанов-деревьев. Она еще — и молчание оружия. И настороженное внимание часовых. И напряженная сосредоточенность в штабных и командирских землянках.

После того как в начале 1943 года враг провел наступление на довольно обширную партизанскую зону, наступил некоторый перерыв в широких военных действиях на нашем «Западном фронте». Но концентрация карательных войск и частей второго эшелона на границе с Латвией и в районе Минска не оставляли сомнений в том, что противник по-прежнему рассчитывает оттеснить партизан к реке Сурже с тем, чтобы на ограниченной территории при большой концентрации собственных войск добиться разгрома партизанских частей.

Нашим стратегическим ответом на предпринятые врагом действия было сосредоточение в этих районах десяти партизанских бригад общей численностью более восьми тысяч человек. Для этого не только были усилены и до-вооружены имевшиеся в указанной зоне партизанские соединения, но и переведены сюда бригады и отряды соседних районов.

Ежедневные зимние бои начала 1943 года с превосходящими силами противника заставляли партизан отходить в лесные массивы Северной Белоруссии.

Применяя артиллерию, танки и авиацию, причем подвергая жестокой бомбардировке и артобстрелу не только плацдармы боев, но и населенные пункты, враг проводил политику «выжженной земли», оставлял после себя трупы, руины и пепел.

Частичный успех дался гитлеровцам нелегко, им приходилось вести бои не менее ожесточенные, чем на фронтах.

Для координации действий объединенных партизанских бригад был создан по инициативе Верховного Главнокомандования единый штаб. В этот штаб вошли представители подпольных партийных органов и командиры сосредоточенных в районе партизанских бригад. Руководил им специально присланный с Большой земли уполномоченный ЦК партии Белоруссии.

Двадцатикилометровую линию обороны по лесной речке Сурже мы называли «Западным фронтом». Здесь шли основные бои, и интересам этого «фронта» были подчинены действия в различных местах партизанской зоны — штаб координировал все эти операции. Так что бои на Сурже включали не только действия на этой реке, но и многие другие.

Кардинально изменились оперативно-тактические планы штаба после получения важнейших документов из минского отделения абвера. Пока что партизаны лишь остановили врага на Сурже и до сих пор готовились отражать их новый натиск. В частности, нашей бригаде было поручено прикрывать половецкое направление.

Но теперь, зная штабные заготовки врага, мы решили разрабатывать наступательную операцию по всему фронту. Несколько изменились и задачи бригады. Мы должны были разрушить достаточно коварный и четко продуманный абверовцами план операции со лжеконцлагерем.

Я не случайно сказал, что бои на Сурже означали

и бои в других районах, в том числе и на невидимом фронте. Сейчас мы наметили три основных рубежа этого фронта. Один из них проходил в самом Минске, где действовали Карл Фрейнд, Вознесенский и Стеша. Другой обозначился в районе лжеконцлагеря. Третий был в самой нашей бригаде — теперь вражеский лазутчик в одном из отрядов был как никогда опасен нашему делу.

* * *

Гасло за макушками деревьев осеннее солнце — побледневший шар растворялся в густых ветвях, и внизу, под еловыми лапами, сумерки густели и наливались прохладой.

От каждой землянки соседнюю даже днем было трудно рассмотреть — так надежна была маскировка, а сейчас, в темноте, об этом и думать не приходилось. Каждый маленький коллектив землянки на первый взгляд оказывался изолированным от всего отряда.

Отряд был небольшой — двадцать землянок, по три человека в каждой. Это — нововведение. Раньше жили — где сколько, но незадолго до этого отряд стал специализированным. Его бойцы занимались исключительно «рельсовой войной». В осложненных условиях, когда враг значительно усилил свои гарнизоны по железным дорогам и стало применяться минирование по методу Кузнецова — непосредственно перед носом у поезда, решено было разбить отряд на постоянные тройки. По настоянию Порадельникова личные пожелания людей не учитывались, составлял группы командир.

Привыкшие к дисциплине бойцы не возражали.

В одной из землянок, помещавшейся неподалеку от командирской в центре отряда, жили трое: Евгений Савченко, Игорь Щусев и Борис Петрик.

Были они люди с почти одинаковой партизанской судьбой — пришли в отряд из окружения, в прошлом, по имевшимся о них сведениям, все трое были рядовыми солдатами. Последнее в какой-то степени могло насторожить — каждому из них было под тридцать, и все они были с достаточным образованием, чтобы оказаться, например, в офицерской школе или получить звание младшего командира... Но в первые дни войны случалась неразбериха, из-за нее не только эти трое оказались не на своих местах.

Савченко и Щусев слыши в отряде весельчаками, Петрик — напротив — был нелюдим, молчалив.

До последнего времени их ничто не объединяло, разве что были они посланы на один хутор для помощи при уборке урожая. Тем не менее командир определил их в одну тройку, и сейчас они жили в землянке втроем.

Нары в землянке располагались буквой «П». Слева и справа места занимали Петрик и Савченко, в глубине — Щусев.

Поскольку на протяжении уже нескольких недель отряд не предпринимал боевых вылазок и, кроме ежедневных учебных тренировок, время у партизан не занималось, трое часто оказывались вместе в землянке, где Савченко и Щусев разговаривали, а Петрик, лежа на нарах, в основном молчал. Попытки веселых товарищей расшевелить его он встречал полуулыбкой и односложными ответами.

— Борис! — спрашивал его Савченко. — У тебя что, вся биография из «да» и «нет» состоит? Неужели у тебя никогда какого-нибудь «может быть» или «боже упаси» не было?

— Нет, — покорно, но бесстрастно отвечал Петрик.

— Может, тебе хоть какие сны снятся? — добавлял Щусев, — рассказал бы.

— Нет, — как пономарь, твердил Петрик.

— А что, ребята? — Савченко любил развлечься, помечтать. — Кончится война, разъедемся мы по домам. Пойдем в городской сад на танцы. Не так уж мы староваты для танцев. А? Кепка набекрень, сапоги гармошкой. Эх, красота!

— А как насчет женского пола? — спрашивал Щусев.

— С этим у нас все в порядке, — отвечал Савченко. — Героям партизанам — первое внимание. Зря, что ли, третий день без табака сидим?

— А что, парни? — Щусев сел на нарах. — Может, попросимся у командира? Немецкого табачку поискать. Пускай фриц с нами поделится.

— Не пустит командир. — Савченко с сожалением вздохнул.

— А ты просился? — не унимался Щусев.

— Без толку кабана доить... — Савченко не верил в удачу.

— А я вот завтра попрошусь!

— Одного не пустят, — сказал Савченко.

— А я за всех троих попрошуся! Борис, пойдешь?

— Пойду, — сказал Петрик.

— И то! — Савченко тоже взял азарт. — Давно из лесу носа не высунем. Ну — на железку, это — ладно. Там — дело за разведкой. А просто — немцам нервы пощекотать, табачком разжиться. А?

Утром Щусев стал на пороге командирской землянки.

— Разрешите, товарищ командир?

Командир отряда — коренастый усач, бывший агроном — повернулся, спросил:

— Что тебе?

— Ноги размять бы. Засиделись.

— Не имею разведки. Будет разведка, разомнетесь.

— Да я не о железке. Пощупать бы где-нибудь у немцев под ребрами.

— И угробить отряд? — Командир был недоволен.

— Зачем же всем отрядом? — улыбнулся Щусев. — Мы бы втроем. Может быть, табачком разживемся. Сами ведь какой день не курите?

— План есть? — спросил командир.

— Кое-что придумали. — Щусев шагнул внутрь землянки. — На подъезде к Буйничам перелесок есть. В Буйничи немцы награбленное свозят, там-то гарнизон, но в перелеске их можно накрыть. Они и думать не думают, что под носом у гарнизона их партизаны встретят.

— А как до перелеска доберетесь?

— Да мы же счастливые! — широко улыбнулся Щусев. — В прошлый раз с хутора все добрались. Опыт имеем.

— Хватит ли вашего опыта на два раза? — усмехнулся командир.

— Вот заодно и проверим, — шутил Щусев.

Командир молчал, и улыбка пропала у Щусева, он уже сдвинул на затылок кепку, вздохнул, хотел повернуться к выходу. Но командир неожиданно сказал:

— А что, попробуйте!

— Так мы завтра на рассвете! — обрадовался Щусев.

— Почему на рассвете? — спросил командир.

— Мы опять хотим поодиночке туда идти. Уже там, в перелеске, соберемся. Поодиночке ночью трудно. А днем мы умеем.

— А через луга как? Через овраг?

— А это мы уже вечером, — объяснил Щусев. — Как раз к вечеру подойдем. На следующее утро с немцами по-

толкуем, а еще через день — в отряд. Так мы обмозговали.

— Лады! — сказал командир. — Без табака и соли партизану трудно.

Щусев вернулся в землянку.

— Ну! — крикнул он. — Стирайте портянки, до рассвета должны высохнуть.

— Разрешил? — не верил Савченко.

— Командира надо уговаривать, как девушку, — сказал Щусев. — Правда, Борис?

— Не знаю, — сказал Петрик.

Они вышли на рассвете — каждый по своей тропе — и вечером собрались в перелеске у Буйничей, благополучно его достигнув, но им не пришлось дожидаться там утра: они были обезоружены и взяты под стражу группой, которую послал им вслед Порадельников. Группа доставила всех троих в бригаду.

Вообще-то у Порадельникова были иные планы по выявлению предателя, но о них не имеет смысла говорить, так как пришлось от них отказаться.

Дело в том, что через несколько часов после того, как Савченко, Щусев и Петрик покинули расположение отряда, в лесу был найден еще не успевший остыть труп нашей связной Раи Голиковой. Она была убита пулеметным ранением в сердце, а возле нее лежал пистолет, из которого Раю тоже успела выстрелить.

Порадельникову некогда было раздумывать: в этот лес полицаи нос не совали, немцы были далеко, а, кроме троих, никто из ближайших отрядов не отлучался. Во избежание новой трагедии он отдал приказ о немедленном аресте Савченко, Щусева и Петрика.

Я прибыл к землянке Порадельникова, когда он закончил допрос и сидел за столом в глубоком раздумье.

— Ну? — спросил я.

— Чудеса в решете! — сказал он. — Все, конечно, отпираются. И можно подозревать каждого.

— Что ты предпринимаешь?

— Пока что послал людей по их маршрутам. Каждый из них делал два привала на маршруте. Надо проверить показания. Понимаешь, Раю найдена примерно на равном расстоянии от каждого названного маршрута. Убийца должен был сделать довольно большой крюк. А они пришли к месту так: первым Савченко, вскоре Щусев и лишь через полтора часа Петрик. Но Савченко говорит,

что он останавливался дважды за день по десять минут. Щусев — дважды по полчаса. А Петрик тоже дважды отдыхал, но точного времени не помнит. Утверждает, что оба раза около часа.

— Скорость движения соотнес с расстоянием? — спросил я.

— Соотнес. При нормальной скорости Савченко отпадает, да и Щусев тоже. А вот Петрик, если он отдыхал совсем немного или вообще не отдыхал, мог и успеть сделать такой крюк.

— А зачем такой крюк мог понадобиться?

— Ну... — сказал Порадельников, — самое вероятное — к тайнику за связью ходил. Другое в голову не идет. Свидания он не имел возможности назначить...

— А если свидание было назначено заранее? — предположил я. — Скажем, периодичное. Через день в таковое время. И этот день совпал.

— Бряд ли, — сказал Порадельников. — Это место у нас на глазах.

— Из какого оружия убита Раи?

— В том-то и дело, — вздохнул Порадельников, — что пулю не нашли. Я сам туда ездил. Так что вполне вероятно, что Раю убили из ее пистолета и подбросили его. Мы ведь с тобой не можем здесь ни дактилоскопическую экспертизу провести, ни баллистическую. Я вот еще о чем думаю. Зачем ему надо было убивать ее? Опознала она его, что ли?

— Не обязательно, — возразил я. — Вполне вероятно, что он просто не хотел иметь свидетелей своего маршрута. А почему эти трое взяли моду ходить поодиночке?

— Твердят, что получилось один раз. Случайно. Решили во второй раз попробовать. Будешь допрашивать сам?

— Давай! — решил я.

Первым привели Савченко.

— Садитесь, — сказал я.

Савченко сел, настороженный, осунувшийся, во взгляде у него был даже не страх, а задавившая его безнадежность. Ни он, ни его напарники не знали, в чем подозреваются. Впрочем, один-то, конечно, знал, и может быть, именно Савченко.

Я отметил, что он не обращается ко мне с просьбой объяснить причину ареста.

— Вы пришли в перелесок первым? — спросил я.

— Да. — Он отвечал не по уставу — то ли чувствовал себя уже не бойцом, а арестантом, то ли безнадежность заглушила в нем все, даже желание встать при обращении командира — он не шелохнулся, только опустил голову.

— С хутора вы возвращались прошлый раз поодинчке, — сказал я. — Кто предложил это?

Савченко поморщился, припоминая, ответил:

— Петрик, да, Борис Петрик.

— Как он объяснил это?

— Немцы заняли район... — с паузами стал объяснять Савченко. — Перекрыли дороги... Оставаться на хуторе было нельзя... Решили уходить... Я предложил идти через горелое болото... Щусев отказался... Мы заспорили.

— Какой маршрут предлагал Щусев?

— Через деревню Высокое. Мне казалось, что там уж точно мы на немцев наравнемся. Вот тогда Петрик и предложил поодинчке идти.

— Какой маршрут выбрал Петрик?

— Мимо Полянок. Лесом. Это он нам уже потом рассказал. Когда расходились с хутора, он сказал, что еще не знает, как пойдет...

Савченко замолчал, ожидая следующего вопроса.

Откровенно говоря, готовых вопросов у меня *не* было, было лишь ощущение, что разгадка лежит где-то возле этих самых маршрутов.

— Прошлый раз ваш маршрут был самым длинным, — сказал я, — а вы пришли в отряд первым. Чем вы это объясняете? Кстати, и в этот раз вы опередили Щусева и Петрика.

— В прошлый раз дело было не в длине маршрута, — отвечал Савченко. — Просто я был прав, я прошел почти без задержек. Щусев полдня отлеживался в овраге, а Петрик вообще целый день пережидал.

— Петрик и в этот раз пришел в перелесок последним?

— Да.

— Он всегда такой неторопливый?

— Не знаю, — вздохнул Савченко. — Мы ведь недавно вместе.

Савченко в землянке сменил Щусев. Сразу стало понятно, что передо мной совсем другой характер, хотя говорили, что они чем-то похожи друг на друга. Но если веселость и бойкость, слетев с Савченко, обнажили по-

давленность и меланхолию, то Щусев по-прежнему не сдерживал своего темперамента.

— Товарищ командир! — заговорил он, войдя. — Да что же это! Ну пожалуйста, ну хоть скажите, в чем дело?! За что нас так?

— Садитесь, Щусев, — предложил я.

Он сел, но на краешек табуретки, словно готов был вскочить в любое мгновение, потому что волнение забирало его всего, не давало сидеть без движения.

— Прежде всего возьмите себя в руки, — сказал я. — То, в чем мы должны разобраться, требует спокойствия.

Он усмехнулся, и я понял, что значит его усмешка — тебе-то, мол, легко быть спокойным, а мне-то каково. Непопятным было другое — игра это или правда.

— Покидая хутор, вы отказались от предложения Савченко идти через горелое болото, — напомнил я. — Почему?

— Так ведь!.. — Он действительно едва не вскочил, но я жестом остановил его. — Зачем же это самым длинным путем идти?

— Однако Савченко пришел первым.

— За ним разве угонишься? — Похоже было, что Щусев в чем-то обвинял напарника. — Он свои мослы быстрый лошади раскидывает!

— Вы городской человек, Щусев, — сказал я. — А в разговоре у вас что-то деревенское.

— Родом я из деревни. — Щусев неожиданно погрустнел, и это успокоило его.

— Из какой? — спросил я.

— Из Даниловки. Калининская область. Ежели по прямой отсюда, так недалеко будет. Шестнадцати годов только в город перебрался. В Кимры. В фабзуч. Да город-то наш старый, там по-новому мало говорят.

«Играет или правда?» — спрашивал я себя, чувствуя невольную симпатию к Щусеву.

— А с Петриком почему не пошли вы?

— Это с хутора, что ли? — переспросил Щусев. — Да он, когда услышал, что мы по-разному предлагаем, вроде обрадовался даже. Чего ж бы я стал набиваться?

— Кто в группе на хуторе был старшим?

— Вообще-то я, — усмехнулся Щусев, — только мы там, на сельских-то работах, как-то забыли об этом.

— О таких вещах не забывают. Что же получается? Один у вас слишком скорый, другой слишком медлен-

ный. А вы — где-то между ними? Так сказать, нормальный человек?

— Товарищ командир! — снова заволновался Щусев.— Вы меня извините. О чём у нас разговор?

— О маршрутах — Савченко, Петрика и вашем.

— О своих я начальнику разведки все подробно доложил, — сердито ответил Щусев.

Петрик поразил меня угрюмостью. Это была доходящая до полного равнодушия, до полного спокойствия угрюмость. Такая угрюмость не бывает свойством характера, она воспитывается — нуждой, бедой, необходимостью что-то постоянно скрывать.

Я тут же понял, какой вопрос задам ему первым. Мне хотелось сравнить впечатление от ответа Щусева с его ответом.

— Вы родом из Перми, Петрик?

— Да. — Он не смотрел на меня, голос прозвучал глухо и бесстрастно.

— Всю жизнь прожили там?

— Нет.

— А подробней?

— Биографию рассказать? — не поднимая глаз, по-прежнему глухо и бесстрастно спросил Петрик.

— Вкратце.

— Родился в Перми. Родителей не помню. Хорошо помню только детский дом под Смоленском. Мне уже двенадцать было. Потом, значит, в Смоленске работал. Все.

— Кем работали?

Он ответил не сразу:

— Сварщиком.

— Хорошая профессия, — сказал я. — При случае тягу заварить сможете?

— Отчего ж? — Он впервые поднял на меня глаза — тяжёлые, холодные. — Смогу.

— Почему вы предложили уходить с хутора поодиночке?

— Надоели они мне со своей трепотней. — Петрик вновь опустил глаза.

— Вы не любите своих напарников?

— Не люблю.

— За что?

— За все, — ровным голосом сказал Петрик.

— Ну а конкретно? Вам ведь с ними воевать приходится. Такие отношения к хорошему не приведут.

— Не мастер я объяснять, — ответил Петрик. — Не люблю, и все.

— В какой группе вы хотели бы оказаться?

— Ни в какой.

— Вам воевать надоело?

— Я этого не сказал. — Петрик бросил на меня еще один взгляд. — Мне все равно, в какой группе. Люблю или не люблю здесь ни при чем.

— Почему вы оба раза последним прибывали на место?

— Так получалось.

В землянку вошел Порадельников, и Петрика увидели.

— Ну что? — спросил я начальника разведки.

— Новые чудеса, — сказал Порадельников. — Обнаружена только одна стоянка Петрика вместо двух. Ну это — прямая очевидность. А вот косвенная: короткие стоянки Савченко так заметны, словно он их специально на случай нашего расследования готовил.

— А Щусев?

— А у Щусева все как должно быть. Стоянки на месте. И едва обнаружены. Так что хоть все подозрения снимай.

— А почему с иронией говоришь? — спросил я.

— Потому что — смотри. Против Петрика улика — сорвал. Против Савченко подозрение — слишком уж явное алиби. А против Щусева никаких подозрений — а может, это от мастерства? Убил-то ведь один, а не втроем. Но и это не доказательство, что они не в сговоре.

— Нет, это, пожалуй, доказательство, — возразил я.

— Почему?

— Ну кто же станет трех агентов вместе держать?

— Может, всех троих на Большую землю отправить? — предложил начальник разведки.

— Своих дел там не хватает!

— Да, это верно, — вздохнул Порадельников. — Вот ты говорил мне: создай условия, когда враг себя сам проявит. Разве сейчас не условия? По логике этот сукин сын других топить должен, а они — нет, не проявляют себя.

— Уже проявили, — сказал я, подумав о Рае. — Только не у нас с тобой на глазах.

— Погоди, командир. — Порадельников задумался. — А ведь ты прав, они себя проявили. Ты говоришь — не на наших глазах. Ну, это пусть так этот сукин сын думает, а мы рассмотреть должны.

— Давай сюда Петрика, — сказал я.

Петрик вошел такой же угрюмый, так же равнодушно сел на табурет.

Порадельников устроился в углу вести протокол, и я в очередной раз улыбнулся этой его щепетильности в процессуальных делах.

Однако было не до улыбок.

— На вашем маршруте, Петрик, — сказал я, — не обнаружена указанная вами стоянка. Чем вы объясните это?

— Не знаю. — И по-прежнему глаза вниз.

— Вы понимаете, что при военной обстановке... — начал я, но неожиданно Петрик перебил меня:

— Я докажу свою преданность. В бою. Кровью.

— В бою-то ты доказывал, — сказал Порадельников из угла. — А сейчас, может быть, важнее здесь доказать. Вот этого ты понять не хочешь. Вряд ли у тебя будет возможность пойти в бой, если мы здесь не разберемся.

Петрик поднял глаза, и мне показалось, что он ждет от меня защиты.

— Сколько стоянок вы делали? — спросил я. — Одну или две?

— Значит, если меня не в бой, то куда? — вопросом на вопрос ответил Петрик. — В расход, что ли?

— А ты что хочешь? — сказал Порадельников. — Чтобы тут для тебя тюрьму построили?

Смутная догадка мелькала у меня, но я никак не мог ухватить ее.

— Петрик! — позвал я. Наконец наши глаза встретились на несколько мгновений, и я понял: он не боится смерти.

«Чего же он боится?» — спрашивал я себя, потому что был уверен: что-то его пугает. Я искал единственно точный вопрос, но меня опередил Порадельников и, как оказалось, случайно попал в точку.

— Отправим тебя на Большую землю, — сказал начальник разведки. — Там разберутся — кто ты и откуда.

Судорога прошла по угрюому и бесстрастному лицу Петрика, он машинально вытер ладонью сухие губы.

— Если не веришь мне... — начал Петрик, сделал короткую паузу, словно споткнулся на фразе, и закончил: — Расстреляйте тут же на месте.

Конечно, можно проследить всю цепочку, по которой я пришел к выводу. Очевидно, она такая: Петрик сделал

паузу после «не веришь мне», он обратился к командиру на «ты», тут же спохватился и перешел на «вы», но не этим была вызвана пауза, пауза была вызвана тем, что он хотел произнести еще одни слова...

Но эта цепочка прошла у меня в голове мгновенно, я сразу понял, какие слова проглотил Петрик: «Если не веришь мне... гражданин начальник».

— Сколько у вас сроков, Петрик? — спросил я.

Он долго молчал, потом поднял голову, жалко и беспомощно улыбнулся:

— Четыре.

Порадельников смотрел на Петрика с сочувствием.

— Какие? — спросил я.

— Сперва три года отмантулил. — Петрик отвечал с сожалением, относящимся к чему-то другому, и говорил с несвойственным ему многословием. — Домушничал малость. Потом пять, потом семь за те же грехи. Потом десять дали, да война началась.

Он словно испытывал облегчение, даже улыбнулся.

— Так сколько ты стоянок-то сделал? — спросил Порадельников.

— Одну, — просто ответил Петрик. — Да и то минут на пять. Мне от маршрута на добрых десять километров надо было отклониться. Некогда было отдыхать.

— По какому же ты делу отклонялся? — Порадельников даже привстал.

— Ты, начальник, не суетись, — заговорил Петрик с интонациями, очевидно, привычными ему по прошлой жизни. — Я ведь смерти не боюсь никакого. Для меня ведь окружение только отсрочкой было. А уж в партизаны попал — так просто праздник.

— Объяснитесь, Петрик, — потребовал я.

— Нет, командир, — улыбаясь, он покачал головой. — Не того вы спрашиваете. Разрешите представиться — рядовой штрафного батальона Николай Иванович Туров. Уроженец города Балахны Горьковской области. Бывший беспризорник, сварщик, но более всего зека. Во время лобовой контратаки на позиции противника оказался в окружении. В лесу обнаружил труп рядового Петрика и взял его документы. Для того, чтобы, вернувшись к своим... Ну, сами понимаете.

— Так, — сказал Порадельников. — А что же за крюки ты тут выделявал?

— Ну, свою-то визитку я совсем сжигать не хотел,—

усмехнулся Туров-Петрик. — Спрятал ее. Потом решил — сожгу все-таки. На хуторе аж обрадовался, что есть возможность одному пойти. Зашел, значит, на могилу своего прежнего имени, откопал документ, с которым — только в тюрьму, и чувствую — нет, не могу. Похоронил обратно. А тут в отряде опять меня тоска взяла — а что, если найдет кто-нибудь. И снова мне фарт — одному по лесу пройтись. Я сразу — туда.

— Сожгли теперь? — спросил я.

— Нет! — с отчаянной удастью ответил Туров-Петрик. — Вынул, поглядел, понял — какой-никакой, а ведь Туров я! Ведь это Туров, как признает начальник разведки, некоторую пользу в отряде принес.

— Идите, Туров, — распорядился я после того, как Порадельников выяснил месторасположение «могилы» туровской фамилии.

Турова увели. Мы с Порадельниковым смотрели друг на друга.

— Да-а! — протянул Порадельников. — Каких поворотов не вносит в судьбы война! — И тут же оговорился: — Если все это не липа.

— Эту лицу легко проверить. — Я уже думал о другом. — Вот послушай-ка. На крюк в двадцать километров Туров тратил четыре часа. Это нормально. Савченко пришлось бы сделать крюк в тридцать километров, и было у него на это три часа. При условии, что весь осталльной путь он шел с нормальной скоростью. Но если осталльной путь он шел быстрее, то мог высвободить на отклонение от маршрута от четырех до пяти часов. А теперь посмотрим, что получается у Щусева. В общем, при таком грубом подсчете — то же самое. Итак, убийца добирался до перелеска со скоростью хорошего спортсмена. Ты знаешь, когда я служил на границе, у нас рассказывали легенды о пограничнике по фамилии Шаль. Однажды он определил бандитов по обуви.

— Так, так, так, — Порадельникова охватил азарт, он понимал, куда я клоню.

— Воспользуемся опытом Шаля, — продолжал я. — Только нас будут интересовать не сапоги, а ноги. Сапоги и у Савченко, и у Щусева кирзовые. В сапогах даже хороший спортсмен на бегу натрет ноги. А, начальник разведки?

— Высший класс! — похвалил Порадельников и пошел из землянки.

Однако вернулся он без энтузиазма.

— Ноги стерты у обоих.

Несколько минут мы сидели в молчании. Мне было жаль своей догадки, не хотелось расставаться с ней.

— Слушай, начальник разведки, — сказал я. — При беге и при ходьбе одинаково ноги стирают? Ну-ка, давай подумаем. Мы ведь с тобой анатомию в школе учили.

— Ха! — Порадельников всплеснул руками. — Почему это мы должны знать? У нас фельдшер есть!

Александра Павлюченкова не то что не понимала вопроса, но ей не хотелось подводить нас. Она ответила не сразу.

— Я не думаю, — наконец стала объяснять Павлюченкова, — что можно совсем безошибочно отличить эти настертости на стопе. Но вот у бежавшего человека... особенно, если это спортсмен с хорошо развитыми икрами... сапоги натрут икры. Голенищами натрут.

— Есть! — закричал Порадельников, ударив кулаком по столу. — У Савченко есть!

Мы не успели вызвать Савченко, потому что вошел заместитель Порадельникова и доложил:

— Задержанный хочет что-то сообщить.

— Который? — спросил я.

— Савченко.

Несколько прошедших часов заметно изменили Евгения Савченко. Было видно, что мысль его сейчас работает напряженно и настороженно.

— Вы хотели что-то сказать? — спросил я.

— Так точно, товарищ командир. Дело в том, что я все это время думал. Если я не ошибаюсь, вам очень важно знать — действительно ли каждый из нас прошел тем маршрутом, который он называет...

— Почему вы так считаете? — спросил я. — Откуда вы знаете, что нас также интересуют маршруты Петрика и Щусева?

— Если я не прав, извините. — Савченко не смешался, он лишь постарался виновато улыбнуться.

— И все же — что вы хотели сообщить?

— Собственно, две вещи. Одна касается меня. На маршруте меня видела наша связная. Кажется, ее зовут Раи.

«На что он рассчитывает?» — лихорадочно думал я. А сам спросил:

— Где и когда?

— Около семи утра. У медвежьей тропы.

«На что он рассчитывает? Так, так, так.. Медвежья тропа на его маршруте. Если, дескать, Рая была там около семи утра, то...»

— А что за вторая вещь? — спросил я, чтобы не выдать Савченко своего волнения.

«...то до десяти часов, когда она была убита...»

— Вторая вещь достаточно щекотлива, — сказал Савченко, — и я, с одной стороны, боюсь ошибиться, но, с другой стороны, наверное, не могу молчать.

«...Рая могла сама дойти до места убийства».

— Так говорите, — предложил я.

— Дело в том, — смущенно начал Савченко, — что у меня есть подозрения... что Щусев отклонился от маршрута.

Я заметил веселые огоньки в глазах Порадельникова.

Правильно, Савченко начал топить других.

— Какие подозрения? — поторопил я.

— Щусев — спортсмен. В прошлом — отличный спортсмен. Когда мы шли с хутора, это не имело значения. Тогда были другие условия. Но в этот раз никто из нас не задерживало. А Щусев пришел значительно позднее меня. Я даже спросил его, где это он задержался. Ему не понравился мой вопрос. Он обычно веселый, а тут ответил мне грубостью. Сказал, что я слишком часто сую нос не в свои дела. Он старший в группе. Я смолчал.

Теперь я мог не торопиться с вопросом — сделать вид, что обдумываю сказанное Савченко. Впрочем, я и действительно обдумывал его слова, только не так, как он предполагал.

Версию о том, что Раю могла оказаться на медвежьей тропе, он придумал неплохо, отметил я. Но почему он избрал мишенью Щусева, а не Петрика? Здесь должна быть какая-то логика. И кажется, я понимаю ее. Он считает Петрика тихоходом, с его точки зрения, бессмысленно доказывать, что Петрик успел сделать такой крюк, и лучше навести подозрение на Щусева.

«Ну что ж, — думал я, — если мы с Порадельниковым и правы, то заставить Савченко говорить правду будет непросто».

— Вы натерли ноги? — спросил я Савченко.

— Да, — быстро ответил он. — Сапоги не по мне. Даже в икрах натирают.

— Сколько вы носите эти сапоги?

— Год.

— И раньше они натирали в икрах?

— Вы знаете, нет, — сказал Савченко. — Но недавно я просидел в них в болоте. И, высохнув, они стали натирать.

Никогда в жизни я не решился бы на то, на что решился сейчас. Но у нас не было времени возиться с Савченко, а разоблачить агента было необходимо. Собственно, я не столько добивался признания Савченко, сколько хотел окончательно убедиться в правоте наших подозрений. И я позволил себе некоторую авантюренность приема.

— Товарищ начальник разведки, — повернулся я к Порадельникову, но старался не упускать из виду Савченко. — Отведите Савченко в лазарет. К Рае. Ему будет приятно убедиться, что она не умерла и сможет подтвердить его показания.

И Савченко дрогнул — лишь на мгновение, он тут же стал искать выход, глаза его напряглись, на лбу выступил пот, но нас с Порадельниковым уже мало интересовало его состояние.

Впрочем, вскоре он понял свое поражение и стал давать показания, стараясь опередить наши вопросы.

Его заслали к нам год назад, и поначалу он ухитрялся передавать некоторые сведения, но с усилением бдительности в бригаде делать это стало все труднее, а в последние месяцы он не мог даже добраться до тайника, где получал распоряжения. Наконец ему удалось отправить Щусева с предложением к командиру отряда. Савченко, естественно, не знал, что командир ждал этого предложения и охотно разрешил вылазку тройки Щусева.

Бывший стайер Савченко сразу взял старт к тайнику. Но по дороге его заметила Рая. Савченко понял, что она непременно расскажет о бегущем в пятнадцати километрах от своего маршрута партизане. Ему не представило большого труда отобрать у Раи пистолет, убить девушку, подбросить пистолет к трупу и скрыться.

Это были горькие сведения, полученные от Савченко.

Он сообщил нам и важные для бригады данные.

В тайнике Савченко обнаружил распоряжение любыми средствами попасть в «плен» к немцам и после этого, оказавшись в концлагере, встретиться там с Рыжим Валентином для получения дальнейших инструкций.

На все случаи этой акции Савченко давались пароли.

Нас заинтересовала вся изложенная Савченко история, дополнительная проверка показала, что теперь он говорит правду, и поэтому дальнейший допрос велся в присутствии разведчика Виктора.

— Кто инструктировал вас после разведшколы? — спросил я Савченко.

— Гауптман. Его называли Отто.

— Особые приметы?

— Неряшлив. Говорит громко. Высокий. Родинка на подбородке.

— С кем вы имели контакт кроме гауптмана Отто перед засылкой в отряд?

— Ни с кем. Гауптман предупредил меня, что мое задание специальное. Чтобы я не усердствовал по сбору сведений, лишь бы время от времени наведывался к тайнику, и тогда нужный приказ найдет меня.

— Как вы собирались его выполнить?

— Получив приказ, я решил, что исполню его уже в перелеске. Убью Щусева и Петрика. И пойду в Буйнич с паролем.

— Почему вы не привели решение в исполнение? Ведь когда пришел Щусев, вы могли расправиться с одним, что было бы легче. А потом с другим.

— Я не был гарантирован, что Петрик не на подходе. Он мог бы услышать выстрел. Когда явился и Петрик, я уже хотел сделать это, но тут нас арестовали.

Потом мы сидели в моей землянке — я, Порадельников и Виктор.

— Ну что, Витя? — спросил я разведчика.

— По-моему, это выполнимо, — ответил бывший учитель с обычной своей спокойной улыбкой.

Так начался еще один бой на невидимом участке фронта в районе реки Сурже.

Но о нем несколько позже, потому что ему предшествовали события в Минске.

* * *

Киршке чувствовал себя прескверно. У него было впечатление, что ничто в его судьбе от него не зависит.

Он отдавал распоряжения, он решал вопросы жизни и смерти, он собирал досье, от которых зависело благополучие даже высших чинов, — казалось, как тут не наслаждаться своей тайной и явной властью.

Он мог бы наслаждаться ею, если бы хоть намек был на то, что в своей судьбе он хозяин. А этого не было.

То одно, то другое напоминало ему, что он, Киршке, лишь песчинка, которая может быть вдавлена в грязь любым сапогом.

Никто еще не заставлял его задумываться об этом так часто, как Клюгге. С появлением этого человека, с получением приказа не только обеспечивать его деятельность, но и подчиняться ему беспрекословно в жизни Киршке произошел перелом — каждое свидание с Клюгге выбивало Киршке из седла, напоминало ему о прошлых и нынешних грехах, грозило, унижало, растаптывало.

Он уже понимал, что Клюгге известна вся его подноготная — даже венские неудачи с вербовкой Карла Фрейнда.

Последние дни он считал, что и думать нечего об устранении Фрейнда, поскольку тот находился под крылом у Клюгге. Но вот он узнал сногшибательную новость, которая вроде бы должна была принести ему удовлетворение, а принесла новые беспокойства.

Фрейнд станет главным обвиняемым на сфабрикованном процессе против антикварной конторы Клюгге, а сам Клюгге в какой уже раз попросту исчезнет с горизонта.

Казалось бы, с Карлом покончено. Но Киршке подозревал, чем может окончиться расследование. Намеки Клюгге о венской истории с Фрейндов на допросах станут явью, и, начав со свидетельской скамьи, Киршке переместится на скамью подсудимых.

Судьба была настолько зла к Киршке, что именно ему поручили организовать состав преступления Генриха Клюгге (бежавшего в неизвестном направлении) и Карла Фрейнда, юрисконсульты.

Это поручение надо было выполнить в ближайшее время.

Однако, понимая безвыходность своего положения, Киршке не собирался мириться с ним, бездействовать и ожидать единственной возможной развязки. Он искал выход.

«Если «сбежал» Клюгге, то почему бы не «сбежать» и Фрейнду? — наконец решил он. — И тогда, при попытке к бегству...»

— Гауптман! — окликнул он на улице Розена. — На пару слов.

— Что угодно? — холодно и настороженно спросил Розен.

— Ровным счетом ничего, — ослабился Киршке. — Разве что могу оказать услугу вашему другу.

— Какому другу? — Розен еще более насторожился.

— Карлу.

— В чем дело? — Нервы изменили Розену, он почти выкрикнул.

— Естественно, сугубо конфиденциально, и — никаких ссылок на меня. Похоже, что антикварная контора должна будет нести ответственность за финансовые злоупотребления в особо крупных размерах. Думаю, это коснется обер-лейтенанта.

— При чем здесь я? — Розен не мог успокоиться.

— Судите как хотите. — Не прощаясь, Киршке пошел прочь недовольный собой.

Гестаповец и абверовец забеспокоились о разном. Киршке — о том, не напрасно ли он заговорил с Розеном. В такой ситуации гауптман мог забыть о дружбе, и тогда поведение Киршке толковалось бы не так, как хотелось гестаповцу. Он не знал, что с этой стороны ничто ему не грозит, и вновь раздраженно сетовал на судьбу.

Розен же попросту испугался. Его участие в последних событиях, его оценка их никак не предусматривали подобных осложнений у Фрейнда. Карла надо было либо убрать, либо спасти.

Ощущение опасности у Розена притупили деньги, вырученные за перстень. Их оказалось больше, чем он ожидал, и ювелир, с которым он имел дело, намекнул, что такие сделки в будущем будут взаимовыгодными. Но деньги кончились скоро — отвыкший от них Розен был излишне нерасчетлив. После этого ощущение опасности возвратилось, но уже был известен способ приглушить его. Однако Карл откровенно избегал встреч с ним. Дважды даже велел своей «баронессе» сказать, что его нет дома.

Сообщение Киршке оказало неожиданное действие на Розена — он вдруг сразу убедился, что все подозрения относительно причастности Карла к русским были напрасны. Какой разведчик может оказаться финансовым жуликом? Но с другой стороны, его собственная безопасность оказалась под серьезной угрозой — расследование деятельности Карла не сулило ему ничего хорошего.

Розен понимал, что основной куш сорвал в операциях конторы Клюгге, но Клюгге конечно же выйдет сухим

из воды, и Карлу придется отвечать за все — и за свои махинации, и за чужие.

Итак — или убрать Карла, или спасти его.

Он не стал обдумывать, как сделать то или другое, он решил сначала выбрать, что следует предпринять. И сразу отправился к Карлу с намерением любым способом добиться встречи с ним.

— Господина Фрейнда нет дома, — сказала соискательница титула баронессы, и было видно, что она лжет.

— Скажите господину Фрейнду, — Розен старался говорить громко, — что у меня больше не будет времени приходить к нему.

— Господина Фрейнда нет дома! — упрямо повторила старуха.

— Скажите господину Фрейнду, — почти кричал Розен, — что это чрезвычайно важно.

— Я уже пришел, — донесся голос Карла из комнаты. — Пустите его.

Старуха, равнодушно хмыкнув, отошла от двери.

Розен вошел в комнату, не поздоровавшись, сел на диван.

Карл брился, видел Розена только в зеркале, не поворачивался.

— Как это понимать, Карл? — спросил Розен.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты нарушаешь условия нашей конвенции.

— Я надеялся, что ты начнешь с извинений. — Карл повернулся к Розену. — И я подумал бы, принять их или нет. Ты же начал с обвинения меня в тех грехах, которые совершил сам. Хотя в действительности у нас подобных условий не было, но ты прав — доверие друг к другу мы считали обязательным. Однако ты нарушил его сразу же, послав за мной...

— Перестань, Карл, — перебил Розен. — Ты прекрасно понимаешь, что тогда все было иначе, чем сейчас.

— Что изменилось?

— Ну... — Розен замялся, но тут же решил быть откровенным. — Перстень хоть и ничтоожное, но все же доказательство...

— Ты уже продал его? — спросил Карл.

«Ладно, — подумал Розен. — Через десять минут ты будешь заикаться передо мной».

— Да, — сказал он. — Я продал его. Я хотел знать цену.

— Сколько взял?

Розен назвал цену.

— Ах, Отто! — Карл вздохнул дружелюбно. — Мало того, что тебе не следовало показывать здесь этот перстень, так тебя еще надули вдвое.

«Надо избавляться от него, — думал Карл. — Вознесенский советовал отдалиться от Розена на ближайшее время». «А не этот ли перстень стал одной из улик против Карла? — думал в это же время Розен. — Мне надо знать, способен ли он, спасенный мной, приносить деньги. Иначе говоря, способен ли он заплатить за свое спасение, и уж конечно не ту сумму, о которой речь шла вначале. Теперь условия буду диктовать я. Но надо знать, сохранил ли он доступ к драгоценностям, если я помогу ему избежать обвинения в спекуляциях конторы?»

— Может быть, и надули, — сказал Розен. — Может быть, и не следовало демонстрировать перстень. Но все же это меньший риск, нежели довериться тебе, не имея доказательств.

— Тебе хватило грошового перстня? — усмехнулся Карл.

— Нет, Карл, — жестко сказал Розен, — мне хватило другого.

«Внимание! — скомандовал себе Карл. — Дело не в том, что он говорит. Дело в том, что у него изменилась интонация».

— Чего же тебе хватило, Отто?

— Слушай меня внимательно. Ваша контора в ближайшем будущем лопнет. К ней предъявляют большие претензии. Конечно, в ответе окажется не Клюгге. Ты — кандидатура номер один на главного виновного.

«Даже Вознесенский не учитывал такой возможности», — успел подумать Карл, а сам, уже привычный к неожиданностям, отвечал в это время:

— И ты хочешь выяснить судьбу драгоценностей. Нельзя ли получить их сейчас, а уж потом пустить меня в расход. Ты ведь не допустишь меня до суда, Отто? Ты же боишься, что я назову тебя и все условия нашего договора. Так?

— Не совсем, — сказал Розен, довольный, что может теперь диктовать. — Откровенно говоря, этот вариант у меня не первый.

— Поскольку он вообще есть у тебя, то я сейчас же иду с повинной.

«Этого ужа голыми руками не возьмешь», — подумал Розен.

— Я пришел к тебе с предложением, Карл.
— С каким?
— Я отведу от тебя обвинения.
— Как?
— Я сделаю тебя секретным агентом абвера, — тихо сказал Розен. — Моим секретным агентом.

— С сегодняшнего числа? — спросил Карл с издевкой. Он вытер полотенцем лицо, подошел к шкафу, вынул бутылку коньяка. — Кажется, нам надо выпить.

— С удовольствием, — сказал Розен. — Но сначала мы окончим разговор. Это очень серьезный разговор, Карл.

— Я не верю в это, Отто.
— Напрасно, — сказал Розен. — И все же я не стану разубеждать тебя сразу. Сперва скажи мне, как и когда ты рассчитаешься за эту услугу. Тут ведь не обойдешься хересом и коньяком.

— Я не верю тебе, Отто. Ты просто хочешь узнать адрес бургомистра, перед тем, как убрать меня со сцены.

— Сейчас ты убедишься, что это не так. — Розен был спокоен — может быть, потому, что оказался в своей тарелке, вел игру по тем правилам, которые были знакомы ему по службе, а свою службу он знал. — Сейчас ты убедишься, — повторил он. — Мне не нужно адреса бургомистра. Мне нужно твое письмо к жене, где ты пишешь, что должен мне пятьсот тысяч марок, или лучше долларов, которые ты утерял, работая в конторе, и которые я внес за тебя, спасая тебя от суда. Ну как, Карл? Я тоже кое-что понимаю в бизнесе?

— Я должен быть убежден, что мне действительно что-то грозит, — сказал Карл. — Иначе я вполне могу подумать, что все это плохая шутка.

— Бизнесмена должно спасать чутье, Карл. Но если ты хочешь доказательств того, что не сегодня-завтра предстанешь перед судом, точнее — перед военным судом... а еще точнее — того, что я, конечно, не допущу этого... если тебе нужны такие доказательства, можешь обратиться к Киршке. Он, если пожелает, расскажет тебе в подробностях о претензиях к вашей конторе.

— Я имею время подумать? — спросил Карл.
— Думаю, что не имеешь. Мне нужно несколько дней, чтобы составить досье агента, которого я завербовал в прифронтовом отделе абвера. Точнее — нам с тобой нуж-

но несколько дней, потому что о деталях нашего сотрудничества должен быть осведомлен не только я, но и ты. Открывай коньак, Карл. Пока ты будешь писать письмо, я выпью пару рюмок.

— То, что вы написали это письмо, — рассуждал Вознесенский при встрече с Карлом, — особого значения не имеет. Тем более что скорее всего вы поступили правильно. Изобрел ли Розен всю эту историю, хотел ли просто привязать вас к себе, сказать трудно. Но то, что вы хоть каким-то образом стали причастны к абверу, хорошо само по себе. Тем более что Розен, стараясь доказать вашу полезность абверу, записал в ваш актив достаточно солидные услуги.

— Меня смущает — где он их взял? — улыбнулся Карл. — Ведь они должны быть реальными.

— Уверен, что они реальны, — сказал Вознесенский. — Пожалуй, он ликвидировал какого-то своего секретного агента, числившегося у него под номером, и этим номером стали вы.

— Итак, — Розен заканчивал рапорт гауляйтеру, — я вынужден ходатайствовать перед вами об отмене приказа на арест обер-лейтенанта Фрейнда.

Фон Готберг прочел рапорт и некоторое время сидел в раздумье. Конечно, можно было бы просто так удовлетворить ходатайство гауптмана, но особенно приятно сделать это в лицу Клюгге. Послужной список секретного агента Карла Фрейнда объяснит любому разумному человеку, почему гауляйтер отказался выполнить просьбу Генриха Клюгге. Пусть Клюгге поищет иную жертву.

Киршке не успокоился. Прошедшая над головой Карла гроза убедила его лишь в том, что Розен нашел какой-то выход для своего приятеля. А это значит, что при необходимости с Карлом труднее будет справиться.

— Все в порядке, Карл, — сказал Розен. — Когда ты собираешься рассчитываться со мной?

— В ближайшие дни это невозможно, — ответил Карл, стараясь выглядеть пьяным. — Надо подождать, пока кон-

чится эта история с contadorой. Не беспокойся, кроме меня и Клюгге, никто не разберется в номерах. А Клюгге, ты говоришь, исчез.

— Вот видишь, что значит — первы, — усмехнулся Розен. — Стоило тебе подождать за свою жизнь, и ты стал пьянять после первой рюмки. Нет, милый Карл, мы не имеем времени на отсрочку с расчетом. Скоро большие дела начнутся, Карл.

— Как ты представляешь мою поездку в... ну, в тот самый район? — спросил Карл.

— Правильно! — зло подхватил Розен. — Ты и^е пьяный не проговоришься. На днях я еду в те места, которые обозначены у тебя на картах. Если нам по пути, могу взять тебя.

— Куда именно ты едешь?

— В район Половца.

— Бери меня с собой, — сказал Карл. — Если можешь.

* * *

Лжеконцлагерь был расположен между двумя населенными пунктами, занятymi усиленными немецкими гарнизонами.

Его расположение мы определили, пользуясь полученными от Карла документами. Но для операции, которая была поручена Виктору, мало было знать адрес. А правильнее сказать, по легенде Виктор не мог знать этого адреса и, значит, не мог прийти туда сам. Однако к Буйничам он шел открыто, и вскоре был задержан патрулем. На все вопросы Виктор требовал доставить его к любому зондерфюреру.

За неимением в Буйницах зондерфюрера его препроводили к начальнику гарнизона, который встретил его криком и оскорблениеми, но Виктор, не обращая внимания на непристойные выкрики офицера, произнес слова пароля: «Солнце встает в Мюнхене» — и попросил передать их в любое отделение гестапо.

Офицер сбавил тон, посмотрел на Виктора с удивлением и, оставив его под охраной солдат, пошел к телефону. Вернулся он как после взбучки, сказал:

— Ты ждать, — показал на пальцах «три» и добавил: — часа.

Потом он отправил группу солдат прочесать деревеньку.

В это же время Розен и Карл подъезжали в штабном вагоне к Половцу. Они были одеты в штатское платье и по внешнему виду могли сойти за кого угодно, чему в немалой степени способствовала обычная неряшливость Розена.

Отто Розен в дороге был возбужден, но говорил о пустяках, и Карл с нетерпением ждал, когда же он изложит программу их пребывания в городе.

Розен сделал это в привокзальном сквере, вернее, в том, что война оставила от привокзального сквера. Но не только следы воронок от бомб и снарядов портили газон — привокзальную площадь пересекал шрам окопов на случай круговой обороны станции. Немцы боялись партизан. Боялись не налета, а тяжелых и затяжных боев.

Перед тем как идти в гостиницу, Розен и Карл сели на уцелевшую скамью, и гауптман тоном, требующим безусловного подчинения, начал:

— Сутки мы пробудем здесь вместе. Потом я уеду на три-четыре дня. За эти дни ты должен навестить своего бургомистра. Погоди, — остановил он вопрос Карла. — Я знаю, что ты хочешь спросить. Во-первых, как тебе покинуть город? Во-вторых, как обеспечить твою безопасность в этом вояже? Я обдумал это. У тебя есть право взять бронемашину и до роты солдат. Ты никому не должен объяснять — зачем. С таким эскортом явишься к бургомистру под видом инспекции. Походя выяснишь, как идут дела со сбором продовольствия и теплых вещей, и заберешь наши камни. К субботе мы оба должны быть здесь.

— Понял, — сказал Карл.

Сам он подумал: «Успеет ли что-то предпринять Вознесенский? Найдет ли он меня здесь?»

Немецкая пунктуальность подвела — Виктор ждал уже седьмой час. Через окно он видел, как привезли на телеге труп Савченко из перелеска, как отдавал какие-то приказания офицер, судя по жестам, и тут не выбиравший выражений, как сменялись часовые у дверей дома, в котором его держали.

Наконец подъехала машина, из нее легко выпрыгнул человек в полувоенной форме и без погон. Спустя несколько минут этот человек вошел в комнату.

— Солнце встает в Мюнхене, — сказал человек, — но?..

— Но и садится там, — произнес Виктор отзыв на пароль.

— Хорошо, — улыбнулся человек. — Поговорим в машине.

Выйдя на улицу, Виктор увидел, что кроме легкового «опеля» прибыла и грузовая машина с солдатами в кузове. Эта машина тронулась следом за ними.

Виктор с одетым в полувоенное человеком сидели на заднем сиденье, и тот предложил Виктору папиросу.

— Спасибо! — сказал Виктор, жадно закурил. — Мне с напарником было поручено добыть табака. Партизаны страдают без табака.

— Где и когда вы получили приказ? — перебил его спутник, которого интересовали другие вещи.

— Десять дней назад. В тайнике «Дупло».

— Почему не поторопились?

— Партизаны усилили бдительность, — объяснил Виктор. — Невозможно покинуть отряд без разрешения командира. Кроме того, по приказу я должен был не бежать, а попасть в плен при выполнении задания.

— Правильно, — кивнул человек. — Вас не могли проконтролировать? Ведь в перелеске был только один выстрел, а не перестрелка. Как же вы попали в плен?

— Контроль исключен, — сказал Виктор. — Во-первых, в отряде мне доверяют. Во-вторых, я был осторожен — и птица не подлетала к нам за всю ночь.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Хорошо, — сказал человек. — Вы знаете, что нужно делать дальше?

— Я знаю только, что попаду в концлагерь. Там мне нужно найти человека.

— Какого?

— Меня учили не отвечать на такие вопросы, — сказал Виктор.

— Правильно, — вновь кивнул человек, одетый в полувоенное. — Значит, партизаны сидят без табака? Чего еще им не хватает?

— Многочего, — ответил Виктор. — Но это не мешает им верить в свои силы. А у них есть не только силы. У них есть организация и дисциплина. Мне удалось выяснить расположение лишь нескольких отрядов. Правда, это не входило в мои обязанности.

— Но нужную местность вы знаете хорошо?

— Да, — сказал Виктор. — Заданный квадрат я изучил основательно. Но в этом квадрате никаких партизан нет, — добавил он с легким недоумением.

Спутник не стал отвечать ему.

Виктора везли по глухой, но, как он понял, тщательно охраняемой гитлеровцами дороге. Это было необычным — немцы редко укрепляли малопроходимые лесные дороги.

Через несколько часов езды из-за поворота навстречу «опелю» выехала черная машина. Она затормозила в ожидании «опеля», и «опель» тоже остановился перед ней.

— Вам придется сделать пересадку, — сказал Виктору спутник. — Идите.

Виктор вышел из «опеля» и направился к черной машине. Никто не сопровождал и никто не встречал его. Но как только он подошел к автомобилю, задняя дверца распахнулась.

Виктор влез в кабину и оказался в обществе четверых, не считая шофера, вооруженных автоматами людей. Сидеть было тесно, с ним не заговорили и не разговаривали на протяжении всей дороги.

Черная машина подъехала к грубо сбитым, тяжелым воротам, по обе стороны от которых тянулись ряды колючей проволоки и видны были вышки с часовыми.

Так же молча ему приказали выйти из кабины и направиться к двери в воротах.

За воротами, за колючей проволокой тремя рядами тянулись бараки, а справа от них стояла большая изба, возле которой были солдаты с автоматами.

Сопровождающие показали, что Виктору нужно идти в избу. Никем не остановленный, он поднялся на крыльце, толкнул дверь, прошел в коридор, а потом еще через одну дверь в комнату.

В комнате за накрытым к богатой трапезе столом сидел розовощекий молодой гестаповец.

— Прошу! — с улыбкой сказал он Виктору и показал на стол.

Узнав, что Карл прибыл в Половец, я решил встретиться с ним сам.

Порадельников отнесся к моей затее хмуро, но, очевидно, понял, что на этот раз меня не отговорить, и ушел обдумывать план моей встречи с Карлом.

Безгин разделял настроение Порадельникова.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Игорь Борисович.

Что я мог ответить ему? Что у меня в кармане по-прежнему лежит дальний билет? Что война скоро кончится, а мой путь по этому билету будет продолжаться? Что я уже интуитивно думаю о будущем, в котором, может быть, нам еще придется рука об руку идти с Карлом?

Нет, в те дни я не мог сформулировать свой ответ так четко. Я сказал:

— Вознесенский в Минске, а Карлу нужна поддержка.

Для «охотничьей избы бургомистра» мы выбрали заброшенное строение лесничества, привели его в порядок. Бойцы настреляли к столу уток.

Они же переоделись полицаями, а мне был выдан из каптерки бригады роскошный охотничий костюм какого-то бывшего польского помещика. Ждали Карла.

Карл приехал на бронемашине под охраной двадцати гитлеровцев, которых угостили утятиной в просторном сарае.

Мы с Карлом сидели в комнате вдвоем. Я с удовольствием замечал перемены, происшедшие в Карле после нашей встречи с ним у минного поля. Передо мной сидел сильный, волевой человек с несколько ожесточившимися чертами лица, со взглядом, в котором можно было угадать постоянную готовность принять решение.

Он рассказывал о себе подробно, но кратко, и что было особенно приятно — все наши оценки деятельности Карла совпадали с его собственными. Он ничего не утаивал, ничего не скажал, не приукрашивал. Честно признавался, что задуманная операция «Антиквар» осталась невыполненной и по его вине — не хватило его сил и умения действовать в двух направлениях, и в результате Клюгге исчез из поля зрения.

Так же честно он говорил о том, что его очень волнует нынешняя ситуация с Розеном, который ждет от него драгоценостей, что сам он, Карл, не видит из нее выхода.

Я слушал его не перебивая. Знал, что мы разберемся с Розеном и я подскажу Карлу его дальнейшее поведение.

Знали мы и другое, о чем Карлу необязательно было сообщать по разным причинам. Например, то, что работа

разведчика никогда не проходит даром и операция «Антиквар» не закончена безрезультатно, а наоборот — начата, и, скорее всего, она будет иметь продолжение. Когда — это вопрос времени. Но доколь уж мы с Клюгге находимся по разную сторону баррикад невидимого фронта, то встреча наша неизбежна. И мы о нем знаем больше, чем он может предполагать. Так что некоторого преимущества в этой операции мы добились, и добились его благодаря Карлу.

Но более всего меня волновало сейчас не это. Меня волновало присутствие Розена в Половце. Нельзя было не связать это с концлагерем, в который должен был попасть Виктор.

Розен знал Савченко в лицо. Под угрозой оказывались и необходимый партизанам срыв плана операции в лже-концлагере, и жизнь нашего Виктора.

Что мы могли предпринять в таком случае? Налет на концлагерь стоил бы нам многих сотен жизней. И даже в случае успеха не было гарантии спасения разведчика.

Может быть, надо было уже сейчас признать наше поражение в этой локальной схватке с абвером? Ведь никаких оперативных мер в столь короткий срок мы принять не могли. Кто знал — не в это ли время Отто Розен допрашивает Виктора?

Думая об этом, я продолжал слушать Карла, ободряюще улыбался ему, угощал деликатесами нашей кухни.

Судя по шуму за окном, немецкие солдаты чувствовали себя в гостях прекрасно. Будь это действительная встреча агента абвера с бургомистром, в роль которого я так и не вошел, потому что мне не пришлось выйти из дома, так вот, будь эта встреча действительной, достаточно было нескольких автоматных очередей, чтобы гитлеровцы никогда не вернулись с задания. В наши планы это не входило, и бойцы по-прежнему разыгрывали из себя почтительных и гостеприимных хозяев.

Потом мы с Карлом обсуждали будущие действия, развеивали его сомнения относительно ситуации с Розеном, уточняли детали. Говорили и не о столь близком будущем.

Виктор чувствовал, что усталость становится предельной. Начались вторые сутки его сидения за столом в избе концлагеря, розовощекого гестаповца сменил один, потом другой, третий, четвертый, пятый, а ему все подли-

вали и все не давали встать из-за стола. Когда он ронял голову, его безжалостно обливали ледяной водой, а потом снова улыбались, наливали водку и спрашивали, спрашивали, спрашивали...

«Кто вас инструктировал? Когда вы попали в разведшколу? Кто такой Отто? Кто командир партизанского отряда?» Эти вопросы перемежались с другими: «Вас пытали? Как они добились от вас признания? Какое задание вы получили?».

Казалось, вся его голова набита вопросами, они не давали сосредоточиться.

— Ну, ну, поднимайтесь! — ясно услышал он, открыл глаза и обнаружил себя лежащим на лавке под легким одеялом.

Теперь он уже не знал, когда ему позволили лечь и сколько прошло времени.

Над ним стоял розовощекий, и, судя по улыбке и почти ласковому взгляду, этот розовощекий был доволен Виктором.

— Вы молодец! — услышал Виктор.

Голова разламывалась, но он заставил себя сказать:

— Вот это да-а! Да ведь по пьянке я что угодно нагородить мог.

— Нам не нужны люди, которые городят, — рассмеялся гестаповец и с удовольствием повторил. — Го-ро-дят! Я рад, что вы не из таких людей. Хотите похмелиться?

— Нет! — замотал головой Виктор.

— А рассолу хотите?

— Поможет? — Виктор посмотрел на розовощекого с мольбой.

— Русские считают рассол первейшим средством в таких случаях, — опять рассмеялся гестаповец и тут же сказал серьезно: — Через час вы должны быть на ногах. Вместо рассола примите вот это. — Он протянул две таблетки и стакан воды.

Таблетки помогли почти сразу. Виктор прошелся по комнате, прислушиваясь к себе — внутри все дрожало, но уже можно было сосредоточиться.

— Вы должны найти Рыжего Валентина? — спросил гестаповец.

— Да.

— Вы нашли его. Это — я. Вам осталось назвать последний пароль.

— «Нам предстоит дальняя дорога».

— Прекрасно! — радовался розовощекий. — Нам действительно предстоит дальняя дорога. Садитесь и слушайте меня. Мы устроим здесь фейерверк, на это отпущено три тысячи патронов. Часовых перебьем по-настоящему. На месте лагеря должны остаться трупы. Много групп. Затем мы выстраиваемся в колонну, и вы ведете нас в лес. Мы располагаемся в проверенном вами квадрате, и тогда вы связываетесь с командирами близлежащих отрядов. Рассказываете, как попали в концлагерь, как вошли там в подпольную группу. Как в результате организованного подпольщиками восстания «узники» ушли в лес. О провале можете не думать. Каждый из нас не только имеет хорошо разработанную легенду, но и необходимую внешность — шрамы на теле, худоба, обросшие лица, номера на руках. Да, да! — улыбнулся он, заметив, что Виктор остановил на нем недоуменный взгляд. — Все, кроме меня. Я — не узник. Я — немецкий антифашист, который был завербован подпольщиками и помог восстанию. Без такой фигуры восстание было бы невозможно. Естественно, я — не из гестапо. Я — обер-лейтенант охраны, присланный сюда после ранения на фронте. Далее: мы должны постараться, чтобы нас оставили отдельной боевой единицей в партизанской бригаде. Вы скажете о таком желании подпольной организации, а потом наши «комиссары» постараются подвести под это политические основания. Вот наш план в общем. Постепенно за оставшееся время я расширю вашу осведомленность, а сейчас вам надо познакомиться с определенным числом «узников». Пойдемте.

И снова целые сутки Виктору не давали отдохнуть. Он должен был познакомиться с тремя десятками людей, выслушать и вкратце запомнить их легенды. Самого же его показали едва ли не всему лагерю. Теперь розовощекий не покидал его, время от времени давая какие-то таблетки и принимая таблетки сам.

Лишь тогда, когда Виктор готов был свалиться не от сна, прогнанного таблетками, а от обыкновенной усталости, гестаповец сказал:

— Ну вот. Теперь мы можем отдохнуть. Вы сами виноваты в такой гонке — явились слишком поздно.

Но напрасно улыбался гестаповец — отдохнуть Виктору не пришлоось. Едва он лег на лавку, как у ворот послышался шум машины, кто-то въехал на территорию лагеря.

По непонятным причинам Виктор сразу понял, что основное только начинается. Он не удивился, когда розовощекий вошел в комнату, понял — за ним. Но слова розовощекого были слишком неожиданы для Виктора:

— С вами хочет говорить Отто.

Для Розена эта поездка в лжеконцлагерь была мучительной. Он вообще не собирался совершать ее, но она давала возможность привезти Карла в Половец, а тут уж было бы странным не провести инспекцию.

Не сама инспекция раздражала Розена, его мучали последние дни ожидания куша от Карла — последние дни ожидания всегда мучительны.

Что касается визита к Рыжему Валентину, то Розен не собирался задерживаться у него надолго. Собственно, до звонка Рыжему Валентину он даже не смог бы сформулировать цель инспекций иначе, как общая проверка. Но, позвонив, Розен узнал, что его агент «Нюриберг-8» прибыл в лагерь, и теперь у него появилось оправдание приезда — как бы ни был доволен Рыжий Валентин, но Отто должен взглянуть на агента сам.

Въехав в лагерь, он лениво раздумывал — что сделать сначала: принять предложение гестаповца «отобедать» или побеседовать с агентом. И может быть, остановился бы на первом, если бы уставшее лицо Рыжего Валентина было бы более радушным.

Розен сел в маленькой комнате, которую он называл альковом, потому что неоднократно спал здесь после угождения гестаповца, и попросил привести Проводника — под такой кличкой числился здесь агент.

Ему было интересно посмотреть на материал, который он отобрал «среди этой грязи, среди этого дерьяма, среди этих скотов». Хотелось убедиться, что он умеет работать даже в таких невыносимых условиях, умеет находить жемчужное зерно, где остальные видят только кучу навоза.

Впрочем, и это зерно — тоже навоз, тут же сказал он себе.

Виктор вошел в комнату, встретился взглядом с Розеном, не отвел глаз.

Розен, занятый своими мыслями, увидел перед собой стриженного наголо, обросшего бородой и усами человека и в первый момент не мог понять — кто и зачем перед ним.

Виктор не отрывал взгляда от расширившихся глаз Розена.

«Девяносто девять процентов за то, что это конец,— думал Виктор.— А что же это за один процент? Броситься на него и попробовать задушить? Глупо, не успею. Откуда же надежда? Почему он только смотрит? Почему он не берется за пистолет? Забыл, как выглядит Савченко? Вряд ли. Я слишком не похож на Савченко. Почему он молчит?»

Розен уже понял, кто перед ним. Теперь первой мыслью было: «Вот такие люди нужны мне. Он понимает, что ему конец, а как смотрит! Он не боится меня. Почему?»

«Ну что ж, — вдруг подумал Виктор, — заори! Объявив всем, что в лагерь проник советский разведчик. Что скажет на это твое начальство?»

Розен думал о том же: «Партизаны знают о лжеконцлагере. На операции можно ставить крест. На моей карьере тоже. Карл один распорядится нашими деньгами. Сейчас я выну пистолет и вызову охрану. А в Минске под стражу возьмут меня. Мы с Киршке будем сидеть в разных камерах. А где-то неподалеку будет сидеть Проводник. Его прикончат первым. Я могу отделаться разжалованием и отправкой на фронт — тот же смертный приговор, лишь замедленный. Карлу не придется делить деньги. А я никогда не заведу собственного бизнеса». «Струсили, голубчик? — думал Виктор. — Кажется, струсили».

Спасительная мысль пришла к Розену: операция все равно провалена. Партизаны знают о лагере. Чего стоят двести пятьдесят душ? Этот Проводник отведет двести пятьдесят душ к партизанам, и там их пустят в расход. Свидетелей не останется. Никто не узнает, что операция провалилась. Конечно! Партизаны — не дураки, им незачем объявлять о ликвидации «пополнения». А впоследствии можно будет решить, что все они погибли в боях. На месте партизан я даже постарался бы убедить нас в этом. А чем они глупее меня?

— Ну? Как самочувствие? — спросил Розен.

— Нормальное, — ответил Виктор, облизав сухие губы, не веря своим ушам.

— Что, волнуешься?

— Не волнуюсь. Устал, — сказал Виктор.

— Не подведешь? — Розен даже усмехнулся.

«Он играет со мной?» — спрашивал себя Виктор.

— Постараюсь.

— Обязательно постараися. — Розен опять усмехнулся. — Как следует постараися.

Он задал еще несколько ничего не значащих вопросов и отпустил Виктора. А через час Рыжий Валентин за-ботливо укладывал его на сдвинутых лавках.

Карл вернулся в Половец раньше Розена и ждал его, не выходя из гостиницы.

Вид вошедшего в номер гауптмана насторожил Карла — Розен был мертвенно-бледен, руки его вздрогивали, и он сжимал их в кулаки.

— Что случилось, Отто?

— Пил! Ничего не случилось! Волнуюсь! Ну? Успокой меня!

— Ты не нравишься мне, Отто.

— Где камни?! — Розен наклонился над Карлом, смотрел сумасшедшими глазами.

— Отойди! — Карл оттолкнул его. — У меня не меньше оснований трясти тебя за душу. Вот! — Он вынул из кармана и швырнул на стол пачку денег. — Вот! Сорок тысяч марок! И ни марки больше! Ты спросишь — что, почему? Ты себя спроси об этом!

Розен жадно смотрел на деньги, но недоверие все усиливалось в его взгляде, наконец он отвел глаза от денег, посмотрел на Карла.

— Накрыть хочешь?

— Да? — зло усмехнулся Карл. — Это ты накрыл нас, Отто. Ты продал перстень? Я спрашиваю, ты продал перстень?!

— Ну?

— Вот и благодари себя. Твой ювелир пустил его в ход. И он оказался на пальце какой-то минской шлюхи. И — ах, какая случайность! Лина увидела перстень на этом самом пальце и подняла скандал. Благодетель шлюхи оказался умнее тебя, Отто. Он вернул Лине перстень, но получил от нее все необходимые сведения. Под дулом пистолета бургомистр отдал ему камни за сорок тысяч.

— Кто он? — взяв себя в руки, спросил Розен.

— Бургомистр помнит его только в лицо.

— Почему ты не знал об этом?! — заорал Розен. — Почему ты не спросил Лину об этом?!

— Может быть, потому что я тоже дурак, — спокойно сказал Карл. — Ты знаешь, почему я злился на тебя?

Потому что в один прекрасный день Лина пропала. Я считал, что это твоих рук дело. Но тот самый благодетель, судя по всему, вернул перстень живой Лине, чтобы снять его с мертвый.

— Кто он?! — Розен затряс кулаками. — Я заставлю заговорить твоего бургомистра!

— Боюсь, что это Клюгге, — сказал Карл.

Розен опустился на стул, несколько минут был в оцепенении. Потом вздохнул, как страшно уставший человек, и снова взглянул на деньги.

— Как будем делить? Пополам?

— Письмо тоже будем делить пополам? — спросил Карл. — Или ты отдашь мне его целиком?

Розен долго молчал, потом попросил выпить, выпил, заговорил глухо:

— Мы с тобой так связаны, Карл. Мы должны быть добре друг к другу. Ведь это не все, что ты нашупал в своей конторе. А? Скажи мне, Карл! Ведь у тебя еще кое-что на уме? А? Признайся, Карл! Я отдам тебе письмо. К сожалению, у меня нет его с собой. Но я отдам тебе его. В скором будущем.

«Ты не отдашь мне его, — подумал Карл. — Но я и настаивать не буду. Пока это письмо у тебя, я тебе нужен».

— Скажи мне, Карл! — продолжал умолять Розен. — Я могу надеяться?

— Можешь, — твердо сказал Карл.

— Правда? Честное слово? — Было понятно, что Розен начнет расспрашивать, требовать доказательств, клятв, подробностей.

Карл прервал его:

— Я сказал: можешь, и больше никаких разговоров. — Он потянул руку к деньгам.

— А эти деньги, Карл? — испугался Розен.

— Сколько тебе нужно?

— Мне нужно много, — Гауптман нашел в себе силы усмехнуться.

— Ладно, — сказал Карл. — Бери половину.

Розен пришел в себя, стал сентиментален, мечтал о будущем и, между прочим, признался Карлу:

— Нам надо сматываться отсюда, Карл. И кажется, у нас есть такая возможность. Мои друзья не оставили меня. Мне зачили организацию лагеря. — Он на мгновение помрачнел, но тут же стал снова веселым. — Меня выта-

щат отсюда в Германию. И я возьму тебя с собой. Теперь мы никогда не расстанемся, Карл.

Предатели, продавшие себя выродки — вот кто составлял основу группы. Они не понимали, что, зачеркнув прошлое, зачеркивают и будущее свое.

Виктор вел лжеузников партизанской тропой.

Читатель, наверное, помнит, что кроме основной стоянки было у нашего отряда два «тайных острова». Один из них мы заняли под убежище для спешного отхода. К нему вела тропа по руслу невысыхающего ручья. Других подходов и выходов остров не имел.

Подойдя к началу тропы, Виктор заставил головорезов выстроиться в колонну по одному и строго предупредил о необходимости ступать след в след — любое отклонение могло кончиться гибелью в трясине.

Около трех часов понадобилось колонне для того, чтобы выбраться на остров.

По плану Виктор должен был сразу же отправиться на поиски связи с партизанским командованием, но на острове нервы у Рыжего Валентина сдали. Он стал крайне подозрителен и все не хотел отпускать Виктора.

— Как знаете, — сказал Виктор. — Я с удовольствием отдохну.

За свои нервы он не беспокоился, и грозило ему только одно — обнаружение замаскированного в ветвях высокой ели громкоговорителя, по которому мы собирались обратиться к пленным головорезам с ультиматумом.

Впрочем, его «подопечные» слишком устали для детального обследования местности.

Ночью возбужденный Рыжий Валентин все же разбудил Виктора.

— Пожалуй, иди. Буду ждать тебя завтра вечером. Ничего не ответив, Виктор неспешно собрался.

— Ночью не собьешься с тропы?

— Не собьюсь, — сказал Виктор. — Хаживал.

Рыжему Валентину не пришлось волноваться о Викторе до вечера. Уже утром мы дали ему иной повод перепугаться до смерти.

— Внимание! Внимание! — раздалось из замаскированного громкоговорителя. — Всем находящимся на острове! Наша разведка раскрыла план вашего командования. Нам известно, кто вы, сколько вас и как вы во-

оружены. Вы лишены возможности выбраться с острова без нашей помощи. Выслушайте условия капитуляции...

А еще через несколько дней, перед самым началом операции «Нюрнберг», Виктор вышел на связь с Розеном и доложил, что партизаны приняли в свои ряды пополнение.

Правдоподобные детали к этому донесению мы предоставили придумывать самому Розену.

Так закончились три схватки на невидимом фронте боев у реки Суржка.

* * *

А видимые бои на нашем «Западном фронте» только начинались. Точнее сказать — начинался их новый этап. Этап массированного наступления гитлеровцев на партизанский край.

Единый штаб по координации действий партизанских бригад наступлению гитлеровцев противопоставил контрнаступление на позиции и гарнизоны противника по всему фронту.

До сих пор враг считал, что партизаны способны лишь на упорное сопротивление, и неожиданность нашего удара ошеломила гитлеровцев.

Вместе с форсированием реки и захватом линии обороны противника партизанские соединения действовали и на перехвате обозов, направленных к карателям, на железных дорогах, по которым к ним должно было прийти подкрепление, в населенных пунктах, где производилось формирование воинских частей противника.

Создалось положение, в которое никак не могло поверить гитлеровское командование: не партизаны были окружены на оккупированной территории, а немецкие войска были окружены партизанами.

В это же время на всех фронтах решительное наступление вела Красная Армия. Удары партизанских соединений были перекличкой с действиями наших регулярных частей и внесли существенный вклад в освобождение Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Глава пятая НОВОЕ ЗАДАНИЕ

1. Война не щадит никого

Мы здесь нарушим хронологию повествования и вернемся назад, чтобы рассказать о событиях, необычных даже для полной неожиданностей чекистской жизни.

Смысл фашизма — убийство, уничтожение всего живого. Надо подчеркнуть — всего. И все-таки до сих пор неправдоподобным выглядит тот факт, что фашисты воевали с детьми. Да — создавая свой конвейер смерти, они не забыли о детях. Они планировали истребление детей и осуществляли его, они были исполнительны и педантичны в этих страшных своих деяниях.

Кошмар первых месяцев войны безжалостно рушил людские судьбы. В западных районах Родины не всегда и не везде удалось своевременно и успешно организовать эвакуацию даже тех организаций, которым городские власти уделяли основное внимание.

Вот так в оккупированном Половце остался детский дом № 1. День и ночь — даже это сравнение не покажет,

как изменилась жизнь у детдомовской детворы. Еще вчера их окружали любовь и забота, а сегодня — с приходом гитлеровцев — над ними нависли унижение и смерть.

Когда мы узнали о том, какая судьба ожидает воспитанников детского дома, то были крайне встревожены. Нужно было что-то срочно предпринять для спасения детей. А пока следовало позаботиться о минимальном, о более или менее нормальной жизни малышей в условиях оккупации.

Мы понимали, что без нашей помощи детдом существовать не может. По разным каналам удалось наладить сносное обеспечение детей продуктами и одеждой — все это было связано не только с большими трудностями, но и с огромным риском, поскольку немцы знали, что партизаны не оставят малышей, и всячески старались засечь момент нашей связи с детдомом. Каждая, самая малая операция по снабжению детишек достойна своего рассказа — из-за лишнего килограмма мяса или из-за лишней пары обуви нашим разведчикам порой приходилось балансировать на грани жизни и смерти. Однако мы шли на это — потому что, если фашизм явился на нашу землю убивать, мы поднялись на борьбу с ним ради спасения человечества, и, значит, прежде всего — детей.

Половецкий детдом без оговорок можно назвать полем боя — одного из наших боев с тайными силами гитлеризма. То, что детдом продолжал существовать, означало нашу победу в этом бою. И каждый новый день детдома был новой победой. Однако мы понимали, что маленькие победы — не окончательный наш успех в борьбе за жизнь детворы. Можно было не сомневаться, что рано или поздно придется вступить в решительную схватку с гестапо и абвером... иначе... Не поднимается рука писать — что бы было иначе. Как стало известно позже, один из планов гестапо предусматривал «подкормку» детей, чтобы сделать их поставщиками крови для фашистских госпиталей. Но даже этот план был не самым ужасным.

Неудачи карательных экспедиций немецкое командование пыталось компенсировать ужесточением оккупационного режима и новыми попытками гитлеровцев добраться до руководства партизанского движения. В те дни детскому дому суждено было сыграть свою нелегкую роль.

Комендант города Половца среди других мероприятий по ужесточению режима планировал немедленное уничтожение младших детдомовских групп и вывоз в Германию

старших ребят. Об этом мы узнали из сообщений Истинного. Однако дальше Карл информировал нас о неожиданной позиции абвера, взявшего на себя решение судьбы детдома. Анализируя полученные сведения, мы пришли к выводу, что новое — лицом к лицу — столкновение с абвером неизбежно. Нужно было не только выиграть очередную схватку, но и оказать помощь детдомовцам со стороны местных жителей.

Когда план операции был готов, оставалось найти исполнителя основного задания. Я понимал, что лишь профессиональный чекист способен справиться с ним. И выбор пал... Впрочем, не станем забегать вперед. Скажем только, что, пожалуй, нет ничего удивительного в том, что здесь наши действия совпали с планом гауптмана Розена, которому была поручена акция в детдоме.

Таким образом, в один из августовских дней в детдоме появились два учителя с направлением из полоуецкой комендатуры.

2. «Коллеги»

Директор детдома Фролов смотрел на пришедших к нему мужчин с удивлением. Неожиданная забота комендатуры об образовании детей наводила его на самые разные размышления. Он смутно догадывался, что в комендатуре есть какие-то друзья детского дома — именно оттуда поступило разрешение пользоваться отходами на мясокомбинате, и зачастую среди отходов попадались вполне съедобные куски мяса. Оттуда же однажды пришла разнарядка на выдачу детдомовцам дешевого сукна для зимних тужурок. Однако — два учителя... Ведь их тоже надо ставить на довольствие...

«О какой географии, о каком рисовании может идти речь?» — думал Фролов, глядя то на Головина — человека лет тридцати, среднего роста со спокойным, внешне беспристрастным лицом, то на Батюка — высокого блондина с усталыми глазами. Однако не подчиниться предписанию комендатуры Фролов не мог.

— Вы будете преподавать рисование? — спросил он Головина.

— Попробую, — спокойно ответил тот.

— А вы географию? — Фролов повернулся к Батюку.

— Да.

— Вам придется жить в одной комнате, — сказал Фро-

лов. — Помещения у нас не хватает. — Он помолчал и добавил: — Питания тоже.

Ни Головин, ни Батюк никак не отреагировали на эти его слова и спокойно отправились в комнату, которую Фролов указал им.

В коридоре за новыми учительями следили настороженные детские глаза. Очевидно, они уже получили какую-то информацию, потому что один из мальчиков неожиданно обратился к Головину:

— А карандаши у вас есть?

— Немного есть. — Головин остановился, положил руку на плечо мальчика и неожиданно подмигнул.

Мальчик смущенно усмехнулся, спросил:

— Войну будем рисовать?

— Там решим, — сказал Головин.

Дети обступили учителей.

— Как вас зовут? — спросил кто-то.

— Игорь Андреевич, — представился Головин.

— Владимир Иванович, — представился и Батюк.

В комнате, которую им предоставил Фролов, стояли две железные кровати с тонкими матрасами.

Батюк поставил под кровать деревянный чемоданчик, сел на матрас, посмотрел на Головина с интересом, сказал:

— Рекомендуетесь непрофессиональным педагогом...

А судя по всему, у вас есть опыт общения с детьми.

— Вы так думаете? — улыбнулся Головин. — Нет. Просто я стараюсь одинаково вести себя и с детьми, и со взрослыми.

— Вы что ж, — спросил Батюк, — совсем не волнуетесь?

— О чём волноваться? — удивился Головин. — Дали работу, и слава богу.

— Может быть... Может быть... — сказал Батюк. — А я вот волнуюсь. И не только о том, как работать буду. Начнется зима, придет голод.

— До зимы еще дожить надо, — возразил Головин.

— Я вот смотрю на вас и не понимаю. — Батюк был чем-то недоволен. — На что вы, собственно, рассчитываете? На детдомовский паек? Надо искать какую-то опору. Но где ее взять? На кого сейчас можно опереться?

— На бога надейся, а сам не плошай. — Головин, похоже, тяготился разговором.

— Вы, наверное, вообще легкий человек. — Батюк закурил. — А собирались учительствовать. Так ведь детей и обмануть можно.

— Зачем их обманывать? — Головин потянулся, зевнул.

— Ну что ж, — усмехнулся Батюк. — Как хотите. Я не вызывал вас на откровенность. Мы ведь все сейчас излишне подозрительны. Будем считать, что дружба у нас не получилась.

— Странный вы человек, Владимир Иванович, — сказал Головин. — О пустяках говорили, а вы про дружбу.

Будни детдома определялись ежедневными стараниями выжить. С помощью партизан и подпольщиков удавалось избежать голодной смерти, но были и другие опасности, подстерегавшие детей. Несколько месяцев назад кто-то из детей привел в детдом девочку еврейской национальности, каким-то чудом избежавшую отправки в гетто. И с тех пор время от времени коллектив пополнялся еврейскими и цыганскими малышами, которых надо было тщательно скрывать не только от немецких властей, но, как считал Фролов, и от новых преподавателей.

Самые различные, порой крайне опасные, ситуации создавали детдомовцы. Казалось, они разучились улыбаться, их взгляд был по-взрослому тосклив, они мало играли и двигались, и все же оставались детьми. Свою ненависть к оккупантам они зачастую не умели скрыть и — более того — старались проявить самыми неожиданными способами. То плевали вслед фашистам из окна, то похищали у зазевавшихся солдат оружие, то не вовремя доставали тщательно спрятанные пионерские галстуки.

Фролов ежедневно ожидал непоправимой беды. Ему уже не однажды приходилось клясться в непричастности детей к каким-то происшествиям, в том, что детдом не является укрытием для еврейских и цыганских малышей, и с каждым разом ему верили все меньше. Он определенно подозревал, что новые учителя — если не оба, то один из них — присланы в детдом для специального надзора.

Уроки в детском доме проводились нерегулярно, преподаватели очень часто были заняты более важным для того времени делом — добычей продовольствия, и директор старался при первой возможности отправить куда-нибудь именно Головина и Батюка.

Головин казался Фролову заторможенным, медлительным, чересчур спокойным. Батюк, наоборот, был все вре-

мя сосредоточен на чем-то беспокоившем его — он внимательно присматривался к окружающему, старался ничего не упускать из виду, остро реагировал на самые незначительные события. Было похоже, что Батюк не симпатизирует Головину, но скрывает это.

Однажды Головин и Батюк вместе ехали на мясокомбинат за отходами — Головин правил лошадьми, Батюк полулежал сзади в телеге.

— Знаете, о чём я думаю? — сказал Батюк. — О том, что вы напрасно закрываете глаза.

— На что я закрываю глаза? — спросил Головин.

— На все, что происходит вокруг вас.

— А что происходит? — Головин пожал плечами.

— Я не удивлюсь, если в детдом придут немцы и арестуют поголовно всех преподавателей.

— За что? — Головин недоумевал.

— За незаконное укрывание детей, которые не числятся в списках детдома. За связь с партизанами.

— О какой связи вы говорите? — спросил Головин.

— Вы или прикидываетесь... или... — Батюк не договорил.

— Что у вас за привычка? — рассердился Головин. — Начнете и не договариваете. Или договариваете, или не заводите разговора.

— Как вы думаете, — сказал Батюк, — откуда у нас мясо? Откуда медикаменты? Из воздуха? Или это немцы снабжают нас?

— Предпочитаю не думать об этом.

— Напрасно, — усмехнулся Батюк. — Думайте не думайте, а в случае чего отвечать придется. И я бы предпочел... если уж отвечать, то за дело. Если меня рано или поздно привлекут за связь с партизанами, то уж лучше бы я действительно был связан с ними.

— Зачем? — спросил Головин.

— Еще неизвестно — что и как будет, — неопределенно проговорил Батюк. — Еще неизвестно...

— Опять вы не договариваете! — сказал Головин.

— Если бы я мог доверять вам... Впрочем... — Батюк о чём-то думал. — Вы не считаете, что хотя бы на всякий случай надо связаться с партизанами. Пусть они знают, что мы — не враги им. Тогда впоследствии, может быть, они не откажутся помочь нам...

— Партизанам нужны не знакомые, а помощники, — сказал Головин.

— Вы считаете, что они потребуют от нас действий? — Батюк был заинтересован разговором. — Но что мы можем? Мы же всего лишь преподаватели. И между прочим, нам зачтется то, что мы оберегаем детей, воспитываем их.

Разговор пришлось прервать, потому что они подъехали к мясокомбинату.

Опять среди малостьедобных отбросов «случайно» попадались приличные и увесистые куски, и, пока они грузили телегу, Батюк заговорщики улыбался Головину, был возбужден и чем-то доволен.

На обратном пути с ними до самого детдома ехала работница мясокомбината, и продолжить разговор удалось лишь поздно вечером, когда улеглись спать дети.

Батюк начал неожиданно:

— Вы знаете, я был уверен, что вы непременно с кем-то связаны. Либо с партизанами... либо с немцами... — Батюк замолчал, улыбался.

— Почему ж так? — спросил Головин.

— Не знаю, — сказал Батюк. — Интуиция. Я решил рискнуть и заговорил с вами. А ведь мне бы плохо пришлось, если бы вы были связаны с немцами.

— А вы уже убеждены, что я не связан с ними?

— Не пугайте меня. — Батюк шутил. — Вы бы еще днем донесли на меня. Так что... Хоть мы и мало знаем друг друга...

— Ну почему? — возразил Головин. — Я вас знаю хорошо.

— Вы? Меня? — насторожился Батюк. — Откуда вы меня знаете?

— Мы живем в одной комнате, — отвечал Головин. — Часто разговариваем. Я имел время присмотреться к вам, составить о вас некоторое мнение.

— Какое же? — спросил Батюк.

— В двух словах не объяснишь. И поздно уже, пора спать.

Батюк обиженно замолчал, долго ворочался в темноте, и все же не удержался, заговорил вновь:

— Так вы познакомите меня с партизанами?

Головин не ответил.

3. Подробности биографии

Карл сообщал, что поражения на Сурже не только выводят фашистов из себя, но и заставляют их торопить-

ся. Значит, и мы не могли медлить. Я принял решение встретиться с учительями детдома в ближайшие дни — встретиться лично.

Каждое появление наших людей в городе было небезопасно для нас, могло привлечь внимание оккупантов. К тому же у нас были основания подозревать, что авбер хочет использовать детдом для охоты за нами. Известно было и то, что в городе и на подступах к нему устраивались засады. Понимая всю ответственность за проведение операции, я решил не перепоручать встречу с руководством детдома кому-нибудь другому.

Следовало дождаться выезда учителей за город, а еще лучше — подтолкнуть их к этому выезду. Наконец это удалось сделать — Головин и Батюк были командированы в деревню за картофелем, урожай которого как раз начали собирать.

Ранним осенним утром я с группой бойцов поджидал учителей на лесной дороге. Солнце поднималось все выше. Как мы ни вслушивались, ловя хоть отдаленный шум, все вокруг безмолвствовало. И все же он раздался — поскрипывание становилось все явственней, потом несколько раз фыркнула лошадь. Мы вышли на дорогу.

Вожжи были в руках у Батюка. Увидев нас, он натянул их, видимо собрался затормозить, оглянулся — сзади сидел спокойный Головин — и понял, что встречи не избежать.

Мы с бойцами пошли навстречу, кто-то, подойдя, взял лошадь за узду, остановил ее.

— Здравствуйте, — сказал я.

Головин ответил ровным голосом. Батюк же заволновался, стал вытирая руки — одна о другую, поздоровался дрогнувшим голосом.

— Владимир Иванович Батюк? — спросил я. — Не правда ли?

— Да. — Батюк был испуган.

— Нам с вами нужно побеседовать, — сказал я. — Тут неподалеку есть подходящая полянка, где нам никто не будет мешать. Пойдемте, потолкуем.

Он, настороженный, все же спрыгнул с телеги и только тогда спросил:

— В чем, собственно, дело?

Я не ответил ему, первым шагнул в лес, и Батюк последовал за мной. Мы отошли с ним на несколько де-

сятков шагов от дороги — туда, где стояли рядом два больших пня.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил я. — Нам предстоит долгий разговор.

Мы сели друг против друга. Батюк подрагивающими пальцами сворачивал самокрутку.

— Чего вы боитесь, Владимир Иванович? — спросил я.

— Боюсь? — Он попытался усмехнуться. — То есть — естественно, боюсь. Я не знаю — кто вы, что вам от меня надо.

— А вот я знаю о вас больше, — сказал я.

— Что вы обо мне знаете?

— Не торопитесь, — возразил я. — Сначала несколько вопросов к вам. Но... я хотел бы, Владимир Иванович, попросить вас кое о чем. Дело в том, что наша беседа возможна лишь при одном условии — при полной откровенности и открытой душе. Вы не против?

— Нет, не против, — волнуясь, выговорил Батюк.

— Со своей стороны заверяю вас, что я пришел к вам с открытой душой. Желаю вам добра и только добра. Остальное зависит от вас. Скажите, Владимир Иванович, зачем вы прибыли в детский дом?

— Я искал работу, мне предложили место учителя географии...

— Извините, Владимир Иванович... Я должен напомнить вам — мы договорились быть искренними.

— Кто вы? Что вас интересует? — Батюк нервно мял руки.

— Я уже сказал вам — зачем вы прибыли в детский дом?

Батюк смотрел в землю, не отвечал.

— Хорошо, — сказал я, — к этому мы еще вернемся. Вы спрашиваете — кто я такой? Я отвечу вам. Но скажите — вы действительно хотите встретиться с партизанами?

— А что, если — да? — Батюк недоумевал.

— Я могу помочь вам в этом. Позвольте представиться. Командир особой группы Лактионов.

— Что?! — Батюк смотрел на меня как на привидение.

— Успокойтесь, Владимир Иванович. Да, это я. И пришел к вам, учитывая ваше желание встретиться с партизанами.

— Сейчас я объясню вам, — быстро заговорил Батюк, — почему я хотел встретиться с партизанами.

— Подождите, — перебил я. — Это от нас не уйдет, и вы не забудете то, что хотели сказать только что. Но... но ведь надо быть джентльменом. Я представился вам. А вы? Есть ли смысл называть вас по-прежнему Владимиром Ивановичем?

Он глянул на дорогу, потом в лес.

— Это напрасно, — сказал я. — Далеко вы не убежите. Нам с вами, так или иначе, придется довести эту беседу до конца. Так как же все-таки прикажете величать вас?

— Я не понимаю... — начал Батюк, и я снова перебил его:

— Видите ли... Я не располагаю неограниченным временем, поэтому постараюсь сейчас убедить вас в том, что нам лучше опустить заготовленный вами рассказ. Дело в том, что нам помогают люди. Много людей. Весь советский народ. Я не стану объяснять вам, как по фотографии опознают человека. Скажу лишь, что ваших хозяев подвела пунктуальность. Я бы сказал — пристрастие к безошибочности. Они снабдили вас настоящими документами. Подделка с выдуманной фамилией была бы в этом случае надежней. А так ведь — настоящий Батюк жил не в пустоте. У него были друзья, знакомые... И когда мы показали им вашу фотографию...

Мой собеседник долго молчал, глядя в землю, потом схватился за голову, застонал:

— Боже мой! Я так и знал! — Неожиданно он поднял на меня возбужденные, чему-то усмехающиеся глаза. — Знали бы они, с кем я сижу сейчас! Хорошо. Я все понимаю, я все расскажу вам. Я — Сольцбург. Я — из обрусевших немцев Прибалтики. Боже мой! Я все расскажу вам! — Тут он спохватился. — Но это ничего не даст! Они следят за каждым моим шагом. Моя семья в заложниках. Даже если бы я мог помочь вам, это закончилось бы смертью и для меня, и для моей семьи. Рассудите! Мне все равно — либо вы убьете меня, либо они. Но вы убьете только меня, жена и дети останутся живыми. Какой же мне смысл помогать вам?

— Вы искренни, — сказал я. — И это уже хорошо.

— Что стоит моя искренность? — Он был на грани истерики. — Кому она нужна?

— Она нужна нам.

Батюк-Сольцбург перебил меня с нервным смехом:

— Вам? А мне? Мне-то — что от этого?

— Вам она тоже нужна, — сказал я. — В ответ на вашу искренность мы гарантируем вам жизнь. И гарантируем сделать все возможное для спасения вашей семьи. Как вы уже могли убедиться, возможности у нас немалые. Так что не надо недооценивать искренность.

— Чем я могу быть полезен вам? Я же ровным счетомничего не могу. Гауптман тут же сообразит, что произошло.

— Не будем торопиться, — предложил я. — Расскажите подробно, как, когда и где вы познакомились с гауптманом.

Батюк-Сольцбург долго молчал, потом вздохнул, сказал:

— Вся жизнь насмарку. Хорошо. Слушайте. Я был учителем в школе. Жил, как все. Женился. У меня дочь и сын. Никогда я не чувствовал никакого голоса крови. Но... но вот стало известно, что Германия завоевала пол-Европы, и... волей-неволей... знаете, появились мысли о могуществе немцев... всякий бред. Когда началась война, я... ну, впрочем, я обещал быть искренним... так вот — я решил дождаться немцев. Мне было интересно — какие же они, мои сограждане. И, прошу, поверьте мне, разочаровался я в них сразу. Мясники, убийцы... Но было поздно. Надо было жить, кормить семью. Как немец, я пользовался определенными преимуществами. Мне даже повезло — я получил место преподавателя географии в специальной школе. Сперва я не понял — в какой, потом разобрался. Это была школа армии, где обучались шпионы, диверсанты. Только... я, честное слово, ничем не способствовал им. Я просто преподавал географию России. Ни о чем не хотел задумываться. Но вот однажды меня вызвал гауптман... Он приказал мне сменить документы и быстрее отправиться в детский дом. Он сказал мне, что семья моя будет находиться под его опекой. Вы знаете, что это означает. Больше я не видел семьи. Пока он разговаривал со мной, жену и детей куда-то увезли. Я должен был выявить связь детского дома с партизанами. Гауптман хотел выйти на вас через детский дом. Вот, собственно, и все.

Нет, это было далеко не все. От Истинного мы знали и другое — после выхода на партизан детский дом должны были уничтожить. Из дальнейшей беседы с Сольцбургом мы выяснили, что Розен верен своим принципам — как и в случае с Савченко, он никому не пере-

доверял своих агентов. Контактировал с ними при помощи тайников, давал им пароли для непосредственной связи в экстренных случаях. Так, Сольцбург при крайней необходимости мог отправить к Розену человека с паролем: «Учителю требуются инструкции».

В этой операции мы должны были решить две задачи — спасти детей и... Но о второй — позже. Что касается спасения детей, мы уже связались с Центром, и Центр одобрил разработанный нами план, обещал прислать самолеты для вывоза детского дома на Большую землю. Мы же должны были обеспечить переброску детей из Половца в расположение партизанского отряда. И здесь первая задача непосредственно сливалась со второй.

4. Пистолет — вещь ненадежная

Гауптман Розен сидел в своем кабинете. Обдумывая события последних месяцев, он не разрешал себе сомневаться в главном — в том, что они с Карлом непременно будут богаты, по-настоящему богаты. В остальном же, как он считал, надо было разобраться со всей придиличностью — поскольку наконец-то фортуна улыбнулась ему, появилась возможность в скором времени покинуть Белоруссию, близкий фронт, партизансскую опасность и уехать не куда-нибудь, а в Берлин. Все-таки нашлись у него покровители, он заберет с собой Карла и отправится выполнить какое-то важное, но не связанное с фронтом задание. Однако для этого в прошлых делах должно быть все чисто.

Как будто так оно и было, кроме... кроме этой проклятой истории с концлагерем. Розен признавался себе, что чекисты обыграли его вчистую, но не это беспокоило гауптмана. Его беспокоила вероятность разоблачения. «Конечно, — думал он, — чекистам нет никакого резона оповещать весь белый свет о разгроме лжепартизанского отряда — наоборот, в их интересах держать эту историю в тайне. Само же авверовское командование никогда не доберется до истины — в чертовом котле на Сурже погибло большее, чем один ряженый отряд. И все же... Что — все же?»

Еще и еще искал он уязвимые места в своих рассуждениях и, к своей радости, не находил. Он был бы, конечно, значительно менее доволен собой, если бы знал,

что несколько часов назад с достаточно надежными документами в Минск прибыл учитель половецкого детдома Игорь Андреевич Головин.

Головин шел по городу заранее обдуманным маршрутом. В полицейский участок он вошел в строго определенный час. Этот человек, умеющий принимать мгновенные решения, находить единственные выходы из, казалось бы, головоломных положений, в то же время был до предела педантичным, если это позволяли обстоятельства. Самодисциплина стала его натурой, он считал обязательным продумывать свои действия до мелочей и не отступать от разработанного плана, что называется, ни на йоту.

Надо было связаться с Розеном. Головин попросил сотрудника охраны провести его к Розену.

— К сожалению, это сделать невозможно, — ответил сотрудник. — Он находится по другому адресу.

— Нельзя ли с ним переговорить по телефону?

Сотрудник тут же подошел к аппарату, связался с Розеном и передал трубку Головину.

Розен дал адрес, сказал, что у проходной будет ждать человек в гражданской одежде, к которому нужно обратиться: «Я по известному вам делу».

В конце Розен спросил:

— Как скоро вы будете?

— Постараюсь не задерживаться. — Головин повесил трубку.

Однако пошел он не торопясь и даже заглянул по пути в кафе, чтобы выпить стакан эрзац-кофе и съесть бутерброд.

У входа в отделение адвоката охраны не было — часовой стоял за дверью. Рядом с часовым Головин увидел человека в штатском, тот смотрел на вошедшего с интересом.

— Я по известному вам делу, — сказал Головин.

— Пойдемте, — пригласил человек и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

У одной из комнат на втором этаже он толкнул дверь и пропустил Головина вперед.

— Пропшу, — сказал человек и тут же закрыл за Головиным дверь.

Розен сидел за столом, навстречу не поднялся, но сразу спросил:

— Ну?

Головин покачал головой, молчал.

— Вы немой? — резко сказал Розен.

Головин поднял глаза к потолку, окинул взглядом стены.

— Не валяйте дурака! — крикнул Розен. — Меня некому подслушивать.

— Я должен быть уверен, что эта беседа останется между нами, — сказал Головин.

Розен внимательно посмотрел на посетителя, улыбнулся:

— Вы считаете себя вправе ставить условия?

— Иначе не ставил бы их. — Головин прошел к креслу, сел без приглашения.

— Это любопытно. — Розен не скрывал удивления, но смотрел с насмешкой. — Такую смелость надо поощрять. — Он нажал кнопку на углу стола.

— Вы включили аппаратуру? — спросил Головин.

— Я отключил ее, — ответил Розен, которого сбивал с толку тон собеседника. — Вы же просили о конфиденциальности.

— Правильно сделали, — одобрил Головин. — Вы уверены, что нас никто не может слышать?

— Я уже сказал вам, что меня некому контролировать.

— И все же, — возразил Головин, — я бы советовал вам быть трижды осторожным, ибо рискуете прежде всего вы.

— То есть? — Розен готов был сорваться, но что-то заставляло его сдерживаться.

— Речь пойдет о вашей лояльности к партизанам.

Розен судорожно сглотнул, быстро спросил:

— Что-что?

— Если позволите, немного истории, — сказал Головин. — Партизанам пришлось бы очень тяжело на Сурже, окажись у них за спиной организованный вами отряд лихеузников. Но вы любезно встретили партизанского разведчика и охотно позволили ему обезвредить важную боевую единицу вашей армии. Разве партизаны не должны быть благодарны вам? Разве у них не могла возникнуть мысль о вашей лояльности?

— Кто вы? — спросил Розен.

— Я — советский гражданин, — сказал Головин. — И пришел к вам с деловым предложением.

Розен помолчал, надумал что-то, постарался улыбнуться, вынул и положил на стол пистолет, потребовал:

— Дальше? — Напряжение в его глазах смешивалось со злорадством.

— Если мы не договоримся, — продолжал Головин, — то я буду считать, что мы ошибочно сочли вас лояльным по отношению к нам. И тогда в штабе Канариса получат возможность сравнить ваш отчет о проведенной операции с истинным положением дел.

— Почему вы думаете, что я утаил от командования правду? — спросил Розен.

— Думать — это хорошее занятие, — сказал Головин, — и мы не избегаем его. Однако сейчас это слово неуместно. Мы не думаем, мы знаем. Ваш Рыжий Валентин оказался достаточно разговорчивым собеседником и рассказал нам вещи, в которых только больной человек может признаться своему начальству.

— Вот как? — Розен все еще не мог найти линию поведения с этим уверенным в себе человеком. — Но — еще вопрос. Каким образом эти сведения могут попасть к моему начальству?

— Честно говоря, — сказал Головин, — я не уполномочен отвечать на такие вопросы.

— Кто вообще уполномочил вас встретиться со мною?

— Мой командир.

— Может быть, вы назовете его фамилию?

— Пока нет.

— Почему он не пришел ко мне сам?

— Очевидно, у него есть более важные дела. — Головин смотрел Розену в глаза, и Розен не выдержал, закричал:

— Послушайте, вы! Ненормальный человек! На что вы рассчитываете? На то, что у меня дрогнут нервы? И я поддамся на вашу идиотскую провокацию?

— Если вы не смените тона, — требовательно перебил Головин, — я прекращу этот разговор тут же.

Розен с трудом заставил себя замолчать.

— Я могу доказать, что у вас нет выбора, — сказал Головин. — Если к определенному сроку мое командование не получит вашего согласия, история с концлагерем станет известной Канарису.

— Согласия на что? — спросил Розен.

— На несколько нетрудных для вас и важных для нас услуг, — ответил Головин. — Подробнее мы поговорим поз-

же. Сначала я хочу услышать, что вы не против контакта с нами.

— Как вы намерены связываться со своим начальством?

— Если вы профессионал, — сказал Головин, — то сами должны понимать бессмысленность такого вопроса.

— Я имел в виду не пароль, — стал оправдываться Розен, — а свободу ваших действий.

— Ее предоставите мне вы, — сказал Головин.

Розен постукивал пальцами по лежащему на столе пистолету.

— Не получается, — заговорил он наконец с усмешкой. — Легких услуг не получается. Обеспечить вам прикрытие — это сложнейшая задача. Она связана с огромным риском. Ведь вы понимаете это. Если вы профессионал... — Розен не упустил случая съязвить.

— Вы не правы, — возразил Головин. — Здесь от вас никаких действий не требуется. Нужно лишь бездействие, а оно, я думаю, не обременит вас. Вашего агента зовут Владимир Иванович Батюк? Не так ли? Никто не связывает Батюка с Сольцбургом. И это правда, так? По документам, зашитым у меня в подкладке, я и есть Владимир Иванович Батюк. Ваши агенты замкнуты только на вас, так что никто не обнаружит подмены. Если... я или вы не поможем им в этом. Но ведь это не в наших с вами интересах. Вы напрасно считаете, что мой разговор о нашем общем будущем плохо продуман.

— И все же я предложу вам другую программу, — сказал Розен, что-то надумав. — Сейчас вы сделаете все возможное для того, чтобы спасти свою жизнь. Иначе через десять минут вы будете отвечать на все мои вопросы для того, чтобы я выполнил вашу мольбу о смерти. Вы, наверное, знаете о наших способностях развязывать любые языки.

— Глупо. — Головин закрыл веки, отдохнул. — В этом случае такая же участь ждет через сутки и вас. Кстати, вы думаете окупить провал с концлагерем ценой лишь своей жизни? Мне кажется, ваши командиры не ценят ее так высоко и потребуют доплаты — ваших родственников.

— Этого не произойдет, — настаивал Розен. — Для ваших друзей вы погибнете по дороге ко мне. Им не в чем будет обвинить меня. А ведь чекисты гордятся умением быть справедливыми.

— Глупо,— повторил Головин.— Сейчас вы пытаетесь установить, есть ли у меня провожатые. Да, Розен, я не один в Минске. Инсценировка с трупом на дороге не удастся. Я должен выйти из дверей, в которые вошел, и выйти с определенным настроением.

— Порой мне кажется, что весь наш тыл кишит советскими разведчиками,— сказал вдруг Розен.

— А как бы вы хотели? — Головин открыл глаза.— Вы пришли убивать, и нашим долгом стало спасение мира. Всего мира. Вы надорветесь над бессмысленной и непосильной своей задачей. А наша задача нам по плечу. Нас много, Розен. Я имею в виду советских людей. В основном мы на фронтах и на заводах, но и для специальных заданий у нас есть люди. У нас великая и благородная цель — защитить Родину, разгромить ненавистный фашизм. Эта цель удесятеряет наши силы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вы оказались в наших руках. Это — логично, неизбежно. Хватит торговаться, Розен! Ни у вас, ни у меня нет времени.

Розен принял какое-то решение.

— Что вам нужно от меня? — спросил он тоном человека, который готов принять условия.

— Ну вот, мы ближе к цели,— улыбнулся Головин.— Вам следует освободить семью Батюка. И помочь нам вывезти детский дом из города.

— Почему вы придаете такое значение детскому дому? — быстро спросил Розен.

— Гауптман! — сказал Головин с укоризной.— Зачем нам лишние вопросы?

— Так-так-так... — Пальцы Розена снова застучали по пистолету.— Что касается семьи Батюка, то этот вопрос можно считать решенным. Я действительно могу представить ей полную свободу. Вы правы, мои агенты и все, что их касается, замкнуты только на меня. Поэтому такое условие в принципе выполнимо. Но что касается детдома...

— Давайте экономить время, Розен,— предложил Головин.— Сейчас вы начнете длинный разговор... постараитесь выяснить, что нам известно о ваших планах, связанных с детдомом. Я скажу вам то, что имею право сказать. Из показаний Батюка и из других источников мы знаем: детдом должен стать ловушкой для нас. Но

уж если нам известно, то... надежды абвера становятся нереальными. И второе: абвер собирается физически уничтожить детдом и его обитателей. Вот здесь-то вам и предоставляется возможность оказать нам услугу. Требуется немногое — не мешать нам вывезти детей из города.

— Абсурд! — усмехнулся Розен.— Я не часовой, который может задремать на посту. Вы как будто неплохо осведомлены о наших действиях и должны знать, что возле детдома сосредоточено несколько армейских подразделений. Их задача — держать детдом под самым пристальным вниманием. Кольцо столь плотное — заяц не проскочит.

— Вот вы и должны организовать щель.

— А потом отвечать за ее организацию?

— Я уже говорил вам,— напомнил Головин,— что наша беседа тщательно продумана. Руководство детдома обратится в городскую управу с просьбой разрешить выезд детей на уборку картофеля в один из лесных районов. Управа обратится за консультацией в абвер. Разве есть основания не пускать детей в лесную деревню? Ведь там скорее можно нащупать связь детдома с нами.

— Все это хорошо,— сказал Розен.— Но ваш план может сорваться. В ближайшие дни я уезжаю из Минска. А тот, кто заменит меня... Скорее всего, он будет рассуждать иначе и не даст согласия на эту командировку детдома.

— Придется вам задержаться,— рассудил Головин.— Для нескольких дней вы всегда найдете оправдание.

— Как мы будем верить друг другу? — спросил вдруг Розен.— На слово?

— Вы нам — да,— отвечал Головин.— Мы вам — ни в коем случае. Ложь стала вашей профессией, чтобы не сказать — единственной сутью. И вы конечно же не удержитесь от соблазна обмануть нас. Поэтому вам придется дать гарантии.

— Какие?

— Себя.

— Себя?! — Розен выпарашил глаза.— Что?!

— Перестаньте орать как на базаре! — рассердился Головин.— Я не повезу вас в нашу землянку. Я останусь с вами. Как договорились, своим подчиненным назовете меня Батюком. И пока дети не будут спасены, мы с вами останемся неразлучными.

— А если я случайно пристрелю вас? — Розену было стыдно, что он сорвался только что, и он пытался выправить положение цинизмом. — Все делаю, как вы требуете, и у вашего командира не будет претензий ко мне. Он даже не узнает, как вы погибли. Просто, подчинившись вам сначала, потом я вас пристрелю. Ведь ваша жизнь, как я понял, не входит в условия.

— Не исключено, что будет так, как вы говорите, — сказал Головин. — Но я знаю, на что иду.

— Может быть, — продолжал шутить Розен, — для равных условий вам нужен пистолет?

— Ну что вы! — возразил Головин. — Пистолет — это ненадежно. Обойдусь без него. Я вооружен гораздо лучше. По-моему, вы только что убедились в этом.

— Что вы намерены делать сейчас? — спросил Розен.

— Распорядитесь предоставить мне гостиницу.

5. Негодные средства

К негодным средствам относится любая ложь — грубая, изощренная и даже невинная.

Каких бы начальных преимуществ ни приносила ложь, она рано или поздно обернется против того, кто ей воспользовался. Так что с объективной точки зрения Розен занимался бессмысленной задачей — искал способ обмануть Головина. С другой стороны, Головин был прав, утверждая, что ложь стала сутью фашизма, а значит, и Розена — гауптман не мог вести себя в создавшейся ситуации иным образом.

Однако, будучи способным абверовцем, Розен понимал, что в случае с Головиным ложь должна быть, по крайней мере, изощренной. И гауптман радовался найденному ходу — начать ложь с правды. Правдой, думал он, станет освобождение семьи Батюка, и это в какой-то степени успокоит недоверие противника, а там уж можно будет приступить к игре.

Было, однако, нечто, чрезвычайно беспокоящее Розена, и он мобилизовал себя разобраться с этим «нечто», иначе в кульминационный момент задуманной им игры он мог оказаться с завязанными глазами.

Ему и раньше были неясны подлинные причины провала с концлагерем, но тогда он при всем старании не сумел разобраться — каким образом чекисты узнали о плане с лжеузниками. Точнее сказать, он остановился на

мысли о том, что посланный вместо Савченко проводник ничего о концлагере до этого не знал и ориентировался на месте. Теперь же, после разговора с Головиным, Розен вдруг пришел к мысли, что было бы наивно считать чекистов людьми, полагающимися на случай. Как сказал сам Головин, у них все продумано до конца. И значит... операция с концлагерем тоже была разработана. Значит... о существовании лжеконцлагеря чекистам было известно заранее.

«Откуда?» — спрашивал себя Розен. Лишь какой-то очень близкий к его делам человек мог дать противнику эту информацию.

«Карл?» — ставил вопрос Розен и с удовольствием для себя отвечал отрицательно. Ход его мысли был таков: даже получив карты, Карл ничего не знал досконально, даже если бы он передал эти карты чекистам, они не прочли бы на них плана абвера, касающегося лжеузников.

Сам разведчик, Розен прекрасно знал, как много информации дают обычные, вроде бы ничего не значащие разговоры, неоднократно черпал из них необходимые сведения, но... но был твердо убежден, что уж он-то полностью лишен этой слабости, уж он-то никогда не даст противнику возможности обнаружить какой-то тайный смысл в его словах. И ему и в голову не приходило, что при кропотливых размышлениях все его «дрянь», «дермо», «скоты» рядом с измятой рубашкой, рядом с полунаемками выстраивались во вполне четкий ряд информации.

«Кто же?» — вновь и вновь спрашивал он себя. Задача была сформулирована — решение не находилось. Это пугало Розена перед задуманной им игрой с Головиным, и все-таки он решился на нее.

На следующие сутки Головин пришел к Розену в полдень, заставив его ждать — накануне они условились о более раннем часе. Но Розен не стал пенять на это, спросил:

— Чем занимались?

— Изучал город — на случай, если придется бежать от вас, — объяснил Головин. — Имел связь с руководством. Запрос в управу поступит сегодня. И если там не проканителятся слишком долго, то на днях мы с вами закончим эту операцию.

— А пока что?

— А пока что займемся семьей Батюка. То бишь — моей семьей, — позволил себе улыбнуться Головин.

Розен вызвал машину, через несколько минут они вышли на улицу и сели в просторную кабину «опеля». Водитель — молодой солдат — ждал команды.

— Прямо по адресу? — спросил Розен и на вопросительный взгляд Головина пояснил: — Шофер не понимает по-русски.

— Немножко проедем по городу, а потом отправимся по адресу, — решил Головин.

Розен передал распоряжение шоферу, машина тронулась. Головин из-под полуприкрытых век смотрел в окно.

— Признаюсь, — сказал Розен. — Я не понимаю вас.

— Оставим это, — отвечал Головин. — В мою задачу не входит разговор на эту тему. Вас научит связанные вами война. Дайте шоферу адрес семьи Батюка.

Машина остановилась на одной из окраинных улиц, по команде Розена шофер зашел в небольшой дом, скрытый за двумя акациями, и тут же вернулся с крупноголовым мрачным человеком. Розен распорядился приготовить женщину и детей к переезду.

Ждать пришлось недолго — на тропинке от дома к калитке Головин увидел испуганную женщину с девочкой на руках, рядом шел мальчик.

Головин вышел из кабинки, помог разместиться женщине с детьми, снова сел рядом с Розеном.

— Куда вы повезете нас? — спросила женщина. — К мужу?

— Скоро все узнаете, — резко ответил Розен. — А сейчас помолчите. И объясните детям — они тоже должны молчать.

— Не бойтесь, — мягко вмешался Головин. — С вами ничего не случится, вы можете быть спокойны.

Женщина посмотрела в глаза Головину — ей необходимо было кому-то верить, и спокойный взгляд этого человека показался ей достойным доверия. Она слабо улыбнулась, прижала к себе детей.

— Покружите по городу, — попросил Головин Розена.

— Не смею ослушаться! — Гауптман старался быть ироничным.

Скорость была небольшая, потому что дорогу все время перекрывали то завалы, то шлагбаумы пропускных пунктов. Наконец Головин сказал:

— Теперь, пожалуйста, побыстрее.— И назвал Розену адрес.

— Эта улица пуста,— усмехнулся Розен.— Но я понимаю вас. Адрес неточен, а оттуда не так уж трудно выбраться без специальных пропусков.

— Почти все верно,— согласился Головин.— Кроме одного: вы дадите гражданке Батюк специальный пропуск.

— Не думаете ли вы, что я ношу в кармане пустые бланки? — съязвил Розен.

— Не думаю. Но такой бланк случайно есть у меня. Вы лишь поставите на нем свою подпись.

Розен посмотрел на Головина едва ли не с восхищением.

— Черт возьми! — сказал он.— Вашей организованности можно позавидовать. Вы действительно очень достойный противник.

— К счастью, вы тоже,— ответил на комплимент Головин.— И должен сказать, что меня это устраивает.

Головин протянул Розену бланк и, после того как гауптман расписался на нем, передал документ женщине.

Машина остановилась на пустой улочке, Головин повернулся к женщине:

— Здесь вы выйдете.

Он вышел сам, помог выбраться из кабины детям, сказал Розену:

— Подождите меня здесь.

Проводив женщину с детьми до угла, Головин улыбнулся:

— Здесь мы расстанемся. Документы у вас есть. А это — адрес, по которому вы сейчас отправитесь.— Он подал ей небольшой листок бумаги.— Запомнили? Теперь его лучше уничтожить.— Забрал листок, поджег его.— Ничего не бойтесь. Вас встретят друзья.

— Где мой муж? — спросила женщина.

— Он жив,— ответил Головин.— Вы увидитесь очень скоро.

К машине Головин вернулся не спеша, сел рядом с Розеном, прикрыл веки, попросил:

— Не торопитесь. Постоим здесь немного.

— Вот это уже зря,— сказал Розен.— Можете быть уверены — за ними нет слежки.

— Я уверен в этом.— Головин не подымал век.— Но

может произойти какая-нибудь случайность. Мы должны быть поблизости, чтобы успеть помочь.

— Спокойствия вам не занимать,— одобрительно сказал Розен.— Давно на этой работе?

— На какой?

— В разведке?

— Вас так и тянет на пустые разговоры, Розен,— улыбнулся Головин.— Поехали.

— Куда?

— Отвезите меня в гостиницу.

— У меня есть другое предложение,— сказал Розен.— Я хотел бы познакомить вас со своим сотрудником.

— Нам не помешают лишние знакомства? — усомнился Головин.

— Думаю, что это будет полезно.— Розен старался быть убедительным.— Половецкий район в некотором смысле находится в его ведении. И я, так или иначе, не смогу обойтись без него. Так что будет лучше осторожно ввести его в курс дела. Нет, нет,— возразил Розен на удивленный взгляд Головина.— Мы посвятим его в дело ровно настолько, насколько это в наших интересах. Никаких подробностей. Но, понимаете, мне хотелось бы, чтобы он, а не я позволил управе удовлетворить просьбу детского дома. Простите, что я не удовлетворяюсь вашими обещаниями и обеспечиваю себе дополнительное алиби.

— Вы могли бы обеспечить его без моего участия,— сказал Головин.

— Бряд ли,— отвечал Розен.— Тогда я стал бы автором плана ликвидации детдома в лесу. А я хотел бы остаться автором плана, о котором не знает никто, кроме нас с вами.

— Что это за план?

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Розен,— перед вами я открою все карты. Этот мой сотрудник имел некоторое отношение к сбору антикварных ценностей в пользу рейха. Он знает, что где-то в Половецком районе осел товарищ приличную сумму, и заинтересован разыскать его. Если бы вы намекнули, что детдом имеет какое-то отношение к непонятно откуда берущимся — и немалым — средствам. Что слухи об этих средствах идут как раз из того района, куда руководство намерено повезти детей... Намек должен быть очень туманным. Но он должен исходить от вас. Я даже прерву вас, когда вы заговорите

об этом. И на дальнейшие расспросы сотрудника вы не станете отвечать. Дальше колесо покатится само.

— Мы должны знать, как и куда оно покатится,— сказал Головин.

— Я тоже кое-что смыслю в своей работе,— похвастался Розен.— Цепочка рассуждений моего сотрудника будет следующей: детдом может вывести его на адрес драгоценностей. Почему же не использовать его в качестве проводника и не пойти по указанному следу? Логично?

— На первый взгляд — да,— согласился Головин.

— Вы сами говорили, что у нас нет времени,— напомнил Розен.— На сомнения у нас тоже нет времени. Тем более что план прост и реален.

— Кроме того, что по следу детдома кто-то пойдет.

— Плохо, коллега! — усмехнулся Розен.— Разве тот, кто идет за кладом, берет с собой сообщников? Ведь придется делиться. Думаю, что мой сотрудник обойдется минимумом сопровождающих и вам будет нетрудно противостоять им. Логично?

— Что ж,— сказал Головин,— поехали к вашему сотруднику.

— А мы уже приехали,— оживился Розен.

Навязанное Розеном свидание Карлу не нравилось. Ближайший перевод Истинного на службу в абвер требовал от него повышенной осторожности — иначе старания гауптмана, добивавшегося этого перевода, могли оказаться напрасными. А перспектива нового места службы оценивалась Центром очень высоко, и перед Карлом стояла сейчас лишь одна задача — избежать даже случайных помех на пути к ее осуществлению.

Тем более что сделано для успешного завершения дела было много и достигнут был существенный результат — по словам Розена, Карл как тайный сотрудник абвера осуществлял некий контроль над Половецким районом. Правда, успехи Карла придумывались в кабинете гауптмана, но от этого они не теряли значения в глазах абверовского начальства.

Отказаться от свидания Карл не мог — нужно было поддерживать в Розене уверенность в существовании законсервированных антикварных ценностей.

Розен пришел к Карлу рано утром, возбужденный полученными от кого-то сведениями о драгоценностях, но

в отличие от того, как он вел себя обычно, был немножко словен — оправдался, что не стал выспрашивать агента о подробностях, полагая, что Карлу надо самому выслушать эту информацию. Вот это и настораживало Карла.

Был еще один штрих в утреннем разговоре — Розен как бы уговаривал Карла согласиться на это свидание. Чтобы заинтересовать, признался, что ради их общего дела — драгоценностей — отступает от принятого правила и сводит Карла со своим агентом, действующим в детском доме.

Со смутным ощущением тревоги Карл пришел в кафе. Розен с незнакомцем задерживались, Карл уже решил было, что ждать больше не будет, но тогда бы за спиной у него осталась неизвестность — что-то новое и неизученное в Розене. Поэтому он заказал очередную чашку кофе и делал вид, что рассматривает манипуляции бармена, который профессионально мыл, вытирая и расставляя высокие стаканы.

Розена Карл увидел в дверях, когда тот пропускал впереди себя человека с довольно приятной на вид наружностью. Карл привычно определил главную, бросившуюся в глаза черту незнакомца — спокойствие.

«С таким надо быть особенно осторожным», — отметил Карл.

Розен и незнакомец подошли к столику, гауптман от рекомендовал попутчика:

— Владимир Иванович Батюк.

Карл кивнул, представленный ему человек тоже кивнул в ответ, и они с Розеном сели за стол.

Пока Розен делал заказ официанту, Карл неназойливо наблюдал за «Батюком». Тот сидел бесстрастный, внешне расслабленный, ничем не интересующийся.

— Кстати, — начал Розен, — Владимир Иванович из вашего района. Он учителяствует в детском доме.

«Он представляет меня своему подопечному важной штацией», — отметил Карл.

«Так вот ты какой, Истинный, — думал в то же время Головин, узнав Карла по фотографии. — Никак не думал, что судьба сведет нас сразу. Но думать надо не об этом. Думать надо о том, что затеял Розен. Розен не станет жертвовать тобой, он связывает с тобой свое будущее. Значит, ты сегодня — лишь ширма для Розена. Остальная игра впереди. Розен хочет, чтобы я сказал о драгоценностях. Но ведь ты знаешь, что никаких драгоценности

стей в Половецком районе нет. Что ты станешь думать обо мне после такого рассказа? По крайней мере, он сбьет тебя с толку. Надо помочь тебе, Карл».

— Вчера,— продолжал говорить Розен,— Владимир Иванович докладывал мне о своей работе. У него несколько оригинальный взгляд на вещи. Я спросил его: «На что существует детдом? Как он мог не погибнуть без обеспечения?» Моя точка зрения — детдому помогают партизаны. Но Владимир Иванович высказал несколько иную. Да, Владимир Иванович?

— Я не исключаю партизанской помощи детдому,— спокойно отвечал Головин-«Батюк».— Но у меня возникли подозрения, что детский дом располагает какими-то наличными средствами. Причем — в устойчивой валюте.

«Мне не надо произносить двух слов,— предупреждал себя Головин.— Двух слов — «антивариат» и «драгоценности». Иначе Карл почувствует ложь и не будет знать, откуда она происходит. Открываться ему я не имею права, а эти слова могут навредить нам обоим».

«Что все это значит? — рассуждал Карл.— Розен сошел с ума, и ему везде мерещатся драгоценности? Или здесь что-то иное, непонятное мне? Так или иначе, я должен заинтересоваться».

— О какой валюте вы говорите? — спросил Карл.

— Трудно сказать; но я выяснил, что она поступает в детдом всякий раз после того, как они выезжают в лесные деревни.

«Это я могу говорить тебе спокойно,— думал Головин.— Ты ничем не помешаешь операции. Лишь бы я не сбил тебя с толку. Но мне нужно думать не только о тебе, но и о Розене. Розен лжет нам обоим. Тебе он лжет обо мне. Мне — о тебе. Ведь ты еще не тот сотрудник аввера, который может решать вопросы специального характера. Значит?..»

«Что нужно Розену, если он не помешался на драгоценностях? — думал Карл.— От меня или от этого Батюка?»

— Вы считаете, что их источник еще не исчерпан? — спросил Карл.

— Не знаю,— отвечал Головин.— Однако они вновь собираются на некоторое время в деревни.

— Если управа позволит им,— вмешался Розен.

— На уборку картофеля,— добавил Головин.

— Вам известны названия этих деревень? — спросил Карл.

— Это где-то в районе... — начал Головин, но Розен перебил его:

— Подробности излишни. Важно, что мы никогда не учитывали такой возможности.

«Розен хорошо ведет свою роль, — отметил Головин. — Все обстоит именно так, как он обещал мне. Но Карла он в чем-то обманул, потому что Карл насторожен. Сам по себе такой разговор не мог бы насторожить его. Надо помочь Карлу».

Головин повернулся к Розену:

— Я сказал обер-лейтенанту все, что вы меня просили, и все, что знаю.

В глазах у Розена мелькнуло раздражение, но он погасил его, заулыбался:

— Нам действительно пора. Извини, Карл, но мы покинем тебя. Я зайду к тебе через пару часов.

«Как понимать последнюю фразу Батюка? — думал Карл, глядя вслед Розену и его попутчику. — Розен специально просил его рассказать мне об источнике средств у детского дома. Если бы речь шла только о драгоценностях, Розен мог бы сам передать мне смысл информации. А он пошел на нарушение собственных принципов — свел меня со своим агентом. Скорее всего этому агенту недолго осталось ходить по земле. Таких Розен убирает. Но все же — для чего он организовал это свидание? Для того лишь, чтобы показать мне, что и он принимает активное участие в поисках драгоценностей? Нет, напав на след, он никогда бы не поставил меня в известность. Пожалуй, он играет не со мной, а со своим агентом. Что это за игра? Кем бы ни был этот агент, если он враг Розену, он полезен нам. Имею ли я право помочь ему? И могу ли я сделать это?»

Розен не пришел к Карлу через два часа. Он позвонил ему по телефону.

— Карл? — говорил он старательно ласково. — Поздравляю. Ты по-настоящему приобщаешься к делам. Тебе надлежит срочно выехать в Витебск. Там тебе объяснят остальное. Собирайся. Машина будет у твоего подъезда через пятнадцать минут.

— Что за срочность, Отто?

— Никаких вопросов. — В голосе у Розена появилось нетерпение. — Выполняйте приказ, обер-лейтенант. Тем более что я лишь передаю вам его.

Головин, сославшись на усталость, отправился в гостиницу, но, конечно, не для того, чтобы отдохнуть. По дороге он имел контакт со связным — киоскером в книжно-газетном киоске — и передал ему очередное сообщение партизанам.

Как бы скоро ни пришел ответ с рекомендациями и советами, Головин должен был сам попытаться разгадать маневр Розена. В том, что Розен готовит удар, Головин не сомневался. Он также понимал, что Карл понадобился гауптману лишь для правдоподобности задуманного, что, сыграв непонятную для себя роль, Карл скорее всего больше не появится.

Головин поставил вопрос так: «На что рассчитывает Розен? Запугивать меня он не станет, знает — бесполезно. Покупать — тоже. А вот — скомпрометировать? Но чем он располагает для этого? Неужели он хочет втянуть меня в какую-то историю с этими самыми драгоценностями?»

Исчерпывающего ответа не было. Головин решил вернуться к Розену.

Розен как будто ждал его — поднялся навстречу, проверил, плотно ли закрыта дверь кабинета, с полным тревоги лицом подвел к креслу:

— Садитесь.

— Насколько я понимаю, что-то случилось,— сказал Головин, радуясь тому, что Розен не затягивает со своей игрой.

— Вы правы,— мрачно сказал гауптман.— Я уже собирался сам идти к вам. Кажется, мы сделали ошибку. Если хотите, то я буду искренен и скажу, что ошибку сделали вы.

Головин ждал продолжения, но Розен молчал. Тогда Головин спросил:

— Какую?

— В общем-то, — отвечал Розен, — дело не в самой ошибке. Дело в том, что наш план провалился.

И опять Головин спросил после паузы:

— Почему?

— Обер-лейтенант сразу после нашей беседы отправился к высшему начальству с докладом о ней.— Розен вздохнул.— Извините, что я начал с ошибок. Мне следовало бы начать с просьбы о милосердии. Я теперь беспылен выполнить ваши требования и могу рассчитывать лишь на ваше благородство.

«Так вот что ты надумал,— усмехнулся про себя Головин.— Ну что ж, логика в этом есть. Мы действительно милосердны. Но ведь на милосердие надо иметь право. Или, по крайней мере, доказать свою нужду в нем».

— Меня интересуют подробности,— сказал Головин.

— Чем-то,— вздохнул Розен,— а точнее, вашей последней фразой вы насторожили обер-лейтенанта. Вы сказали, что я просил вас дать ему эту информацию.

— Разве это было неясно с самого начала разговора?

— К сожалению, вы не учли психологии арийца. В неправых делах он предпочитает избегать неопределенностей. А как вы понимаете — обер-лейтенант ищет драгоценности в большой степени из-за личной заинтересованности. До тех пор, пока разговор шел вообще, все было прекрасно. Но как только вы уточнили тот факт, что я просил вас рассказать ему об этом, появились свидетели. И обер-лейтенант предпочел снять с себя всяческие подозрения в том, что он охотится за антиквариатом.

«А если бы я не сказал этой фразы,— подумал Головин,— к чему бы ты прицепился?»

— Глупо,— сказал Головин, помолчав.— Вашу психологию я учитывал. Я знал, что вы станете искать способ обмануть меня. И рад, что вы не затянули с вашей ложью. Времени у нас все меньше, но пока что оно есть. Условия остаются прежними, Розен.

— Клянусь вам! — Розен удариł себя в грудь.— Мне страшно подумать, что вы не верите мне. Клянусь вам!

Головин уже обдумывал, как быстрее уличить Розена — выявить эмоциональное и логическое неправдоподобие его маневра, но тут отворилась дверь, и в кабинет вошел Карл.

— Такая неудача, Отто,— начал Карл от двери.— Не успели отъехать — забарахлил мотор, и я приказал шофера вернуться. Чтобы сменить машину. Распорядись, пожалуйста.

В первое мгновение Розен буквально онемел, постепенно глаза его потемнели, но он сдержал себя и неожиданно спокойно сказал:

— Что тебе нужно здесь, Карл?

Карл пожал плечами и вышел.

— Бог против меня,— выговорил Розен.

— Это уж как хотите,— сказал Головин.— Но прежде всего против вас правда. Ну а теперь к делу. До этого мы

придерживались цивильных отношений. Теперь вы станете подчиняться мне, как солдат. Завтра детдом должен иметь разрешение на выезд.

— При одном условии.— Розен поднял голову.

— Условия диктую только я,— жестко возразил Головин.

— Кроме одного,— усмехнулся Розен.— Кроме одного. И черт меня возьми, если вы его не выполните! Не волнуйтесь, это сущий пустяк для вас. Я сделаю все, что вы требуете. В сроки, которые вы укажете. Но через пять минут вас не будет в моем кабинете. И мы больше никогда не встретимся с вами.

Головин улыбался:

— Я же сказал вам, что вы достойный противник. И что меня устраивает это. Хотите знать — почему? Потому что мы не станем расставаться с вами. Меня устраивает фамилия Батюк и роль вашего доверенного агента. Кстати, к этому уже привыкают ваши подчиненные. В частности, этот же обер-лейтенант, который появился так некстати для вас. Мы будем работать вместе, Розен.

Розен поднялся, подошел к окну, долго смотрел в него. Потом, не оборачиваясь, но достаточно выразительно, потянулся к кобуре.

— Не надо,— сказал Головин.— Какой прок от того, что вы застрелитесь? Вы молоды, сильны. А война ведь не вечна. Подумайте, я даю вам козыри, которые вы предъявите после того, как кончится эта бойня.

— Вы — дьявол,— сказал Розен.

— Я уже говорил вам, что я — советский человек. И по-моему, вы частично поняли, что это такое. С остальным познакомитесь во время нашей будущей работы.

— Ну что ж,— усмехнулся Розен.— Я хочу поблагодарить вас. Я не собирался стреляться. Я проверял — как вы отнесетесь к этому. Благодарю вас за ваше отношение.

— Пожалуйста,— отозвался Головин.

— И в ответ,— заговорил Розен,— я отплачу вам одной неприятной правдой. Мы не сможем сотрудничать с вами. Я уже сообщал вам, что в ближайшем будущем отбываю из Минска. Куда — не знаю сам. Знаю одно — вас с собой взять не смогу.

— Мы обдумаем этот вопрос,— сказал Головин.

6. Домой!

Несмотря на четко разработанный план, на полученные в управе документы, вывоз детей из города оказался очень рискованным делом.

На завершающем этапе в операции принимали участие бойцы из отрядов наших соседних бригад. Они должны были не только помочь выбраться из оккупированного города, но и подготовить деревни для остановок на пути к партизанскому аэродрому. Делать это приходилось в условиях постоянной опасности, постоянного контроля со стороны немецких властей.

На первых привалах детей накормили, потом вымыли в крестьянских банях. Дети надели пионерские галстуки, которые они прятали с первых дней оккупации. Наконец зазвенела песня.

На партизанском аэродроме героическую эстафету спасения детей приняли военные летчики. Каждый их полет в зону партизанских действий был подвигом, и мы старались не злоупотреблять таким способом связи с Большой землей. Но в эти дни летчики делали по несколько рейсов в сутки, чтобы как можно быстрее доставить детей на советскую землю. «На Родину», — говорили дети, хотя для многих из них родные места оставались как раз на оккупированной Белоруссии. Но в те дни Родиной для них была непокоренная Москва.

За душу брала самоотверженность раненых партизан, нуждавшихся в госпитальном лечении и все же уступавших свои места в самолете детям.

Партизаны махали вслед самолетам — полетели на Родину.

К нам же Родина приближалась с каждым днем. Уже горело зарево фронтов над белорусскими лесами.

Глава шестая АГОНИЯ ЗВЕРЯ

1. По другую сторону фронта

Еще оставалось полтора года войны. Тысячекилометровые дороги, предписанные мне на это время моим дальним билетом, представляли, конечно, лишь малую часть тех большаков и проселков, которые еще ожидали русского солдата, но я горд, что в долгом пути к Победе есть и мои несколько шагов.

Да, большая часть временно оккупированной гитлеровцами территории была освобождена, и было покончено со зверствами зондеркоманд. Да, промышленность наскоро залечила страшные раны, и уже не стояли по шестнадцать часов — во имя Победы — у станков четырнадцатилетние мальчишки. Да, советская военная техника уже превзошла германскую, и комбатов уже не волновал вопрос, где взять лишний снаряд для орудийного расчета. Но... на войне как на войне.

Агония зверя опасна. Мы убедились в этом во время партизанских боев, нам еще предстояло убедиться в этом

во время многочисленных операций армейских соединений, куда влились вчерашние партизаны.

Абвер и гестапо стали бешеным зверем со временем своего образования. Но приступы бешенства, которые, кстати, не только мутят разум, но и придают зверю страшную силу, обострились у них в 43-м году.

Это сказывалось и в их желании замести следы преступлений — увеличился объем работы в печах Дахау и Освенцима. Это проявлялось и в лихорадочных попытках «обеспечить» будущее — может быть, перейти на службу к какому-нибудь иному хозяину, и они умножали усилия по созданию основного капитала разведок — агентуры. Это, правда, отражалось и в ином — в том, что они уже при случае наносили смертельные укусы друг другу, но, в общем, и абвер, и гестапо, как и прежде, если не более, являлись опаснейшим врагом. Борьба с ними продолжала быть передним краем войны. А на войне... как на войне.

В один из дней я попрощался с белорусскими лесами. Командование направило меня на Украину — в области, только что освобожденные 4-м Украинским фронтом. Совместно с контрразведчиками фронта я проводил здесь мероприятия, связанные с розыском вражеской агентуры на территории, где совсем недавно хозяйничали гитлеровские войска.

Оставленная врагом и оставшаяся от врага агентура представляла большую опасность. Я не случайно делю ее прежде всего на оставленную и оставшуюся. Первая имела специальные задания абвера и гестапо внедриться на освобожденной территории, затеряться среди людей, тщательно конспирироваться и ждать своего часа. Ее можно было отнести к кадрам разведки — пока что гитлеровской, а в будущем неизвестно какой, и, конечно, выявление этой агентуры требовало особых усилий.

Оставшаяся же агентура представляла собой часть прислужников оккупационной администрации, не успевших удрать за своими хозяевами либо не взятых ими за ненадобностью. Эти конечно же тоже не пренебрегали конспирацией и пытались спрятаться как можно дальше от настигающего их карающего меча.

Определенная часть вражеской агентуры предпочитала не дожидаться, пока мы доберемся до нее, и являлась к нам сама.

Одним из таких бывших агентов оказался не-

кто Игорь — мы станем называть его именем, которым наградила его абверовская легенда. Мне доложил о нем Виктор, характеризуя Игоря так:

— Оригинальный субъект. Пришел, говорит: «Могу быть полезным». «Чем можете быть полезным?» — спрашиваю. А он — так с улыбкой: «Зачем притворяешься? Вы же поняли, кто я». Ну я тоже в лобовую: «Понял или не понял, не ваше дело, мы, судя по всему, не дружескую беседу поведем». Он погрустнел, долго молчал. А потом говорит: «Нет, или дружескую беседу поведем, или сразу меня — в расход. На иное не соглашусь».

— А ты? — спросил я, одновременно заинтересованный и Игорем, и тем, как повел себя Виктор.

— Я малость просчитался, — улыбнулся Виктор. — Решил придавить его. «А мы, — говорю, — может, и дружбой с вами, и в расход вас пускать одинаково побрезгаем». Тут он меня устыдил, честное слово. Не такое, говорит, время, чтобы мою судьбу на словах разыгрывать. Вреда я еще не принес, а польза могу принести.

— Что же ты сказал ему? — спросил я Виктора, зная, что он не любит уступать последнее слово.

— В общем-то я объяснил ему, что своей судьбой играл он сам, и не со мной, а с народом. Объяснил, что скорее всего у него неправильные представления о понятиях «польза» и «вред». К концу разговора он сник, но знаете... какая-то у меня к нему симпатия появилась. Не потому, что он говорил, а потому, как он говорил. Вы же сами учили меня обращать на это внимание.

— Учил, — согласился я. — Учил не пренебрегать этим, но ни в коем случае не принимать за главное.

Виктор вздохнул:

— Может быть, вы побеседуете с ним сами?

— По какой причине? — спросил я. — Ты считаешь этого человека достойным задания? Или ты не можешь разобраться в нем и просишь моей помощи?

Виктор подтянулся, бросил руку к фуражке:

— Понял. Разрешите идти.

Несколько дней он не заговаривал об Игоре. Наконец явился, доложил:

— Проверкой установлено, что Игорь — выходец из поволжских немцев. В июне сорок первого получил разрешение на свидание с родственниками, проживавшими в Прибалтике. После начала войны остался там. Был оформлен как фольксдойч, в армию не взят по состоянию

здоровья. Ни в каких организациях участия не принимал. Завербован в сорок втором году, оказавшись на улице — родственники не стали держать лишний рот. Голодал, нуждался в медицинской помощи, свое согласие при вербовке объясняет безвыходностью положения.

— Безвыходностью, — перебил я, вспомнив повешенных на полевецкой площади.

— Да, товарищ командир, — согласился Виктор. — О безвыходности мы с ним долго разговаривали. Говорит, что не считал себя преступником до тех пор, пока не увидел, как беспощадно убивают людей отступавшие гитлеровцы.

— Поздновато, — сказал я. — И в этом все дело. Твоей симпатии недостаточно, чтобы считать его полноценным бойцом. Какое он имел задание?

— Одно — осесть в этом районе после прихода Красной Армии. Устроиться на работу, слиться с людьми. И ждать. Ему сказали, что разыщут его, когда он понадобится. Дали пароль. Он утверждает, что вербовал его военный человек.

— Почему?

— Выправка. Поведение.

— Ишь какой наблюдательный! — рассердился я. Надо объяснить мою придирчивость к Виктору в этой беседе и мою раздражительность. Дело в том, что мы очень нуждались тогда в человеке, подобном Игорю, и уже не однажды считали, что такой нашелся, а потом сомнения перевешивали, и мы отказывались от кандидатуры для одного важного задания.

Дело заключалось в следующем. Когда Истинный, наш Карл Фрейнд, ушел вместе с отступавшими фашистскими войсками из Минска, он имел два возможных канала связи с нами. Два канала — это уже роскошь. Но и два канала оказались прерванными войной. Мы знали только, что Карл Фрейнд находится где-то под покровительством Розена, а значит, неподалеку от него. Но где именно, мы не знали. Восстановить связь со столь ценным разведчиком было крайне необходимо. При создавшихся обстоятельствах найти Истинного мог бы человек, проникший за ворота специальных фашистских служб. Надежда на это была мала, но вероятна, а главное — пока что она оставалась единственной.

Мы обсуждали возможность поручить Игорю восстановление связи с Карлом.

— Твое мнение? — спросил я Виктора.

— Считаю — подходит.

Тогда я решил встретиться с Игорем сам. Он оказался долговязым, хрупкого сложения человеком, с глазами, измученными то ли болезнью, то ли тяжелыми думами, с длинными, как говорят, музыкальными пальцами. Я попросил его подробно повторить все, что он уже рассказывал Виктору, и слушал не перебивая...

О довоенной жизни под Саратовом Игорь говорил как о чем-то очень далеком и оставшемся для него единственной радостью. Три последних года для него, двадцатидвухлетнего, прошли как большая часть жизни и словно заслонили прошлое неодолимой стеной, оставили лишь воспоминания.

Для правильного понимания человека прежде всего надо знать его экстремальные качества. Рассказывая о вербовке, инструктажах и обучении на скорую руку, Игорь старался быть подчеркнуто бесстрастным, но я понимал, какой перелом произошел в этом молодом человеке, и сквозь его безразличный тон угадывал чрезмерное самолюбие Игоря, которое подтверждалось его предыдущими беседами с Виктором.

Даже недостатки человека порой играют определенную положительную роль. В данном случае излишнее самолюбие поддерживало в Игоре волю, непременное желание доказать, что не все человеческое вытравлено в нем, и при бережном подходе к молодому человеку могло принести свои плоды и одновременно избавиться от чрезмерных форм его проявления.

Я спросил Игоря:

— На что вы считаете себя способным?

— На все, что в моих силах, — ответил он, и тщательно скрываемое самолюбие вновь дало себя знать.

— Представьте... — Я внимательно следил за ним. — Вам надо прийти к своим хозяевам и заявить, что вы были разоблачены и дали согласие работать на нас.

— Не понимаю, — ответил он, помолчав. — Разве не проще явиться к ним без этого заявления?

— Думаю, что не проще. Придется ведь объяснять, почему вы покинули Украину, как перешли линию фронта, как добрались до них. А при такой версии все становится на свои места.

— Да... но... — начал он уже с меньшей решимостью, — не закончится ли это единственным выходом?

— Может закончиться,— согласился я и не стал продолжать.

— А может и нет? — спросил он, подумав.— Ведь вы это хотели сказать?

— А может и нет,— снова согласился я.— Думаю, как раз любой другой вариант закончится этим самым единственным выходом. А тут все будет зависеть от вас.

На этом я прервал наш первый разговор с Игорем, но, пожалуй, теперь ни он, ни я не забывали о нем.

Обстоятельства сложились так, что лишь более года спустя Игорь получил ту самую возможность смыть свой позор, о которой он просил, явившись в контрразведку.

Я уже давно работал в Москве, но возникший «вариант Игоря» не выходил у меня из головы. Мы продолжали обсуждать его с Виктором, знали, как ведет себя Игорь, и постепенно приходили к выводу о том, что наш выбор не случаен.

Уже многие из тех, кто, подобно Игорю, сам заявил о себе после освобождения оккупированных областей, доказали искренность своего решения. В районах освобожденной Польши, других стран они помогали выявлять вражескую агентуру, срывать замыслы фашистов, пытавшихся при уходе уничтожать все и вся, вставали в ряды национальных армий.

Конечно же не статистика, которая была в пользу такого перерождения людей, заставила нас принять окончательное решение. Как я уже сказал, мы внимательно наблюдали за Игорем. Но было и другое обстоятельство.

Идущая к концу война по-прежнему уносила сотни тысяч жизней. На своей территории агонизирующий враг дрался насмерть. Следует сказать, что в Германии мы не имели от местного населения той поддержки, которую получали, например, в партизанских областях или в Польше, Чехословакии, других странах.

Поражения гитлеровских войск на фронтах заметно сказывались на сознании немцев. Они все больше стали понимать кровавую антинародную сущность фашистской диктатуры.

Естественно, что годами вбитые в головы немцев «истины» не могли исчезнуть в один момент. Вот почему мы не рассчитывали на столь необходимую поддержку населения на территории Германии. А это значит, что ценность разведчика возросла многократно.

Связь с Истинным стала остройшей необходимостью.

И мы организовали эту связь, приняв все меры предосторожности, чтобы не навлечь подозрений на Карла Фрейнда.

2. Там, где не слышно взрывов

Когда-то — лишь несколько лет назад — все здесь радовало глаз. Бордовый гравий кортов, выкошенные лужайки, изысканно скромные домики под черепичными крышами, уставленные бутылками буфетные стойки в нескольких дансингах — все это было для победителей, для тех, кому нужно было отдохнуть перед большими делами. Тут было единство тишины и счастливого смеха, на который заслуженные арийцы и их подруги были действительно большими мастерами.

Сейчас, в 1944 году, этот поселок в горах располагал только тишиной. Остальное изменилось неизвестно. Серебристые стволы акаций приобрели ядовитый оттенок под бесконечным осенним дождем. Чистейший и блестящий некогда гравий теннисных кортов покрылся пятнами — то ржавыми, то черными, казалось, он гнил. А вместе с ним гнило все вокруг, даже изящные некогда домики. Хуже всего было то, что и черепица пришла в негодность — как только дождь усиливался, с потолка начинало капать, и надо было подниматься на чердак и ставить ведра, тазы, кастрюли, чтобы остановить всепроникающую влагу.

Здесь можно было только отсиживаться. Именно так определял Карл совместное бытие с Розеном в одном из домиков. Он не знал, каким образом удалось гауптману добиться отправки сюда, где, судя по неясным намекам Розена, продолжало свое существование одно из специальных отделений абвера. Не знал и того, чем занимается это отделение, — от вопросов Розен впадал в бешенство и начинал угрожать. Знал только, что кроме них в поселке живут еще два десятка офицеров, что офицеры практически не общаются друг с другом и лишь ждут каких-то приказов, которые могут прийти сюда в любое время.

Отношения с Розеном были крайне напряженными. После половецкой истории Розен в каком-то смысле помешался на несуществующих драгоценностях Карла. Он стал подобен тем искателям клада, которые готовы верить любым слухам, любым обещаниям и копать землю

в любом указанном месте. Его не надо было убеждать в том, что драгоценности существуют,— наоборот, если бы он хоть на мгновение усомнился в этом, то, пожалуй, пустил бы себе пулю в лоб.

Еще в Минске он стал все более подозревать, что Карл располагает несметным богатством и пытается скрыть его от Розена. Уже там лучшим способом поддержать в нем эту уверенность была любая попытка уверить его в обратном.

Впрочем, он был не просто слепо верящим сумасшедшим. В своей вере он находил логику — при расследовании деятельности Клюгге было выяснено, что контора действительно прикарманила миллионы, а дальше уж — вольному воля, почему бы не считать, что часть этих миллионов не осела в тайниках у Карла.

Бегство из Минска несколько изменило выстроенную версию Розена. До этого времени он считал, что драгоценности спрятаны где-то в России. Удирая под ударами советских войск, надо было либо распрощаться с мечтой, либо решить, что хитроумный Карл уже давно нашел способ переправить свои капиталы в Германию, или Австрию, или еще куда-нибудь.

«А ведь в конце концов,— часто думал Розен,— у меня в кармане доказательство, что Карл обязан заплатить мне пятьсот тысяч долларов».

Розен сделал все для того, чтобы привязать Карла к себе, и для того, чтобы Карл не погиб в этом аду, который, как понимал и надеялся гауптман, должен был скоро кончиться.

Он добился их назначения в специальную группу, которая — что было неизвестно Карлу — должна была ждать конца войны, после чего ей была уготована особая миссия.

Розен буквально принудил Карла поселиться вместе, хотя остальные обитатели поселка жили по одному в домике. И теперь мучал его ежевечерними приставаниями — обещанием вечной дружбы, требованиями благодарности за спасение из ада, просьбами выдать «тайну драгоценностей конторы».

Днем удавалось избавиться от гауптмана — уйти на прогулку в сырой лес или устроиться в читальном зале, где, не обращая внимания друг на друга, сидели другие офицеры. Но вечера и первая половина ночи становились все более невыносимыми, и Карл искренне проклинал

установленный в поселке сухой закон — только спиртное могло бы отвлечь помешавшегося на кладе Розена.

Не менее мучила Карла и новая полоса бездеятельности. Понимая, что война с фашизмом вошла в решающую стадию, он сознавал, сколь нужен он сейчас.

Впрочем, возмужавший и накопивший опыт Истинный не падал духом, он уже знал, что умение ждать — одно из важнейших качеств разведчика. При этом он лишь старался, чтобы ожидание не было пассивным. Он старался найти любую возможность для связи.

Вообще говоря, связь с внешним миром у поселка была — сюда привозилось продовольствие, даже кинофильмы, иногда приезжало какое-то начальство для немногочисленных совещаний, на которые Карла, к сожалению, не приглашали. Более того, несколько раз обитателей дачных домиков вывозили в близлежащий городок, где им читали лекции о деятельности американской и английской разведок. Но вся эта связь с внешним миром была строго контролируемой и не предоставляла никакой возможности для инициативы.

Пока что можно было только размышлять. Долгие и подробные рассуждения привели Карла к тому, что он догадался: их резервируют здесь на будущее, и, может быть, знакомство с деятельностью американской и английской разведок организовано для них не случайно — правда, конкретных выводов отсюда он сделать не мог, тогда далеко не каждому казалось вероятным какое-то единение этих служб со специальными службами агонизирующей гитлеровской Германии.

Повод к размышлению давало и прослушивание иностранных радиостанций, которое было разрешено в поселке, и Карл не пренебрегал им, как это делали другие офицеры. Конечно же он не стал бы выделяться в этом смысле сам, но Розен, внимательно следящий за ходом войны, часто садился к приемнику, и тут Карл с удовольствием делил с ним компанию.

«Что хочет сохранить гибнущий рейх? — думал Карл.— Абвер? Вряд ли. Скорее всего, он хочет сохранить кадры. Для кого? Для себя? Зачем они погибающему? Значит, уже сейчас вынашиваются планы воскресения. Рейх уверен в возрождении и хочет сберечь необходимых ему специалистов закулисной войны. В таком случае очень важно то обстоятельство, что я нахожусь здесь. Значит, нельзя принимать никаких рискованных шагов,

нельзя раскрывать себя, нельзя лишиться этой возможности наблюдать столь далеко идущие планы. То есть еще раз — ждать, ждать и ждать, и проявлять инициативу, когда уверенность в успехе будет стопроцентной».

Ищущий обрящет, говорит библия. Ждущий дождет-ся, добавлял Карл.

Когда однажды Розен исчез из поселка на несколько дней, что-то подсказывало Карлу — эта отлучка принесет большие изменения.

* * *

Прежде чем вести рассказ дальше, придется сделать существенные отступления, в том числе и в прошлое.

В те дни мы ничего не знали о местонахождении Истинного. Путь к нему могли подсказать лишь профессиональные знания, опыт и некоторые косвенные данные, которые мы получали в ходе нашей ежедневной работы.

Легенда, которую мы разрабатывали для Игоря, должна была, во-первых, убедительно звучать для врага, а во-вторых, заставить врага помочь Игорю в поисках Карла. Первоначальная идея о явке Игоря «с повинной» в гестапо, где он признается в том, что «перевербован» и заслан во вражеский тыл с нашим заданием, оставалась в силе. Для фашистской контрразведки такая версия выглядела вполне правдоподобной.

Логичным был и следующий ход наших размышлений: и задание, которое якобы получил от нас перевербованный агент, и некоторая часть его легенды увязывались с годами оккупации Минска, а значит, с выяснениями их противнику пришлось бы прибегнуть к помощи работников минских отделений абвера и гестапо, вполне вероятно — к Розену и Киршке. Но здесь появлялась определенная сложность, так как выход на Розена был нам необходим, а выход на Киршке исключался.

Значит, легенда должна была бросить тень на Киршке, отвести его в сторону при возможной проверке Игоря и сосредоточить эту вероятную проверку в руках Розена, через которого мы и собирались выйти на Карла. Иначе говоря, убедительная легенда должна была, кроме всего прочего, дать Игорю власть над Розеном, а Розену — над Киршке.

Что касается Розена, то ему достаточно было бы в местах, где не раздавались взрывы, услышать эхо истории

с перстнем, и он наверняка стал бы покладистым «компаньоном», при условии, конечно, что легенда не дала бы ему возможности ликвидировать Игоря.

Перстень, кстати, был бы не просто деталью операции, он одновременно прозвучал бы паролем Карлу — такая договоренность с Истинным у нас тоже была.

Для построения столь сложной и многоцелевой легенды нам пришлось вернуться к документам, касающимся того времени, когда наша бригада действовала в белорусских лесах. Большой материал для нее дали события, главным героем которых был тогда Антиквар.

Здесь надо ответить на вопросы, которые могли возникнуть у читателя, когда шла речь об инсценированном преследовании Генриха Клюгге фашистской контрразведкой. Ведь если в хитрых планах врага и была необходимость создать обстоятельства, при которых Клюгге компрометировался как сотрудник антикварной конторы, то с какой стати, например, должен был фон Готберг повсюду связывать его в планы операции «Нюрнберг»?

До сих пор сюжет не требовал ответа на этот вопрос, но теперь пришла пора объясниться. Читатель, конечно, понял, что лжеобвинение разведчику Клюгге нужно было для какого-то прикрытия в дальнейших его действиях. Так вот, характер акции, которая поручалась Антиквару, был столь сложен и тонок в расчете, что его знание деталей операции «Нюрнберг» играло первую, а не вторую роль. Вторая роль как раз отводилась его лжемахинациям с антиквариатом.

Пожалуй, надо отдать должное немецким специальным службам и сказать, что зачастую они смотрели дальше военного командования. Генералы вермахта все еще тешили себя надеждой, что политическая игра западных держав не даст возможности открыть второй фронт, а за бронированными дверями секретных служб уже тщательно обсуждалась эта вероятность и велась подготовка к извлечению из нее определенной пользы.

Одна из операций рейхсканцелярии Гиммлера и стала полем деятельности опытного разведчика Генриха Клюгге. Ее результатом должно было стать появление Антиквара в секретных службах Запада. Простой побег нациста — и это понимали руководители фашистских специальных служб — не принес бы желанной цели. Обстановка мировой войны требовала хорошей «мины» при любой игре.

Так у высокого гестаповского начальства родилась легенда под двойной крышей о немецком разведчике, причастном к операции «Нюрнберг» и пытавшемся выдать ее противнику.

Как известно, операция «Нюрнберг» закончилась крупной неудачей врага во время боев на Сурже. После этой неудачи Розену, кстати, стоило большого труда объяснить ее недостаточностью армейских сил в районе и уйти от ответственности за провал.

Однако эта неудача сыграла на руку создателям новой легенды для Антиквара. Ее первая часть — финансовые махинации — могла показаться липовой просвященным западным специалистам закулисных дел. Теперь легенда выглядела иначе — Клюгте «арестовывается», ему предъявляется страшное обвинение в предательстве рейха, а финансовые махинации используются лишь для официальной версии в вермахте. Далее западной разведке дают возможность разоблачить лживость официальной версии, узнать об «истинных» причинах ареста Клюгте и о том, что он до сих пор находится под следствием и содержится в западных областях Германии.

Поначалу операция показалась безуспешной, несмотря на всю фантазию рейхсканцелярии. Ожидаемой попытки организовать побег Клюгге со стороны западных разведок не последовало. Легенда оказалась замороженной. Но как только немецкой разведке стало известно, что до открытия второго фронта остаются считанные дни, Клюгте стали перевозить с места на место — в районы ожидаемой высадки союзных войск.

В последний момент удача сопутствовала гитлеровцам — Антиквар был освобожден высадившимися англо-американскими войсками.

Основной целью Клюгте был контакт со специальными службами союзников, и, к немалому его удивлению, ему не пришло затрачивать усилий на это — он сразу оказался на полуприятельских допросах у контрразведки. Продолжая, однако, сохранять хорошую «мину», Клюгте последовал легенде и «перевернул крышу». Он заявил, что на самом деле был арестован именно за махинации с антиквариатом, и лишь поэтому его оставили живым в застенках гестапо. Он намекнул, что гестапо добивалось от него адресов сокрытия драгоценностей и что эти драгоценности реально существуют.

Однако тут ему пришлось удивиться вторично. Контр-

разведка не без интереса отнеслась к его намекам о скрытых им ценностях, но оказалась совершенно безразличной ко всем остальным моментам столь тщательно проработанной легенды. Можно было решить, что ее не интересует истинное лицо Клюгге и вполне достаточно его принадлежности к гестапо.

Теперь уже намекали ему — говорили, что его будущее целиком зависит от степени этой принадлежности. Причем, чем выше степень, тем счастливее его судьба.

Контакт креп, и Клюгге не мешал этому.

Все это произошло значительно позже. А в 1943 году, после ареста Клюгге по секретному циркуляру из рейхс канцелярии Гиммлера, Дитрих Киршке оказался в весьма щекотливой ситуации.

Он не был посвящен в большую игру, но прекрасно понимал ее смысл, был убежден, что порученное ему расследование финансовых злоупотреблений Клюгге на самом деле не более чем фарс. Однако никто не ждал от него подобной проницательности, и все формальности расследования должны были не только соблюдаться, но и доказать вину арестованного.

Опять на горизонте у Киршке появился Карл Фрейнд — как один из сотрудников конторы Клюгге. Но теперь Киршке был особенно осторожен. Он не только знал, что Карлу покровительствует абвер, но и не имел четкого представления о действительных связях Карла с Генрихом Клюгге, о его истинной роли в «антисоветской» истории, о том, какие полномочия оставил Фрейнду бывший хозяин конторы.

Киршке чувствовал, что фиктивное расследование может закончиться для него большими служебными неприятностями. Надо было решить, как приступить к этому делу, и гестаповец направился за консультацией к Фрейнду.

Значительно более любезный, чем обычно, он застал Карла за ликвидацией дел конторы.

— Сворачиваете фирму? — спросил Киршке, поздоровавшись.

— Да, — ответил Карл. — Нужно срочно отправить все документы в Берлин.

— Я в затруднительном положении, — сказал гестаповец. — Мне поручено расследование дела Клюгге, и, очевидно, я должен ознакомиться со всей этой документацией.

— В таком случае вам придется предъявить мне предписание из Берлина,— сухо сообщил Карл.

— Вы готовы подождать, пока я получу его?

— Документы должны быть отправлены сегодня.—
Карл был подчеркнуто официален.

— Вы знаете, Карл,— Киршке усился поудобнее,— я думаю, нам следует найти другой язык в этом вопросе. Вы, наверное, сами понимаете, что дело неординарное. Как бы мы оба с вами не наделали ненужных ошибок... В то же время сообща мы скорее и пришли бы к истине, и оградили бы себя от лишних осложнений.

— К сожалению,— отвечал Карл,— моя истина выражается только юридическими формулировками дел конторы. Дальше мои функции не распространялись, и вряд ли я смогу быть полезен вам. Нарушать же приказ о скорейшей высылке документов не могу.

— А как вы считаете,— Киршке старательно не замечал сухости Карла,— есть ли вообще необходимость... я говорю о себе... знакомиться с вашей частью работы? Может быть, мне достаточно ограничиться бухгалтерией и связями Клюгге?

— Боюсь, что вы ждете совета от дилетанта,— несколько мягче сказал Карл.

— Но ведь вы юрист,— напомнил Киршке.

— Моя специализация достаточно узка и не пересекается со сферой вашей деятельности.

— Я не мешаю вам? — вежливо поинтересовался Киршке.

— У меня есть четверть часа свободного времени.

Этот ответ был совсем уж нелюбезен, и Киршке криво усмехнулся:

— Вы старательно убеждаете меня в своей неприязни ко мне. Я мог бы рассчитывать на иное отношение... Но сейчас не в этом дело. Я действительно обращаюсь в Берлин, и при необходимости мне дадут доступ к вашим хартиям. Вы напрасно думаете, что это дело чревато последствиями только для меня. Вы ведь долгое время были сотрудником Клюгге...

Карл прервал гестаповца:

— Я считал, что вы отучились пугать меня. Если это не так, то дальнейший разговор мы поведем в присутствии какого-нибудь третьего лица.

Киршке долго молчал.

— Хорошо,— сказал он наконец.— Вы правы, с вами

лучше быть откровенным. Мне не нужна ваша документация. Ее фотокопии давно лежат у меня на столе, как и фотокопии бухгалтерских ведомостей. Там достаточно материала для доказательства финансовой нечистоплотности конторы. И никакого материала против вас. Но в мой отчет о расследовании я должен буду включить... ну, назовем его так... интервью с вами. И я не уверен — надо ли проводить его при свидетелях...

— Простите, Дитрих,— Карл позволил себе фамильярность,— у меня действительно сейчас мало времени. Если мы отложим эту беседу хотя бы на послезавтра, я буду к вашим услугам.

— Это меня устраивает,— обрадовался гестаповец.— Встретимся послезавтра.

Карл брал эту отсрочку в основном потому, что на другой день у него была назначена встреча с Вознесенским. Поведение гестаповца вызвало у Истинного мысль о том, что в ответ на согласие помочь ему в щепетильном деле можно будет потребовать каких-то услуг. Но брать на себя решение этого вопроса он не мог и хотел сначала получить инструкции от Николая Николаевича.

Каждый раз, идя на встречу, Карл был предельно осторожен. Он пользовался проходными дворами, пустымыми улицами, неизменно стараясь обнаружить возможную слежку. Лишь убедившись в ее отсутствии, Истинный шел на конспиративную квартиру или к скамейке в парке, где Вознесенский, как правило, уже поджидал его. Карл восторгался умением Николая Николаевича менять свой внешний вид. Диапазон ролей Вознесенского был действительно велик — от заезжего коммерсанта до чернорабочего.

На этот раз они встретились в уже знакомой Карлу пошивочной мастерской, где немногословный хозяин оставил их наедине друг с другом в задней комнате.

Карл подробно рассказал о визите Киршке. Вознесенский задумался.

— Вообще-то,— размышлял он,— этот сукин сын достоин просто пули. Заставить его работать на себя, конечно, не удастся. Но было бы неплохо держать его на крючке.

Они обсудили вариант, на который Карл должен был пойти лишь при абсолютно благоприятном стечении обстоятельств. Впрочем, к этим обстоятельствам гестаповца

подталкивало его двусмысленное положение в деле Генриха Клюгге.

В установленный час Киршке позвонил Фрейнду и пригласил его к себе. Карл не любил бывать в гестапо, однако не нашел причины отказаться.

Киршке встретил его на пороге, едва не обнял, провел не к столу, а к дивану в дальнем углу кабинета, усадил Карла и сел сам.

— Сразу один вопрос,— сказал он, улыбаясь.— Простите, но задавать вопросы стало чертой моего характера. Вы советовались с гауптманом Розеном перед тем, как прийти ко мне?

— Нет,— ответил Карл.— Гауптман Розен в отъезде.

Киршке остался доволен этим:

— Пожалуй, это к лучшему. Советую вам иметь свои маленькие тайны от гауптмана.

Как всегда, добившись чего-то — в данном случае согласия Карла на встречу,— гестаповец становился наглее. Сейчас в интересах Фрейнда было не заметить этого.

— У нас будет очень серьезный разговор,— продолжал Киршке.— И вы наверняка согласитесь с тем, что он должен остаться между нами. Я уже, кажется, доказал вам свою готовность быть предельно откровенным. Сегодня вы убедитесь в ней еще больше. Дело в том, что я абсолютно не знаю, до какой степени надо доводить виновность Генриха Клюгге. И мне кажется, что вы тоже должны быть небезразличны к ее размерам.

Карл стал сосредоточен, словно давал понять, что такая ситуация не исключена.

— Я не ошибаюсь? — спросил Киршке.

— Как вам сказать...— Карл демонстрировал некоторую нерешительность.— Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

— Однако вы более осторожны со мной, чем я с вами.— Киршке нравилось начало разговора.— Должен признать, что это объяснимо. Но вернемся к той стороне вопроса, где наши интересы могут сомнуться. Сформулируем более точно. Не лучше было бы, если бы оказалось, что прегрешения Клюгге не очень велики?

— Почему это будет лучше для меня? — спросил Карл.

— Это свело бы к минимуму ваши возможности знать о них,— ответил Киршке.— Иначе резонно выяснить, по-

чему вы, догадываясь о махинациях шефа, закрывали на них глаза.

— А если я не догадывался о них в любом случае?

— Придется выяснить — так ли это.

— Ну и что же? Выясняется, что не догадывался.

— Вы упрямы, Карл,— сказал Киршке.— Напомню, что вы оформили, по крайней мере, одну дарственную от человека, который погиб за полгода до этого. И вы не могли не знать о его гибели — некрологи были во всех газетах, их подписывал сам фюрер.

— Фамилии дарителей вносились не мной,— сказал Карл.— Делалось это после того, как я оформлял документы.

— Допустим, что это было именно так,— усмехнулся Киршке.— Но ведь этого не докажешь.

— Все мои денежные счета известны начальству,— сопротивлялся Карл.— Нетрудно убедиться, что я не получал от конторы ничего, кроме заранее оговоренных гонораров.

— Звучит наивно,— сказал гестаповец с той же усмешкой.— Вовсе не исключает ваших устных договоренностей с Клюгге на будущее.

— Что вы хотите от меня? — «озабоченно» спросил Карл.

Киршке ответил не сразу. Поднялся, прошелся по кабинету:

— Мне нужна информация о наиболее крупных сделках конторы. Хочу предупредить ваше утверждение о том, что вы не знали истинных цифр. Мне сейчас нужны не цифры, а люди. Я определенно знаю, что вы для оформления юридического документа получали исходный документ, в котором, если и стояли заниженные суммы выплат, все же были фамилии и адреса получателей этих сумм. Ведь они лишь потом заменялись данными «дарителей»... как вы сами сказали об этом...

— У меня не было необходимости запоминать эти фамилии, — «неуверенно» ответил Карл.

— И все же они остались у вас в памяти? Не так ли? — Гестаповец был готов торжествовать победу.— Буду откровенен и дальше. В моих интересах заставить некоторых из этих людей замолчать. Но вы ничего не узнаете об этом. Ваше участие в нашем общем деле закончится, как только вы назовете мне участников наиболее крупных сделок. Потом вы снова можете забыть их.

По-моему, я предлагаю вам выгодные условия. Небольшое напряжение памяти, и вы избавлены от возможной необходимости оправдываться в том, в чем никогда не были виноваты.

Теперь молчал Карл, и у Киршке должно было созаться впечатление, что он обдумывает предложение.

— Хорошо,— начал Карл.— Но, услышав одну из фамилий, вы потребуете вторую, потом третью... И это может продолжаться до бесконечности. В результате я окажусь самым осведомленным человеком в конторе и, лишившись какого бы то ни было алиби.

— Ну что ж,— сказал довольный Киршке,— во-первых, я рад, что вы хотя бы косвенно подтвердили надежность своей памяти. Во-вторых, я постараюсь дать вам гарантии. Сейчас вы напишите показания, в которых вашей и моей подписью будет скреплена неосведомленность Карла Фрейнда в каких-либо закулисных сделках Генриха Клюгге. А потом вы в добавление к этому документу частным образом назовете мне фамилии. И у меня не будет никакой возможности утверждать, что я получил их от вас. Устраивает?

— Может быть...— неопределенно ответил Карл.

— Что еще беспокоит вас? — спросил гестаповец.

— Я думаю, не ограничиться ли нам протоколом моего допроса, в котором моя и ваша подпись подтвердят мою неосведомленность в делах Клюгге.

— Ну, это называется — начинать все сначала! — Киршке не сдержал раздражения.— Вынужден напомнить вам о дарителе из загробного мира.

— Я помню о нем,— сказал Карл.— И думаю о том, что этот факт не исчезнет в результате нашего слова.

— Ваши предложения по этому поводу? — спросил гестаповец.

— Хм... — улыбнулся Карл.— Ваша виза на уничтожение указанного документа по причине его испорченности в результате небрежного хранения.

— А вы крючкотвор! — рассмеялся Киршке.— Но я готов заплатить эту плату.

После оформления оговоренных документов — протокола допроса Карла Фрейнда и акта на списание дарственной — Истинный назвал Киршке одного из основных поставщиков конторы. Речь шла о Павле Пономареве, руководителе церковной общины в городе Половце, старом агенте гестапо, который именовал себя московским

профессором, бежавшим от Советской власти, проявил действительное знание богословия и был признан служителями культа — из тех, кто оказался одновременными служителями фашизма, — своим вожаком.

Церковные каналы позволяли Пономареву щедро обеспечивать контуру антиквариатом, и за это Клюгге платил ему не только деньгами, но и покровительством, которое Пономарев опять-таки обращал в банкноты. Информация о нем не привела Киршке в восторг, но размеры сделок, на которые гестаповцу намекнул Карл, требовали выяснения обстоятельств. Тем более что другие фамилии, которые «вспомнил» Фрейнд, либо были связаны с малыми суммами, либо находились вне предела досягаемости Киршке.

Дитрих Киршке решил выехать в Полоцец.

Наводя справки в местном отделении гестапо, он понял, что какие-либо преследования Пономарева нежелательны — список заслуг этого деятеля перед рейхом был значителен. Все-таки он настоял на личной встрече с руководителем церковной общины.

Пономарев явился к нему в назначенное время, улыбающийся, приглашающий руками редкие волосы.

— Чем могу быть полезен столь высокому начальству?

Киршке сразу взял быка за рога:

— Вы состояли в деловых отношениях с Генрихом Клюгге?

— Впервые слышу эту фамилию. — Пономарев покачал головой.

— Не уверен в этом, — сказал гестаповец и положил перед богословом фотографию. — Узнаете?

Пономарев пожевал губами, счел за лучшее признаться:

— Я несколько раз видел этого человека.

— Может быть, вам показать копии документов на продажу антикварных изделий, которые ранее принадлежали церкви? — спросил Киршке, знаяший, что Пономареву неизвестно об уничтожении этих актов.

Но Пономарев огоршил его:

— Покажите.

— Хорошо. В свое время покажу, — пообещал гестаповец и перечислил несколько предметов, купленных Клюгге. Это подействовало.

— О господи! — взмыпался Пономарев. — Совсем па-

мять отшибло. И правда, я кое-что продавал ему. Общине были необходимы деньги. Однако он просил меня держать наши дела в тайне.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Киршке. — Поскольку они в конце концов довели его до ареста. А теперь мы ищем его сообщников.

— Да какой же я сообщник? — изумился богослов. — Продал кое-что по необходимости и с ведома церковного совета. Кое-что из личных вещей продал. Вот и все.

Перед Киршке стояла нелегкая задача — Пономарев должен был навсегда забыть о произведенных сделках, а ликвидировать его пока что не представлялось возможным.

— К сожалению, у вас слишком хорошая память, — сказал гестаповец.

— Исключительно по вашему приказу, — оправдался богослов.

— Мой приказ может оказаться не последним.

— Воля божья. — Пономарев развел руками.

— Заставить вас молчать я могу без помощи бога, — пригрозил Киршке, в ответ на что богослов только вздохнул, очевидно, уверенный в неисполнимости угрозы. — Но сначала меня интересует вся правда ваших отношений с Генрихом Клюгге. Вся! Вы поняли?

— Куда уж яснее, — сказал Пономарев.

— Вы представите мне все квитанции на проданные вами вещи, — начал было Киршке.

Но богослов прервал его, сообщив с каким-то удовольствием:

— Квитанций, однако, не было. Мне никаких документов на сей счет не выдавали. Были, наоборот, мои расписки. То есть я давал расписки в том, что мною получена такая-то сумма за такую-то вещь.

— Печально, — сказал гестаповец. — Для вас печально.

— Да ведь как сказать, — улыбнулся Пономарев с хитрецой. — Оно было бы печально, если бы я умом не раскинул. А после того как раскинул, стал я под скатерть лист бумаги подкладывать, а в нем копировальную бумагу. Пишу расписку, а у меня, значит, ее дубликат остается, о котором господин этот, — он кивнул на фотографию, — естественно, знать не знал. Вот эти дубликаты я вам предъявить могу.

Киршке посмотрел на богослова с уважением.

— Уведомили бы меня раньше,— продолжал тот,— я бы их с собой захватил.

— Сейчас мы пошлем за ними,— сказал гестаповец.

— Послать можно только меня,— возразил Пономарев.— Без меня никто не найдет. Если пожелаете, составите мне компанию.

Вдвоем они пришли в просторный, но внешне скромно обставленный дом Пономарева, и богослов, сняв оклад одной из икон, вынул пачку перевязанных бумаг. При этом он объяснил:

— Осторожность необходима. Кто другой подорвателься мог. Иконка-то заминирована.

Киршке бегло перелистал расписки — сразу стало ясно, что Пономарев получил сотую часть от оценочной стоимости антиквариата.

— Теперь снимите со стола скатерть,— приказал гестаповец,— чтобы у вас не возникло желания оставить себе дубликат и этого документа. Садитесь и пишите.— Он стал диктовать: — Я... поставьте после запятой имя, отчество и фамилию... пожертвовал во имя победы рейха золотых изделий и других антикварных ценностей на общую сумму двадцать тысяч марок...

— Я получил двести тысяч,— поправил Пономарев.

— Пишите, что вам говорят! — прикрикнул Киршке.— ...Золотые изделия и ценности принял от меня офицер доблестного вермахта, предъявивший мне документы, удостоверяющие, что он является обер-лейтенантом Томасом Обстом. Он же передал мне указанную сумму в присутствии Альберта Оковича, фельдфебеля Белля и Марии Скраповой.

— Я не знаю этих людей,— сказал богослов.

— Пишите! — еще громче крикнул Киршке, и Пономарев подчинился.— ...В чем присягаю, и — подпись.— Гестаповец взял расписку, заключил: — Вот так теперь будет выглядеть версия ваших торговых дел. Любое отклонение от нее — и я обвиню вас в клевете. Ясно?

— Все понял,— заверил богослов.

Теперь Киршке мог доложить начальству, что при расследовании деятельности конторы Генриха Клюгге крупных финансовых злоупотреблений не обнаружено, мелкие же рассмотрены им и не представляют интереса. Он был убежден, что именно такого отчета ждут от него в Берлине. Он понимал, что должен был дать такой отчет в любом случае. Но если уж ему следовало умол-

чать о больших прегрешениях Антикова, то лучше, если от них не останется следов: тогда никакая вторичная проверка не бросит тени на Дитриха Киршке.

В хорошем настроении он явился в офицерскую гостиницу, где снял отдельный номер, открыл дверь и... увидел на коврике подброшенное письмо.

Закрыв за собой дверь и заперев ее, Киршке снял китель, даже выпил воды, поглядывая на конверт и не поднимая его. Настроение портилось. В предчувствии недоброго гестаповец сел в кресло, гадал — какой сюрприз ждет его на листке бумаги. Потом поднял и вскрыл письмо — послание было длинным.

«Господин начальник,— писал аноним,— поскольку вы проявили интерес к выжиге Пономареву, то уж разберитесь в нем как следует, а то ведь он кого хотите вокруг пальца обведет. Полгода назад совершил он неслыханное безобразие, продав за три миллиона марок человеку из Минска (далее шел словесный портрет Клюнге) ниспосланную православной церкви явленную икону Богоматери Суржской в золотом окладе с бриллиантами. При этом один бриллиант был им выковырян из оклада — на всякий случай, для доказательства какого-нибудь, может быть, в будущем ему необходимого. Если выжига Пономарев станет отрекаться от этого своего безобразия, то обратите внимание, что в Сретенской церкви выставлена подделка под Богоматерь Суржскую, а один бриллиант в подделке — тот самый, изъятый из истинной иконы. Если уж нет возможности вернуть явленную икону по принадлежности, то хотя бы накажите выжигу за его богохульство и откажите ему от места в церковной общине, занятое им обманом и краснобайством. Я человек добропорядочный, новый порядок мною принят сразу, и в действиях против него я не замечен, так что верьте мне, господин начальник. А если мало вам моих доказательств, то задайте выжиге Пономареву вопрос, где он прячет золотое распятие из той же Сретенской церкви. А еще лучше — вскройте фамильный склеп купца Самойлова на десятой аллее кладбища, там вы много кое-чего найдете из секретов Пономарева, которые он охраняет с помощью своих людей, прикидывающихся богомольниками, а на самом деле они — слуги выжиги и антихриста, а по замашкам — бандиты. Верный вам, но не подписываюсь, боюсь — мало ли чего».

Такого поворота Киршке ждал меньше всего. То, что

о сделках Клюгге с Пономаревым известно не желающему молчать лицу, ставило крест на его стараниях. Выявление анонима представлялось маловероятным, и все же Киршке попытался сделать это.

За первыми сведениями, не объясняющими существа дела, гестаповец обратился к Пономареву. Богослов довольно быстро и охотно назвал своих возможных врагов из числа церковных старост, среди которых оказался и староста Сретенской церкви.

Названных Пономаревым лиц приводили к Дитриху Киршке по очереди, и все они говорили о богослове примерно одно и то же.

Первый:

— Хороший человек Павел Александрович, однако деньги так любит, что превыше всего ставит.

Второй:

— Человек обстоятельный, прижимистый, своего не упустит.

Третий:

— Если бог позволяет на себе заработать, отчего же... Я так поступать не стану, но зачем мне другого судить? Разве что в личном плане...

Последним ввели старосту Сретенской церкви. Он оказался старичком с плутоватыми глазами. Очень волновался, время от времени суетливо потирая руки, а потом оглаживал ими бороденку.

— Вы знакомы с Павлом Пономаревым? — спросил Киршке.

— Имею честь.

— В дружбе вы с ним или ссоритесь?

— С начальством ссориться — против ветра плевать.

— Что бы вы могли о нем сказать?

— Все, что мог бы, неоднократно и добросовестно докладывал шефу фельдполиции зондерфюреру Майзенкампфу... извините — господину Майзенкампфу.

— Ваши коллеги, — подтолкнул Киршке старичка, — говорят о страсти Пономарева к деньгам.

— Оно, может, и так... как прикажете.

— Вы замечали эту страсть?

— Как прикажете.

— Послушайте, — Киршке поморщился, — вы давайте, как на духу, как перед богом. — И крикнул: — Ясно!?

Старичок тут же подобрался, мелко перекрестился и отчетливо произнес:

- Выжига!
- Что, что? — переспросил Киршке.
- Выжига он, наш достоинственный Павел Александрович Пономарев. И своего не упустит, и мимо чужого не пройдет.

Киршке хорошо помнил, что это малознакомое словечко «выжига» было и в письме. Он вынул из кармана конверт, показал его старосте:

- Вы писали?

Староста всмотрелся в бумажный листок, покачал головой:

- Почерк не мой, да и давно я писем не писал.
 - Значит, кто-то писал под вашу диктовку?
 - Извините, господин начальник, не пойму я вас...
- И обращение было такое же, как в письме.
- Здесь Пономарева называют выжигой, — сказал Киршке.

— Вот, значит, что... — Староста отер бороденку. — Однако должен объяснить, если мне что доложить надо, так я прямо к господину Майзенкампфу, и — устно. Писем не пишу.

Киршке чувствовал, что стариk говорит правду. Он спросил:

- Что вы знаете о склепе купца Самойлова?

— Так что ж о нем знать? — сказал староста. — Он и не склеп, почитай. Одни стены, без захоронений, так только называется. Мы в нем общинный склад организовали. Барахлишко, керосин держим.

- Под какой охраной?

— Городская полиция охрану выделяет. Дежурят круглосуточно. Иначе нельзя, — стал объяснять староста. — Иначе непременно разворуют.

Показания старосты начинали расходиться с содержанием письма.

— В вашей церкви висит икона... — Киршке заглянул в письмо. — Явленная икона Богоматери Суржской?

- Имеет, однако, место.
- Какова ее стоимость?
- Иконы, извините, не оцениваем.
- У нее золотой оклад с бриллиантами? — продолжал спрашивать Киршке.
- Оклад, естественно, позолоченный, а бриллианты — это преувеличение. Для изящества оклад стеклом оформлен.

— В последнее время икона не пропадала из церкви? Староста вздохнул:

— Пропадать не пропадала... Однако Павел Александрович ее для домашней службы брали. А это, конечно, грех. И для прихожан неприятность, и для церкви. Ну да ведь... Они — начальство.

— Кто кроме вас знал о том, что Пономарев брал икону?

— Кто ж знал? Никто знать не должен был, кроме нескольких человек. Однако — тротуарное радио... оно далеко разносит.

В гостиницу Киршке пришел раздраженный и недовольный собой — ему никак не удавалось связать в одну цепочку полученную информацию. Поэтому новое письмо на коврике комнаты даже обрадовало гестаповца.

Тем же почерком было написано:

«Господин начальник! Я все перебираю в памяти свое послание к вам, так вот — боюсь, может, что не так написал или непонятно, а дело важное. И решил я открыться перед вами. Для этого, сделайте милость, придите сегодня ввечеру в офицерскую баню, в общее отделение, дальняя полка у окна будет свободна, как бы банщикам нужная, но вы располагайтесь. Тут я и найду вас, и мы встретимся, и я надеюсь быть вам полезным. Пока что не подписываюсь — мало ли чего».

Вечером Киршке отправился в общее отделение бани, разделся в полукабинке — тесном помещеньице с фанерными стенами, но без дверей — и отправился в мыльный вал.

Пространщик, выждав несколько минут, в течение которых Киршке устроился на указанной в письме полке, взял щетку, китель и брюки гестаповца и пошел в закуток, где занялся чисткой одежды. Одновременно он тщательно проверил содержимое карманов Киршке и, оставшись явно разочарованным, заторопился, вернул одежду на место, а сам спустился к выходу из бани, где неопределенно помахал рукой молодой женщине.

Еще через несколько минут другая молодая женщина в форменном фартуке горничной гостиницы обратилась к дежурной по этажу:

— Маша, дай мне ключи от четырнадцатого. Господин ушел, убрать надо.

Потом она вошла в комнату Киршке, заперла за собой дверь и прежде всего осмотрела портфель гестаповца.

Никаких ценных бумаг в нем не оказалось. Мы ориентировали разведчицу на поиски документов, связанных с письменными обязательствами Пономарева. Не исключались, конечно, и другие варианты.

Молодая женщина осматривала комнату согласно полученной инструкции — разбив ее на маленькие квадраты. Время подгоняло ее.

Наконец она поняла, что поиск безрезультатен, остановилась посреди комнаты и случайно подняла глаза к портрету Гитлера. Новая догадка вернула ей решительность.

Встав на стул, женщина сняла портрет со стены и увидела, что картонка сзади топорщится. Она довольно легко вынула из-под картонки плотную пачку бумаг. Убедившись, что на каждой из них стоит подпись Пономарева и, значит, обнаружено то, что нужно, она тут же вышла из комнаты, заперла дверь, вернула ключ дежурному по этажу, сняла неторопливо фартук и затем быстро покинула гостиницу.

Через полчаса бесплодного ожидания Киршке наско-ро ополоснулся под душем и едва не бегом бросился в гостиницу. Худшие его опасения сбылись — расписок Пономарева на месте не было.

Еще не думая о последствиях, гестаповец пытался сообразить, где он совершил решающую ошибку. Вчера у него была мысль уничтожить расписки Пономарева, но он отклонил ее, полагая, что они могут пригодиться в будущем. Так же он отклонил свое намерение хранить эти бумаги в сейфе местного отделения гестапо — шеф этого отделения мог оказаться излишне любопытным, а Киршке не хотел увеличивать число посвященных.

Гестаповец понял, что его ошибка заключалась в том, что он не учел возможности игры с ним, которую организовала разведка противника. Он подумал, что лишь два человека могли стоять у начала этой игры — Карл Фрейнд или Пономарев. Но уже не однажды убеждавшийся в необоснованности своих подозрений к Фрейнду гестаповец рассудил, что, во-первых, у Карла было слишком мало времени для этой акции, во-вторых, Карл ничего не знал о его поездке в Полковец, а в-третьих, и это, пожалуй, главное, Карлу ни к чему были расписки Пономарева, да и тому же он просто не мог о них знать.

Оставался богослов. Киршке понимал, что правду у него можно вырвать только в тюрьме, но там правда бы-

ла не нужна гестаповцу. Убрать Пономарева труда не представляло — выстрел в спину, и концы в воду. Но похоже, этого делать не следовало. Автор писем был опаснее богослова, и лишь богослов при надобности мог опровергнуть его показания.

Свою злость Киршке сорвал на шефе местного отделения гестапо:

— Обер-штурмфюрер! У вас в городе хояйничают партизаны!

— Так точно! — Тот стоял навытяжку.

— Что значит — так точно?! Вы понимаете, что говорите?!

— Так точно. В городе катастрофическое положение. Но мои просьбы о помощи остаются без ответа.

— Я знаю о ваших просьбах, — жестко сказал Киршке. — Но мы попробуем иным способом исправить положение.

Уже в Минске гестаповец долго сидел над отчетом о расследовании дела Клюгге. В конце концов он добился обтекаемых форм своего изложения:

«При выяснении обстоятельств оказалось, что нарушения финансовой дисциплины в антиварной конторе Генриха Клюгге значительно преувеличены, вызваны они неизбежной спешкой в известной обстановке и не выражаются крупными суммами. Лишь два случая требовали детального рассмотрения. Причиной первому явился испорченный в результате хранения документ (последний уничтожен согласно акту о списании), в котором шла речь о незначительном подарке лица, оставшегося неизвестным. Причиной второму — отсутствие документов на сделки с руководителем половецкой церковной общины Павлом Пономаревым. На месте удалось выяснить, что таких сделок вообще не было, поскольку Пономарев пожертвовал ценности общины и личные в фонд рейха через обер-лейтенанта Томаса Обста в присутствии понятых и в их же присутствии получил вознаграждение в размере двадцати тысяч марок от Обста».

Дальше Киршке квалифицировал преступление Генриха Клюгге как незначительное и вызванное не корыстью, а некоторой халатностью и неумением вести коммерческие дела.

Гестаповец полагал, что Пономарев всегда подтвердит эту информацию, и угроза маловероятного обращения анонима в более высокие инстанции таким образом сво-

дились к нулю. При этом он объяснял действия людей Пономарева, выкравших у него бумаги, исключительно желанием богослова вернуть себе расписки. От шефа половецкого отделения гестапо Киршке знал, что Пономарев большой мастер закулисных дел.

Ход мыслей Киршке мы предполагали. Нам казалось, что мы предусмотрели и дальнейшие события, тем более что в ближайшее время сами поторопили их, отправив Пономареву одну из расписок с предупреждением об ответственности за хищение народных ценностей. По нашим расчетам, богослов должен был тут же отправиться с этим к Киршке, минуя местное гестапо, так как он не знал, насколько оно информировано о его отношениях с минским начальством.

Однако дело приняло неожиданный оборот. Пономарев действительно отправился в Минск, но не к Киршке. Он нашел способ разузнать адрес сотрудника антикварной конторы Карла Фрейнда и явился прямо к нему.

— Моя фамилия Пономарев,— начал он еще с порога в ответ на недоумевающий взгляд Карла.— Я из Полевца. Профессор Пономарев. Ведаю с одобрения властей городской церковной общиной.

— Чем могу быть полезен? — спросил Карл, начиная понимать, какой характер принимают события.

Богослов с пущной обстоятельностью изложил историю их взаимоотношений с Клюгге, визит к нему Киршке, повторив в деталях все, что касалось расписок, наконец, сообщил о предупреждении партизан.

— Мне непонятно, господин офицер,— заключил он,— как могли документы, отданные мной представителю гестапо, оказаться в руках бандитов. Может быть, в этом кроется не только опасность для меня, но и большое преступление против рейха. Либо... я этого тоже не исключаю... меня просто проверяют.

— Почему вы пришли с этим ко мне? — спросил Карл.

— К кому же еще мне идти? — вздохнул Пономарев.— Только вы сможете внести настоящую ясность при расследовании этого дела.

— Я и внесу ее,— сказал Карл.— Как только это расследование начнется. Но почему вы пришли до него?

— Жареный петух клюнет,— снова вздохнул Пономарев,— начнешь искать заступников.

— Мне кажется, вы значительно осложнили свое положение.— Карл поднялся, давая понять, что заканчивает

разговор.— Вам, так или иначе, придется идти в гестапо. Но теперь вы расскажете там и о визите ко мне. Не думаю, что вас за него похвалят.

— Я мог бы значительно отблагодарить.— Пономарев выкладывал последний козырь.— Очень значительно...

— Я офицер рейха! — прервал его Карл.

— Пообещайте мне не отказываться от меня при расследовании,— взмолился Пономарев.

— Без всяких обещаний в случае необходимости я скажу лишь то, что знаю. Прощайте.

Богослов уходил, пятаясь.

Киршке пришел к Фрейнду тем же вечером.

— Вы, конечно, ждали меня? — спросил он, вяло улыбаясь.

— Не исключал, что вы придетете.

— Кто бы мог подумать, что этот кретин явится к вам, а не ко мне.

— Действительно — кто бы мог подумать.— Карл улыбнулся.

— Улыбаешься,— сказал Киршке, садясь к столу.— Считаете, что теперь я у вас в руках? Так?

— По-моему, я не давал повода оскорблять меня,— ответил Карл.

— И все-таки... и все-таки... Вы никому не рассказывали обо всем этом?

— Еще нет. Но расскажу.

— Розену?

— Да, ему,— подтвердил Карл.

— Хотите иметь свидетеля на случай, если я поступлю с вами неблагородно? Вы ведь этим тоже оскорбляете меня. Разве я способен убить вас?

— Оставим этот разговор,— сказал Карл.

Киршке сокрушенno покивал, постучал пальцами по спинке стула:

— У меня к вам просьба. Клянусь, что последняя. Вполне вероятно, что меня скоро отзовут отсюда, и я перестану раздражать вас. Так вот. Сделайте одолжение, расскажите Розену обо всем... кроме того, что расписки оказались у партизан.

— А потом Розен узнает об этом от вас? — усмехнулся Карл.

— Если и так,— сказал Киршке,— то вам это ничем не грозит. Эти сведения находятся вне служебной сферы гауптмана. Вы ведь могли переадресовать Пономарева

гестапо и до того, как он закончил свою исповедь. Никто не докажет обратного. Даже мне сейчас вы можете сказать, что ничего не знаете об этом.

— Как это могло произойти? — спросил Карл.

— Привыкли к моей искренности? — Киршке помолчал. — Я оказался болваном. Уверяю вас, что подробности неинтересны. Вы выполните мою последнюю просьбу?

Довольный тем, что Карл, по крайней мере, не возражает, и считая, что он уже добился чего-то, гестаповец, как всегда, тут же обнаглел:

— Но это только полпросьбы, Карл. Вторая половина проще... не беспокойтесь. Если когда-то кто-то заведет с вами разговор об этих расписках, найдите возможность продолжить его лишь после того, как предупредите меня. Договорились?

— Ради чего я должен быть столь покладист с вами? — спросил Карл.

— Ради того, что я сегодня же уничтожу все досье, которое имею на вас. — Киршке улыбался.

— Я должен поверить этому? — усмехнулся Карл.

— Должны! — радостно ответил Киршке. — Подумайте — я теперь заинтересован в том, чтобы ваша биография была чиста. В моих интересах побеспокоиться, чтобы вам нигде и никогда не задавали лишних вопросов.

— Похоже на истину, — наконец согласился Карл.

— По рукам? — спросил гестаповец. — И может быть, по рюмке коньяка?

— Дома спиртного не держу, — сухо ответил Карл.

— Ясно. — Киршке поднялся. — Я надеюсь, что со временем вы все-таки измените свое мнение обо мне. И может быть, много лет спустя мы посидим с вами за одним столом в каком-нибудь мирном ресторане. Я приглашаю вас, хотя не могу назначить точного времени и места.

— Благодарю, — сказал Карл.

Он выполнил просьбу гестаповца и рассказал Розену историю с документацией конторы, с визитом Пономарева без упоминания партизан.

Розен долго раздумывал над всем этим, потом сказал:

— Ты должен был давно посоветоваться со мной.

— Тебя не было в городе, — напомнил Карл.

— В общем, ничего опасного я в этом не вижу, — резюмировал гауптман, — хотя считаю, что тебе надо избегать любых отношений с Киршке.

Мы были далеки от мысли, что от Киршке можно

требовать большего, чем предложил он сам. Операция рассчитывалась на то, чтобы связать руки гестаповцу в случае каких-то его действий против Истинного. И конечно, мы не предполагали, что эта небольшая победа непременно даст свои плоды в будущем.

* * *

Вся эта история была восстановлена нами много месяцев спустя при разработке легенды для Игоря.

Итак, «перевербованный» Игорь должен был явиться «с повинной» в гестапо. При этом он должен был рассказать о полученном от нас задании. Это задание гестаповцы должны были связать с Минском и привлечь к проверке агента Розена. Розена, но не Киршке. Значит, суть задания должна была компрометировать Киршке. В случае вероятных очных ставок гауптмана и гестаповца у Розена должны были быть козыри, обеспечивающие ему власть над соперником. Кроме того, характер задания агента вынудил бы Розена сообщить о нем Карлу. Перстень, играя роль пароля для Карла, давал ему понять необходимость встречи с принесшим драгоценность человеком и одновременно возвращал власть над Розеном. Легенда предусматривала, что не меньшую власть над Розеном получал и Игорь, причем так, что она становилась ясной гауптману и ускользала от внимания кого-либо другого.

Легенда не исключала большого риска. Однако в ней была учтена психология времени — терпящим неудачу за неудачей абверовцам этот случай был, во-первых, малой небесной для донесения начальству, а во-вторых, ситуация напряженного ожидания краха заставляла их быть более доверчивыми, использовать любую надежду.

Это вовсе не значит, что допрос Игоря был легок. Более того, он сразу был доставлен к достаточно высокому начальству, которое все же менее, чем подчиненные, тешило себя иллюзиями и взялось за «обработку» Игоря самым серьезным образом.

— Итак,— ровным голосом говорил ему одетый в штатское человек с умными, но ледяными глазами,— вас перевербовали, вас послали к нам. Какое задание вы получили?

— Я должен был легализоваться, а потом, сославшись на недостаток опыта, попроситься в разведшколу.

— А если мы не пошлем вас в разведшколу?

— Действовать по обстоятельствам.

— И никакой связи вам не дали?

— Никакой. Сказали, что связь ни к чему. В скором времени состоится просто встреча.

— Что вы должны были делать в разведшколе?

— Тщательно запоминать внешность и повадки соучеников, чтобы в будущем принять участие в их обезвреживании.

— Хорошо,— сказал допрашивающий.— Но для легализации вы должны были явиться к нам. А ведь оставляя вас у противника, мы дали определенный приказ «ни в коем случае не покидать города Луцка. Чем вы должны объяснить невыполнение этого приказа?

— Я должен сказать, что пришел с очень важными сведениями. Исключительно важными.

— С какими? — бесстрастно поинтересовался допрашивающий.

— Сейчас.— Игорь сделал вид, что собирается с мыслями.— Вообще-то меня учили говорить сбивчиво, но я могу рассказать кратко, самую суть.

— Не нужно. Излагайте, как учили.

— Так... Сначала я должен был вспомнить, что мне было запрещено собирать какие-либо сведения до получения приказа...

— Давайте без слова «должен»,— перебил допрашивающий.— Мы же договорились — как учили.

Игорь глубоко вздохнул, начал с паузами:

— В Луцке я устроился хорошо. Мне выдали документы, а в госпитале справку о непригодности к службе... по поводу туберкулеза. Я сдал мокроту, ну... после того, как проглотил порошок, который мне оставили... Все, значит, было благополучно. Пошел на работу... Делопроизводителем в горсовет. А мой приятель устроился в бывший костел, теперь он... костел то есть... как склад работает. Хозяйственный склад. А позади костела... бывшего... кладбище. Заброшенное кладбище. Однажды я сидел там на плите, ждал, когда приятель освободится... Слышу — кто-то в кустах стонет... Подошел — человек лежит. Говорит: «Помираю». Я ему воды принес, спрашиваю: «Людей позвать?» Он отвечает: «Не надо». Я спрашиваю: «Почему?», а он говорит: «Меня лечить только пулей будут». Потом он рассказал мне, что был в ложном лагере... якобы для советских военнопленных, который должен был якобы взбунтоваться и перейти к

партизанам, а потом нанести удар по партизанам изнутри... И все это было частью операции «Нюрнберг». Но один влиятельный офицер передал этот секрет русским. А этот... умиравший на кладбище... был доверенным лицом влиятельного офицера... Офицер считал, что потом ему понадобится человек, который подтвердит русским, что именно он, офицер то есть, передал план операции партизанам. А за верность офицер подарил этому... ну, умирающему... перстень, который у меня отобрали, когда я пришел.

— Не беспокойтесь,— успокоил допрашивающий.— Перстень не пропадет.

— Ну, значит, так,— продолжал Игорь.— А потом этот офицер предал своего доверенного человека, бросил его, когда удирал из Минска, и вот тот умирал...

Неожиданно допрашивающий холодно улыбнулся:

— И вот эту басню вы должны выдавать за очень важные сведения?

— Забыл! — спохватился Игорь.— Во-первых, я должен был назвать фамилию влиятельного офицера. Это — Дитрих Киршке. А во-вторых, умирающий сказал, что он не просто отомстить хочет, он уверен, что Киршке еще много вреда принесет Германии и человек, который разоблачит его... во-первых, важное дело сделает... во-вторых, будет щедро награжден.

— Понятно,— сказал допрашивающий.— Вы должны намекнуть и на личную заинтересованность?

— Да, только намекнуть.

...Еще продолжались бесконечные допросы Игоря, а его легенда уже обсуждалась старшими офицерами агбера. Их трезвое размышление все более склонялось к тому, что советская разведка должна была сделать легенду по возможности правдоподобной, а значит, обеспечить разведчика данными, соответствующими истине. Иначе говоря, в провале карательной операции «Нюрнберг» действительно повинен Дитрих Киршке...

Ледяной взгляд допрашивающего становился все более заинтересованным.

— Итак,— спрашивал он,— больше никаких поручений вам не давали?

— Нет, но меня просили подчеркивать, что если сведения, которые я случайно получил, верны, то Киршке может принести значительный вред. В частности, он может разоблачить оставленных на освобожденной терри-

тории агентов. И вот еще что... Просили, если представится возможность, узнать о судьбе Киршке.

— Об этом вы тоже должны были сначала «забыть», а потом «вспомнить»?

— Нет.— Игорь позволил себе улыбнуться.— Я действительно забыл. Об этом было сказано мимоходом, уже перед самым отправлением меня на задание.

— А что же случилось с мифическим умирающим?

— Я должен сказать, что он умер. Что это видел также мой приятель, что мы вместе с приятелем сообщили об умершем человеке военному патрулю.

— В случае нашей проверки ваш приятель подтвердит это?

— Мне сказали — да.

— Ну а теперь все сначала! — резко сказал допрашивающий.— И — только на мои вопросы! И — коротко! Псевдоним?

— Игорь.

— Вам сменили псевдоним в советской контрразведке?

— Нет.

— Вас разоблачили как агента Германии?

— Да.

— Как это произошло?

— Я попал на перекомиссовку в госпиталь. Но здесь мне отказались давать справку и обвинили в дезертирстве. Я находился под стражей в городской тюрьме, где меня опознал бывший полицейский. Он донес на меня.

— Почему вы признались в своей принадлежности к германской разведке?

— Отпираться было бессмысленно. Я хотел сохранить жизнь.— Игорь потянулся к графину с водой, но допрашивающий убрал графин со стола.

— Вы сразу согласились на перевербовку?

— Да.

— С какой целью?

— Мне сказали, что забросят меня к вам. Я подумал...

— Отвечайте коротко! — перебил допрашивающий.— Кто готовил для вас легенду?

— Мне рассказал ее человек среднего роста в гражданском платье. Он же потом экзаменовал меня по ней.

— Сколько времени вы находились в советской контрразведке?

- Одиннадцать месяцев.
- Где вас содержали?
- В одиночной камере.

...Этот допрос длился беспрерывно более двадцати часов. Люди по другую сторону стола сменялись, но все они уже были для Игоря на одно лицо. На вопросы он отвечал почти машинально, с каким-то безразличием к возможной ошибке, но, судя по реакции допрашивающих, пока что не совершил ее.

Затем ему предоставили короткий, не более чем полчасовой, отдых, и Игорь заснул прямо на стуле. Разбудили его грубо и тут же обрушили новую порцию вопросов.

- Кто вам назвал фамилию Киршке?
- Человек, с которым я разучивал легенду.
- Кто просил узнать о судьбе Киршке?
- Он же.
- Вам дали описание внешности Киршке?
- Нет.
- Какие-нибудь другие фамилии назывались?
- Нет.
- Когда вас просили узнать о судьбе Киршке?
- Перед отправкой через линию фронта.
- Вам сказали, как это можно сделать?
- Нет.
- На этом поручении настаивали?
- Нет.
- Его повторили дважды или только один раз?
- Только один раз.
- Это было сделано мимоходом?
- Да.

...Последний ответ Игоря стал предметом особого обсуждения старших офицеров абвера. Впрочем, теперь в нем принимали участие и достаточно высокие чины гестапо.

— Давайте по порядку, — деловито рассуждал седой, измученный бессонницей гестаповец. — Если агент, имеющийся «Игорь», действительно послан разведкой противника с предложенной легендой, то это просто вызывает удивление. Мы с вами считаем, что войне осталось два-три месяца, а это значит, что противник полагает реальным еще меньший срок. Для какой цели он направляет агента, которому наверняка не удастся развернуться? Не думает же он, что через час допросов мы представим агенту действовать. Противнику должно быть яс-

но, что агент до конца войны просидит у нас за решеткой, если только мы не ликвидируем его. Значит, разумный вывод один — противнику нужно, чтобы Игорь сообщал нам легенду, и больше ничего. С этой точки зрения и нам, и противнику безразлично, кто таков Игорь на самом деле. И именно поэтому я склонен верить в искренность агента. Позже я объясню, почему нам даже выгодно верить в его искренность. Сейчас остановлюсь на другом. Противник сообщает нам о предательстве Киршке. Что это? Желание отомстить? По-моему, Киршке слишком маленькая сошка, чтобы ради этого проводить целую операцию. И поэтому я обращаю внимание на, казалось бы, второстепенную вещь. Давайте и ее считать лишь информацией, переданной нам. Суть информации в том, что противник желает знать о судьбе Киршке. Что это может значить?

В комнате воцарилось молчание. Наконец заговорил авверовец с перевязанным глазом:

— Если они бросаются агентами, это еще можно понять. Но бросаться столь дорогим перстнем... Этого я не понимаю. Тут я полностью согласен — Киршке не стоит такого перстня. И вот я думаю — а не в перстне ли все дело? Не нужно ли противнику, чтобы мы предъявили этот перстень Киршке? И тогда... смотрите, какая получается логика... Мы предъявляем этот перстень Киршке, и противник делает вид, что после этого его интересует судьба Киршке. Мой вывод — противник путает следы, на самом деле он знает судьбу Киршке после предъявления перстня. Но если Киршке не стоит таких денег, то... прошу особого внимания... значит, судьба Киршке вне опасности. Значит, этот перстень лишь подтолкнет Киршке... ну, скажем, к тому, чтобы разоблачить более высокое лицо, которое стоит таких денег. По-моему, это логично.

— А более высокое лицо... Клюгге? — предположил седой.

— Не исключено, — согласился авверовец. — И даже наиболее вероятно. В Минске Киршке все время был рядом с Клюгге.

— Если так, то это прекрасно, — сказал седой. — Значит, легенда Клюгге сработала во всех направлениях, и это поможет ему при хоть и малой, но все же вероятной встрече с советской контрразведкой. Все это действительно логично. Однако мы можем и ошибаться. Это требует от нас проверки версии. Я предлагаю поэтому не идти на

повору у противника и не начинать расследования с Киршке, на которое, казалось бы, толкает нас история с операцией «Нюриберг». Как известно, она проводилась в сотрудничестве гестапо с абвером. Давайте зайдем с другого конца — начнем с представителя абвера в операции «Нюриберг», с гауптмана Розена.

Абверовец с перевязанным глазом поморщился:

— По-моему, время нашего соперничества прошло. И сейчас не та ситуация, когда надо беспокоиться о чести мундира.

— Я руководствуюсь интересами дела, — холодно возразил седой гестаповец.

Оба подавили раздражение и сошлись на том, что до прос Розена проведет его старший коллега по абверу.

...Войдя в кабинет и едва узнав из-за повязки на глазу своего высокого шефа, Розен понял, что разговор предстоит нелегкий — шеф прикусывал губу, что было у него верным признаком крайнего раздражения. Однако голос, как всегда, не выдавал его. Пожалуй, он звучал даже мягче обычного. Но и это обстоятельство, и то, что высокий шеф начал не с вопросов, а сам подробно изложил Розену существо дела, не успокоило гауптмана. А появление в руках шефа злополучного перстня почти лишило Розена самообладания, и лишь волна отчаянной готовности к самому худшему помогла ему остаться внешне спокойным.

Розен сразу увязал подмену агента Проводника с этим перстнем и сейчас лихорадочно сообразил, кто ведет с ним игру — шеф или противник.

Нет, не шеф, решил он наконец. У шефа уже нет времени на игры. Что же нужно противнику? Он напомнил мне о Проводнике с тем, чтобы снова чего-то потребовать, думал Розен. Когда и что он потребует? Он приплел сюда Киршке. Зачем? Ни в коем случае нельзя подключать сюда Киршке! Сколько времени до конца войны? Месяц? Полгода? Какая разница?! Все равно есть лишь одна возможность — валить все на Клюгге и молить бога, чтобы Клюгге не объявился раньше времени.

— Ваше мнение? — закончив, спросил шеф.

Тут только Розен сообразил, что если шеф не играет с ним, а скорее всего не играет, то предлагает ему союз и, может быть, ждет от него той самой фамилии — Клюгге.

— Твердо могу сказать одно, — начал Розен. — Этот

перстень я видел на пальце Генриха Клюгге. Естественно, что Киршке тоже мог видеть его. Так же твердо знаю, что провал операции «Нюрнберг» объяснился недостатком общеармейских сил в районе, и все наши старания пошли прахом — в том числе напрасными оказались усилия по созданию лжепартизанского отряда. Остальное — в области предположений.

— С удовольствием выслушаю их,— сказал шеф.

Розену было трудно отвечать. Он сейчас думал о том, что этот перстень, кроме всего, и сигнал ему — требование встретиться с тем, кто принес этот перстень. Но, он думал не столь определенно, просто он понимал, что встретиться с этим человеком необходимо, иначе события выйдут из-под контроля, и тогда никакие ссылки на Клюгге не спасут Розена.

Надо было отогнать эти мысли, надо было отвечать шефу. Впрочем, шеф, кажется, был рад, что гауптман заговорил о своих подозрениях не сразу.

— С точки зрения искусства разведки,— сказал Розен,— этот ход противника довольно оригинален. Но к нему, прошу прощения, должны быть более определенные мотивы, чем те, какие выдвинул ваш оппонент. Поскольку наш лжеотряд действительно геройски погиб в боях с партизанами, я склонен считать историю с Проводником невыдуманной. В ней есть лишь одна неувязка. Проводник не был связан с Киршке. Сначала он был моим агентом, но потом я понял, что его замкнул на себя Клюгге. Вы понимаете, что в обстоятельствах того времени я вынужден был оставить свои подозрения при себе. Гестапо в соперничестве с абвером в те дни получило значительную фору, и мое непосредственное начальство было бы недовольно, выскажи я им такие бездоказательные предположения. Еще более бездоказательным будет звучать то, что я скажу вам сейчас. Генрих Клюгге любил выступать не от своего имени. Не исключено, что для Проводника он был Дитрихом Киршке.

Розен перевел дух с облегчением — он считал, что миновал главный риф на пути своей фантазии, и миновал его с достаточной убедительностью для собеседника.

— Но это еще не мотивы разведки противника, — осторожно возразил шеф.

— Остается предположить, — продолжал Розен, — что противник знал — в роли Киршке выступил Клюгге. При проверке легенды Игоря надо будет предъявить перстень

Дитриху Киршке. Тот переадресует его Клюгге. Разведка противника хочет убедиться, есть ли у нас короткая связь с Клюгге. Иначе говоря, она выясняет, где сейчас Генрих.

— Ценю ваш талант,— сказал шеф.— И считаю, что ваше новое назначение — награда именно за него. Что вы можете предложить?

— Прежде всего вывести из игры Киршке,— несколько поспешно сказал Розен.

— Почему? — быстро спросил шеф.

— Хотя бы потому,— Розен старательно замедлил голос,— что я предлагаю себя для продолжения этой операции. А в нынешней ситуации мое общение со старыми знакомыми нежелательно. Но есть и более прозаическая причина. Исключение лишнего этапа операции, то есть ускорение ее.

— В каком качестве вы предлагаете себя? — спросил шеф.

— Если Клюгге представлялся как Дитрих Киршке, то почему бы мне не представиться Генрихом Клюгге? — Розен сказал это единым духом и теперь не дышал, ожидая реакции начальства, от которой, как он понимал, зависело очень многое.

— С какой целью?

— С целью помочи Клюгге... как это ни странно. Если советскую разведку интересует, где находится Генрих, то почему бы не сбить ее со следа?

— Но это мог бы сделать и Киршке,— полуспросил шеф.

— Нет,— решительно возразил Розен,— я хорошо знал Проводника и на допросе пойму по нюансам, лжив или правдив Игорь.

— Если считать, что советская разведка придерживается истинности данной ей агенту легенды и в Луцке действительно умер человек, которого можно отождествить с Проводником,— размышлял шеф,— то какова вероятность, что мы не ошибаемся?

— Больше никто не мог получить перстень от Клюгге.

— Хорошо,— сказал шеф.— А как полученная информация дойдет до противника?

— Это уж их забота.— Розен нашел в себе силы улыбнуться.— А мы последим, как это у них делается.

...Получив разрешение на допрос Игоря, Розен не торопился с ним.

Одно дело было предложить стройную версию истории с перстнем шефу, и совсем другое — объяснить ее себе самому. В том, что расчет советской разведки оправдался и перстень настиг Розена, гауптман не сомневался.

Впервые он едва ли не изменил своей привычке — отводить все подозрения от Карла, но все же отвел их и на этот раз. Он твердо верил в то, что на пути к кладовым бургомистра встал именно Клюгге и что прав Карл, подозревая, что Клюгге вернул перстень живой Лине, чтобы снять его с мертвый. Естественным было также предположить, что Клюгге поспешил избавиться от драгоценности, выгодно ее продав. Но вряд ли он стал бы делать это на оккупированной территории — у него было достаточно других возможностей. Скорее всего он реализовал перстень в Германии.

И тут в голову Розену пришла парадоксальная на первый взгляд, но четкая и не имеющая возражений мысль: русские имеют своих союзников здесь, в центре Германии.

Нам только казалось, дразнил себя Розен, что все население Германии прочищено, что нежелательные элементы изолированы в концлагерях, а на самом деле враги фашизма находятся тут, у нас под носом. И вполне может быть, говорил себе Розен, что они все время держали Клюгге под наблюдением. И как только он исчез из поля их зрения, предприняли попытку разыскать его следы.

Игорь, думал Розен, наверняка потребует войти с ним в контакт. Ликвидировать Игоря? Но русские не дураки. У них конечно же есть дублирующий вариант. Ликвидация Игоря станет смертным приговором самому себе.

Правда, в этот раз Розен был более спокоен, чем при встрече с Головиным, — очевидно, одинаковый страх не повторяется у человека, выработанный иммунитет ослабляет его при повторении ситуации.

Ладно, сказал себе Розен, надо идти навстречу неизбежному.

...Игорь мгновенно узнал гауптмана, о котором столь много рассказывал ему Виктор. Повторяя по просьбе Розена свой рассказ, он видел, что гауптман слушает его рассеянно, и все более убеждался в правоте Виктора — Розен не глуп, он уже догадался, в чем дело, и нужно лишь с предельной осторожностью напомнить ему о Продвигнике.

Ход разговора долго не предоставлял такой возможности. Но вдруг Розен сказал:

— Кстати, Киршке никогда не имел отношения к этому перстню. Но он знал, что отношение к нему имею я. Так что Киршке оказался лишь проводником перстня ко мне. — Розен едва заметно подчеркнул слово «проводник». — Меня зовут Генрих Клюгге.

— Я понял вас, — сказал Игорь, глядя в глаза Розена и считая, что Розен по какой-то причине вынужден называться не своим именем.

— Я решил, — вновь заговорил Розен, — поблагодарить вас за то, что вы вернули мне дорогую вещь, и прошу вас сообщить об этом тому, кто вас послал.

— Очевидно, я сделаю это с вашей помощью, — сказал Игорь, не отводя взгляда.

— Может быть, — неопределенно ответил Розен и повторил: — Может быть.

Поскольку Розен сам дал понять Игорю, что догадался о цели его пребывания здесь, произнеся как пароль слово «проводник», оставалось лишь сказать еще одну фразу — сказать так, чтобы она не вызвала подозрения у возможных и невидимых свидетелей этой беседы.

— Что я должен буду делать? — спросил Игорь.

— Я думаю, что для начала вам придется пожить в каком-нибудь городке, хотя бы в этом, как частному лицу. Вы не возражаете? — спросил Розен.

— Честно признаться, — стал играть наивность Игорь, — мне действительно нужно отдохнуть. Последние месяцы моей недолгой жизни были далеко не легкими. Нервы расшатались до того, что даже этот проклятый перстень бросал меня в дрожь. Я все боялся, что у меня его просто-напросто отнимут. Мало ли — кому-нибудь приглянется, хотя бы как подарок для невесты. Ведь есть же опытные люди, которым не докажешь, что это подделка.

Розен почувствовал, что лоб у него стал влажным.

* * *

Карл ждал Розена с возрастающим нетерпением. Гауптман явился в день, когда неожиданно перестал идти дождь, и, хотя солнце так и не выглянуло, поселок чуть посветлел, чуть ожил и перестал быть сырееющим склепом с вечными потеками на стенах.

Розен вошел в домик, коротко кивнул Карлу и пригласил его на прогулку в лес. Почувствовав волнение, Карл оделся, вышел следом за гауптманом, и они молча направились к обрыву, под которым было озеро, и там, внизу, еще стояли яхты — деталь, говорящая о недавнем процветании поселка. Два года назад с кортов обычно видели лишь их паруса, казавшиеся парусами сказочного флота, теперь, подойдя к обрыву, можно было рассмотреть покривевшие оставы суденышек, жавшихся к берегу.

— Вот это мы с тобой, — сказал Розен, показывая на то, что когда-то было гордыми яхтами, и тут же поправился: — По крайней мере, одна из них я.

— Что с тобой, Отто? — спросил Карл, который до этого не решался заговорить первым.

— Кажется, весь мир в заговоре против меня. Я чувствую себя полным дураком. — Розен не поворачивался к Карлу, смотрел вниз. — Ты никому не рассказывал о том, что я взял у Лины перстень?

— Естественно, нет, — отвечал Карл, пытаясь сообразить, причем тут перстень, который должен быть ему паролем.

— Да, конечно, — Розен покачал головой, — есть ведь и другие вероятности. Например, об этом рассказала Лина. Она могла рассказать о нем Клюгге...

— Или партизанам? — с вызовом спросил Карл, уже привыкший таким образом сбивать Розена с толку.

— Не помогай мне, Карл, — сказал Розен. — Такая вероятность заведет далеко. Если Лина была связана с партизанами, то либо они должны были сами обчистить бургомистра, либо... — Наконец он посмотрел на Карла с усмешкой. — Либо и ты был связан с ними. Погоди! — перебил он попытавшегося возразить Карла. — Я ехал и думал, что после войны появится много книг о разведчиках. И в русских книгах русские разведчики всегда будут умнее наших. Какой-нибудь дотошный читатель спросит: да всегда ли так было? Ему можно ответить, что не всегда, что, случалось, и русские разведчики оказывались на бобах. Так было не всегда, но так было. И доказательство — мы проиграли войну. Ее проиграла не только наша армия, но и наша разведка. Вот и получается, что по своему типу русский разведчик умнее меня. Я не буду в претензии к русским авторам.

— Ты позвал меня на прогулку ради этой сентенции? — спросил Карл.

— Я полный дурак, — сказал Розен. — Но мне не хочется быть еще большим дураком, и версию твоей связи с партизанами я отклонил. Реальней и проще, если Лина сказала о перстне Клютге.

— И что же тогда?

— Тогда? — Розен снова смотрел вниз. — Тогда я сегодня ночью пущу себе в лоб пулю.

— Не вижу связи, — сказал Карл, а сам искал связь между упомянутым перстнем и перстнем-паролем.

— Вчера мне рассказали об одном умиравшем, который посчитал нужным исповедаться во всех своих грехах. Я решил последовать его примеру. А может быть, я еще надеюсь, что ты, выслушав меня, проявишь сочувствие и твой более гибкий ум найдет для меня иной выход.

Розен рассказывал долго — начал почти с детства, но сразу перешел к своей карьере, к ухабам и просчетам в ней, к победам, за которые его ценили, несмотря ни на что. Наконец он добрался до Минска, до своего предательства и до его продолжения здесь. Детали он прерывал философствованиями и полумолитвами, в которых обращался скорее к Карлу, чем к богу. Изложив содержание допроса Игоря, Розен умолк.

Молчал и Карл. Истинному было ясно, что Игорь пришел для связи с ним, что в Центре выбрали эту рискованную и сложную дорогу, потому что не было другой, а уж Карл-то точно знал, что другой дороги не было — слишком тщательно их спрятали в этом поселке.

Карл знал больше Розена, и ему было легче разобраться в событиях. Но нужно было разобраться и в том, как вести себя с гауптманом, как заставить Розена обезопасить Игоря и как выйти с Игорем на связь.

— Что скажешь? — с надеждой спросил Розен.

— О морали — ничего, — отвечал Карл. — Мне кажется, что перед лицом краха в войне мораль немецкого офицера претерпела большие изменения. Я не берусь судить об этом наскоро и поэтому не скажу о ней ничего. Это полностью твое дело, Отто. Тут ты сам себе судья.

— Спасибо и на этом, — усмехнулся Розен.

— Помочь тебе по-прежнему готов, — продолжал Карл. — Но сначала хочу кое в чем разобраться. Мне неясно, как информация, которую имел Клютге, попала к партизанам.

— Ты умен, Карл, но иногда ты — ребенок. Неужели ты думаешь, что Клютге сам допрашивал Лину? Ее обра-

батывал какой-нибудь болван, да еще через переводчика, и вот тебе версия — болван пошел докладывать Клюгге, а переводчик — партизанам. Мало ли партизанских агентов сидело в наших комендатурах!

— Может быть, — охотно согласился Карл. — Итак, чтобы спасти себя, ты должен спасти Игоря и, очевидно, дать ему необходимую информацию.

— Ты не совсем точен, Карл, — усмехнулся Розен. — Я рад оказаться умнее тебя. Впрочем, у меня было время обдумать все это. Игорь пришел не только по мою душу, но и по твою.

— Откуда такой вывод?

— Он лежит на поверхности, Карл. Игорь пришел с перстнем. Военных секретов уже почти не существует, он пришел не за ними. Он пришел за остальными перстнями. От нас настойчиво требуют вернуть награбленное. А тут уж слово предоставается тебе. Либо мы оба с тобой спустим курки, либо давай что-то придумывать. Я не зря сказал, что мы с тобой похожи на эти разбитые яхты.

«Ты проигрываешь не потому, что ты глупее меня», — думал Карл. — Ты считаешь, что русской разведке не нужны военные секреты, а значит, кроме драгоценностей, ей ничего не нужно. Тебе и в голову не приходит, что у русских есть более важные заботы — например, помочь немецкому народу, который выйдет из этой войны обескровленный и с тяжелым положением в экономике. Твои шефы готовятся к борьбе после войны. Тебе кажется, что русским незачем готовиться к этому — ведь они победители. А они готовятся — готовятся к борьбе с твоими шефами за твой народ. Сейчас мне на руку, что ты не понимаешь этого, Отто».

— Ну и что же? — сказал Карл. — Значит, надо искать выход.

— Что до меня, — усмехнулся Розен, — я не вижу никакого выхода. Бросаем Игоря на произвол судьбы — он раскальвается на следующем допросе. Спасаем его — он забирает наши деньги. И то, и другое для меня равноважно. Я слишком долго жил надеждой на компанию «Фрейнд и Розен». Я не готов расстаться с этой надеждой даже ради жизни.

Розен помолчал, посмотрел на часы и сказал так, что Карл поверил в принятое Розеном решение:

— У меня... или у нас... как хочешь... есть восемь ча-

сов времени. — Он зло сверкнул глазами. — После этого мой мозг будет отдыхать.

«Не знаю, как после этого, — подумал Карл, — но сейчас я заставлю тебя поработать. Уж если ты даешь мне так мало времени, то ты будешь помогать мне. Что касается драгоценностей, то я найду продолжение этой басни. А вот вызволить Игоря — это уж по твоей части, Розен, тут ты дашь мне ферзя вперед и выиграешь партию».

Они шли по раскисшей, покрытой опавшими листьями тропе. Озеро осталось позади, теперь вокруг был лес, в котором — они знали — вслух не говорят. Карлу надо было задать вопрос, и он повернулся назад.

— Ты куда? — спросил Розен, очнувшись от своих глубоких дум.

— Боюсь промочить ноги, — сказал Карл и пошел быстрее.

Розен тоже заторопился, очевидно, решив, что Карлу что-то пришло в голову. Обоим не хотелось идти туда, где они стояли только что, — это тоже могло стать предметом для подозрения и у обитателей поселка, и у невидимых наблюдателей едва ли не каждого их шага. Они пошли к деревянной лестнице, по которой раньше спускались к воде яхтсмены, а теперь она прогнила и была непригодна.

— Отто, — продолжил разговор Карл, — ты сказал мне очень много. Но ты знаешь, я люблю полную ясность, только тогда я умею что-то решить. Чем мы заняты здесь, Отто?

— Ну хорошо, — согласился Розен. — Хотя это не имеет никакого отношения к нашему делу. Но разницы теперь нет, я действительно сказал тебе очень много. Впрочем, может быть, сейчас я скажу тебе еще больше. — Он все-таки сомневался, поглядывал на Карла, который слушал его спокойно. — Очень скоро Германию будут рвать на куски, и тогда мы понадобимся. Мы очень понадобимся. Потому что у нашего начальства есть свои представления о том, кому и что должно достаться. При дележе без нас не обойтись, вот нас и берегут от бомб и пуль, Карл. Но чем это поможет нам в данном случае?

— Еще не знаю, — сказал Карл. — Просто мне понадобилось заглянуть в будущее. Я не думаю, что Игорь пришел за драгоценностями. Он просто не сможет унести

их на себе. Он пришел за документацией. И тут мы, во-первых, можем потянуть время, а во-вторых...

Розен слушал с интересом и, как только Карл замолчал, повторил:

— Ну!

— Ты говоришь, он молод, — сказал Карл. — Значит, даже если он и юрист, то, скорее всего, его опыт уступает моему... Словом, я думаю, что сумею поиграть с ним. Но... Отто, ведь для этого его надо вытащить из гестапо... И тут уж тебе карты в руки.

Розен задумался.

— Я не думаю, что у нас есть много времени для игры с Игорем, — заговорил он наконец. — У русских наверняка организован дубль-вариант и назначен срок, после которого он вступит в действие.

— Значит, — медленно отвечал Карл, — мы должны организовать Игорю связь с русскими, и он объяснит им необязательность срока этого самого дубль-варианта.

Розен задумался вновь, и теперь пауза была более долгой.

— Ну что же, — он усмехнулся. — Ты даешь мне очень сложную задачу, Карл. Даже Скорцени вряд ли взялся бы за нее. Но я возьмусь. Возьмусь... при одном условии. Выкладывай мне всю правду о твоих деньгах.

В очередной раз Карл подумал о том, что от ошибок никто не застрахован. Ведь он прекрасно знал, что на этот вопрос когда-нибудь придется отвечать. И у него было подготовлено две легенды, но ни одна из них не годилась в создавшейся ситуации.

«Говорил же я тебе, — ругал сам себя Карл, — что надо разработать еще несколько легенд. Все откладывал — и вот».

Он понимал, что отвечать следует сразу, и спросил, чтобы выиграть время:

— Ты поверишь словам, Отто?

— А у тебя есть что-то другое для доказательства?

— Здесь-то, конечно, нет, — сказал Карл.

— А где?

— Мой ответ опять будет словами. Ты поверишь словам?

Карл спрашивал, а сам думал — имеет ли он право распорядиться судьбой даже самых близких ему людей? Имеет ли он право ставить их под удар даже ради святого дела?

— Сначала я хочу услышать слова. — Розен, как всегда, в такие моменты был подозрителен.

— Все документы у моей жены, Отто.

— Я ~~так~~ и думал, — сказал Розен. — Что это за документы?

— Ордера на предъявителя в сейфах швейцарских банков.

— Ты все упрятал в одно место? — быстро спросил Розен.

— Ты сам ценишь мой ум, Отто. Есть еще ордера на получение морских грузов в южноамериканских странах с оплаченной страховкой за их двухлетний простой до востребования. Есть такие же ордера для австралийских портов. Сейчас ты спросишь, что там за грузы. Там картины, там фарфор, там иконы, там... Словом, там очень много, Отто.

— Я хотел бы взглянуть на эти ордера, Карл.

— Тебе придется зарезать мою жену. Она не покажет их даже по моему письму. Так я распорядился.

— А если мы съездим к ней вместе? — спросил Розен.

— Подскажи мне куда, Отто, и я с удовольствием поеду. Моим последним распоряжением жене было требование укрыться в самом глухом, в самом недоступном для войны месте — в таком, о котором бы не знал даже я. После окончания войны она даст о себе знать письмом в Женеву. Придется нам подождать, Отто.

— Еще один вопрос, Карл, — усмехнулся Розен. — Не устаю восхищаться тобой. Но как тебе удалось насчитывать столько ордеров?

— Просто, как грабли. В ордера Клюгге яставил фиктивные номера, а на себя оформлял настоящие.

— Карл, когда ты станешь президентом всемирного банка, возьмешь меня личным телохранителем? — Розен старался шутить.

— Для ~~этого~~ надо получить Игоря, — серьезно ответил Карл.

— Я докажу тебе, что достоин такой должности. — Неожиданно Розен щелкнул каблуками и откозырял Карлу.

* * *

Игоря держали в одиночной камере бывшей городской тюрьмы, из которой несколько недель назад выпустили и мобилизовали в армию уголовников.

Розен знал, что ее охрана состоит из полуинвалидов, которые растерялись бы при одном виде немецкого офицера, отперли бы по его приказу любые двери и позволили увести узника. Но для этого надо было незаметно исчезнуть на несколько дней из поселка и не показывать полуинвалидам тюремной охраны своего лица, чтобы они не опознали его впоследствии.

Первый пункт он еще смог бы выполнить. Второй казался совершенно невероятным, тем более что уж удостоверение-то ему пришлось бы показать охране.

Нужно было, чтобы в тюрьму пошел подставной человек, и у Розена мелькнула мысль о такой кандидатуре — Киршке. Гестаповец не только справился бы с этой задачей, но и отвел бы любые подозрения от Розена и Карла.

У этих размышлений был существенный минус — Розен не видел способа заставить гестаповца принять участие в операции.

Гауптман не знал, что о том же самом думал сейчас Карл, считавший единственным препятствием для использования Киршке то, что тот находился в это время за триста километров от их лагеря. Но когда Розен подтвердил его предположения случайной фразой о том, что Киршке был бы не лишним в их ситуации, Карл тут же спросил:

— Почему же ты не воспользуешься им?

— Ты уверен, что он согласится помочь нам, не вникая в детали? — усмехнулся Розен.

Карл напомнил гауптману об истории с расписками и «виновато» добавил утаенное прежде — то, что расписки, по свидетельству самого Киршке, оказались у партизан. Он чистосердечно признался, что сделал это тогда по просьбе гестаповца, обещавшего уничтожить его досье.

— Ты дурак и ребенок! — Розен то ли сердился, то ли радовался. — Впрочем, хорошо, что я не узнал об этом раньше. Иначе Киршке просто не существовало бы сейчас. Остается решить, как мы вызовем Киршке. Телефон... Стоит мне назваться, и магнитофоны зарегистрируют это.

— Я думаю, — сказал Карл, — тебе достаточно будет произнести: интересующие вас расписки находятся в городе Н. По прибытии я сообщу вам подробности.

* * *

Киршке даже не зарегистрировал своего прибытия в комендатуре. У него не было плана действий, и он петлял по городу, все более сужая круги около тюрьмы. К ней

гестаповца подталкивали лихорадочные размышления над телефонным звонком неизвестного, сказавшего лишь, что расписки находятся в этом городе. Киршке понял, что речь идет о расписках богослова, попавших в руки партизан, он понял также, что сигнал ему подает Карл, но гестаповцу было известно, что среди офицеров Н. никакого Фрейнда нет, и, следовательно, если верить звонку неизвестного, Карл мог находиться только в тюрьме.

Не верить неизвестному Киршке не решался — пренебречь подобным звонком было бы безумием, означало бы погибнуть как раз тогда, когда он надеялся на забвение всех его прошлых ошибок и грехов при скором переходе на службу к другому хозяину.

Он не знал, как поступит с Карлом, если сумеет добраться до него.

Наверное, изворотливый ум гестаповца в конце концов подсказал бы ему какое-то решение, но неожиданно его инкогнито было нарушено.

— Вот это встреча! — услышал он голос позади себя, обернулся и увидел гауптмана Розена. Первым желанием Киршке было избежать разговоров, но он тут же сообразил, что едва ли не единственным человеком, который может дать ему информацию, является как раз гауптман.

Киршке широко улыбнулся, поприветствовал Розена.

— Не стану приглашать вас в кафе, — сказал Розен. — Сразу перейду к делу. Я уверен, что мы с вами по одному поводу здесь. По поводу Карла, не так ли?

Киршке стал угодлив, пожевал губами, отвечать не торопился, потом спросил:

— Это вы вызвали меня?

Розен разыграл удивление:

— Я? Чем вы можете быть мне полезны?

Киршке понял, что инициатива принадлежит не ему, а гауптману, что условия диктует Розен — тот определял границы обмена информацией: признавшись, что тоже ищет Карла, отмежевываясь от телефонного звонка, хотя гестаповец был уверен, что именно он вызвал его в город. Однако свое право на инициативу, как считал Киршке, Розен должен был доказать.

— В таком случае мы не одиноки, — сказал гестаповец с недоброй усмешкой. — Кто-то еще интересуется судьбой Карла.

К своему удивлению, намеком на осложняющиеся об-

стоятельства он не обескуражил Розена. Гауптман отвечал жестко:

— Не сомневаюсь в этом. Здесь идет лотерея. Но тратятся на билеты все, а выигрыш получит один.

Киршке сообразил, что у Розена действительно есть право на инициативу — ведь автор звонка знает о расписках, а гестаповец не имеет на него никакого встречного досье. Все-таки это надо было проверить.

— Собственно говоря, я ищу Карла с чисто приватной целью, — начал Киршке, но гауптман перебил его:

— Перестаньте! Я знаю больше, чем вы думаете. Рассказывая мне историю о расписках, Карл довел ее до конца — до появления в этом крайне неприятном для вас деле партизанской разведки.

— Именно поэтому я откровенен с вами, — Киршке угодливо улыбнулся, — а вы отказываетесь от своего телефонного звонка.

— Я буду подтверждать то, что мне нужно, и отказываться, от чего захочу, — поставил условия Розен. — Я мог бы вообще не разговаривать сейчас с вами. Более того, я не боюсь, что вы помешаете мне, потому что не стоит труда отправить вас в комендатуру, и там вы останетесь надолго. Но мы можем быть союзниками... Впрочем, до этого я должен знать, что нужно вам — сам Карл или его молчание?

— На каких условиях мы станем союзниками? — спросил Киршке.

— Вы слышали мой вопрос! — Розен повысил голос. — Об остальном после.

Киршке раздумывал, наконец сказал полуопросительно:

— Если я соглашусь на молчание Карла...

— Тогда все будет в порядке, — заверил Розен. — Тогда мы станем союзниками. В этом случае вы сможете помочь мне.

— Карл замолчит навсегда? — Гестаповец ловил взгляд гауптмана. — И никто больше не заговорит о расписках?

— Да.

— Но ведь вы не даете мне никаких гарантий...

— На гарантии у нас нет времени, — усмехнулся Розен. — Дорога каждая минута, которую мы тратим на этот разговор.

Киршке понял, что он ничего не добьется от гауптмана, сказал, сдаваясь:

— По крайней мере, дайте мне честное слово офицера.

— Это — пожалуйста, — усмехнулся Розен. — Даю!

Гестаповцу хотелось хоть что-то отыграть в этой словесной дуэли — он сделал вид, что только исключительные обстоятельства заставляют его соглашаться, развел руками, вздохнул:

— Если бы не дефицит времени...

— Если бы не этот дефицит, я обошелся бы без вас! — отрезал Розен.

— Чем могу быть полезен? — спросил Киршке.

— Это деловой разговор, — улыбнулся Розен. — У вас здесь машина?

— Да.

— Вы сами за рулем?

— Да.

— Надо вывести заключенного из пятой камеры городской тюрьмы. Он — русский агент. Мне надо задать ему несколько вопросов, потом мы ликвидируем его.

— И это заставит Фрейнда молчать? — Киршке не верил.

— Я уже дал вам свое честное слово! — зло ответил Розен. — Кроме того, это ваш единственный шанс. До Фрейнда вы все равно не доберетесь. Его держат в строго засекреченном месте.

— В чем он обвиняется? — быстро спросил Киршке.

— Во всем, в чем признается, — усмехнулся Розен. — Но мы с вами можем помочь ему молчать. Большего не скажу.

— Почему вы сами не заберете агента? — допрашивал Киршке.

Но Розен заранее знал, что на такой вопрос придется ответить, и был готов к нему.

— Агент предпочтет умереть, чем пойти со мной.

Розен знал также, что в операции есть одно слабое место. В идеале он не должен отпускать Киршке от себя, но без этого нельзя было обойтись. Конечно, существовала вероятность того, что, расставшись с Розеном, Киршке отправится в гестапо. Розен пошел на этот риск, вспомнив, что не так давно он готов был пустить себе в лоб пулю.

«Что ж, — решил Розен, — если в назначенный час я не встречу машину с Киршке и Игорем в условленном месте, значит, мы с Карлом проиграли и надо возвращаться

к прежнему решению». Он снял пистолет с предохранителя и переложил его в карман брюк.

Неожиданно он вспомнил о Карле, вспомнил об одной на первый взгляд маловажной детали — Карл сегодня утром прятал бритвенный прибор в чемодан.

«А ведь он собирается дать тягу, если я не приеду во время, — зло подумал Розен. — Пусть попробует. Это ему не мозгами ворочать, тут он без меня — как слепой».

Он стоял на пустыре у разбитого американской бомбой здания танцзала, глаза с трудом привыкали к наступившей темноте.

Наконец послышался гул мотора. Когда Розен увидел силуэт машины, еще более темной, чем ночь, он сразу решил, что это Киршке, хотя видел его «опель» впервые.

Действительно, машина остановилась в нескольких шагах от него. И тут Розен понял, как он ненавидит Киршке. Он даже не мог сказать — за что, но ненависти было через край, и он решил, что закончит операцию именно здесь, хотя у него был план отъехать в другую часть города — ведь здесь его мог кто-то видеть.

«Пошли все к черту, — сказал себе Розен. — Все — мразь! Все — дермо и скоты! И Киршке — первый скот!»

Он задыхался от ненависти к Киршке, шагнул к машине, рванул на себя дверцу, приставил пистолет к груди гестаповца и нажал на спуск.

Он обрадовался, что выстрел получился глухим, даже не похожим на выстрел.

Игорь, растерявшийся, выскочил из машины.

— Стойте! — срывающимся голосом приказал Розен. — Теперь нам некуда торопиться. — Он помолчал и добавил более спокойно: — Хочу убедиться, что он мертв. И мне надо поговорить с вами.

— Я не буду говорить с вами. — Игорь уже пришел в себя.

— Здесь выбираю я! — почти крикнул Розен, но осекся. — Почему вы не будете говорить со мной?

— Смените тон, — сказал Игорь. — Иначе я замолчу и через несколько часов уже не смогу спасти вас от ареста.

— Дубль-вариант? — усмехнулся Розен.

— Я не знаю, как это называется, — сказал Игорь. — Я знаю, что должен говорить не с вами.

— А с кем? — спросил Розен. — И о чем?

— Вы знаете с кем. Вы знаете о чем.

— Ну хорошо, — сказал Розен. — А явка у вас есть?

— Это у меня есть, — ответил Игорь. — Но место следующей встречи назначите вы. И вы должны поторопиться.

— А если нужный человек далеко отсюда? Если он не успеет добраться на встречу с вами за несколько часов? Сработает дубль-вариант?

— Пока вы будете делать то, что я приказываю, — сказал Игорь. — Можете не беспокоиться.

— Неужели вы лжете мне? — усмехнулся Розен.

— Вряд ли, — ответил Игорь. — Зачем нам неоправданный риск?

— Похоже, вы правы. Пойдемте. — Розен зашагал от машины.

3. Выстрелы после тишины

Ветераны помнят — в день окончания войны было такое впечатление, что тишина наступила во всем мире. Еще предстояли битвы на Дальнем Востоке, еще в Европе не были захелены пушки, но уже прозвучавшее слово «мир» для многих означало тишину. Казалось, только праздничные салюты могут нарушить ее. Однако тишина наступила лишь на мгновения, после которых вновь раздались выстрелы. Это были выстрелы из-за угла, это были всевозрастающие предательства некоторых вчерашних союзников, это было чудовищное, трудное для понимания стремление определенной части политиков сохранить на земле фашизм — еще вчера они кричали о безусловном полном его искоренении и вдруг запептали о снисхождении к нему.

Недобитые фашисты пытались активно мешать действиям советского командования. Гестаповцы, эсэсовцы, про чий уцелевший сброд, прятавшийся в окрестностях Берлина и в других городах, огрызаясь выстрелами в спину. При поддержке своих вчерашних врагов — англичан и американцев — он стал организовываться, поднимать голову, являлся серьезным препятствием на пути создания новой Германии.

Я прибыл в Германию в первые послевоенные дни в качестве начальника оперативной группы одного из районов. В моем распоряжении был оперативный состав группы и пограничная застава во главе со старшим лейтенантом Конником, основной заботой которой были контрольно-пропускные пункты на границах района — надо

сказать, нелегкая забота, поскольку движение беженцев по Германии было огромным и среди них зачастую прятались вчерашние гестаповцы, уже обретшие новых хозяев или ищущие их.

В задачу оперативной группы входило: обеспечение безопасности как нашей администрации, так и немецкого населения, прогрессивные представители которого также становились жертвами террористов разного прошиба, поддержание общественного порядка и розыск скрывавшихся от возмездия и не сибирявшихся сдаваться добровольно фашистов. Собственно, три эти подвадачи так тесно переплетались, что становились одной общей целью нашей работы.

Мы жили в небольшом городке дачного типа. Его остроконечных домиков не тронула бомбёжка, его пруды были неожиданно для тех дней ухоженными, и даже пасмурная погода не волновала их ровную, безразличную к происходящему поверхность.

Люди в окрестностях жили разные, но поначалу они все показались на одно лицо — испуганные, настороженные, ждущие худшего. Фашистская пропаганда не прошла бесследно и даже сейчас давала себя знать — трагедиями, фарсами, курьезами.

Уличенные в активном сотрудничестве с фашистами, как правило, старались оправдаться одним и тем же методом — сваливали свою вину на других, иначе говоря, растворяли ее — дескать, все одинаково виноваты. Мы тщательно разбирались с каждым подозреваемым.

Постепенно положение в районе менялось — население начинало верить нам. Наша бесплатная медицинская помощь, наше снабжение продовольствием, наше сотрудничество с вышедшими из подполья лидерами рабочего класса — все это в кратчайший срок сделало немецкий народ восточной зоны нашим искренним другом. Достаточно сказать, что за первые послевоенные недели население Восточного Берлина увеличилось в десять раз — сюда тянулись люди за помощью и за правдой.

Скрывающийся от возмездия недобитый враг затих. Но мы знали, что причиной этому не только стабилизирующееся положение в зоне, но и переход его к новым методам подрывной деятельности. Получая все большую поддержку с Запада, он готовился к серьезным ударам. Мир был накануне Потсдамской конференции, на которой решался вопрос о побежденной Германии.

Черчилль подписывал обязательства по искоренению фашизма и тут же отдавал приказы о том, что гитлеровская армия, точнее, ее остатки должны быть сохранены как база для воссоздания западногерманской военной машины с далеко идущими антисоветскими целями. Как стало известно позднее, Эйзенхауэр знал об этом и не находил нужным препятствовать.

Английские и американские секретные службы наливали теснейший контакт с недобитыми абверовцами и гестаповцами — одним тайно предоставляли работу в своих разведках, других обеспечивали материальной базой — и мобилизовывали на борьбу с нами.

В какое-то время в одной из союзнических миссий стал все чаще мелькать щеголь неопределенного возраста — он был боек, разговаривал на многих европейских языках, часто заводил беседы об искусстве, где проявлял недюжинные знания. Он использовал любой повод для общения с нашими офицерами и в отличие от многих был всегда предельно любезен с ними.

Можно было предположить, что щеголь — разведчик, а при пристальном наблюдении стали появляться маленькие доказательства этого. Можно было заметить, сколь старательно он безразличен к разговорам о Потсдаме внешне и как настороженно ловит он при этом каждое слово.

Мы были союзниками, и, естественно, никаких попыток выяснения личности щеголя не предпринималось.

В эти дни наконец появился Игорь. Он пришел к нам ранним утром — вымокший под дождем, заросший, но счастливый. Ему дали наш адрес в Берлине, везли на машине, она сломалась в пути, Игорь не вытерпел и пошел пешком.

Через полчаса, переодетый в сухое, он сидел рядом со мной, рассказывал:

— Простите, не знаю, с чего начать. Впрочем, вы получали мои донесения, так что с начала начинать не надо. Я все время верил, что мы... вы... — хотел поправиться он, но я перебил его:

— Мы, мы!

— Что мы, — радостно продолжил Игорь, — сильнее! И ничего они не смогут мне сделать. А этот Розен — он и трус и зверь одновременно. Как только Истинный с ним управляет?! Да! — вспомнил он. — О главном! Лагерь у озера расформирован. Истинный и Розен скрыва-

ются в Тюрингии. Розен сильно изменился. Истинный говорит, что, скорее всего, у него появилась какая-то надежда на куш из непонятного источника. Розен снова стал скрытен, занят какой-то работой, похоже — организацией склада с боеприпасами. Цель — неизвестна. Возможный адрес склада — ваш район.

...Ночью мне не спалось. В окна стучал не по-весеннему резкий дождь, бил ветер, и они мешали не только спать, но и думать. А думать было о чем.

Недобитые гитлеровцы конечно же старались обеспечить себя складами с боеприпасами. И ничего невероятного не было в том, что такой склад находился в нашем районе. Плохо было другое — мы ничего о нем не знали.

Опыт не раз подсказывал мне, что без своевременной проверки полученных сигналов мы часто не знали того, что могли бы знать. И лишь тщательный анализ каждого сигнала давал необходимый результат.

Еще и еще раз я перебирал в уме всю обстановку, сложившуюся в районе. Я разбил его на зоны и стал мысленно рассматривать каждую из них.

Размышляя, я стал перебирать в памяти организацию обеспечения района продовольственными товарами.

Кое-что показалось мне интересным, а именно — мыло. Мыла не хватало. Кусок мыла мог привести в восторг любого немца. Мыло перекупали, просили, искали. Его искали даже дети.

Вот это и привлекло наше внимание. Мы часто видели, как дети принимали за кусок мыла брикет тола, бросались к нему, и нам приходилось объяснять им ошибку.

И вот они собирают мыло, ошибаются и несут тол. Куда они несут мыло и тол? Мы всегда считали, что домой.

А если?.. Неужели дети? Неужели это след?

Я уже ходил по комнате, не обращая внимания на рвущиеся в окно дождь и ветер. Не дожидаясь утра, вызвал Виктора. Выслушав меня, он тоже заволновался.

— Конечно, дети не основные их поставщики, — рассуждал я. — Но они могли ухватиться и за эту ниточку.

— Могли, — согласился Виктор. — По психологии своей — могли. По логике своей — считали, что детей не заподозрят. Детям вообще можно ничего не объяснять. Можно даже сказать — собираите мыло. И дети будут нести мыло и тол, и чаще — тол, потому что тола в районе боль-

ше, чем мыла. Только я думаю, не оборвется ли эта ниточка на неизвестных приемщиках?

— Не думаю, — возразил я. — Дети поверят скорее знакомому человеку.

— Хорошо, — сказал Виктор. — А на этом знакомом не оборвется?

— Надо, чтобы не оборвалась! — рассердился я.

— Просто оторопь берет — детей впутывать! — Виктор передернул плечами.

— Война, Виктор! — зло сказал я. — Продолжается война! Ты думал, после тишины не будет выстрелов? А они — вон, каждый день то громко, то тихо звучат!

— Если на втором конце этой ниточки, — заговорил о другом Виктор, — находится Розен, то не логично ли мне добраться до него еще раз? Со старым знакомым, я думаю, он будет откровенен.

Я возразил сразу:

— Нет, Витя, дважды в одну реку не входят. Да и Розен теперь не тот. Прошлым предательством его уже не испугаешь. Судя по всему, он служит новым хозяевам, а они до поры до времени прощают старые грехи. Здесь нужен иной сюжет.

Уже рассвело, и кончился дождь, и даже проглянуло редкое в ту послевоенную весну солнце. Мы с Виктором не выходили из комнаты. К полудню в общих чертах план был готов.

* * *

Мальчику не хотелось идти домой. Его товарищи обычно бросались после игры к дому — может быть, потому, что проголодались и надеялись получить что-нибудь от матери, или потому, что их ждало что-то иное, приятное, или, может быть, у них были какие-то обязанности.

У этого мальчика тоже разыгрывался аппетит, и он с удовольствием поговорил бы о чем-нибудь с матерью, а кроме того, у матери для него наверняка нашлось бы поручение, но он не спешил, направляясь по длинной, уже зазеленевшей аллее, в конце которой в стороне от других располагался бывший ресторанчик его бабушки, ставший теперь жильем ему и его матери.

Если бы только им одним! После страхов, которые передавались ему от матери, после шума автомашин и людей, одетых в военную форму, в районе наконец настала тишина. Сначала было жутко, было голодно и

продолжался страх, причину которого он не знал. Но потом пришли русские, пришли совсем не так, как рассказывали им в отряде гитлерюгенда, в котором, впрочем, он пробыл совсем недолго и усвоил лишь одно — безопасность в беспрекословном подчинении старшим.

Пришли русские, и мать, молясь по вечерам, сама уговаривала себя:

— Здесь никто не знает, что мой муж служил в гестапо. Здесь ничто не грозит мне. Отче наш, отче наш...

При этом она плакала и обнимала сына, и мальчику было жаль ее, хотя он был твердо уверен, что страхи матери напрасны, поскольку русских не нужно бояться. Думая так, он все же оговаривался:

— Надо лишь беспрекословно подчиняться старшим.

Кухня русских раздавала обеды, и жизнь стала казаться мальчику совершенно счастливой. К тому же и мать постепенно успокоилась и благодарила бога за то, что никто не попрекает их бывшим рестораном бабушки, даже не выгоняет из помещения, большая часть которого была заколочена.

Так продолжалось десять долгих прекрасных дней — до того вечера, когда к ним постучался дядя Мартин. Это был человек с чисто вымытым багровым лицом, и когда мальчик открыл ему входную дверь, дядя Мартин прошел мимо, даже не взглянув на мальчика, о чем-то пошептался с матерью за закрытой дверью гостиной, а потом вышел вместе с ней к мальчику.

Мать была вновь испугана, а дядя Мартин теперь улыбался мальчику.

— Прекрасный малыш! — сказал он. — Ты и есть Лео? Привет тебе от папы.

Мальчик почти не слышал слов, он был поражен неумением дяди Мартина говорить ласково — голос звучал хрипло и с перебоями. Но еще больше его поразила разница между испугом матери и радостью дяди Мартина.

Мартин поселился у них в доме, и на следующее утро он уже ходил с костылем и тщательно хромал на левую ногу.

Мать сказала:

— Лео, если ты хорошо воспитанный сын... и если ты любишь своего папу... который был... ты же помнишь это... простой рабочий... и не вернулся с войны... то ты во всем будешь слушаться дядю Мартина. Дядя Мартин вернулся из Африки, где был тяжело ранен.

Просьба матери была излишней. Лео интуитивно понял, что дядю Мартина надо слушаться, тем более что это не противоречило его главному правилу — взрослым надо подчиняться беспрекословно.

Нельзя сказать, что приезд Мартина круто изменил порядок в доме, но он круто изменил атмосферу. Мальчик сразу же перестал торопиться домой после уличных игр.

Поначалу дядя Мартин не вмешивался в жизнь мальчика, лишь улыбался ему по утрам, когда уходил куда-то, хромая, на весь день, но вот он стал возвращаться среди дня и однажды с неумелой лаской, причинив боль, взял мальчика за плечо:

— Лео, ты можешь помочь мне. И твоему отцу тоже. Твой отец в Африке, он не может приехать сюда, потому что у него нет денег. Я обещал ему, что соберу деньги на его приезд. Для этого я ищу и продаю мыло. Я слышал, что в окрестностях городка есть много мыла. Если бы ты и твои товарищи собирали это мыло, твой отец вернулся бы скоро. Я знаю, что немецкие дети привыкли получать за труд благодарность. Я заведу специальный список и буду отмечать там каждый брикет мыла, который вы принесете. Твой отец вернется и расплатится с твоими друзьями.

Лео не обратил внимания на сложность такой бухгалтерии, потому что дядя Мартин сразу заговорил о другом:

— Только, Лео, никто не должен знать, что это мыло нужно мне. Меня могут обвинить в спекуляции, посадить в тюрьму, и тогда твой отец никогда не вернется. Давай подумаем, как нам сохранить тайну. Скажи товарищам, что через три месяца каждый из них получит столько кусков сахара, сколько кусков мыла принесет. И дай честное слово, что это будет так. И еще скажи, что если кто-нибудь из них проболтается, то никакого сахара не получит никто. Понял?

Шестое чувство подсказало мальчику, что спрашивать об этом у матери не надо, что мать подтвердит все это. Еще более глубоким чувством он понимал, что доставит матери неприятность своими расспросами. А еще он помнил о беспрекословном подчинении взрослым.

Первое осложнение наступило тогда, когда Лео с друзьями, обнаружив целую кучу брикетов, были остановлены русским солдатом. Объяснение на разных языках было

долгим, и наконец Лео понял, что это не мыло, что это что-то опасное, чего брать нельзя. Возвращаясь домой, он думал о том, что много раз приносил дяде Мартину точно такие брикеты и дядя Мартин уверенно называл их мылом.

После долгих раздумий он поделился своими сомнениями с дядей Мартином и увидел, что тот насторожился.

— Послушай, Лео, — сказал дядя Мартин. — Русский солдат — дурак, он не знает, что из этой штуки тоже можно делать мыло. Но как бы он не добрался до меня и не обвинил меня в спекуляции — вот о чем я думаю. В следующий раз старайтесь не попадаться на глаза русским, а если попадетесь, не вступайте с ними в разговоры — извиняйтесь и уходите. Извиняйтесь как можно жалобнее, говорите им, что маме нечем постирать ваши рубашки.

Но за первым осложнением последовало второе — ребята потеряли охоту к собиранию брикетов. Дядя Мартин рассердился не на шутку, он обвинял Лео в том, что тот не хочет увидеть своего отца живым и здоровым, что он ленив и неблагодарен.

Лео все время казалось, что эти слова адресуются скорее матери, чем ему, — у матери на глазах были слезы. Теперь, заботясь о матери, он удвоил свои старания по сбору мыла.

И вдруг, совершенно неожиданно, дядя Мартин велел прекратить их. Впрочем, кажется, тому была причина.

Однажды Лео рыскал по пригородному лесу, и его окликнул человек, показавшийся ему по каким-то причинам русским, но говоривший на чистом немецком языке:

— Ты что ищешь, мальчик?

— Ничего, — сказал Лео, потупясь.

— Мыло? — спросил человек.

— Нет. — Словно кто-то подсказал Лео ответить так.

Выслушав его рассказ, дядя Мартин задумался. Потом он исчез на два дня, а появившись, велел прекратить сбор мыла.

Мальчик мог вернуться к играм с товарищами, и все-таки после них он по-прежнему неохотно возвращался домой.

Он брел по длинной аллее, в конце которой стоял бывший ресторан бабушки, и своим уже не чуждым жестокому опыту сознанием пытался разобраться — какую беду в их дом привнес дядя Мартин. В том, что в доме посели-

лась беда, мальчик не сомневался. Мать ходила как тень и всякий раз, начиная ласкать мальчика, кончала слезами.

В середине аллеи на лавке сидел человек, и мальчик не сразу узнал в нем своего лесного встречного, а узнав, чему-то обрадовался. Ему очень захотелось, чтобы человек тоже узнал его, чтобы заговорил с ним.

— Здравствуйте, — сказал мальчик, проходя мимо человека и думая, что не замедлит шага, если человек сам не остановит его.

— Здравствуй, — сказал человек. — Я тоже узнал тебя.

Это можно было считать приглашением остановиться, но мальчик смущился, решил ускорить шаг, споткнулся и, если бы человек не поддержал его, растянулся бы на аллее.

— Ты что так торопишься? — смеясь, спросил человек.

— Дома ждут, — едва не плача, сказал мальчик.

— А до этого шел — нога за ногу. Наверное, размечтался?

— Нет, — сказал мальчик, уже не выказывая желания уходить.

— Садись, — пригласил человек.

— Зачем? — спросил мальчик.

— Я вот просто так сижу, — снова сказал человек. — Как тебя зовут?

— Лео.

— А меня Николай Николаевич. Выговоришь?

— Это русское имя? — спросил мальчик.

— Да, — отвечал Вознесенский. — Самое что ни на есть русское. Да я и сам русский. Тебе проще называть меня дядей Колей. Ты испугался меня в лесу?

— Да, — честно ответил мальчик.

— Ты не хотел мне сказать, что ищешь мыло?

— Да.

— Почему?

— Не знаю, — сказал мальчик.

— Кто-нибудь не велел тебе говорить об этом? — спросил Вознесенский.

И тут мальчик, в котором впервые родилось какое-то новое отношение к взрослым, ничего общего не имевшее с беспрекословным подчинением, потому что этот человек вызывал в нем только одно желание — желание дружить, несмотря на чудовищную для мальчика разницу в возрасте (а разве не органична в ребенке тяга к дружбе со

взрослым?), — тут этот мальчик, захлебываясь и торопясь, рассказал Вознесенскому все, что волновало его в последние дни.

Дружба между мальчиком и Вознесенским становилась все крепче и крепче. Лео было приятно доброе и серьезное отношение к нему со стороны взрослого и сердечного человека. Его все более тянуло к Вознесенскому. Искренняя дружба затем переросла в доверие. И однажды Вознесенский спросил мальчика:

— Ты веришь мне?

— Верю, — сказал взволнованно Лео.

— Тогда ты пойдешь сейчас по адресу, который я тебе скажу, и спросишь там товарища Лактионова. А он очень скоро приведет к тебе свою маму. И я обещаю, что ты никогда больше не будешь бояться. Ничего на свете. Иди, Лео.

...Еще через час Вознесенский стучал в двери бывшего ресторана. Он знал, что к этому времени мать мальчика была уведена соседями, которые прослышали о распродаже продовольствия из случайно найденного храмилища.

На стук никто не отзывался. С явной досадой Вознесенский отошел от двери и сел на скамью возле дома. Ждать пришлось около получаса.

Мартин появился не из двери, он вышел из-за угла дома — тяжело опирался на костыль, морщился, как от боли.

— Что нужно господину? — спросил он.

— Деньги, — улыбаясь, сказал Вознесенский. — Если вы кредитоспособны. Ваш мальчик хорошо воспитан, но меня не обманешь. У меня есть товар, которым вы интересуетесь.

— Какой товар? — настороженно спросил Мартин.

— Мыло! — Вознесенский всем своим видом предлагал Мартину не итратить в прятки. — Или вас интересует что-то другое? Есть железо, есть кое-что еще. Только не начинайте с того, что пойдете с жалобой к властям. Я уже привык к этому. И как правило, это лишь ненужная тра-та времени. Неужели вы не убедились, что шантаж при советской администрации исключается, и это означает, что к вам пришел настоящий поставщик.

— Я не занимаюсь торговлей, — сказал Мартин.

— А для чего же вы наняли эту ораву ребят? — удивился Вознесенский. — Такой обычный прием...

— Послушайте, господин! Вам действительно лучше убраться отсюда! Иначе на вас наконец донесут!

— Нет, — улыбнулся Вознесенский. — Я ведь расскажу, как дети собирали для вас мыло.

— Ну было мне нужно мыло! — занервничал Мартин. — А теперь не нужно!

— И ничего не нужно? — спросил Вознесенский. — Ни железо, ни посуда, ни?.. Я могу поставить все — вплоть до средневековых гаубиц.

— Ничего не нужно! — крикнул Мартин.

— Жаль. — Вознесенский пожал плечами. — Я уверен, что вы передумаете, но будет поздно. Я уезжаю из вашего района. Адреса, как вы понимаете, оставить не могу. Надо сказать, что в советской зоне торговля идет из рук вон плохо.

Вознесенский уже выходил из калитки, когда оклик остановил его:

— Эй, вы!

— Что? — повернулся Вознесенский.

— Может, я действительно что-нибудь куплю у вас?

— Вот это разговор! — Вознесенский вновь стал само радушие. — Тогда не теряйте времени — пошли со мной.

— Куда? — насторожился Мартин.

— В лес, — как нечто обычное, сказал Вознесенский. — Во время войны привык бояться стени.

Мартин, ковыляя, догнал Вознесенского и спросил, словно в шутку:

— А если мне понадобятся танки?

— Много не предложу, — спокойно ответил Вознесенский. — Но при хорошем задатке что-нибудь придумаю.

— Вы не из сказки братьев Гримм?

— Нет, — сказал Вознесенский. — У меня вполне пристойное происхождение.

— Этот разговор будет предварительным, — предупредил Мартин.

— Тогда не стоит его заводить, — возразил Вознесенский. — Я уже говорил вам, что у меня нет времени.

— Сделка может быть большой, — пообещал Мартин.

— Именно?

Они вошли в лес, и тут, как и ожидал Вознесенский, Мартин вынул пистолет и, угрожая им, сказал:

— Мне нужен тол. Много тола. Понятно? И мне нужны гарантии, что все это останется между нами.

— Господи! — Вознесенский закатил глаза (по край-

ней мере, так утверждал Виктор — один из страховавших Вознесенского). — Сколько раз уже мне грозили пистолетом! Если вам нужен тол, то советую оставить меня живым.

— У вас есть тол?

— У меня есть все! — сказал Вознесенский тоном, которым разговаривают с дураками. — Сколько вам нужно?

— Семь трехтонок.

Вознесенский сделал вид, что подсчитывает что-то.

— Так что?! — поторопил Мартин.

— Машины ваши? — спросил Вознесенский.

Мартин не знал, что ответить.

— Кажется, мне надо разговаривать не с вами, — сказал Вознесенский. — Тем более что сделка действительно солидная.

* * *

Розен сидел в комнате бревенчатого домика, уткнувшись головой в ладони.

«Меня погубят деньги, — говорил он себе. — Я это знаю и ничего не могу с собой поделать».

Неведомый спекулянт запросил за тол два миллиона марок. Розен назвал хозяевам три миллиона, и они дали согласие.

Хозяевам что, думал Розен, пусть они твердят, что подобные спекулянты существуют сейчас в Германии, что на риск имеет смысл идти. На риск придется идти ему — Розену. Разница составляет миллион марок. А если...

Это «а если» пришло ему в голову, когда он перебрал уже все варианты. Миллион марок останется у него в кармане в том случае, если он пошлет к неведомому спекулянту кого угодно, даже Карла. Провал? Но никто не знает, что у Карла было лишь два миллиона марок. Конечно, он лишится Карла. Но уж слишком долго длится эта погоня за журавлем в небе. И ведь остается шанс на то, что все пройдет благополучно. А в этом случае кому, как не Карлу, может признаться он в осевшем миллионе?

— Карл! — крикнул он в соседнюю комнату.

Ненавистный ему Карл появился на пороге.

— Твой час пробил, — сказал Розен. — До сих пор я оберегал тебя от любого риска. Но сегодня не могу. Пойдешь с Мартином принимать товар. Возьмешь чемодан с деньгами. После окончания сделки мы должны расстаться с Мартином. Понял? Все! Иди!

* * *

Вознесенский ждал покупателя у большого карьера, из которого раньше брали глину для нужд местного кирпичного заводика.

Дважды его обманывал рокот машин, оказывавшихся американскими «студебеккерами». Он уже стал подозревать, что осторожность заговорщиков в последний момент сыграла свою роль и дальнейшее ожидание напрасно.

Почти к утру он услышал сначала почти комариный писк мотора, а потом его характерное постукивание, понял, что идет не одна машина, а несколько. Подождав минуту, Вознесенский стал подавать фонарем условные сигналы.

Его заметили. Стой машин свернул в лес и, перевалившись на рыхвинах, медленно выехал на поляну.

Вознесенскому показалось, что в кабине второй машины он увидел Карла. Если он не ошибся, то надо было мгновенно менять план операции. Кроме того, нужно было побеспокоиться, чтобы Карл от неожиданности встречи чем-то не выдал себя.

Вознесенский стал громко командовать:

— К деревьям! К деревьям! Ближе к деревьям!

Сквозь темноту и неясные блики ветровых стекол он увидел, что выпрыгнувший из машины офицер прислушивается к его голосу. Теперь можно было подумать о новом плане, на выработку которого судьба отвела ему несколько десятков секунд.

Карл подошел к Вознесенскому, козырнул и молча стал ждать наводящей фразы. Рядом с Карлом стоял Мартин, забывший о костыле. Его лицо багровело даже в темноте.

— Господа! — сказал Вознесенский. — Непредвиденные осложнения.

— В чем дело? — Карл опередил своим вопросом Мартина, который угрожающе подался вперед.

— Русские проводят ночную проверку на дорогах.

— И вы об этом знали?! — крикнул Мартин.

— Узнал два часа назад, — ответил Вознесенский.

— Что вы предлагаете? — спросил Карл.

— Укрыться здесь до завтрашней ночи.

— Это исключено! — Мартин явно не верил Вознесенскому.

— Здесь решают я, — сказал Карл Мартину. — Распорядитесь, чтобы люди спали в машинах.

— Если мы не явимся на место к утру... — начал было Мартин, но Карл перебил его:

— Выполняйте приказание.

Мартин отходил от них неохотно, все время оглядывался.

— Идет подготовка к серьезным диверсиям. Адреса склада не знаю. Координаты лагеря здесь. — Он протянул Вознесенскому две жевательные резинки, ушаковка одной из которых была надорвана. — Что будем делать?

— Благодарю. — Вознесенский небрежно занялся резинкой, опустив вторую в карман. — Что будет, если вы не явитесь к утру?

— Думаю, что лагерь эвакуируется.

Мартин уже возвращался к ним.

— Простите! — Он обратился к Карлу еще издали. — Куда вы собираетесь везти товар через сутки?

— На склад, — ответил Карл.

— Вы знаете адрес?

— Его знаете вы.

— Нет. — Мартин усмехнулся. — Я не понимаю, что здесь происходит. Но, к несчастью для вас, я тоже не знаю адреса.

— Но вы знаете, как найти Антикова, — сказал Карл.

Мартин напряженно думал о чем-то, наконец сказал:

— Я не получал приказа давать вам эту связь.

— Считайте, что вы получили его. Кажется, при отъезде из лагеря от вас требовали полного подчинения мне. Не так?

— То, что вы требуете, не входит в компетенцию лагерного начальства, — не сдавался Мартин.

— В его компетенцию, — жестко сказал Карл, — входит, по крайней мере, распоряжаться вашей жизнью. И я использую эту возможность.

Мартин опустил взгляд, выдавил:

— Мы говорим при посторонних.

— Это меня не смущает, — усмехнулся Карл. — И вы можете догадаться почему.

— Господа, господа! — «испугался» Вознесенский.

— Замолчите! — бросил ему Карл.

— Я предпочел бы все же поговорить с вами наедине. — Мартин уже просил.

— Идите к машинам! — приказал Карл Вознесенскому и, когда тот отошел, повернулся к Мартину. — Я слушаю вас.

— Простите... — Мартин искал слова. — Но ведь я лишь случайно имею связь с Антикваром...

— Я знаю об этом! — перебил Карл. — Об этой запланированной случайности.

— Вот как... — Мартин покачал головой. — Всю жизнь я был пешкой. Кажется, и умру ею.

— Я тоже играю в шахматы, — сказал Карл. — Но у нас нет для этого времени. Как найти Антиквара?

— Пароля я не дам! — Мартин держался за последний свой козырь.

— Как найти его?

— Он в Берлине. — Мартин назвал отель.

— Клаус! — крикнул Карл в сторону первой машины, из нее прыгнул и подошел к ним коренастый здоровяк в форменной тужурке. — Останетесь за старшего. Будете ждать нас до завтрашней почты. Конспирация должна быть максимальной. За неповиновение — расстрел. Все. Идите.

— Вы думаете добраться до Берлина пешком? — спросил Мартин.

— Я думаю, господин бизнесмен явился сюда на машине. — Карл обращался к приблизившемуся Вознесенскому.

— Да, у меня старенький «опель», — сказал Николай Николаевич. — Но с русским ордером — проезд и стоянка везде.

— Иного не ожидал, — усмехнулся Карл.

— Где машина? — спросил Мартин.

— В трех километрах отсюда.

— Пошли, — сказал Карл.

Минут десять они шли по ночному лесу молча, потом Карл небрежно бросил Мартину:

— Надо было не брать вас с собой.

Вознесенский правильно понял Карла, неожиданно громко закашлялся, и не успел Мартин ответить Карлу, как уже лежал на земле со связанными руками и кляпом во рту.

Виктор с двумя бойцами стоял над Мартином. Он собирался что-то спросить, но Вознесенский и Карл, словно забыв на мгновение обо всем происходящем, повернулись друг к другу и обнялись.

4. Новое лицо врага

Вопрос о Генрихе Клюгге, заданный Карлом Мартину, не был случайным — мы планировали его заранее. И знали, что, только получив ответ на него, сможем закончить операцию — добраться до тайного склада оружия.

Любая операция на фронтах тайной войны никогда не является чем-то изолированным или обособленным от нашей кропотливой ежедневной работы. Она непременно соприкасается и переплетается с другими, на первый взгляд не имеющими к ней отношения делами и зачастую черпает из них важнейшую информацию, определяющую ее развитие.

Установив связь с Карлом, мы среди прочих полученных от него данных имели подробный отчет Истинного об исповеди Розена, которую гауптман вел на берегу озера, возле полууснувших яхт. В этой исповеди нас чрезвычайно заинтересовал, в частности, рассказ Розена о конкретных взаимодействиях недобитых гитлеровцев с американской и английской разведками.

Естественно, эта исповедь была не единственным источником наших сведений о неожиданном альянсе союзников со вчерашним врагом. Она лишь дополняла общую картину, но в ней были конкретные факты, которые в припадке откровенности иаложил Карлу гауптман.

Рассуждая о причинах поражения абвера и гестапо, Розен сокрушался, что этим, как он полагал, более мудрым, чем аналогичные английские и американские службы, органам приходится идти в услужение победителю. Причем служить обучая.

— Да! Да! — зло говорил Розен у озера. — Мы сдаемся им, чтобы учить их! Именно мы подсказали им, что неисчерпаемые возможности для организации агентуры содержатся среди интернированных и в лагерях военнопленных. Именно мы организовываем эту работу.

— По-моему, мы сидим здесь без дела, — возразил тогда Карл.

— Мы сидим, — мрачно согласился Розен. — Но некоторые наши коллеги оказались более удачливыми. Они уже при деле и получают за это деньги.

— Неужели американцам так уж нужны наши консультанты? — спросил Карл.

— Нужны и консультанты, — отвечал Розен. — Нужны и исполнители. Вербовка, внедрение агентов, подготовка

складов с боеприпасами — все это требует грамотных людей. Этих людей находят среди нас. Потому что только мы имеем опыт работы с русскими.

Из вырыгавшихся откровений гауптмана Карл понял, что в западных секторах Берлина ведется планомерная работа по организации новой тайной войны, где вчерашние союзники оказываются по разные стороны баррикады, а вчерашние враги из числа тайных сил ведут дружеские переговоры за общим столом. Жестокое, бескомпромиссное и решительное столкновение идей и сил, их поддерживающих, не прекращалось с окончанием мировой войны, а лишь переходило в новую фазу. И снова целью оказывалось надругательство над волей народа, подготовка его к новым кровопролитиям.

Из общих рассуждений Розена Карл почерпнул и некоторые детали, имевшие для нас не тактический, а стратегический интерес. Так, ему стало ясно, что один из опытных абверовцев или гестаповцев непосредственно занимается организацией склада боеприпасов в районе и он же принимает деятельное участие в вербовке агентуры. Нетрудно было заключить, что именно этот недобитый гитлеровец мог бы дать советской контрразведке нужные сведения о «выстрелах в тишине». Столь же понятным было, что один из возможных путей к нему — разоблачение засланного агента.

Розен не назвал своего коллегу по имени, но он дал Истинному ниточку, по которой мы рассчитывали добраться до клубка. Гауптман сообщил, что среди репатриантов уже подготовлена группа, которая якобы настойчиво добивается возвращения на родину, а на самом деле получила специальные задания. С некоторой завистью он пожалел, что не сам готовил эту группу, сердито покриковал организаторов акции, но признал, что среди агентов есть и достойные люди. Особенно ему понравился один, которого он назвал Католик.

— Такие попадались мне редко, — признался гауптман, — но я сразу узнавал их. Они верны, как собаки, и хитры, как лисы. Они умеют, не смущаясь, смотреть собеседнику в глаза. А это очень важно для агента.

* * *

Итак, среди сведений, которые принес Игорь от Карла, было сообщение о группе агентов, один из которых верен, хитер и умеет смотреть в глаза. Конечно, этого очень

мало для того, чтобы в тысячах людей, прибывавших в то время из западных секторов, найти предателя. Но мы должны были сделать это. Более того, мы обязательно должны были разыскать именно верного и хитрого, потому что именно таким доверяют больше, именно он мог бы вывести нас на руководителя операции, знавшего адрес склада с боеприпасами.

Можно было подозревать, что этот склад организуется не для далекого будущего, в котором наши бывшие союзники начнут обеспечивать вчерашних врагов своим оружием, а для ближайших событий — скажем, для проведения крупных диверсионных операций.

Об агенте мы знали мало, но не безнадежно мало.

В то время все переходящие демаркационную линию репатрианты проходили определенную проверку, которая в большинстве случаев помогала выяснить истинное лицо прибывшего. Однако в данном случае мы имели дело с ловким противником, и наши действия по его разоблачению должны были отличаться от обычной проверки.

Если бы поблизости имелся костел, то мы постарались бы, чтоб он работал в эти дни — вряд ли верующий человек упустил бы возможность поблагодарить господа за возвращение. А поскольку верующих было сравнительно немного, в основном из числа малограмотных, — то наши поиски сузились бы значительно. Но, кстати, как раз отсутствие костела поблизости привело нас к одной важной, как оказалось впоследствии, догадке.

— Католики бывают разные, — сказал Виктор, утешая себя. — Неизвестно, какой костел ему нужен.

Эти слова почему-то запомнились мне, и, возвращаясь к ним, я подумал — а не мог ли неверующий ни в бога, ни в черта Розен назвать католиком вообще верующего?

Надо сказать, что фашисты активно использовали верующих в своих целях. Их запугивали, убеждали, что в Советском Союзе нет свободы совести. И нам приходилось разъяснять репатриантам, что Советская власть не преследует людей за религиозные убеждения, что у нас свобода совести, каждый имеет право исповедовать любую религию или не придерживаться никакого вероисповедания.

Результаты оказались — в каждой группе находилось человек до десяти, которые переставали скрывать свои

чувства, молились вечерами, крестились перед едой, так или иначе выдавали свою принадлежность к церкви.

Однажды Виктор доложил мне:

— Появился баптист. Странный парень.

— Чем странный? — спросил я.— Тем, что баптист?

— Не только,— сказал Виктор.— Понимаете, все так или иначе хотят доказать свою безгрешность, твердят, что попали в плен по не зависящим от них обстоятельствам. А этот заявил, что пленом его наказал бог. Наказал за грехи. Я поинтересовался — за какие грехи? Он ответил, что я не пастырь, исповедоваться передо мной он не станет.

— Все? — спросил я, чувствуя, что Виктор чего-то не договаривает.

— Только не смейтесь,— улыбнулся Виктор.— Он смотрит прямо в глаза — как ребенок, не отводя взгляда.

— Как назывался? Откуда?

— Круминьш. Из Латвии.

Я был буквально завален работой, но отложил все дела, чтобы познакомиться с Круминьшем поближе. Ко мне привели высокого светловолосого человека с большими, не по-крестьянски белыми руками. Я ожидал тут же встретиться с ним взглядом, но Круминьш смотрел в пол, даже отвечая на мое «здравствуйте». Я понял, что он насторожен, спросил:

— Вы чем-то обеспокоены?

Он наконец поднял на меня свои выцветшие голубые глаза, в которых тревога не мешала способности смотреть не мигая:

— Да.

— Чем?

— Тем, что меня вызвали к вам. К вам не всех вызывают.

— Откуда вы знаете наши порядки?

Круминьш смущился, но не отвел взгляда:

— Никого не вызывали.

— Может быть, просто я вызвал вас первым.

— Тогда извините,— сказал Круминьш.

— За что?

— Ну...— Что-то сбило его с толку, он не знал, как вести себя.— То есть... не извините... Тогда — все в порядке.

— Я тоже хочу, чтобы все было в порядке,— сказал я.— Видите, у нас с вами общие интересы.— Чтобы не

дать ему успокоиться, я добавил: — Если я не ошибаюсь. Садитесь, побеседуем. Может быть, у вас есть вопросы ко мне?

— Есть,— сказал он, неуклюже усаживаясь на стул.— Когда мне разрешат выехать на родину?

— Как только мы выясним, что все сказанное вами — правда,— пообещал я.— Это займет несколько дней. А сегодня я хотел бы разрешить одно сомнение. Вот вы говорите, что в плен вас отправил бог. Это, наверное, понятно вашим братьям по вере. Но я человек неверующий, и мне хотелось бы, чтобы вы перевели эти слова на обычный язык.

— Божий умысел толковать невозможно,— ответил Круминьш, продолжавший удивлять меня своим пристальным взглядом, из которого не исчезала тревога.

— Давайте все же попробуем,— предложил я.— Почему вы говорите, что плен — наказание?

— Конечно,— сказал он и стал объяснять, что бог не велит людям брать в руки оружие, что он, к счастью, не использовал данной ему винтовки, потому что попал в плен, когда их часть подвозили к фронту, и она, не успев выйти на позиции, была окружена противником, что бог спас его от страшного греха...

Я слушал его и думал — не напрасно ли трачу время? Не есть ли он один из тех зачумленных религией фанатиков, которым нужен врач, а не следователь? Не ошиблись ли мы, заподозрив Круминьша?

Но что-то всё время подсказывало мне: нет, не торопись расставаться с ним, у него в глазах не пустячная тревога, не педоверие к власти, а что-то значительно более серьезное.

Однако я все еще не знал, как подступиться к тому важному и необходимому нам, что он, возможно, скрывает. Круминьш говорил о боге пространно и с удовольствием, даже с сознанием какого-то своего превосходства надо мной. Это меня устраивало, я не мешал ему. Фиксируя, но тут же отбрасывая его сентенции, я вдруг остановился на одной.

Круминьш сказал:

— Бог и в плenу не оставил меня.

Я словно почувствовал в руках конец веревки, за который можно было подтянуть Круминьша к признанию.

— Чем же он помогал вам? Лишним куском? Или избавлял от страданий?

Он счел мои слова за насмешку, возразил:

— Физические страдания только на пользу духу.

— О каких физических страданиях вы говорите? — спросил я.— Ваши руки белы, значит, непосильным трудом вам не приходилось заниматься.

— Я был отдан в батраки, работал на сыроварне, там руки не почернеют.

— Вам повезло, — сказал я.— Не каждый попадал на сыроварню. А говорите о каком-то наказании. Знаете, я не сведущ в богословии, но с логикой до сих пор был в ладах. Поэтому мне кажется странным: как это ваш бог одновременно наказывал и одарял вас? Причем наказывал за грехи против себя, а одарял за грехи против народа. Да, да! — Я не дал ему возразить.— Вы укради у народа винтовку, которой ему так не хватало в то время. Именно укради, потому что вы не собирались стрелять из нее.

Говоря это, я думал о том, что в годы войны подобный поступок приравнивался к дезертирству и виновного судил трибунал. Сейчас же, после окончания войны, мы стали снисходительными к фанатикам от религии, махали на них рукой, прощали им тогда многое. Вполне возможно, что это хорошо известно нашему противнику и он сделал ставку именно на такую легенду.

— Хотите подвести меня под суд? — усмехнулся Круминыш.

— А если? — спросил я.— Ведь по вашей теории это тоже будет волей божьей. Что ж вам не нравится?

— Вы сами обещали не преследовать за религию, — напомнил Круминыш.

— Мы не преследуем за религию, но и не даем прятаться за нее, — сказал я.

По его глазам было видно, что он напряженно думает о чем-то. Заговорил он не сразу:

— Я не говорил, что не собирался стрелять. Я говорил, что бог, к счастью, не позволил мне сделать это. При случае я, конечно, подчинился бы командиру и взял бы на душу этот смертный грех.

Мне показалось, что веревочка, за которую я подтягивал Круминыша к признанию, стала ослабевать.

Казалось, дело Круминыша следует передать для обычной проверки. Мое интуитивное недоверие кое-кто мог бы счесть излишней подозрительностью. К тому же хватало другой работы. Обстоятельства складывались в пользу Круминыша.

Но ведь мы никогда не шли на поводу у обстоятельств. Надо было подчинить их себе, получить возможность контролировать и направлять их. В процессе обычных проверок нашим товарищам удавалось разоблачать агентов врага, обезвреживать их, но я уже говорил, что разоблачение хитрого и умного агента, умеющего пройти обычную проверку, было бы неоценимо для нас в то время — именно такой человек знал больше других и дал бы нам нужную информацию. Однако и подход к нему должен был стать необычным.

Об этом я думал после первой беседы с Круминышем — она оставила меня в убеждении, что наши отношения с ним только начинаются, хотя никакой реальной зацепки не было. Со второй беседой я не спешил, чтобы она не стала повторением первой, но в то же время обстановка требовала поторопиться. Мои размышления о нем походили на поиск ключа к замку, и наконец мне показалось, что ключ найден.

Я мог бы сейчас сделать краткий очерк технологии сыроварения, но думаю, что он будет интересен не каждому читателю. Кстати, сам я занялся ею тогда поневоле — вместе с изучением истории и географических особенностей сыроварения, полагая, что причастность к этой профессии в легенде агента не могла быть ложью, поскольку вряд ли противник мог тратить время на специальное обучение агента профессии — это время нужно было для обучения другим наукам. Скорее всего он использовал прошлые сыроваренные способности Круминыша — ведь в Латвии эта промышленность была развита. Но в таком случае сыровар из Прибалтики мог бы подтвердить лишь свою общую профессиональную подготовку, но не знание нюансов этого производства, скажем, в Бельгии или Голландии.

Несколько ночей провел я над специальной литературой о сыроварении, которую каким-то чудом добывал мне Виктор, и приступил к экзамену.

Круминыш срезался на простейшей технологии изготовления стягивающих обручей — как он ни старался объяснить их устройство, они получались типично прибалтийскими, о которых слыхом не слыхивали в тех местах, где он якобы батрачил в плену. Точно так же слыхом не слыхивал Круминыш о двойной стяжке, которая как раз применялась его якобы хозяевами на ферме.

Он вновь было заговорил о боге, но вдруг прервал сам себя:

— Впрочем, оставим бога в покое.

— Прекрасно! — согласился я.— Мне бы тоже не хотелось тратить на него время.

Во время своей исповеди Круминыш уже не так часто глядел мне в глаза, хотя эта его привычка еще сказывалась.

— Незадолго перед войной,— начал он,— у меня на родине установилась Советская власть. У меня была злоба ко всему советскому. Ее прививали мне и в баптистской общине, и дома. После прихода Советов мои родители были материально ущемлены, так что сами понимаете... Я везде изыскивал недостатки, а все, что мне встречалось положительного, я пропускал мимо ушей. Со своими приятелями я говорил только о недостатках... Мы смаковали их, преувеличивали, в наших разговорах Советская власть выглядела чем-то ужасным...

Он замолчал надолго и снова заговорил совсем о другом:

— Вы, конечно, не поверите мне. Но я сразу хотел прийти к вам именно с этим рассказом. Смелости не хватило... Сейчас я объясню вам, когда я впервые засомневался в своих представлениях о мире. Впрочем, нет, не впервые... Но это оказалось решающим. Плен уже подорвал мою веру в немецкое избавление. Но когда пришли американцы, я решил, что вот наконец-то явились наши освободители. Представители истинно демократического строя... Уж они-то оценят мою ненависть к Советам... Я стал жаться к солдатам и офицерам РОА, так называемым власовцам, потому что они жили примерно теми же надеждами. И вот с чем я столкнулся. При встречах с власовцами американцы, узнав, что они русские, улыбались, угощали сигаретами, шоколадом... Но как только они понимали, что эти «рашен» совсем не те русские, за кого они их принимали, отношение резко менялось. Те же американцы поворачивались к нам спиной, плевали нам под ноги... Я говорю о простых американцах — они и показали мне, что нигде я не найду сочувствия. И может быть, мое решение прийти к вам с этой исповедью было бы окончательным, если бы на моем пути не встретились иные американцы... Лучше по порядку? — спросил он.

— Лучше по порядку,— кивнул я.

— Я был призван в армию в сорок первом году. Но

мне удалось обзавестись медицинскими справками, по которым я был годен лишь для службы в тылу. Таким образом я избегал фронта до сорок третьего года. Наконец срок моим справкам истек, и очередная комиссия признала меня абсолютно годным. Обстоятельства действительно сложились так, что я, не успев принять участие в боях, оказался в плену... В течение трех месяцев нас перебрасывали из лагеря в лагерь. Однажды в лагере — это было где-то в северной Германии — появился человек, который хорошо говорил по-русски. Этот человек сделал нам предложение оказать услугу немецким войскам. Я расценил его слова как шанс на спасение... потому что... потому что, если говорить честно, я не скрывал от начальства лагерей своего отношения к Советской власти, но мне не верили. Я не стал задумываться, что может последовать за предложением этого человека, а лишь считал, что это лучше, чем лагерь. Условия в лагерях были ужасные. Так я оказался в разведшколе под Гифхорном.

Он стал подробно рассказывать о гифхорнской школе, и я, слыша его рассказ с известными нам данными, отмечал про себя, что он абсолютно правдив в этой части.

Круминьш продолжал:

— Я не успел окончить курс в школе. Пришли американские войска, и мы оказались предоставленными самим себе. Впрочем, так нам только казалось. Видимость свободы скоро закончилась, нас интернировали в лагерь, и тут выяснилось, что кто-то все время не спускал с нас глаз. Через несколько дней меня вызвали в контору лагеря, где незнакомый человек сказал, что он знает о моем обучении в школе, и предложил мне отправиться в советскую зону с тем, чтобы я выехал на родину и ждал курьера с паролем. Курьер должен был разыскать меня, передать привет от хорошего знакомого по имени Стасис Марцинкевичюс и сообщить о моем задании. Повторяю, что я уже разуверился в своих прежних надеждах и хотел сразу прийти к вам, но боялся...

Рассказ Круминьша был краток, и я стал задавать дополнительные вопросы, уточняя детали и некоторые факты. Круминьш отвечал уверенно, как человек, который почувствовал облегчение после признания и теперь готов говорить всю правду до конца. Все, что он сообщал, выглядело искренним и правдивым. Однако у меня уже в тот момент был подготовлен один вопрос, на который, как мне казалось, Круминьшу будет не так легко ответить, потому

что я предполагал, что в одном месте он оказался недостаточно точен в своих показаниях.

Я задал этот вопрос:

— Вы говорили, что вам встречались разные американцы. Одни привели вас к мысли о неправильности ваших убеждений. Другие мешали этому. Кто они были — эти другие?

Круминьш действительно на секунду растерялся, но все же ответил:

— Ну... Разные люди встречались... Были и такие, которые ругали Советскую власть.

— Давайте подробнее. О ком-нибудь из них,— предложил я.

— Ну... — Он вновь медлил.— Однажды в баре... какой-то американский офицер, подвыпив, ругал Россию.

— Вы посещали бары?

— Нам выдавали кое-какие деньги в школе. Они сохранились у меня.

— Пьяной болтовни офицера оказалось достаточно, чтобы вы забыли об отношении к вам рядовых американцев?

Круминьш хотел не отвести взгляда и не смог. Однако он нашелся с ответом и здесь:

— Вы правы. Я выдумал это, чтобы хоть как-то оправдать свою трусость. Я не встречал американцев, которые ругали бы Советскую власть. Я вообще мало общался с ними. Всего раз — когда они сначала уговаривали нас сигаретами, а потом стали плевать нам под ноги.

Легенда была убедительной. Почему же я все-таки считал ее легендой? Да хотя бы потому, что она была прецельно гладкой. Даже самая спокойная жизнь прерывается какими-то, пусть малыми, всплесками или провалами, а уж два года плены... А Круминьш словно с горы на лыжах спустился — вот, мол, эти мои два года, все ясно и просто, я хоть и виноват, но преступлений не совершал, а заблуждения свои преодолел. Он охотно признавался в трусости, при этом вовсе не выглядел трусом. Такое признание могло быть тонко рассчитанным ходом, ведь наглость и смелость врага обычно значительно уменьшаются с поражениями его хозяев. Специалисты тайных служб хорошо знали это, и отсюда Круминьш, во-первых, сознавался в трусости, чтобы выглядеть правдивее в своих показаниях, а во-вторых, был смел, потому что его хозяевами могли быть вовсе не разбитые наголову гестапо и

абвер, а уже другие организации, в силе которых он еще не сомневался.

Я сказал, что его легенда была предельно гладкой, и внешне это было действительно так. Внешне она строго следовала логике, однако есть и внутренняя логика, проверку которой легенда не выдерживала.

Если самороспуск школы действительно имел место, если можно было считать, что фашистские хозяева действительно не упускали своих бывших питомцев из виду, то столь быстрое привлечение их к новой работе нуждалось в уточнении.

Как бы ни были либеральны американское и английское командования к своему бывшему врагу, они еще не допускали его самостоятельной деятельности в западных зонах оккупации. Так что засылка агента наверняка была делом чьих-то иных рук, которые, может быть, и пользовались здесь услугами тайных специалистов рейха.

Засылка агента — не пустячное дело, и вряд ли наш противник пошел бы на риск, отправив агента от имени поверженных гестапо и абвера. Такой агент, разуверившийся в моци своих хозяев, в девяти случаях из десяти явился бы с повинной. Посылавшие должны были уверить его в достаточной поддержке, в том, что за его спиной стоит большая сила, иначе говоря — хоть немного открыть ему карты. Здесь внутренняя логика рассказа Круминьша нарушалась.

Дополнительными вопросами я давал Круминьшу возможность укреплять его позиции внешне, в то время как внутренне они рушились все более.

Я спросил:

— Незнакомец в лагере никак не представился вам?

Круминьш сделал вид, что удивлен:

— Разве я не говорил? Извините, волнуюсь... Конечно, представился. Он говорил, что Германию ошибочно считают стоящей на коленях. Что она жива и будет жить, даже если на время ей придется уйти в подполье. Что основные силы сохранены, и они будут действовать, действуют уже... Что недалек тот день, когда рейх возродится, чтобы не повторить прошлых ошибок, и снова пойдет на борьбу с коммунизмом... и тогда уже весь мир будет на его стороне. Он назвал себя представителем возрождающейся Германии.

— Позвольте, — сказал я. — Лагерь находился в американской зоне, его охрану обеспечивали американцы.

И вдруг представитель фашистской разведки свободно встречается и беседует с вами. Вам не показалось это странным?

— Должно было показаться,— с готовностью согласился Круминьш.— Но он сразу объяснил, в чем дело. Он сказал, что действия тайных служб американцы считают внутренним делом немецкого народа и не препятствуют им. При этом он подчеркнул, что речь идет о тайных службах возрождения государства.

— Достаточно туманно, чтобы принимать всерьез,— сказал я.— Очевидно, он также говорил вам, что вовсе не представляет фашизм, что с фашизмом покончено, что он имеет отношение к новым силам, которые не повторят пути гитлеризма.

— Именно так,— подтвердил Круминьш, насторожившись.

— Знаете,— улыбнулся я,— есть такая игра. В продолжения. Кто-то, скажем, начинает рассказывать известную сказку, другой должен продолжить, потом третий. Если сказка достаточно известна, такое продолжение трудности не представляет и она будет рассказана до конца. Так и у нас с вами. Я вполне могу завершить вашу легенду без вашей помощи. Но у меня есть другое предложение. Давайте говорить друг другу правду — это самый короткий путь к тому, к чему мы должны прийти и к чему мы непременно придем. Сейчас мы расстанемся, чтобы у вас было время подумать. Но прежде я хочу сказать вам еще одну вещь. Ваша легенда построена по принципу «так может быть». Но так, к несчастью для вас, не всегда бывает. Мы хорошо знакомы с методами работы германских тайных служб и хорошо знаем их способы разработки легенд. И хотя в рассказанной вами сказке есть некоторые отклонения, знакомый сюжет уловить нетрудно. Чтобы не быть голословным, я сошлюсь на ваши слова о встречах с власовцами. Деталь эффектная, но неправдоподобная. Это могло иметь место в первые дни американского вторжения, но вы в это время находились в окрестностях Гиффорна...

Круминьш торопливо перебил меня:

— Может быть... может быть, у меня перемешалось действительное с тем, что я слышал в лагере от соседей по бараку... Вы же понимаете, в таком состоянии...

— Если мы будем принимать в расчет вашу забывчивость,— сказал я,— придется предположить, что и в ос-

тальном вы не в ладах с истиной. Я хочу, чтобы вы поняли — мы оба заинтересованы в правде. Признаюсь также, что для меня, в общем, не секрет, о чем вы сейчас думаете. Я представляю степень вашей тревоги и могу предугадать ваши попытки выскользнуть из сетей, которые вы сами для себя расставили. Но подчеркиваю — я готов помочь вам лишь в том случае, если вы будете искренни. А мне кажется, что без моей помощи вам не обойтись. Подумайте обо всем этом перед нашей следующей встречей.

Еще не закрылась за Круминышем дверь, а я уже готовился к этой самой следующей встрече. Параллельно шли другие дела, и в их числе дело о мыле, подгонявшее меня больше других. Но надо признать, что пришлось еще не однажды встретиться с Круминышем, прежде чем он заговорил по-настоящему. На этих встречах я сразу прекращал вопросы, как только улавливал в ответах ложь. Тогда мы подолгу беседовали, если можно так сказать, «вообще» — о положении в мире, о судьбе народов и отдельных людей, о необходимости правды как способа бытия...

Круминыш понимал, что я жду от него какой-то важной информации, и в некотором смысле это было его козырной картой — он полагал, что, пока я не получил информации, ему обеспечено безбедное житье с трехразовым питанием, крышей над головой и постелью на ночь. Он боялся, что искренность приведет к тому, что по решению трибунала его судьба круто изменится. Не имея права давать ему конкретные обещания, я старался привести Круминыша к мысли, что полное признание в любом смысле облегчит ему душу, потому что человек — не животное, он не может существовать только ради хлеба и сна. В конце концов Круминыш сдался.

К этому времени мы уже знали его довоенную историю, и поэтому, когда он спросил, с чего начинать, я сказал, чтобы он начал с пленца.

* * *

Их вели по раскисшей осенней дороге. Из-за моросящего дождя утроказалось сумерками. Злясь на непогоду, конвойры выменивали это на пленных — падающих и отстающих расстреливали и бросали в кювет.

Круминыш шел в полузабытьи — первая его попытка

объяснился с фельдфебелем, взявшим его в плен после полуторасуточного блуждания по лесу, кончилась ударом приклада в голову, и сейчас голова раскалывалась от боли, и в ней лишь увеличивался ужас, когда раздавался очередной выстрел в упавшего.

В основном в колонне были раненые. Иногда чье-то лицо казалось Круминьшу знакомым, но боль в голове мешала сосредоточиться и рассмотреть сквозь сетку мелкого дождя, он опускал взгляд, шел один, ни с кем не разговаривая, не вступая в какой-либо контакт.

Раненые шли медленно, что дополнительно бесило конвоиров — в их репликах Круминьш, понимавший по-немецки, слышал предложения расстрелять всю колонну, и его бывшие надежды найти приют у немцев рассыпались окончательно.

С момента отправки на фронт он стал ждать случая перейти к немцам — выросшая ненависть к Советской власти, казалось ему, могла быть удовлетворена, и он наивно полагал тогда, что тут же получит ферму в родной Латвии, а рядом построит сыроваренный завод. Случай помог Круминьшу — на участке, куда пришел их эшелон, шли упорные бои, в которых яростно сопротивлявшимся фашистам удалось добиться временного успеха, и брошенное в прорыв подразделение Круминьша оказалось в кotle, из которого советские бойцы пробивались разрозненными группами. Ему удалось отстать от своей группы, он бросил винтовку и шел по лесу безоружный — на запад, рассчитывая сдаться первым встречным немцам.

Встреча состоялась на следующий день, и Круминьш, крича по-немецки: «Сдаюсь!» — остановился, поднял руки. Четверо солдат с фельдфебелем не спеша подошли к нему, разглядывали с любопытством. Он, опять-таки по-немецки, стал объяснять, что решил сдаться в плен и добровольно, но тут фельдфебель, то ли бывший не в настроении, то ли не доверяющий ничему на свете, не дослушав, оглушил Круминьша прикладом, а солдаты потащили и бросили его на подводу. Придя в себя, Круминьш хотел было пуститься в новые объяснения, но встретился взглядом с фельдфебелем и понял, что ничего хорошего ждать не приходится. Он всегда любил смотреть в глаза человеку, считая, что тем самым обретает какое-то превосходство, но тут отвел взгляд от налитых кровью глаз фельдфебеля.

Сквозь боль в голове Круминьш ужаснулся мысли, что

все произойдет не так, как он предполагал, что никакой фермы он не получит, что он никому не нужен здесь и скорее всего впереди его ожидает смерть. С тех пор ужас не покидал его.

Круминыш не пытался больше вступить в контакт с немцами — и тогда, когда его бросили в охраняемый сарай, и тогда, когда его вместе с другими узниками повели в общую колонну, и в самой колонне. Более того — он чувствовал, что поддержку может найти только среди тех, кто идет вместе с ним в колонне, но, помня о брошенной винтовке, о своем крике «сдаюсь!», не решался обратиться к кому-либо из пленных, словно боялся, что им известно обо всем этом.

Он несколько пришел в себя в лагере, куда их привезли уже через неделю и где в первые дни оставили по какой-то причине в покое, затолкав в огромный барак. Осмотревшись, Круминыш и здесь не стал искать контактов с пленными — ему показалось, что они смотрят на него отчужденно, что, впрочем, так и было: он все время до этого держался в стороне, да к тому же утром и вечером молился.

Размыслия, он решил вновь объясниться с немцами, но этому помешал случай при раздаче баланды, от которой все еще мутило, но которую изголодавшийся Круминыш съедал без остатка. В очередной раз ему показалось, что в миску плеснули не полный половник, и он неизвестно почему потянулся миской за добавкой. Раздатчик и пришедший на помощь конвоир жестоко избили Круминыша.

Вкус предательства оказывался горьким. Боясь развернуться в бого, Круминыш молился ему все усерднее, что вызывало насмешки большинства, а утешения немногих верующих тоже закончились быстро: Круминыш был баптистом, и это оттолкнуло их, да и сам он сторонился иноверцев.

Бог не слышал Круминыша. При осмотре барака, где были размещены в основном раненые пленные, он был признан годным к работе и уже на следующее утро копал ров на окраине городка. Здесь он понял, что Германия готовится обороняться на своей земле, и, значит, в недалеком будущем вполне вероятна встреча с советскими войсками, которые потребуют ответа за его поступки.

Не обделенный умом Круминыш стал загодя готовиться к этой встрече, и тогда-то появились зачатки его леген-

ды, впоследствии одобренной хозяевами, по которой в соучастники происшедшего приглашался баптистский бог.

Подготовка ко лжи, казалось, была одобрена богом, ибо лишь несколько дней провел Круминыш на тяжелых земляных работах. Однажды утром на построении, после которого пленных гнали ко рву, их неожиданно задержали. Радуясь даже такому отдохну, Круминыш не размышлял о причинах задержки, когда перед строем появился худощавый человек лет сорока в полувоенном костюме. Человек этот молча и не спеша шел вдоль строя, осматривая узников. Когда он поравнялся с Круминышем, Круминыш не отвел взгляда.

Человек остановился, спросил по-русски:

— Что смотрите? Чего хотите?

Круминыш отвечал по-немецки:

— Все в порядке, господин начальник.

Человек кивнул сопровождавшему его офицеру, и тот записал номерной знак Круминыша. Затем визитер выступил перед строем с речью. Он повторял слова Геббелльса о рейхе, обещал немыслимые блага за определенное сотрудничество, грозил уничтожением за любое неповинование. Так что, когда Круминыша вызвали в канцелярию лагеря, он хоть и не предполагал, о чем пойдет речь, но смутно надеялся, что с этим человеком ему удастся договориться.

Однако уже привыкший ко всяkim неожиданностям Круминыш, войдя в канцелярию и оказавшись один на один с худощавым визитером, не спешил заговорить первым. Визитер тоже не торопился с разговором, осматривал Круминыша с брезгливостью и долго. Наконец спросил:

— Вы хотели донести на кого-то?

— Нет,— отвечал Круминыш по-немецки, не отводя взгляда.

— Откуда вы знаете немецкий язык?

— Я родом из Прибалтики.

— Да? — Брезгливость исчезла, но худощавый сказал резко: — Перестаньте таращить на меня глаза и говорите по-русски!

— Слушаюсь! — Круминыш опустил голову.

— Чего вы хотите? — повторил свой утренний вопрос визитер.

— Жить,— коротко ответил Круминыш.

Человек споткнулся и пристально смотрел на Кру-

миньша, что-то решал — Круминыш показалось, что у его собеседника растет какое-то сомнение.

— Хорошо. Идите,— сказал визитер.

Свободный в этот день от работ Круминыш особенно усердно молился, уверенный, что в самом скором времени его судьба должна была измениться. Так оно и случилось.

Правда, Круминыш не знал, что доклад о нем худощавого визитера сопровождался предположением о причастности Круминыша к одной из разведок, и поэтому, когда через день за ним явились на комфортабельной машине, отправился в неизвестность с радостной надеждой.

Ехали долго, миновали несколько поселков и городков, остановились в предместье у большой виллы, вход в которую тщательно, как заметил Круминыш, охранялся.

Его поразило обилие военных в коридорах виллы. В комнате, куда его ввели, тоже было несколько офицеров, один в чине полковника. Из-за стены доносились раздавшие Круминышу крики и стоны.

— Отведите его,— сказал полковник, осмотрев Круминыша.

Он снова оказался в коридоре, заполненном военными. Сопровождавшие его люди стали толкаться в одну дверь, в другую — все они оказывались запертыми, из-за некоторых слышались крики избиваемых людей.

Круминыш почувствовал, что ноги подкашиваются, еще бы мгновение, и ему стало бы дурно, но один из сопровождавших подхватил его под руку, спросил участливо:

— Что с вами?

Круминыш, ободренный, пришел в себя — он и представить себе не мог, что все происходит по заранее намеченному сценарию.

Наконец дверь одной из комнат поддалась, и Круминыш оказался в довольно просторной комнате, не сразу сообразив, что щелкнувший в замке ключ означает, что его заперли.

Одиночество, впрочем, длилось недолго и было прервано появлением трех человек в белых рубашках с закатанными рукавами, а вместе с ними начался многосугубочный кошмарный сон. Вшедшие без всяких слов и объяснений стали избивать Круминыша. Первые слова он услышал, когда пришел в себя на полу оттого, что его обливали холодной водой.

Теперь вперемежку с ударами от него требовали назвать связи, назвать цель, с которой он сдался в плен, назвать его якобы настоящее имя.

Круминыш кричал, молил о пощаде, клялся, что он не советский разведчик. Ужас и боль были настолько велики, что дальше было некуда — дальше они не могли увеличиваться, дальше должна была наступить смерть. Но могучий организм Круминыша выдержал. Когда он в очередной раз очнулся уже на мокром каменном полу камеры, то с изумлением почувствовал, что боль можно терпеть, а ужаса нет вовсе. Даже когда он подумал о предстоящих новых пытках, ужас не появился.

Если ты хочешь жить, сказал себе Круминыш, нужно что-то делать.

До этого он был орущим животным, теперь наконец заработала мысль. Круминыш понял: нужно во что бы то ни стало доказать им, что он не враг, что он готов служить им, что он сделает все для того, чтобы его оставили живым и перестали бить.

Такую возможность ему предоставили в тот же день — в камеру для допроса явился тучный пожилой гестаповец.

— Долго мы будем играть в прятки? — спросил он.— Вам не надоели побои?

Собрав всю волю, Круминыш сказал как мог спокойно:

— Я очень прошу вас выслушать меня. Происходит страшная ошибка. Я всю жизнь ненавидел Советскую власть. Я — баптист. Бог запрещает мне пользоваться оружием. Я ни разу не выстрелил в немцев. Бросил винтовку в первом же бою, сдался добровольно. Я хотел обзавестись фермой и варить сыр. Но никто ни разу не выслушал меня. Я прошу вас поверить мне, прошу вас испытать меня! Я докажу...

Только теперь Круминыш был подвергнут настоящему обстоятельному допросу. Гестаповец скрупулезно записывал его адрес, дату рождения, номер части, другие ответы на множество мелких вопросов и, уходя, пообещал:

— Если все это правда, я помогу вам. Только заранее предупреждаю — выкиньте бред о неприменении оружия. Сейчас он несвоевременен.

Через месяц, дав согласие, Круминыш оказался слушателем разведшколы в Гифхорне.

Учили многому и по-настоящему: стрельбе, радиоделу, топографии, конспирации... Как бы ни была удалена от мира школа, за ее стены просачивались сведения о по-

ражении немецких войск, и слушатели скрытно недоумевали — для чего их готовят, если война вскоре может закончиться и они никому не понадобятся? Разве не разумнее использовать даже сейчас их в какой-то мере достаточное умение? Ведь завтра оно может быть бессмысленным.

Но педагоги педантично читали лекции, принимали зачеты, все более расширялся круг преподаваемых дисциплин.

Удивлялся и Круминыш, но он удивлялся радуясь — любая отсрочка от реальных дел казалась ему божьей благодатью. В этом сказывался его прошлый характер — он всегда старался отсидеться в стороне от решительных действий. Но пожалуй, это было единственным, что осталось от прежнего характера Круминыша. Теперь он стал не просто скрытен, но осторожничал даже перед самим собой: он уже не признавался себе ни в ненависти к Советской власти, ни в преданности рейху, понимая, что всегда с этих пор будет действовать по обстоятельствам, которые покажут, кого надо больше бояться и кому служить. Он даже подозревал, что служить разваливающемуся рейху не придется, и опять стал возвращаться к разработке легенды на случай встречи с советскими войсками. Разумно полагая, что скрыть учебу в школе вряд ли удастся, он решил при случае использовать ее как козырь для «чистосердечных» признаний — признаваясь, он рассчитывал завоевать доверие и использовать его для сокрытия истины.

Претензий к нему не может быть, думал Круминыш, он ведь всего лишь учился.

В отношениях с начальством школы Круминыш тщательно демонстрировал усердие, но не избегал возможности специально «завалить» зачет, чтобы и этим продлить свое пребывание в тылу, подальше от линии фронта.

Но в одном он испытывал определенные неудобства. Хотя в школе никто не осуждал его баптистского вероисповедания, но никто не собирался потакать ему в основных принципах его веры. Он понимал, что и заикаться не следует о нежелании иметь дело с огнестрельным оружием, тут уж терпимости хозяев определенно наступит конец, поскольку те из них, кто временами осеняли себя крестным знамением, вовсе не считали его несовместимым с расстрелами и убийствами.

Круминыш понимал, что его положение неустойчиво и

далеко от покоя. Чтобы обрести покой в будущем, от него потребуются немалые действия. Для них он тренировал свою волю, выработал невосприимчивость к боли, научился не отводить глаз при любой ситуации, тренировал логику — для этого намеренно лгал о чем-то кому-то из соучеников и старался доказать, что говорит правду.

Вместе с тем его постоянно одолевала тревога. Он точно не мог сказать, что его не удовлетворяло, но червь сомнения грыз и грыз его душу. И в минуты таких сомнений Круминьш обращался к богу.

Как он считал, бог, вернувшись к нему, уже не оставил его. Особенно он уверился в этом при спешной эвакуации школы. Собственно, эвакуировалась не вся школа, а только ее руководящий состав и некоторые слушатели, в числе которых Круминьш постарался не оказаться, умело разыграв приступ желудочного заболевания и оказавшись в покинутом персоналом лазарете.

Через несколько дней выяснилось, что оставшиеся на территории школы слушатели брошены на произвол судьбы. Многие из них стали незаметно исчезать. Было известно, что с запада движутся американские войска, а с востока — русские. Круминьш отправился на запад. Он никого не пригласил к себе в спутники.

Одетый в гражданское платье, изъяснявшийся по-немецки, он оказался в оккупированном американцами городе и сразу же столкнулся с прозаической, но чрезвычайно трудной в те дни проблемой — пропитанием. Рабочая плата если и была кому-то нужна, то никак не оплачивалась, его разговоры о ферме и сыроварении принимали за бред, милостыню просить он не решался, да и понимал, что это бесполезно. Случайные подачки заокеанских победителей не могли прокормить его. С каждым днем он понимал, что есть лишь два выхода: либо воровать, либо идти с каким-то, еще неясно с каким, предложением к американским войскам.

Ему не были доподлинно известны настроения победителей, но по поведению простых американцев он понимал, что вряд ли может предложить такой свой товар, как плен и разведшкола. Но и воровать он тоже не решался.

Он уже подумывал о возвращении на восток, на родину, вновь перебирал в мыслях свою легенду, и ему все более казалось, что она выручит его и в скором времени он сможет добраться до Латвии.

Еще не пришедший к окончательному решению, он

однако, стал перемещаться к востоку и наконец оказался в американском секторе Берлина. Отсюда до объяснения с советскими властями было рукой подать, но нужно было что-то переломить в себе, а Круминьш все еще оттягивал последний шаг.

Может быть, подспудно этому мешало одно наблюдение, которое поразило Круминьша в начале его продвижения к Берлину. Среди американских офицеров он иногда встречал людей, в которых каким-то чутьем угадывал немцев. Эти люди выходили из роскошных машин, вели себя непринужденно и, судя по всему, были довольны своим настоящим положением.

И вот в Берлине он не просто встретил такого человека, он узрал в нем надменного немца, которого однажды видел на загородной вилле, куда его привезли для первых избиений. Круминьш хорошо помнил, что человека этого провели по коридору под конвоем.

А сейчас он вышел из большого здания, у дверей которого стоял американский часовой, показал этому часовому пропуск и не спеша направился к черному «мерседесу» с шофером за рулем.

Круминьш бросился через улицу, боясь, что человек этот уедет навсегда, и перехватил его, когда он взялся за ручку дверцы.

— Мне нужно поговорить с вами! — сказал запыхавшийся Круминьш.

— О чём? — Человек смотрел с подозрением.

— Я знаю вас! — отвечал Круминьш. — Я видел вас на вилле. Меня тоже допрашивали там. Я должен многое рассказать вам.

— Садитесь в машину, — сказал Надменный после некоторой паузы и предупредил: — Говорить будем позже.

Он привез Круминьша к двухэтажному дому — тоже с американским часовым у дверей, коротко бросил часовому по-английски: «Со мной» — и повел Круминьша в большой кабинет, где на столе стояло несколько телефонов.

Им никто не встретился на пути, и вообще дом производил впечатление пустого.

— Садитесь. — Надменный кивнул на обитое кожей кресло. — Я слушаю вас.

В машине Круминьш имел время поразмыслить и сейчас не был уверен, что должен быть откровенным с этим человеком, к тому же под холодным взглядом хозяина кабинета он чувствовал себя неуютно.

— Мы с вами в одно время находились под арестом,— начал Круминыш и замолчал.

— Что из этого следует? — спросил Надменный.

— Не знаю, как вас, но меня арестовали ошибочно,— продолжил Круминыш осторожно.— Я был советским военнопленным...

Надменный перебил резким вопросом:

— В какой школе учились?

— Под Гифхорном.— Далее Круминыш назвал имя, псевдоним и фамилию начальника курса.

— Что собираетесь делать?

— Хочу вернуться на родину.

— Зачем? Не боитесь трибунала?

— Сдыхаю от голода,— коротко ответил Круминыш.

— Ждете, что я накормлю вас? Хотите, чтобы я отговорил вас от возвращения в Россию? Что?

— Есть хочу,— сказал Круминыш.— Больше ничего не знаю.

— На бильярде играете?

— Нет.

— Жаль,— сказал Надменный и вдруг потянулся.— Что ж, я накормлю вас. И может быть, найду время побеседовать с вами о вашей жизни. Сейчас вас отвезут в одиночное место. Некоторое время вам придется побывать одному.— Он говорил с каким-то сожалением.— Надеюсь, вы не будете скучать.

— Слушаюсь! — Круминыш вскочил с кресла и вытянулся.

— С этим не спешите! — отмахнулся Надменный.— Пока что ни вы, ни я не знаем друг друга.

За этим разговором последовали несколько дней рабочей, по тем представлениям Круминыша, жизни — регулярное питание, полный покой и свобода в загородном домике, если не считать охраны у выхода, которая недвусмысленно давала понять, что путь из дома для него закрыт.

Хозяин появился деловой и сосредоточенный, сразу объяснился:

— Я не сторонник разглагольствований. Провокации не боюсь, поскольку вы в моих руках и не выйдете отсюда, пока я...— Он сделал паузу и продолжил решительно: — Пока я не буду уверен в вашей преданности. Не привык говорить с подчиненными в таком тоне, но время диктует свои законы. Итак, вы действительно тот, за кого

себя выдаете. Поэтому путь на восток у вас один — с нашим заданием. Любое отклонение от этого пути для вас смертельно, потому что мы сумеем помочь советской контрразведке узнать всю правду. Правда, кроме всего прочего, будет заключаться в том, что вы собственноручно расстреляли несколько десятков советских военнопленных. Может быть, вы впервые узнаете о том, что живые мишени на вашем полигоне были не движущимися щитами, а действительно живыми мишенями. Вас могут ожидать и другие неожиданности, от которых вам невозможно будет отказаться. Далее... Вы достаточно подготовлены к самостоятельной работе, и сегодня мне нужно ваше письменное согласие на выполнение нашего задания. Вы готовы дать его?

— Да,— сказал Круминыш без промедления.

Надменный протянул ему типографский бланк:

— Проставьте свои настоящие имя, фамилию, отчество. Заполните графу «Псевдоним», поставьте число и распишитесь.

Круминыш пытался прочесть текст, но слова путались у него, и он лишь торопливо выполнил требование.

— Спасибо,— сказал Надменный, пряча бланк.— Должен сказать, что и нам, и вам повезло. Нам — потому, что вы нам нужны. Вам — потому, что миновали ряд инстанций и попали прямо ко мне. На днях, скорее всего завтра, поговорим более подробно. До свиданья.

Следующую ночь Круминыш провел без сна. Он не мог понять, кто этот человек, к которому он столь неосмотрительно бросился на улице, но одно было ясно: положение свое он значительно усложнил и за кормежку придется расплачиваться. Конечно, к легенде можно было присовокупить и эту встречу, несмотря на данную расписку, но его очень смутил рассказ о живых мишенях. Еще в школе кто-то высказывал подозрение, что на движущихся щитах привязаны не мешки, а люди, но стрельба из автоматического оружия велась обычно вечером, из щелей и на большом расстоянии — отрабатывались террористические акты,— и наверняка не знал никто.

Круминыш пытался представить себе, что абвер в данных условиях остался жив, и его смущало сейчас не то, что такое предположение крайне мало вероятно, а то, что ему придется служить этому полуторупу, за спиной которого уже нет никогда могучего рейха. Слабость позиций абвера стала бы слабостью позиции самого Круминыша.

Бессонница не привела его ни к какому выводу, и утром он уже только молился своему богу.

На следующий день Надменный явился в сопровождении человека в роговых очках, который подал Круминышу руку и представился:

— Вальтер.

Этот Вальтер словно подчеркивал простоту обращения, но по тому, как сел в стороне Надменный, Круминыш понял, что именно Вальтер — первая скрипка в сегодняшней беседе.

— Расскажите о себе. Все и подробно,— попросил Вальтер, доставая и включая магнитофон — столь небольшой по размерам прибор Круминыш видел впервые.

Неожиданно для себя — об этом он и не помышлял бессонной ночью — Круминыш изложил именно ту легенду, которую готовил на случай встречи с русскими: если раньше он говорил немецким властям, что сдался в плен добровольно, что всегда мечтал об этом, то сейчас объяснил плен божьей милостью и вообще старательно подчеркивал свою религиозность.

— Недурно,— сказал Вальтер, выслушав.

— Недурно,— согласился и Надменный, но добавил: — Хотя и наврано наполовину.

— Ну, теперь остались мелочи...— Вальтер обращался к Надменному.— С ними я справлюсь сам.

Круминыш понял, что Вальтер вежливо выпроваживает Надменного, и действительно, тот тут же поднялся с едва мелькнувшей обидой во взгляде и, не прощаясь, ушел.

— Я думаю, мы поговорим более откровенно вдвоем.— сказал Вальтер после ухода Надменного.— Дело в том, что я тоже баптист. Мы с вами братья по церкви, и я вполне разделяю заповедь «не убий». Я никогда не был сторонником мясников.— Он даже повернулся к двери, через которую ушел Надменный, но Круминыш понял, кого он имеет в виду, и тут же решил, что Вальтер, назвавшийся немецким именем, вовсе не немец.

— На свете существует много способов борьбы без оружия,— продолжал Вальтер.— Именно они освящены богом в крестовом походе против ереси. Я, например, борюсь не с коммунизмом. Я борюсь с ересью, которую он несет. Поэтому коммунизм на земле должен быть уничтожен раз и навсегда. Он — Армагеддон, он — копец мира. Наша борьба святая, но вы правы, она не должна вестись

с помощью оружия. Пусть бог вложит оружие в руки тех, кого он сочтет достойным.

Голос Вальтера обволакивал, и Круминьш, который в другое время с легкостью обнаружил бы несоответствия и противоречия в этих рассуждениях, сейчас гнал сомнения, расслабленно отдавался доверию единоверцу.

— Кто вы? — спросил он только, когда Вальтер сделал паузу.

— Вы мне нравитесь.— Вальтер улыбнулся.— Вы не просто настоящий брат во Христе, несущий в душе своей нежность. Но вы и практичный человек. Мы ценим это в людях. Я отвечу вам. Я представитель свободного мира. Гитлер был безумцем. Он воевал со всем белым светом, а надо было воевать с коммунизмом. Мы вынуждены были встать на путь борьбы с Гитлером и уничтожить его. Свободный мир силен, и завтра... нет, уже сегодня... он берет на себя миссию похода против коммунизма. Служа нам, вы будете служить богу, и он не оставит вас. Мы также не оставим вас.

Что-то подсказывало Круминьшу, что возле серьезных дел, к которым его сейчас привлекают, в то же время ведется обыкновенная игра и, может быть, в этой игре он всего лишь пешка, но он продолжал поддаваться обаянию голоса Вальтера, подчинялся правилам этой игры настолько, что спросил, вконец уж расслабившись:

— Я всегда мечтал о собственной ферме. Вы поможете мне?

— Конечно! — тут же заверил Вальтер, прижимая руку к груди.— Я сам человек сугубо мирный и очень хорошо понимаю вас. Мы выиграем нашу святую борьбу, и каждый из нас займется делом, угодным ему и богу.

— Мне надоело сидеть здесь взаперти,— сказал Круминьш.

— Вас держат взаперти? — удивился Вальтер.— Я не знал об этом. Считайте, что с этой минуты вы свободны. Возле дома есть гараж с машиной. Вы водите машину?

— Да, меня научили этому в школе.

— Впрочем, нет,— спохватился Вальтер.— Мы дадим вам шофера. Вы ничем не должны утомлять себя сейчас.

Последние слова могли быть и заботой, и приказом, Круминьш не стал задаваться таким вопросом, он уже твердо знал, что ни в чем не будет возражать Вальтеру. Человек, который предоставлял ему свободу, наделял его машиной с шофером и... да, конечно, и деньгами, потому

что Вальтер вытащил тую набитый бумажник и уже отсчитывал банкноты... человек этот никогда не услышит от Круминьша никаких возражений, потому что он, несомненно, представляет могучую силу, является проводником бога и способен всегда защитить Круминьша.

Вновь начались дни наслаждения — один, другой, третий... Круминьш приезжал в Берлин на машине, сдержанно кутил, а обнаружив баптистскую церковь, наскоро оборудованную для американцев, заканчивал день молитвой.

Благоденствие прервал Надменный. Он приехал с красноречивым верзилой, предложил им внимательно всмотреться друг в друга и запомнить. После этого Красномордый ушел, а Надменный остался.

— Надоело бездельничать? — спросил он.

— Признаться — нет, — отвечал Круминьш, не отводя взгляда.

— Сказав другое, вы солгали бы, — усмехнулся Надменный. — Но эта ваша правдивость... она мне по душе. Ну... как бы там ни было, вам придется готовиться к делу. Поэтому прежде всего следует закончить прогулки в Берлин. С этого часа вы не будете покидать своей комнаты до определенного приказа. Вот ваша легенда. — Он положил перед Круминьшем машинописный текст. — Должны знать ее лучше, чем молитву. Скажу сразу, что меня кое-что беспокоит в ней.

— Что? — спросил Круминьш.

— Ее краткость. Она не обросла деталями. Так что советую вам обдумать ее и сделать предложения для дополнений.

Надменный был недоволен чем-то, и Круминьш, заметив это, предположил, что он является сейчас лишь исполнителем воли Вальтера и хочет хоть как-то отыграться за свое унижение.

При очередной встрече с Вальтером Круминьш сказал об этом напрямик, на что Вальтер покачал головой, ответил:

— Не надо обращать на это внимания.

— Но он сомневается в легенде. — Круминьш смотрел Вальтеру в глаза.

— Он не знает всего, — мягко возразил Вальтер. — В частности, того, что эта легенда — для обычной проверки. Для нее большого не требуется. Если вы уже заучили эту легенду, вот вам вторая. — Он тоже положил перед

Круминьшем машинописные листы.— Эта — на случай, если обычная проверка не пройдет гладко. И еще.— Вальтер помолчал, прошелся по комнате.— В каждой борьбе есть один командир. Вы должны хорошо уяснить это. Это вовсе не значит, что вы не должны подчиняться моему знакомому. Но... Вы только должны делать вид, что подчиняетесь. А на самом деле... на самом деле сегодня же забудьте того человека, с которым он вас знакомил. И когда мой знакомый даст вам поручение... а это может случиться, хотя он не уполномочен давать вам поручения... сделайте вид, что вы приняли его приказ. А потом мы посоветуемся с вами, как нам быть. Вы поняли меня?

— Понял,— сказал Круминьш.— Можете на меня положиться.

— Очень хорошо! — сказал Вальтер.— Это очень хорошо! Но это вовсе не означает, что мой знакомый — наш враг. Нет, он наш союзник, но иногда излишне горяч. У него преувеличенное самолюбие, он считает, что может справиться с коммунизмом в одиночку. — Вальтер посмеялся. — Итак, принимайтесь за вторую легенду.

Вторая легенда была пространней, во многом совпадала с той легендой, которую готовил для себя сам Круминьш, но в ней отсутствовало признание о встрече с узником с загородной виллы.

В ряде вопросов, которые Круминьш подготовил по легенде для Вальтера, этот был основным.

— Как я объясню свое пребывание между школой и появлением в советской зоне? Я не был в лагере для интернированных и боюсь запутаться.

Вальтер стал наставлять:

— В лагере вы все время проводили в молитвах. Ни с кем не общались. По ошибке вы были помещены не с русскими, а с пленными англичанами — в канцелярии могла произойти ошибка из-за вашей странной фамилии. Но к этому мы еще вернемся, а сейчас я хотел бы поговорить о смысле вашей работы. Не о самом задании, то есть не о конкретных действиях, а о их сути. Вашей задачей будут отнюдь не взрывы мостов или зданий, не — о чем мы уже говорили — террористические акты... Если таковые потребуются, ими займутся другие люди, наши с вами руки при любых условиях останутся чистыми. Мы с вами должны как следует усвоить, что уничтожение коммунизма невозможно без предварительного расщепления его идейных основ. Со слепых глаз должно быть

сдернуто покрывало, заблудшие души должны прозреть. Вот наша цель, и все наши усилия должны быть направлены на ее достижение. Мы обязаны усвоить, что наша политика — вовсе не отражение классовой борьбы, как это было раньше. Свободный мир научился разрешать свои противоречия бесконфликтно, и отныне политика — результат внешних воздействий. Иначе говоря, она диктуется неизбежной и бескомпромиссной борьбой с коммунизмом. Коммунистическая идеология уступит место нашей, свободной идеологии, но для этого мы должны постараться. И прежде всего не спешить. Не нужно начинать со сравнения идеологий в пользу нашей. Следует начать с отрицания идеологии вообще, объявив ее жандаром свободы. Следует объяснять людям, что путь к демократии лежит через деидеологизацию. Что лишь уничтожение идеологии приведет к свободе, в том числе к свободе творчества. Запомните, кстати, что свобода творчества — это та приманка, на которую клюют многие. Следует пропагандировать беспартийность или в крайнем случае многопартийность. Надо собирать вокруг себя учеников и последователей. Для этих собраний у вас есть прекрасная конспиративная квартира — лондонская церкви. Выполняя свое задание, не считайтесь со временем. Главное — осторожность и еще раз осторожность. Лучше делать свое дело медленно, но наверняка. Мы еще много будем говорить об этом. Сегодня усвойте одно — вы становитесь бойцом на совершенно новом фронте, на фронте борьбы за души людей. Здесь воюют не выстрелами.

Вальтер обещал долгие разговоры, но их не случилось. Очевидно, Надменный не был окончательно подчинен сладкоречивому Вальтеру и нашел более высокое начальство, которое благословило его на немедленное использование Круминьша.

На их последней встрече Надменный был весел, если не сказать — счастлив. Войдя, он широко улыбнулся Круминьшу и даже подмигнул:

— Все в порядке, мой мальчик! Мне вняли, и от слов мы перейдем к делу. С завтрашнего дня вы помещаетесь в лагерь для интернированных лиц под Берлином. Запомните — вы переведены туда с Запада, куда попали с вашими сыроварен, которые приводят в восторг Вальтера. Оттуда — к русским. У русских вам придется «заболеть», чтобы дождаться человека, с которым я вас недавно знакомил. Вы прихватите его с собой в Латвию. Там назо-

вете его своим фронтовым другом. Он даст вам необходимые инструкции. Либо тот, кто придет с приветом от него. Все ясно?

— Ясно,— кивнул Круминьш.

Он уже думал, что больше не увидится с Вальтером, но брат по вере сумел навестить его перед самой отправкой в советскую зону.

— Давайте внесем некоторые изменения в ваше задание,— сказал Вальтер.— Вы не станете дожидаться Красномордого. Вы при первой же возможности отправитесь на родину. Мы найдем вас вскоре. Пришлем вам деньги и кое-какие пособия. Очень жаль, что вам придется осваивать методы работы самому, но думаю, мы найдем способ помочь вам и в этом. У вас есть вопросы ко мне?

Круминьш покачал головой отрицательно. Он и сам не хотел, чтобы такие вопросы были. Пусть все будет во имя бога, говорил он себе.

Но Вальтер не удовлетворился этим.

— Вы напрасно неискренни со мной сейчас,— сказал он.— Либо вы недостаточно задумываетесь над происходящим. Так или иначе, вопросы могут появиться позже, и тогда на них будет труднее ответить. Вы, несомненно, усмотрели некоторое расхождение между мной и моим знакомым. Оно объясняется просто. В единый поход против коммунизма сейчас объединяются все противники его. Это самые разные силы, они еще не выработали четкой общей программы, и отсюда мелкие разногласия. Сразу скажу вам, что основную роль в борьбе с коммунизмом будем играть мы. Мы сильнее других, но мы демократы и не хотим грубо навязывать свою волю — единение придет постепенно, само собой. Вот ответ на один из ваших вопросов. Но есть еще другой важный вопрос, который вы не задаете из тактичности. Для вас мы — айсберг. Чуть-чуть торчит на поверхности — это я. Основное скрыто под водой — что же там? Там — промысел божий, мог бы ответить я. Но ведь в этот промысел вкраплены и мы. Так кто же все-таки мы? Не так ли? Я отвечу вам и на это. Мы — мировая организация. Она рождена в одной стране для того, чтобы распространиться по всему миру. И это распространение уже происходит. Мы проникнем всюду. Нас ничто не может остановить. Во всех странах мы сеем зерна. И вы — одно из зерен, которые мы бросаем на эту почву. Вы — глас божий. Придет время, и вы объясните народу, что России надо было проиграть эту

войну для своего спасения, придет время, вы станете учить людей неповиновению коммунистической диктатуре. Но это — когда ваше зерно прорастет. Пока что найдите клочок земли и заройтесь в него, а мы удобрим этот клочок, мы хорошо его удобрим. Очень жаль, что у нас нет времени, и я не могу ответить на остальные ваши вопросы. Но у нас будет крепкая связь. И она никогда не порвется, если вы будете осторожны. Да поможет нам бог!

Через несколько дней Круминьш под псевдонимом Католик в числе других репатриантов был доставлен в советскую зону, где мы ждали его с нетерпением.

* * *

Исповедь Круминьша дала ответы на многие вопросы, но ряд узловых моментов требовал выяснения.

На первый взгляд от Круминьша тянулись три нити, две наверх — к Надменному и Вальтеру, и одна вбок — к Красномордому. Можно было предположить, что Вальтер — американец, а Надменный — бывший офицер немецких специальных служб. Такой альянс вчерашних врагов уже не казался нам невероятным, и показания Круминьша становились еще одним подтверждением истинных планов заокеанской политики.

Новоизбранные союзники требовали первоочередной расшифровки. При выяснении личности Надменного было выдвинуто три версии: Розен, Клюгге либо кто-то другой, неизвестный нам. Третья версия, естественно, значительно усложняла дело.

К тому же мы не имели стопроцентной уверенности в полной правдивости Круминьша, так что расшифровка трех неизвестных одновременно могла дать доказательства его искренности или коварства.

Две детали в расшифровке Надменного говорили в пользу Клюгге: пребывание его в качестве арестованного на загородной вилле и предложение сыграть в бильярд. Но если Надменным был Клюгге, тогда неясным становилось, когда видел Круминьша Розен, — Круминьш ничего не сказал о встречах с кем-либо, кроме Вальтера, Надменного и Красномордого.

Не имея достаточной уверенности в правдивости Круминьша, я не спешил предъявить ему фотографии Клюгге и Розена для опознания.

Я спросил его:

— Вы твердо уверены, что не имели контакта ни с кем больше? Подумайте, постарайтесь вспомнить.

Круминыш задумался.

Предположение, что Розен рассматривал его в замочную скважину было абсурдом, и нить логики в этом месте рвалась, надо было обязательно связать ее концы.

— Больше ни с кем,— сказал Круминыш.

В стройной версии, по которой Надменный-Клюгге занимался организацией агентурной сети и складом боеприпасов, выпадало звено. Действительно, вполне реально было предположить, что Красномордый после задания, связанного со складом, должен был уйти в наш тыл под прикрытием Круминыша. Вполне реально было предположить, что определенные функции по созданию склада выполнял Розен, и этот Розен хотел знать агентов в лицо — и Красномордого, и того, кто будет ему прикрытием в дальнейшем. Но тогда Надменный-Клюгге должен был показать ему Круминыша, а Круминыш отрицал это.

Так бывает в работе: все, буквально все говорит за одно, а что-то незначительное противоречит этому. И казалось бы, уже даже ребенку ясно, гдестина, а мы продолжаем сомневаться. Дело в том, что слишком велика цена ошибки.

Виктор уже стал называть Надменного Клюгге, но я воспротивился этому.

Версия: Надменный — Розен отпала после кропотливого сличения дат в показаниях Круминыша и донесениях Карла. Во время, по крайней мере, одной из встреч Надменного и Круминыша Розен не мог быть в Берлине.

Только тогда я решил предъявить Круминышу альбом с фотографиями. На первый раз в альбоме было около двух десятков фотопортретов, и среди них — Розен. Но Генриха Клюгге не было.

Круминыш внимательно вглядывался в лица и неожиданно ткнул пальцем в Розена:

— Этого человека я видел.

— Где? — спросил я.

— В берлинском ресторане. Он сидел за соседним столиком. У меня прекрасная зрительная память.— Круминыш смотрел мне в глаза, в последнее время он всячески хотел доказать свою искренность и желание помочь нам.

Кажется, появилось недостающее звено версии.

— Он не пытался заговорить с вами?

— Нет,— уверенно ответил Круминьш.— Я только раз встретился с ним взглядом, и больше он не смотрел на меня.

— С кем он был?

— С двумя штатскими, которые говорили между собой по-английски, а с ним по-немецки.

— Вы не слышали, о чем они говорили?

— О чепухе — о женщинах, о погоде. Правда, один из англичан спросил: «Ну как?», и этот человек ответил: «Нормально».

Я добавил в альбом фотографии, среди которых был Клюгге, и снова показал его Круминьшу. Ждал реакции Круминьша с волнением, ведь версия «Надменный — не Клюгге» значительно удаляла нас от цели. Но Круминьш уверенно взял фотопортрет Клюгге:

— Это он, Надменный.

Следуя разработанной Клюгге операции, мы поместили Круминьша в лазарет и стали ждать прибытия Краснородного. Надо, правда, сказать, что Круминьш не оставался без дела в эти дни. С утра до вечера он с Виктором занимался странным на первый взгляд занятием — они разглядывали различные снимки улиц, площадей и зданий Берлина. Дело в том, что здание, возле которого Круминьш встретил Клюгге, было опознано сразу и оказалось американской комендатурой. Но указать адрес дома, куда его привез Клюгге, и адрес дома, где его держали до отправки на задание, Круминьш не мог.

Несмотря на хорошую зрительную память, он не запомнил маршрута первой поездки с Клюгге, поскольку окна «мерседеса» были занавешены, а при нескольких выездах из загородного домика он хотя и пытался сделать это, но — безуспешно. Приставленный к нему шофер петлял, как заяц от погони.

Мы не зря искали адрес Клюгге — как оказалось, он понадобился нам в самом ближайшем будущем.

Столь же резко обрывалась нить, ведущая к Вальтеру. Пройдут годы, и мы будем знать этого человека в лицо, как и многих своих тайных врагов, но тогда наше противоборство лишь начиналось и мы еще не могли предъявить Круминьшу серии фотографий для опознания.

Правда, по показаниям Круминьша был создан портрет Вальтера, однако и сам Круминьш признавал, что он лишь отдаленно напоминает оригинал. Пока что даже

предположение «Вальтер — американец» оставалось бездоказательным.

Решительных действий для расшифровки Вальтера мы не предпринимали, поскольку строго следовали союзническим обязательствам. И в то же время, понимая, что далеко не так ведут себя офицеры Эйзенхауэра и Монтгомери, сознавали бессмысличество официального обращения по этому вопросу.

В будущем Вальтер расшифровался сам.

Кредо, наметки которого он успел высказать Круминьшу, не было заново рожденным, его корни уходили в двадцатые годы, когда заокеанские политики судорожно организовывали силы мировой реакции на борьбу с коммунизмом, с молодой Советской властью. Вторая мировая война, объединившая народы, разгромившие фашизм, оказалась для этих политиков досадной паузой. И едва смолк салют Победы, они уже вернулись к прежним догмам и целям.

Начиная «холодную войну», Трумэн заявил американцам: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром».

Дело даже не в том, что, говоря о победе, Трумэн забыл упомянуть Советскую Армию, даже не в том, что его одолевали претензии на руководство всем миром. Дело в том, как он представлял себе это руководство. Мир — без коммунизма, и не иначе!

Война за души людей, психологическая война, разрабатывалась, как оказалось, рука об руку с «холодной».

Запестрели шпионами дипломатические корпуса и представительства, туристские группы, стали приподнимать голову ушедшие от народного гнева предатели и скрытые враги Советской власти, росли как грибы заграничные организации по «спасению России от коммунизма».

Одно из направлений психологических диверсий Запада имело своей целью советскую творческую интеллигенцию, в особенности писательскую. В программе специальных служб был даже пункт, который требовал поощрения написания политически значимых (читай — антисоветских) книг прямым или косвенным субсидированием автора. Время от времени Вальтеру и его коллегам удавалось поймать рыбку в мутной воде, однако новообращен-

ный писатель, готовый за сребреники издаваться на Западе под плохонькой обложкой, где текст изобиловал его собственными и привнесенными грамматическими ошибками, как правило, оказывался или просто бездарен, или бездарен с примесью психической неуравновешенности.

Капитал всегда требует доходов, в том числе и капитал, который расходуется на психологическую войну. Вальтер понимал, что отысканные на задворках советской литературы горе-писатели перестают считаться доходом, а это значит, что долларовый ручеек к нему может иссякнуть — его повернут к более удачливому «борцу за свободу». Вальтер судорожно искал кандидатуру на роль взращенного им писателя-диссидентта, и, когда на мутном горизонте замаячила необходимая ему фигура, он счел, что час пробил.

Испросив необходимую командировку и пристроившись в дипломатическую миссию для прикрытия, Вальтер отбыл в Советский Союз для организации заметной фигуры на поприще внутренней борьбы с «оковами коммунизма».

Писатель оказался не бог весть какой, но все же не полностью бездарный, не состоящий на учете в психиатрическом диспансере, в меру пьющий, а главное — покладистый, говорчивый, приходящий в восторг от американских сигарет, от джинсов и курток. Не входя в личный контакт, Вальтер некоторое время держал писателя на нижнем слое диссидентства, то есть не позволяя ему входить в конфликт с Советской властью, более того — призывал как можно шире публиковаться в советской печати, но в то же время тайно заниматься созданием антисоветского пасквиля.

Пасквиль был создан и широко напечатан на Западе, писатель оказался в верхнем диссидентском слое — стал известен как открытый враг Советской власти. Первая часть операции была завершена.

Но Вальтер не торопился покидать Советский Союз. Теперь надо было дождаться «преследований» писателя и рассказать о них в пространном интервью западным единомышленникам, и прежде всего — непосредственным шефам Вальтера.

С «преследованиями» вышла заминка, они не пошли дальше исключения автора пасквиля из Союза советских писателей. Он по-прежнему разгуливал по улицам, ходил в гости к значительно уменьшившемуся числу знакомых и даже не привлекался за тунеядство.

Вальтер решил, что отсутствие реальных преследований можно заменить мнимыми. Эта операция была достаточно тонкой, чтобы доверить ее кому-то, и после колебаний Вальтер отправился к своему детищу сам.

О деталях маскарада мы узнали впоследствии со слов того же Вальтера, поскольку не считали нужным собирать информацию о визитах к вчерашнему писателю.

Дело представлялось Вальтеру опасным, и он вспомнил молодость, когда ему приходилось работать рядовым агентом и прибегать к методам вульгарной конспирации.

Запасшийся двумя бутылками спиртного, которые он спрятал под пояс брюк, считая, что они могут быть подозрительными, Вальтер долго петлял по московским переулкам и наконец подошел к подъезду писателя. Возле подъезда он увидел милиционера, и это было для него холодным душем.

Ретировавшись, Вальтер сделал несколько кругов и вновь решился выйти к дому. На сей раз милиционера не оказалось, и он уговорил себя, что встреча с представителем закона была просто случайной.

В подъезде, прислушиваясь к шумам, замирая при чьих-то шагах и пережидая их, Вальтер поднялся на второй этаж и позвонил. Ему открыл человек с всклокоченной бородой, которого он увидел впервые, но знал, что это и есть писатель.

— Здравствуйте. Я от Джима.— Вальтер произнес ту же фразу, с которой к писателю входили его курьеры.

Писатель не на шутку перепугался, поскольку привык к другим посланцам «от Джима», и сначала не хотелпускать Вальтера — придерживал дверь. Несколько секунд они боролись — Вальтер давил на дверь, а писатель не пускал, но, очевидно, автор пасквиля отъелся на сребреники, и Вальтер понял, что его не одолеть.

— Я от Джима! — взмолился Вальтер. — Да пустите же! Меня могут увидеть здесь! Вам же хуже будет.

Последние слова подействовали, бородатый хозяин отошел от двери, и Вальтер оказался в коридоре, а потом в большой, захламленной комнате, по состоянию которой было видно, что уже некоторое время ее обитатель живет один — Вальтер знал, что жена писателя оказалась в числе большинства, от него отвернувшегося.

Вытащив и поставив на стол бутылки, Вальтер сказал:

— Это хорошо, что вы осторожны и боитесь провокации. Нас никто не может услышать здесь?

Но писатель еще не пришел в себя, молчал, смотрел на гостя с подозрением.

— Давайте знакомиться, — продолжал Вальтер. — Я — крестный отец вашего несомненного успеха на поприще мировой литературы. Могу засвидетельствовать, что ваш талант безоговорочно признан всеми просвещенными читателями.

— Угу, — отвечал писатель, подозрительность которого подтаяла, но не исчезла.

— Я пришел к вам как друг, — говорил Вальтер. — Я знаю, что вы в создавшемся положении нуждаетесь в нашей поддержке. А мы не оставляем без помощи всех ищущих свободу. Расскажите мне о ваших затруднениях, и я найду способ преодолеть их.

Писатель, казалось, урагумел, что ему не надо бояться гостя, сел верхом на стул, положил руку и подбородок на спинку, сказал хмуро:

— Я вот тут посчитал... Свои прошлые гонорары... то, что получал от вас... Прикинул также, сколько мне примерно еще жить осталось... И пришел к выводу, что надо идти с покаянным письмом в Союз писателей.

— Позвольте? — изумился Вальтер. — А ваши принципы? Ваша борьба за свободу? Ваш талант, наконец?

— Бросьте, — сказал писатель. — Мы не мальчики. Какая к черту борьба за свободу?

Вальтер лихорадочно оценивал ситуацию. Сказал торопливо:

— Если речь идет о вашем материальном состоянии, мы можем обсудить и этот вопрос.

— Бросьте, — повторил писатель. — Пока что я могу оправдываться получениями по старым договорам, но в конце концов меня могут спросить — на что живу?

— Вы боитесь преследований за тунеядство? — спросил Вальтер.

— Я боюсь, что рано или поздно вы перестанете ссужать меня и мне придется идти грузчиком в гастроном.

— У вас, наверное, депрессия, — Вальтер старался шутить. — Мы уже неоднократно доказывали, что наши контакты с друзьями не ограничены временем. Мы можем организовать вам постоянное пособие... Вполне приличную сумму.

— Сколько? — спросил писатель. — И учтите — единовременно. На зарплату к вам я не пойду. Хотя от подарков не буду отказываться и в будущем.

— Выплатив вам единовременно крупную сумму,—
сказал Вальтер,— мы нарушим советские законы. Это бу-
дет валютная операция.

— Найдите способ,— сказал писатель.— Пусть кто-то
оставит мне наследство.

— Ну что ж,— подумав, согласился Вальтер.— Это
можно организовать. Скажем, какой-нибудь сердобольный
миллионер, узнав о ваших мытарствах, перед смертью
завещает вам часть своего капитала.

— Часть капитала,— возразил писатель,— пройдя че-
рез финансовые органы, превратится...

— Мы произведем необходимые подсчеты,— перебил
Вальтер.— Но учтите, ваши мытарства должны быть впе-
чатляющими. Давайте подумаем, что мы предъявим мил-
лионеру, чтобы разжалобить его. Вы должны подвер-
гаться убедительным гонениям.

— Но они не должны оказаться клеветой на Совет-
скую власть.— Писатель торговался умело.— Иначе я не
смогу ими воспользоваться. Один раз сошло с рук, второй
раз не сойдет.

— Какому же миллионеру нужен молчаний писа-
тель? — Вальтер тоже вступил в откровенный торг.— Ес-
ли вы требуете аванса, вы должны дать гарантии... Мы,
так сказать, заключаем с вами договор под ваши будущие
произведения.

— Хороша помошь! — усмехнулся писатель.— Хоро-
шо бескорыстие! Боюсь, что мы не договоримся.

Вальтер, у которого уже сложилось окончательное мне-
ние о натуре своего собеседника, неожиданно поднялся:

— Ну что ж! Нам остается расстаться. — И пошел к
двери.

— Эй, вы! — крикнул писатель.— Куда вы? Так дела
не делаются.

Вальтер остановился, мягко улыбнулся:

— Мы, несомненно, договоримся с вами. Мы, несом-
ненно, останемся друзьями.

Если бы Вальтер оставался на грани дозволенного и не-
дозволенного, может быть, его акция увенчалась бы недол-
гим успехом. Но люди его ошиба, порой сами не отдавая
себе отчета, теряют чувство меры, играют с огнем.

Писатель, сетуя на то, что от него отвернулись многие
вчерашние знакомые, одновременно заверил Вальтера, что
не изменившие ему люди — как раз те, которые Вальтеру
нужны. Залежавшаяся без сбыта в дипломатических под-

валах антисоветская литература могла найти адрес, и Вальтер решил не упускать удобного случая, с чем и был пойман за руку.

Во время следствия он пытался отговориться неосведомленностью, контакты с писателем объяснял личной инициативой, клялся в непричастности к каким-либо специальным органам. Но... был остановлен фактами. В числе этих фактов ему привели и послевоенную деятельность в Западном Берлине. После очной ставки с Круминьшем Вальтер стал давать показания.

* * *

Но тогда, в сорок пятом году, нас больше интересовал Клюгге.

Путешествия Виктора и Круминьша по берлинским фотографиям результата не давали. Красномордый не появлялся, и мы, задержав Круминьша, если и приблизились к тайному складу боеприпасов, последнего шага все же никак не могли сделать.

Параллельно разрабатывалось дело о мыле, и пока ничего не говорило о том, что две эти истории срастутся.

Все решила встреча Вознесенского с Мартином. Из показаний Круминьша можно было сделать вывод, что Мартин и Красномордый — одно лицо.

Получить фотографию Мартина было нетрудно, и наша догадка подтвердилась.

То, что Красномордый знает адрес Клюгге, было лишь одним из наших предположений. Но и оно, и другие версии заставили решать вопрос: что делать с Мартином? Мы не знали, насколько разговорчивым он окажется после ареста, и стали искать иные способы вызвать его на откровенность.

Так родилась идея инсценировать продажу тола. По ней мы рассчитывали также получить в свои руки Розена, но гауптман оказался осторожен и послал вместо себя Карла. Это обстоятельство было непредвиденным и заставило на ходу изменять план.

Однако и в измененном плане оставались два «но». Мы не могли быть уверены в искренности Мартина, назвавшего отель, в котором обитал Клюгге, а кроме того — осведомленность Мартина могла оказаться устаревшей либо просто ошибочной.

На допросах Мартин пока что молчал, а у нас не было

времени дожидаться его разговорчивости. Обеспечение мирной обстановки в районе требовало немедленных действий.

Нужно было идти на риск. Мы тщательно обсудили детали и разработали варианты.

Так началась еще одна операция нашего немецкого друга, Карла Фрейнда.

* * *

Генрих Клюгге, он же Антиквар, он же... Впрочем, не будем перечислять многочисленные имена и клички сорокапятилетнего ветерана специальных гитлеровских служб. Генрих Клюгге спокойно спал в номере берлинского отеля.

Происходящее в мире не касалось Генриха Клюгге. Что бы ни случалось на планете, он не терял, а приобретал. Он твердо знал — у империализма всегда будет спрос на шпионаж и диверсии, а значит, его звезда не закатится. Он считал — если бы все гестапо провалилось в тартарары, ему удалось бы стать исключением. Потому что он — профессионал самой высокой пробы. Такие не проигрывают, был уверен Клюгге, а если проигрывают их хозяева, то всегда можно найти новых, которые станут платить не хуже.

Ему не о чем было беспокоиться — он еще нигде не оставил улик. Конечно, он понимает, почему его не перевезли через океан сразу, — сейчас то время, когда можно показать себя на деле. Ну что ж, он с честью выдержит этот своеобразный испытательный срок.

Организованный им диверсионный отряд оснащен мощным складом, количество ВВ на котором растет с каждым днем, и скоро, очень скоро начавшиеся у союзников противоречия отзовутся эхом взрывов и мир поймет, что фашизм по-прежнему существует.

А он, Генрих Клюгге, как всегда, останется в стороне.

Наверное, ему снились сладкие сны, потому что он очень неохотно проснулся от стука в дверь.

— В чем дело? — спросил он недовольным, но твердым голосом.

— Срочная телеграмма, — ответили ему через дверь, и что-то запшевелилось в его памяти. Он понял — что, когда открыл дверь.

На пороге стоял его минский сотрудник Карл Фрейнд.

— Вам кого? — спросил Клюгге.

— Вас.

— Кого — меня?

— Вас, шеф.

— Войдите, — жестко сказал Клюгге. — Я любопытен, и ночной визит незнакомца мне интересен.

— Я спрятал в лесу, — начал Карл, — семь машин с толом. Дорога в лагерь отрезана. Лагерь эвакуировался в неизвестном мне направлении. Адреса склада я не знаю.

— Кто это надоумил вас сообщать столь дикие сведения мирному обитателю отеля?

— Гауптман Розен.

— Откуда неизвестный мне гауптман знает мой адрес?

— Его знал Мартин.

— Что это за господа и где они сейчас?

— В лесу, возле машин.

— Почему они решили послать вас, а не явились сами, если утверждают, что знакомы со мной?

— Но это же самое утверждают и я, — сказал Карл.

— Вот как? — «удивился» Клюгге. — Очевидно, вам свойственно делать ошибки, и вы не думаете о том, что одна из них может оказаться последней. Это я — в качестве общих рассуждений. Ну так а что, собственно, вам нужно от меня?

— Приказов. Что делать с грузом?

— Хм! — Клюгге «недоумевал». — Вообще-то могу дать совет. Кажется, вы вляпались с ним. Бросьте его.

— Его обнаружат русские. Этого будет достаточно, чтобы они забили тревогу. Даже если они сбоятся с нашего следа...

— Черт возьми! — перебил Клюгге. — Вы требуете от меня решать задачи, с которыми я сталкиваюсь впервые. Я любитель головоломок, но тут... Впрочем, давайте попробуем. Итак, вам надо получше спрятать товар. Вы не знаете — куда. А разве этот ваш Розен тоже не знает?

— Гауптман Розен тяжело ранен. Я оставил его в бессознательном состоянии. Он находится в нем уже третий час. Мне показалось, что он умрет, не приходя в себя.

— Не обошлись без выстрелов? — Клюгге продолжал комедию, но глаза его сузились, смотрели пристально. — Значит, Розен не в себе и, наверное, именно поэтому дал вам адрес берлинского отеля?

— Он упоминал вас в бреду, — ответил Карл. — Мы с

Мартином признались друг другу, что эта фамилия нам знакома, и решили, что я направлюсь к вам.

— А кто же ранил вашего Розена?

— Розен стрелял в себя сам.

(Надо сказать, что эта фраза Карла оказалась пророческой — Розен действительно застрелился в окруженнем пами лагере).

— Интересно! — сказал Клюгге. — С какой стати?

— Мы разоблачили его махинацию с оплатой товара.

— Сколько же он хотел присвоить? — спросил Клюгге.

— Что-то около миллиона.

— Ваш Розен — дурак, — зло сказал Клюгге. — Уверен, что его хозяева знали об этом миллионе и ничего не имели против.

— Как бы там ни было... — начал Карл.

Клюгге перебил его:

— Давайте ломать голову дальше, раз уж пока что у нас все сходится. Почему ваша кандидатура оказалась предпочтительней, чем кандидатура Мартина?

— Мартин всячески хотел избежать встречи с вами.

— Так. — Похоже было, что Клюгге согласен с такой характеристикой Мартина. — Как же вы добрались в Берлин?

— На машине спекулянта. У него пропуск и куча других бумаг.

— Спекулянты всегда были молодцами, — сказал Клюгге. — Похоже, я уже удовлетворил свое любопытство и просто не знаю, о чем нам разговаривать дальше.

— Шеф, дорогая каждая минута.

— Я бы рискнул войти с вами в компанию. Но в моих правилах никогда и ничем не рисковать. — Клюгге улыбался.

— Боюсь, что Мартин не захочет кончать жизнь самоубийством, если дело дойдет до его ареста, — сказал Карл. — Боюсь, что этот краснорожий будет слишком разговорчив на допросах.

— Очевидно, у вас есть основания бояться этого. Если бы вы жили, как я, то были бы спокойны днем и ночью. — Клюгге продолжал улыбаться.

— Вы толкаете меня в пропасть, шеф. Отныне я оставляю за собой право быть единственным командиром себе.

— Вам удастся доказать, что мы с вами знакомы? —

Клюгге чуть-чуть насторожился.— Если, конечно, у вас появится такая охота.

— Вы неправильно меня поняли, шеф,— сказал Карл.— Я имел в виду товар. Пожалуй, я взорву его там, в лесу.

— Это будет самой большой вашей глупостью.— Клюгге встал.— Или у вас страсть к фейерверкам?

— Не вижу иного выхода.

— Где товар? — совершенно другим тоном спросил Клюгге.

— Под Кипейником.

— Я назову вам сейчас адрес, и вы отвезете туда товар...

...Двадцать тонн взрывчатых веществ и большое количество разного оружия охраняли в горах сорок эсэсовцев. С паролем, полученным от Клюгге, удалось обойтись без выстрелов.

К сожалению, иначе обстояло дело при ликвидации лагеря заговорщиков.

Спустя месяц после войны нам пришлось отправить на Родину несколько похоронок. Чекисты всегда в бою.

На допросах Мартин разговорился не сразу, но в конце концов дал показания об обширных планах диверсантов.

Клюгге исчез из Берлина наутро после разговора с Карлом. Исчез, чтобы наверняка когда-нибудь появиться в нашем поле зрения.

* * *

Новая Германия жила. Появились первые органы самоуправления, которым наша военная администрация передала власть.

Я не был свидетелем этого. Мой дальний билет позвал меня дальше по трудной, прекрасной и ответственной дороге жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Глава первая. У стен Москвы	
1. Знакомство с Карлом Фрейндом	5
2. Парад на Красной площади	10
3. Задание особой важности	11
Глава вторая. Поиски истины	
1. Откровенный разговор	16
2. «Вы стали храбрее»	37
Глава третья. Мы — партизаны	
1. С верой в людей	50
2. И сосны слышали окрест...	52
Глава четвертая. Схватка с архивом	
1. Ожидание	71
2. Операция «Гауптман»	84
3. Операция «Гауптман» продолжается	108
4. Эсэсовец изумлен	116
5. Операция «Гауптман» закончена, но...	127
6. Бой тайные и явные	137
Глава пятая. Новое задание	
1. Война не щадит никого	175
2. «Коллеги»	177
3. Подробности биографии	181
4. Пистолет — вещь ненадежная	185
5. Негодные средства	193
6. Домой!	205
Глава шестая. Агония зверя	
1. По другую сторону фронта	206
2. Там, где не слышно взрывов	212
3. Выстрелы после тишины	258
4. Новое лицо врага	273

Прудников М. С.

**1185 Дальний билет: Повесть. — М.: Воениздат,
1983. — 815 с.**

В пер.: 1 р. 40 к.

О трудной и почетной службе чекистов в годы Великой Отечественной войны рассказывает автор в своей повести. Герои ее — разные по характеру и привычкам люди, но их объединяет одно общее чувство беззаветной любви к Родине, высокой ответственности за выполнение воинского и гражданского долга.

П 4702010200-052
068(02)-83

БЗВ № 1—9—82

ББК 84Р7

P2

Михаил Сидорович Прудников
ДАЛЬНИЙ БИЛЕТ

Редактор *К. А. Князев*
Художник *Б. И. Полянский*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *О. В. Журкина*
Корректор *Н. Ф. Голикова*

ИБ № 1811

Сдано в набор 05.08.81. Подписано в печать 09.09.82.
Г-52808. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 16,8.
Уч.-изд. л. 17,68. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/7020. Зак. 745. Цена 1 р. 40 к.

Всениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Всениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

**В 1983 ГОДУ В ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫЙДУТ
ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ
(ОДНОТОМНИКИ И МНОГОТОМНИКИ)**

Ананьев А. А. Версты любви. Роман.
Березко Г. С. Избранные произведения в трех томах.
Колесников М. С. Избранные произведения в трех томах.
Михайлов О. Н. Генерал Ермолов. Роман.
Никулин Л. В. Мертвая зыбь. Роман.
Пармузин Б. С. До особого распоряжения. Роман.
Понизовский В. М. Китайский иероглиф. Роман.
Попов В. М. Взрыв. Роман.
Семанов С. Н. Генерал Брусилов. Роман—хроника.
Шуртаков С. И. Вершина Столетова. Повести и рассказы.

Книги Военного издательства можно приобрести в магазинах и киосках «Военная книга», а также по почте наложенным платежом в домашний адрес, направив заказ ближайшему отделу «Военная книга — почтой» по одному из перечисленных адресов:

- 480091, Алма-Ата, ул. Кирова, 124.
- 690000, Владивосток, ул. Ленинская, 18.
- 252133, Киев, 133, бульвар Леси Украинки, 22.
- 443099, Куйбышев, ул. Куйбышевская, 91.
- 191186, Ленинград, Д-186, Невский проспект, '20.
- 290007, Львов, проспект Ленина, 35.
- 220029, Минск, ул. Куйбышева, 10.
- 113114, Москва, М-114, Даниловская набережная, 4/а.
- 630076, Новосибирск, ул. Гоголя, 4.
- 270009, Одесса, ул. Переяславской дивизии, 16/6.
- 226011, Рига, ул. Крышьяна Барона, 11.
- 344018, Ростов-на-Дону, Буденновский проспект, 76.
- 620062, Свердловск, ул. Ленина, 101.
- 700077, Ташкент, 77, Луначарское шоссе, 61.
- 380007, Тбилиси, пл. Ленина, 4.
- 720001, Фрунзе, 1, ул. Киевская, 114.
- 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 42.
- 672000, Чита, ул. Ленина, 111/а.

Книги Военного издательства можно заказать предварительно, до выхода их из печати, в местном магазине «Военная книга» и по почте.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит присыпать отзывы об этой книге по адресу: 103160, Москва, К-160.

Цена 1 руб. 40 коп.

